

СОЗВЕЗДЬЕ
ПСА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

СОЗВЕЗДЬЕ
ПСА

ЭКСМО

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

ДЕЙСТВО, К КОТОРОМУ МЫ ИМЕЕМ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ,
ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЕТ ТЕАТРАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ. ЗА ДЕКОРАЦИИ МОЖНО
НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ: АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ
ХОРОШО РАЗБИРАЕТСЯ В МАТЕРИАЛЕ. ОДНАКО В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ
СВОИХ КОЛЛЕГ-УЧЕНЫХ ВАЛЕНТИНОВ ПИШЕТ НЕ ТОЛЬКО ДОСТОВЕРНО,
НО И ИНТЕРЕСНО. ЭТО ТОТ РЕДКИЙ СЛУЧАЙ,
КОГДА ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КНИГЕ МОЖНО ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ – КОНЕЧНО,
ЕСЛИ СДЕЛАТЬ ПОПРАВКУ НА ЭЛЕМЕНТ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ДОПУЩЕНИЯ.
...ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ – ИМЕННО ОНА СКВОЗНОЙ ТЕМОЙ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ
ВСЕ СТРАНИЦЫ ЕГО РОМАНОВ, ИНОГДА ЭТА ТЕМА ЗВУЧИТ
БОДРО И ЖИЗНЕРАДОСТНО, ИНОГДА – ГРУСТНО. НО – ЗВУЧИТ.

Владимир Пузий

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

ДЕЗЕРТИР

ДИОМЕД. СЫН ТИДЕЯ. Книга 1. Я НЕ ВЕРНУСЬ

ДИОМЕД. СЫН ТИДЕЯ. Книга 2. ВЕРНУСЬ НЕ Я

НЕБЕСА ЛЯГУНУТ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ (в 2-х тт., в соавторстве с Г.Л. Олди)

ОВЕРСКИЙ ИЛИРИИ

ОПЯ

ОНО СИЛЫ. ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ. 1920–1921 ГОДЫ

ОНО СИЛЫ. ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ. 1937–1938 ГОДЫ

ОНО СИЛЫ. ТРЕТЬЯ ТРИЛОГИЯ. 1991–1992 ГОДЫ

ОРИЯ. Книга 1. НАРУШИТЕЛИ РАВНОВЕСИЯ

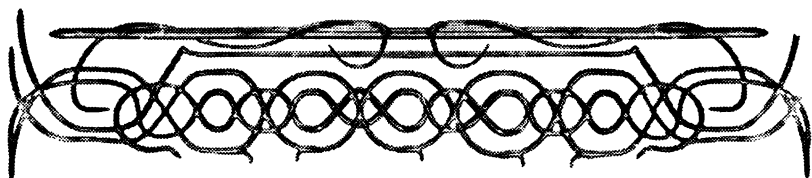
ОРИЯ. Книга 2. ПЕЧАТЬ НА СЕРДЦЕ ТВОЕМ

РУБЕЖИ (в 2-х тт., в соавторстве с Г.Л. Олди, М. и С. Дяченко)

СЕРЫЙ НОРЩУН

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

ФЛЕГЕТОН

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ
СОЗВЕЗДЬЕ ЯСА

ЭКСМО-ПРЕСС

2002

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Серийное оформление
художника *Anry* и *Николая Симкина*

В оформлении переплета использован
рисунок художника *А. Дубовика*

В 15 **Валентинов А.** Созвездье Пса: Избранные произведения. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 480 с., илл. (Серия «Нить времен»).

ISBN 5-04-008824-8

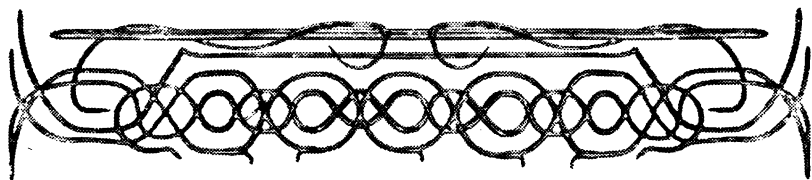
Под бешеным крымским солнцем археологи раскапывают древний Херсонес. Но все ли подвластно науке? Не существует ли некая грань, за которой — непознанное, непознаваемое? Можно ли столкнуться с Фантастикой не в виртуальном, вымышленном мире, а в нашей реальности?

Роман Андрея Валентинова написан с использованием подлинных результатов научных исследований автора и его коллег. Тайна Подземного Храма в Херсонесе до сих пор не раскрыта до конца...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Валентинов А., 2001
© Иллюстрации в тексте.
А. Семякин, 2001
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2002

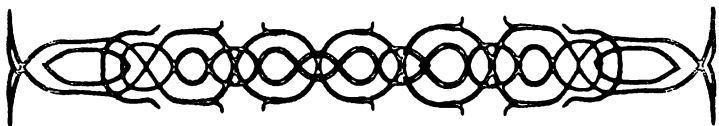
ISBN 5-04-008824-8

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

Роман

*Моим друзьям по херсонесской экспедиции
посвящается*

В те дни, когда на нас созвездье Пса
Глядит враждебно с высоты зенита,
И свод небес как тяжесть оперся

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжет без лучей, и бегают стада
С мычанием, ища от мух защиты,

В те дни любил с друзьями я всегда
Собора тень и вечную прохладу,
Где в самый зной дышалось без труда...

И сам себя еще я вопрошал:
К чему мог быть тот памятник воздвигнут?
Как вдруг от страшной мысли задрожал,
Внезапным озарением постигнут...

А. К. Толстой

*15.05.01.
г. Харьков*

Дорогой Андриус!

Дожди не только в Вильнюсе, в твоей маленькой зеленой Литве, Харьков тоже заливает, и за моим окном — дождь, дождь, дождь...

У меня к тебе несколько неожиданный вопрос — и столь же неожиданная просьба. Но по порядку.

Книги растут как грибы, порой совершенно не по воле автора. Мой замысел о Спартаке зреет себе помаленьку чуть ли не восьмой уже год, а сейчас у меня совершенно не в очередь наметился роман, о чем бы ты думал? О нашей Крипте.

Объяснять именно тебе, почему стоит написать об исследованиях Крипты, не имеет смысла — ты прекрасно знаешь, какой кусок жизни, и немалый, наша компания посвятила этой полуобвалившейся вырубке

голще херсонесской скалы. Скорее удивятся мои читатели, привыкшие, что Андрей Валентинов тешит их криптоисторическими байками о французских аристократах и кастильских пикаро. До поры до времени мне самому это нравилось, но теперь я понял — пора менять фронт. Дело не только в очевидной опасности самоповторения, что чрезвычайно раздражает как в чужих книгах, так и в своих в особенности. Меня начали хвалить те, чьи похвалы порой хуже брани. Хорошо бы вновь расшевелить наших снобов, ибо их ругань действует на меня чрезвычайно ободряюще. Посему новая книга не будет иметь ничего общего с криптоисторией, в классики которой меня уже записали. Да здравствует старая добрая научная фантастика! Хорошо бы изваять нечто про профессора Петрова, который изобрел некий полезный для страны агрегат, а в это время шпион Густопсиди уже ползет по полу лаборатории, дабы оный агрегат утащить в Пентагон... В детстве такие книги мне чрезвычайно нравились.

Проблема в том, что я, будучи гуманитарием, понятия не имею, какой именно агрегат изобретет профессор Петров. Поэтому решил поступить проще — рассказать о событиях абсолютно реальных, однако вполне подходящих под определение «научная фантастика». Ты сам, принимавший в них активнейшее участие, думаю, согласишься, что исследования Подземного храма на Главной улице Херсонеса Таврического привели нас в некую промежуточную зону между наукой и чем-то непознанным, пока непознаваемым. Так что вместо криптоистории займемся «криптологией».

Поскольку это роман, а не научный отчет, о всех наших исследованиях рассказывать не стану, изложу лишь самое начало — события лета 1990 года, от которых у меня сохранились подробнейшие записи, включая личный и служебный дневники. Именно поэтому среди персонажей не будет тебя, примкнувшего к нам через год. Очень жаль, конечно, хотелось бы расска-

зять о том, что довелось увидеть нам с тобой. Только вот с воображением у многих читателей туго. В баронов-драконов они вполне готовы поверить, а вот в случай с флейтой... Помнишь?

Как ты сразу заметишь, все факты, события и реалии совершенно подлинные, включая полное отсутствие сигарет в славном городе Севастополе, трехлитровые банки с напитком, ласково прозванным нами «желтым чудовищем», — и то, что слово «зачистка» означало тогда всего лишь подготовку раскопа к фотографированию.

С того, увы, далекого года многое изменилось — и не только в связи с насыщением рынка куревом всех сортов. Проблема Крипты сейчас уже проникла на страницы серьезных монографий, наши коллеги, и прежде всего ты сам, сделали очень много для продолжения исследований. А посему вопрос:

не против ли ты, дабы я использовал наши совместные штудии, включая некоторые фрагменты из твоих работ, касающихся Крипты?

Если не против, тогда просьба:

не мог бы ты, подумав и перелистав свои заметки, написать о том, как сейчас выглядят результаты этих исследований? Имеется в виду пласт исторический (назначение, аналогии, архитектура объекта) и более общий (например, был ли дохристианский период существования Крипты?). В общем все, что сочтешь нужным и что в голову придет.

Писать я решил просто, без излишних отступлений, лирических сцен и выдуманных апогеев-кульминаций. Жизнь — лучший режиссер, особенно в Херсонесе. Не имеет смысла также «сгущать» события, заставляя персонажей за четыре короткие недели проводить исследования, потребовавшие на самом деле нескольких полновесных сезонов. Только в кино да в книжках, написанных теми, кто не нюхал, чем пахнет раскоп, герои-археологи и день и ночь посвящают себя Науке. А что такое реальная экспедиция, нам с

любой более чем известно. За основу я взял расшифровку своего личного дневника, сделанную тогда же, по свежим следам, добавив некоторые имеющиеся у меня и у Бориса документы, а также мои наброски, сделанные в тот год, славным летом 1990-го.

Пусть этот роман станет для всех старых херсонеситов ярким окошком в наш ушедший навсегда мир, теперь уже не менее легендарный, чем Митридатовы войны и Крещение Руси.

А в Херсонес мы все равно вернемся, иначе наша жизнь окончательно станет пресной и серой — такой, от которой мы каждое лето уезжали к пыльным руинам давно погибшего Города на Полуострове.

Твой Андрей.

...Когда над головой вспыхивает созвездье Пса, когда прокуренный воздух квартиры становится вязким, когда пыль потревоженного рюкзака заставляет сладко замирать сердце, когда зыбкая граница между Настоящим и Грядущим начинает размываться пред-рассветным туманом, когда просишь соседей поливать кактусы раз в неделю, когда на дно рюкзака тяжело валятся банки тушенки, когда...

Карандаш — самое главное.

Не один, конечно, лучше всего целых три, причем не абы каких, не «Т» и тем паче не «ММ», а всенепременно «ТМ», да пару лезвий, да кусок наждачной бумаги.

Две тетради. Ту, которая Дневник, надо будет еще привести в порядок, поля отчертить, но это успеется, а вот об обложке следует позаботиться сейчас, а не то спрыснет дождичком...

Потому и карандаш — не пишут в экспедиции чернилами. И не рисуют. А поскольку Дневник — документ официальный, заполнять его придется понятным почерком, дабы можно было потом снять копию.

А вот Тетрадь № 2, она же Рабочая, обойдется. Пи-

сать в ней можно будет скорописью, сокращая слова, причем с двух сторон. С обратной стороны — что на душу ляжет, а вот, так сказать, с парадной...

Рабочая тетрадь. С. 3.

Харьковский государственный университет им. А. М. Горького. Херсонесская экспедиция. Июль 1990 г. Портовый район. Казарма. Отряд «Стена».

Основные цели работы...

В общем, где-то так. Теперь обе тетради — в полевую сумку.

Рюкзак собирается легко. Вещи привычно льнут друг к другу, теперь остается встряхнуть, узел потуже — и можно ехать. Место и время встречи, как известно, изменить нельзя, разве что сдвинется вечное, как привокзальная грязь, расписание поездов. В девять вечера на ступеньках Южного Вокзала...

В этом ритуале, ритуале сбора, есть нечто волнующее — из ниоткуда возникают люди, со многими из которых не виделся целый год. Поэтому стараюсь приехать пораньше, хотя с каждым разом среди собирающейся небольшой толпы знакомых лиц все меньше и меньше.

...Без пяти девять. На ступеньках уже кто-то есть — я не первый, хотя почему-то хотелось появиться прежде всех. И кто же тут такая пташка ранняя? Ну конечно, Д. собственной персоной, с чадами и домочадцами — жена, обе дочери. Не ходить же одному на пляж! Раньше Д. никогда не торопился, но в этом году он как-никак заместитель самого Сибиэса. И не просто заместитель — преемник! Этот сезон — стажировка, а уже следующий... В общем, можно и поторопиться.

А рядом с Д. какой-то выводок, не иначе, студентки-практикантки, так сказать, площадка молодняка. Ну, это неинтересно.

Поздороваться. Закурить. Ждать.

...Грязный вокзал, грязная площадь, грязь на каменных ступеньках... Так всегда все начиналось, так всегда заканчивалось — все тем же вокзалом, той же площадью, теми же ступеньками...

Рабочая тетрадь. С. 3.

...1. Дойти до фундамента южной стены Казармы.

2. Попытаться определить время строительства.

Все это под вопросом из-за близости грунтовых вод, до которых не более 0,7 — 1 м.

Возможные решения:

— Применение технических средств для откачки воды.

— Временная заморозка грунта.

Примечание: Ха-ха! (три раза).

3. Попытаться определить полные размеры Казармы, а также наличие входа — с использованием экстрасенсорных методов.

Примечание: Предложение Бориса. Толку мало, но попытаться можно...

Еще три года назад, до распада нашей старой команды, я мог назвать каждого вновь прибывающего. Но время прошло, иных уж нет, те далеке, и остается вновь и вновь констатировать — не знаю, не знаю... Ага, вот и Борис! Впрочем, Борис — образцовый херсонесский офицер, и ожидать от него опоздания просто невозможно. Та-а-ак, на горизонте Ведьма Манон. Тут можно не спешить здороваться — Манон в последнее время ведет себя как-то некрасиво... С ней Стеллерова Корова, еще кто-то из прошлых годов. Вот эти ребята тоже были... Черт возьми, как мало осталось тех, с кем я когда-то здесь встречался!

Рабочая тетрадь. С. 3.

...Экстрасенсорное исследование археологического памятника сугубо сомнительно из-за крайней субъектив-

ности оценок. Категории «тепло» — «холодно» и «светло» — «темно» могут означать все, что угодно. К тому же результаты заведомо невозможно проверить, по крайней мере в ближайшие годы...

Время идет, пора бы и начальству появиться. Ага, вот и Сенатор Шарап с мадам Сенаторшей. И Женька с ними, как всегда, и чемодан тот же — желтый, системы «оккупант». Только еще год назад Сенатор был просто Шарапом, ну а теперь в связи со всей этой демократией-гласностью...

Где же Сибиэс? Неужели уедем без начальника?

Сибиэса все нет, зато вижу О. с братом. Странно, логичнее было бы увидеть ее с супругом. Видать, решила отдохнуть от семейных радостей, а брат вроде конвоя. Что ж, и такое в Херсонесе бывало.

Ага! Вот и Сибиэс. Эх, Сибиэс, интересно, кто из нынешней толпы помнит твою старую кличку? Теперь ты уважаемый, маститый, да еще и много повидавший. Откуда это ты приехал? Ну, конечно, Женева... На завтрак подают ананасы, а в магазинах сто пятьдесят сортов сыра.

Вроде все? Парад закончился, можно закидывать манатки на горбы и маршировать аккуратно на четвертую платформу. Да, все...

...Нет Дидика, но он секретарит у себя в райкоме и забыл о Херсонесе. Нет Шуры-Крокодила, но у него на носу защита. Нет Лерки Ракович, но у нее дочке полгода. Нет Зубковой, Желтого, Одабашьяна, Лузана — где-то они все? Нет Юрки Птеродактиля — впервые за много лет не поехал. Не поехал, и я остался без левой руки на раскопе. Нет Луки, но Лука, к счастью, только чуток припоздает. Конец старой гвардии!

...Мы на фотографиях, на старых снимках в альбоме, на катушках пленки, завернутой в фольгу, в херсонесских легендах, на беззвучных полях Прошлого. Мы — не здесь...

Едем все вместе, прежнее деление на купейных и плацкартных отменено, но не из-за новых демократических веяний, а потому, что южные поезда перестали комплектовать купейными вагонами — дабы больше влезло. В перспективе перейдут на «телятники» — этак влезет еще больше.

Первым делом, конечно, надо покурить в тамбуре. Берем с Борисом по «Ватре» и направляемся, подсчитывая по дороге наши сигаретные запасы. На десять дней должно хватить, а дальше — как бог даст. Увы! Еще три года назад мы могли привередничать — к примеру, рассуждать о том, что лучше брать с собой — «Родопи» или «Вегу».

Перестройка!

По пути в тамбур разглядываем наш табор. Внезапно замечаю Старую Самару с дочкой. Фантом? Вроде бы нет, вполне материальна. А муж где? Что за поветрие — оставлять мужей дома, когда едешь на раскопки?

В соседнем купе разместились самые сливки — Сибизс и семья Сенатора. Подсесть? О чем это великие гутарят? Сенатор только что с сессии, не о том ли разговор? Нет, конечно, речь не о политике — Сибизс никак не может отойти от Швейцарии.

...Везде подметено, фотоаппараты очень дешевы, а пленка, напротив, дорогая. Сыр — ста пятидесяти сортов... Впрочем, это я уже слышал. И ананасы на завтрак... Книжки, естественно, очень дороги, не купишь, зато жвачка дешевая...

Сенатор слушает чуток снисходительно, но особенное внимание оказывает мадам Сенаторша. И вправду, хотя супруг ее и стал из задрипанного Шарапа государственным мужем, но в Швейцарию его покуда не приглашают.

И что скажешь? Пару лет назад, когда Сибизс только брался за кормила экспедиционного фюрерства, в поезде мы с ним говорили о том, что мы намереваемся делать в этом самом Херсонесе. Впрочем, тогда

я, а не товарищ Д., был его заместителем. Интересно, по моему нынешнему скромному рангу мне положено сидеть тут и слушать рассказы начальства о Швейцарии?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 2—3.

1. Скифский поход Дария.

Ахемениды — владыки Персии, наследники аннексированного ими Мидийского царства, хорошо представляли себе, что такое степная опасность. Поэтому персидские цари воевали с кочевниками последовательно и упорно. Их противниками были ближайшие родичи скифов — азиатские саки и массагеты. Несмотря на ряд неудач, в частности гибель в бою с массагетами Кира Великого, персы сумели обеспечить стабильность своих степных границ и даже имели основания причислять часть саков к своим подданным. В конце VI века н. э. у персидского царя Дария появились причины вспомнить и о потомках скифов-«ишкуза», переселившихся на территорию нынешней Украины.

Отец Истории Геродот охотно объясняет нам причину этого внимания. По его мнению, персы решили отомстить неразумным «ишкуза». Мотив мести в политике чрезвычайно тонок. Всерьез поверить в вендетту великой империи живущим на краю тогдашней ойкумены правнукам своих врагов мог лишь житель провинциального Афинского государства, для которого самая могучая, развитая и обширная держава мира была всего лишь сонмищем безголовых «варваров» под управлением жестоких и тупых самодуров. Впрочем, царь Дарий вполне мог прокламировать такую вендетту, как цель похода. Подобный предлог был ничуть не хуже, чем всякий иной (например, защита соплеменников, проживающих в другом государстве, или интернациональный долг)...

Перед тем как отбиваться, можно — нужно! — взглянуть к Маздону, который, конечно же, как всегда, недоволен. Вообще-то он абсолютно прав. Маздон —

первоклассный фотограф и заслуживает больше, чем два пятьдесят командировочных в сутки. Конечно, мы все недовольны, но не все умеют столь художественно возмущаться. Не всем дано! Подбородок выше, плечи расправить...

Коммунисты пр-р-роклые!

...Он едет в Херсонес в последний раз! Его не ценят. Не дают должности начальника фотолаборатории. Не снабжают бесплатным молоком. И вообще, все они маздоны, лавочники — и коммунисты проклятые! Да, проклятые, это он всегда говорил! И едет сюда точно в последний раз, его приглашают сразу в три экспедиции, одно приглашение выгоднее другого. Да-да, все они маздоны! Все абсолютно, и особенно Ведьма Манон!..

Ну как же без нее? Все верно. И ноги твоей больше в Херсонесе не будет. Не будет, раз тебя здесь так не любят.

Эх, старый наш Маздон! Десять лет назад говорил ты то же самое. И куда ты делся? Тебе уже шестой десяток идет, здоровьишко пошаливает, а как июль — труба зовет, берешь три своих фотоаппарата — для узкой пленки, широкой и слайдовой — и прешься на вокзал. Что не любят — это точно, но никого из нас, стариков, здесь не любят. Все мы странные, Маздон, страннее некуда. А без тебя мы разбежимся — без твоих фотографий дела не будет, это уж точно. И ты хорошо это знаешь, поэтому и позволяешь себе время от времени покрикивать и пошумливать. Шуми, Маздон, покуда шумится! А чем черт не шутит — вдруг Д. и вправду решит избавиться в следующем году от всех нас, последних гусар экспедиции? То-то он проговорился, что учится фотографировать. Ну что ж, пока что были плохие экспедиции с хорошими фотографиями, а теперь будут плохие экспедиции с плохими фотографиями. Правда, кто ему будет отчет писать, если не поеду, скажем, я? Впрочем, Д. — человек усидчивый. напишет. Написал же диссертацию, в конце концов!

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 3.

...Подлинная причина, заставившая царя Дария вспомнить об «ишкуза», очевидна при первом же взгляде на карту. Персидская империя начинала завоевание Фракии, что требовало обеспечения безопасности с севера. Персы явно не собирались ни уступать Фракию скифам, ни подставлять свои спины под их бьющие без промаха стрелы.

Где-то между 516 и 512 годами до н. э. огромная персидская армия, заняв часть фракийской территории, двинулась на север. Начался скифский поход Дария — пожалуй, самая яркая из известных нам страниц скифской истории.

Нет нужды подробно останавливаться на Геродотовой версии этого похода. Она не только общеизвестна, но и изложена настолько ярко, что любые списки уступают оригиналу. Удивляться этому нечего — литературное мастерство Геликарнасца соединилось, в данном случае, со скифским героическим эпосом. Итак, перед нами скифская версия событий, где, как и в любой саге (былине, эпосе, сообщении Совинформбюро или ТАСС), сочетаются крайняя тупость и недалёковидность врага и мудрость защитников Отечества, поистине кутузовская тактика заманивания, наглые требования захватчиков, гордый ответ скифского «генералиссимуса» и, естественно, загадки, столь же малопонятные, как и иные современные дипломатические ноты. Мышка в корзине, лягушка в корзине...

Снова красный закат и белесый восход.
Снова еду тревожить я мертвый народ.
Сколько стен я разбил и могил изуверчил!
Ты доволен собою, настырный ты крот?

Утро. Слева, справа за окном — сизая водная гладь. Сиваш, тот самый, который в свое время перебрали латышские полки и удалые тачанки Каретника, чтобы на эти семь с гаком десятилетий решить вопрос о том,

кому на Руси жить хорошо. Впрочем, сейчас Сиваш тих — болото болотом.

Однако в это утро нам не до аллюзий. Чей-то уверенный глас, чей именно, спросонья и не понять, вещает очевидное: опаздываем! Вообще-то говоря, в этом нет ничего мистического, скорее в наши дни странным было бы обратное, но в данном случае есть причина задуматься.

...Наша славная конкиста строится на великом «авось»: авось дадут пропуска в сверхзакрытый от советских людей Севастополь (по-нашему — Себаста), авось выделяют жилье в Херсонесском историко-археологическом заповеднике — Херзаповеднике, авось найдется лишний шанцевый инструмент. Авось, авось, авось... Среди этих больших «авось» — авось малый, но важный. Наш поезд не идет до Себасты, ибо прямого харьковского нет, посему мы вот уже который год сходим в Симферополе (в Симфе по-нашему) и пересаживаемся на электричку. На сей счет существует давно разработанный ритуал со сбором пропусков для предъявления в билетную кассу и перебеганием на нужную платформу. Фокус, увы, в том, что между приходом поезда в Симфу и электричкой — всего двенадцать минут. Обычно все это как-то обходилось, но сегодня мы точно опаздываем. А до следующей электрички чуть ли не четыре полновесных часа.

Четыре часа на симферопольском вокзале, да еще в июльскую жару! Есть над чем задуматься.

Сибиэс молчит, но чувствуется, что вождь нервничает. Сибиэс изрядно суеверен, и такое опоздание способно выбить его из колеи на неделю, а то на весь сезон.

Между ветеранами, отстаивающими очередь в умывальник, разгорается малопродуктивный спор о ближайших перспективах. Смотрю на часы: нагоняем, но полчаса опоздания налицо, а нам вполне хватит и десяти минут. Действительно, так мы еще не влипали...

Красноперекопск, Джанкой, Красногвардейское... Вот уже за окном белые предместья Симфы, кто-то начинает подтаскивать вещи к тамбуру, мелькает темная речушка, которую мы видим бог весть в который раз, но до сих пор не удосужились узнать название. Вот на горизонте мавританские контуры вокзала.

...«Скорей!» — вопит мадам Сенаторша, прорываясь в тамбур. Такое впечатление, что она намерена прыгать на ходу. Конечно, сидеть на раскаленном вокзале в Симфе не хочется не только ей одной. Впрочем, когда поезд наконец тормозит и мы начинаем спрыгивать на долгожданную землю Тавриды, все уже окончательно ясно — поезд приплелся на двадцать минут позже, значит, четыре часа под солнцем Симфы нам обеспечены.

Не трать, кумэ, силы — йды на дно!

...Бежим, спешим, гоним, торопимся, в спешке, в толпе, в суете, в поту... Некуда, незачем, пришли, приотпали, приплыли...

Табор расползается по вокзальной площади, кто-то уже лижет мороженое, кто-то устремился к киоскам, будто здесь и вправду не Крымская область, а аксеновский Остров Крым. У бесполезных касс электричек остаются лишь четверо — Сибиэс, Сенатор и мы с Борисом.

Сибиэс мрачен. Вождь потряхивает загустевшей за последний год бородой и сообщает, что экспедиция, судя по всему, не удалась.

Не комментируем — смотрим на расписание.

Сенатор резонно замечает, что на Себасту идет ленинградский поезд, который отходит аккурат через четверть часа, и, в конце концов, можно попытаться. На это Сибиэс не менее резонно напоминает, что нам все равно не успеть, ведь требуется еще оформить билеты. На электричку таковые штампуют мгновенно, а на проходящие поезда данная процедура занимает куда больше времени. Опять же пропуска, сличение с паспортом, дабы шпион в Себасту не просочился...

Истина эта неоспорима, но Сенатор проявляет твердость, памятуя, очевидно, наставления супруги. Прихватив с собой Д., который мирно уселся в семейном кругу под чахлой акацией, он бросается в здание вокзала.

Остается одно — ждать. Мимоходом приходит в голову мысль, что билеты вообще-то и ни к чему — проводники охотно уладят этот нехитрый вопрос. Мы так ездили, причем неоднократно. И не мы одни.

Говорю об этом Сибиэсу, но в его глазах вижу лишь ощущение покорности судьбе.

Минут через десять взмыленные Сенатор и Д. возвращаются с ожидаемыми вестями. Касса, явное дело, заявила, что на нашу орду билетов не наштампуют. Д. кивает — вопрос для него решен — и идет покупать семье мороженое. Сенатор плетется докладывать супруге о случившемся форс-мажоре. Не сдается один Борис. Он смотрит на часы, затем на Сибиэса и уверенно заявляет, что все-таки еще можно успеть. Если взять вещи да рвануть. Рюкзаки в зубы, на полусогнутых, опережая собственный визг...

Тут наконец узнаю Сибиэса. На какое-то мгновение исчезает занудная маска фаталиста, взгляд твердеет, еще секунда — и, как в былые дни, прозвучит команда...

Нет, не прозвучит. Сибиэс оглядывает наш мирно расположившийся на лавочках, покоровшийся судьбе табор — и ничего не произносит. Понимаю его — эту публику поднять даже для легкого броска на соседний перрон невозможно. Эх, где наша гвардия!

И все-таки приказ Сибиэс отдает. Только приказ на этот раз касается лишь меня и Бориса.

Мы едем первыми. Недобитую гвардию — в авангард.

Итак, мы едем, в Херсонесе достаем ключи от сараев и любой ценой — последнее подчеркивается особо — задерживаем коменданта до приезда остальных.

Все ясно, мой генерал!

Рюкзак на плечи, вверх по переходу, прямо на толпу... Через пару минут протягиваю проводнику трешку, и мы с Борисом вваливаемся в абсолютно пустой вагон. Еще минута — и поезд, спотыкаясь, трогается. Вы как хотите, а я, во всяком случае, в Херсонес не опоздаю.

Борис смотрит на убегающий за окном перрон и замечает, что можно было увезти всех, вслед за чем извлекает из рюкзака карты, явно намереваясь соблазнить меня на партейку поездного «дурака».

Не знаю, прав ли он. Боюсь, даже будь я — чего не станется вовеки — начальником, поднять и разместить этот табор мы вряд ли бы успели. Правда, можно усадить в поезд десяток ребят поздоровее, чтобы привести в порядок наши сараи, пока остальные подтягиваются... Да что теперь об этом?

Вообще-то говоря, если б не Борис, я, наверное, тоже покорился судьбе. Его присутствие как-то мобилизует, из таких, как он, получаются офицеры, что отстреливаются до последнего патрона. Вполне могу представить Бориса, скажем, среди последних защитников Крыма от орд Фрунзе и Миронова — тех, что отбивались, стоя по горло в ледяной ноябрьской воде. Поэтому именно Борис — моя правая рука, без которой мне пришлось бы туго, особенно после исчезновения руки левой — Юры Птеродактиля. Конечно, Борису далеко до Птеродактиля, у которого за плечами десяток экспедиций да еще работа у самого Слона. Но — не подведет.

Познакомились мы в лаборатории Маздона. Время от времени я забегал в гости к нашему фотографу и заставал там взъерошенного студента-химика, который регулярно прохаживался по поводу истории, историков и преподавателей истории в особенности. Мне было что ответить по адресу химиков, и беседы наши проходили очень оживленно. К Маздону забегал не только я — херсонеситы нынешние и бывшие заходили к нему на огонек попить чайку, посмотреть новые

снимки и покалякать о Херсонесе. Очевидно, наши разговоры были не столь безобидны, поскольку уже через полгода Борис заявил, что ему было бы интересно поглядеть на наши херсонесские безобразия. Эта мысль в конце концов засела в его химической башке настолько твердо, что через пару лет он действительно оказался в Херсонесе.

Десять лет назад, когда для меня Херсонес был еще чем-то новым, все время, проведенное в электричке, уходило на созерцание заоконных видов. Действительно, для новичков тут есть что посмотреть, но мы с Борисом уже давно не новички, так что незачем в окно пялиться. «Дурак», правда, дело дурацкое, куда полезнее достать карандаш... Интересно, разберу ли я свою стенографию?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 3—4.

...Естественно, скифская версия повествует о полном и окончательном разгроме агрессора, спасение которого от гибели объясняется лишь недалекновидностью и своекорыстными интересами греков, сопровождавших Дария в походе. В итоге следует очередная вендетта, на этот раз скифская — «ишкуза» мстили местным коллаборационистам.

Этот рассказ поневоле вызывает желание совместить его с подлинными географическими и археологическими реалиями Украины. Подобных расшифровок, в том числе попыток нанести события войны на карту, имеется множество, некоторые из них поистине виртуозны. Правда, их достоверность едва ли выше, чем у попыток найти точное место боя Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, Одихмантьевым сыном, или разобраться в событиях Второй мировой войны по советской исторической литературе.

Примечательно, что другие античные авторы представляли себе скифо-персидскую войну совершенно иначе. Достаточно вспомнить сухого реалиста Страбона,

который вообще не считал, что персы продвинулись в глубь скифской территории сколь-нибудь далеко.

В подобных случаях в первую очередь хотелось бы выслушать противоположную сторону. Мнение царя Дария сохранилось: он без малейших колебаний зачисляет «заморских саков» («сака парандрайя») в число покоренных народов. В своей победе он не сомневался...

Борису скучно, и призрак «дурака» вновь начинает заглядывать через плечо. Отмахиваясь — равно как от попытки завести экстрасенсорную шарманку. Экстрасенс из него приблизительно такой же, как из меня. Правда, Великий Шаман Паниковский, наш херсонесский гуру, пытался учить, да так и не выучил. Насморк вылечить — еще куда ни шло, а вот стену найти под метром суглинка... С Паниковским, может, и вышло бы чего, да где он теперь? То ли женился, то ли вообще пропал.

Так что лучше подумаем о ближайших планах. Приказ вождя ясен — ключи добыть, коменданта задержать. Ну, коменданта, а точнее, комендантшу Олю задержать не составит труда, а вот сарай... Это уже нечто из Геракловых подвигов.

Самое обидное, что эти три дрянных сарая с бетонным полом и выбитыми оконными стеклами давно записаны за нами. Так-то оно, конечно, так. Но ведь это Херсонес!

Везде своя власть. В Херзаповеднике (или Хермунзее, это кому как больше нравится) таковая тоже имеется — директор, бывший партийный функционер, которому положено разбираться во всем, даже в археологии. Но в нынешнем Херсонесе у него столько же влияния, сколько в древнем у архонта-базиля, так сказать, и. о. царя. Нет, он вообще-то старшой, но негоже старшому самому решать вопросы. Для этого ему положены аж три заместителя, каждый чем-то занимается, но все же и эта власть слишком высокая. С ними

надо решать вопросы глобальные, но таких у нас бывает мало, разве что один вопрос за сезон. А вот сарай... И тут начинается реальная власть — комендантша Оля. Люди свежие, Херсонеса не знающие, и вправду подумают, что ежели директор, скажем, о сараях бумагу подписал, то комендантша ну прямо-таки обязана эти сарай выделить. В общем, обязана, конечно, но... Но есть еще истинный хозяин всей этой грандиозной свалки, именуемой Хермузеем.

Гнус.

Гнусу надо посвящать оды — или трагедии. Не в прозе его воспевать! Борис, записывающий наши херсонесские байки, назвал его императором Гнусом Первым. Эх, Херсонес, Херсонес, не везет тебе на владык!..

...Гнусен, отвратен, омерзителен, отвратителен, пятно на рубашке, бельмо на глазу, позор Херсонеса, надменен, нахален, лжив, труслив, подл... Тресни херсонесская скала, поглоти уroda!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 4.

...Но даже если принять за основу скифскую версию событий, изложенную Геродотом, то сквозь былинный тон проступают вполне прозаические обстоятельства.

Скифия оказалась не готова к войне. В политическом плане далеко не все союзники выдержали это испытание. Агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены, а также тавры, не прислали своих войск, мотивировав это нежеланием участвовать в конфликте.

Очевидно, сработал предлог, выдвинутый Дарием, — скифские союзники не собирались участвовать в сведении давних счетов между скифами и персами. В результате вся северная и западная часть Великой Скифии сохраняла нейтралитет. Собственно скифских войск оказалось недостаточно, чтобы принять открытое сражение.

Тактика «заманивания» не была такой уж выгодной

для скифов. Она вела к опустошению страны, вдобавок не помешала персам проникнуть достаточно далеко в глубь Скифии, сжечь какое-то деревянное укрепление и вызвать паническое бегство нейтральных меланхленов, андрофагов и невров...

На севастопольском вокзале бредем сквозь толпу к площади, где обычно можно поймать сговорчивого частника. Повезло! Нам в Херсонес. Да, прямо к воротам. Да, археологи... А как с куревом? Спасибо, у нас тоже.

«Жигуль» мчит то вверх, то вниз, подчиняясь прихотливому городскому рельефу. Эх, сколько раз видно, будто и не уезжал! Панорама. Площадь Ушакова... Ага, винный отдел! Толпа, если следовать Булгакову, не чрезмерная — человек в полтораэта. Та-а-ак... Ну, сворачиваем, теперь прямо.

...Пожарова, маленькая церковь у православного кладбища. Караимское кладбище, серые невысокие надгробия, поросшие травой, на которой всегда сидят желтые улитки. Сейчас справа будет вид на бухту и там... Вот он — собор Владимира! Как ты еще умудрился уцелеть на пятом году перестройки и третьем году реставрации? Теперь налево... Магазин «Юбилейный»... Школа подводников... Древняя... Улица такая — Древняя, живут отставники, сдают сараи за безбожную цену. Еще поворот... Все! Ворота!

Небольшая площадь заполнена пляжниками и туристами, тут же лавчонки с сувенирами, продавцы каких-то билетов — на спектакль среди херсонесских руин, наверное. Вот оно, детище Гнуса! Ну ладно, рюкзаки на плечо... Ничего, Борис, мы уже почти дома.

В воротах все та же тетка, которая никогда никого не желает запоминать, хотя вообще-то мы должны были ей примелькаться еще лет восемь назад. Впрочем, достаточно грозно вымолвить: «харьковская экспедиция»...

Харьковская экспедиция!!!

Вид у нас внушительный, рюкзаки и штормовки говорят сами за себя... Переступаем порог. Прямо — собор Владимира, справа — наш бывший и будущий раскоп, а мы... А мы пойдем налево, где такая прекрасная тамарисковая аллея, где руины театра, найденного Акеллой, и где наша конечная цель — эстакада.

Эстакада... Слово это надо писать с большой буквы — Эстакада. Когда-то, еще два года назад, именно на Эстакаде собирался весь Хергород. Здесь играли и пели наши гитаристы — Саша, Дидик, Принц. На Эстакаде так хорошо было смотреть на метеоры, устраивавшие свои ежегодные июльские налеты. По-моему, астрономы зовут этих постоянных гостей Персеидами. Так здорово было загадывать желания!..

Теперь Эстакада имеет грустный вид — здесь явно что-то жгли. Консервные банки в обрамлении жеванных газет... Варвары, дикое скопище пьяниц!

...Заплевали, забросали, закидали банками, бутылками, окурками, объедками, мерзостью, дрянью, своей отрыжкой, своей блевотиной, сволочи, мерзавцы, ублюдки...

Ладно, эмоции потом. И что мы видим? В нашем большом сарае уже явно кто-то проживает, кажется, нас туда в этом году не пустят...

...И вам привет! Это хорошо, что из Ленинграда. А вещи мы пока оставим. Ну, Борис, пошли ловить комендантшу.

Это — самая легкая часть из всего намеченного. Застаем Олю на месте и передаем ей грозным голосом наказ Сибиэса. Его слово здесь еще имеет вес. Оля мрачнеет — она, конечно, уже готова отчалить, но обещает подождать. Заодно узнаем, что, кроме трех сараев, нам еще полагается Слоновья Веранда. А это уже для нас — для Маздона, Бориса и для меня, ну и, конечно, для Луки, когда он изволит прибыть. В общем, барские палаты для офицерского корпуса. Когда-то с нами квартировал и Сибиэс, но уже два года он пред-

почитают жить в городе у родителей — наша экзотика его уже не вдохновляет.

Но Веранда не убежит, — вперед, на сарай!

Все оказывается проще, чем думалось. Прямо у сараев встречаем знакомую плюгавую фигуру — Его ху-досочное Величество Государь Император Гнус Первый. И Последний, надеюсь. И вам день добрый... Да-да, насчет сараев. Ага, за ключи спасибо.

Не верится. Чтоб так сразу! Что-то тут не то, ох не то!..

Загадка решается быстро: полдюжины орлов из Золотого Легиона — кагала Его Величества — расторопно выносят из трех наших пещер все — от кроватей до лампочек. Гнус довольно разглядывает происходящее, любезно поясняя, что сие принадлежит, конечно же, его экспедиции. При этом мы узнаем от него же, что кроватей, как и матрацев, в заповеднике нет и не будет.

...Врет! Есть и даже будут. Достанем! Но все-таки жалко, что время раскулачивания минуло. Так и записался бы в большевики на полчаса, дабы Гнуса потрянуть, а потом, согласно идее генерала Чарноты, тут же обратно бы выписался. Ну все, отчалили крохоборы! Рюкзаки в сарай, плавки достать — и куда? Правильно. Именно на скалу, на наши камни, конечно, не в лягушатник же. На камнях хоть вода чистая!

В воду!

...Когда часто, то есть не реже раза в год едешь на море, запоминается только первое купание — и последнее. В этом году первое купание приятно вдвойне: и от самого факта хорошо, и от воспоминания о том, что наш грозный коллектив еще только грузится в электричку. Расторопнее надо быть, господа гусары! Ну, еще разок, а там на берег — и можно перекурить.

Осмотр сараев дает поразительные результаты: в одном из них уцелела розетка. Если бы мы нашли золотой саркофаг или Гнус оставил пару кроватей, я удивился бы меньше. Розетки тут — мало сказать поп

grata. Местный пожарник ежедневно обходит с плоскогубцами все сараи и все, что видит, режет под корень, дабы не возгоралось. Года четыре назад наши художники поглумились над Иродом — нарисовали розетку, да такую, что только на ощупь понять можно. Ох и было же тогда! О великий и могучий русский язык... Что они в этом году, нюх потеряли?

Так или иначе, а кофе мы сварим, доставай, Борис, кипятивник. Да и перекусить следует. А там бросим спальник в тень нашей любимой алычи и будем ждать, чем все это кончится.

Хорошо! Тайм-аут среди этого бесконечного первого дня. Можно закрыть глаза — так лучше. А можно надвинуть кепку на самый нос — так еще лучше. Ну, можно спокойно поразмышлять...

...Хотя бы о том, что Веранда, когда мы ее наконец отобьем, наверняка ограблена поосновательнее. Конечно, в прошлом году мы достали все, что нужно, и в лучшем виде передали наш боевой корабль комендантше Оле. Теперь, несомненно, там мерзость запустения, можно и не проверять. Значит, все по новой, а ведь здесь зимой даже со снегом проблемы. Не допросишься! Правда, снег тут редко идет, так что можно простить.

А можно подумать и о том, что, собственно, я буду тут делать. Год назад Д., получив свою долю власти — мою долю власти, — согнал меня с Юго-Западного участка, который я копал два предыдущих года. Копал, копал и дошел до самого интересного — до эллинизма, до того самого эллинистического слоя, о котором мечтает каждый здешний археолог. Это должно было стать для меня заслуженной наградой, но Д. решил, что тоже таковой достоин, и участок забрал. А мне с моими последними гвардейцами от щедрот своих позволил докопать мерзкое и совершенно запущенное помещенье, известное в нашем кругу как № 61-а. С мотивировкой, что раз я его начал копать еще десять лет назад, так я его и должен добить. Ну конечно, это Д. тут но-

вичок, я-то копал, считай, все помещения на нашем многострадальном участке, который есть район средневековых усадеб №№ 9, 10, 11...

Помнится, я озлился. Озлишься тут! Но меня недаром все годы считали удачливым — и ставили на самые безнадежные ямы. И Фортуна, херсонесская Фортуна, не подвела и в тот раз. Когда Борис извлек из мокрой глины фрагмент аттической вазы с двумя грифонами, у Д. отвисла его ответственная челюсть. И, кроме грифонов, было еще кой-чего, но главное — мы вышли на Стену Казармы, точнее, на ее разобранную часть у самого фундамента. Вот этого-то Д. не ожидал, иначе черта с два пустил бы меня в это самое № 61-а.

Итак, Стена. Если бы Д. был начальником вместо Сибиэса уже в этом году, то не видать мне ее как своих ушей! Правда, если подходить здраво, Стена не его и даже не моя. Стена, вместе со всей южной частью Казармы, принадлежит Сибиэсу, и это именно ему полагается снимать научные сливки. Ну, копнем сперва, а потом и делить станем. Если будет что делить, конечно. Но об этом — завтра, а скорее всего послезавтра, успеется еще...

А почему это, интересно, О. едет сюда без супруга? Не то чтобы странно, но все-таки...

...Два года, целых два года, редкие звонки, редкие встречи — под сырым харьковским небом, на сыром харьковском асфальте. Чужой голос в телефонной трубке, чужой взгляд, чужие слова...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 5—6.

...Между скифами и персами состоялись какие-то переговоры с вручением даров персидскому царю. Армия Дария благополучно вернулась назад, причем неоднократные попытки уничтожить или отрезать ее были совершенно неудачны.

Сам Дарий оценивал поход как вполне успешный, а

Скифию — как покоренную территорию. После окончания войны скифам пришлось разбираться с отпавшими союзниками, восстанавливая свое господство в Скифии.

Подобная картина случившегося мало походит на историю выигранной войны. Конечно, далеко не все эти факты, почерпнутые из текста «Истории» Геродота, подлинны. Вполне вероятно, что они лишь часть героического эпоса о скифско-персидской войне. Но уже то обстоятельство, что эпос позволяет вычлениить такие совсем не победные детали, свидетельствует, что подлинная история этой войны была куда суровее и печальнее для скифов.

Еще одно обстоятельство заставляет склоняться к этим «негероическим» выводам. Царь Дарий был опытным полководцем, имевшим большой стаж войн с кочевниками. Все его предыдущие войны с азиатскими саками и скифами были удачны. Едва ли скифская тактика заманивания была для него таким уж сюрпризом, а дары (мышка-норушка да лягушка-квакушка) — столь непонятными. Завоеватель Индии, усмиритель мятежников, расчетливый и ловкий политик ничем не походил на тупого самодура из Геродотового рассказа. Мощь его империи и поистине непобедимой армии едва ли могла быть сокрушена хитромудрой тактикой «ишкуза». Скорее всего поход достиг своей цели, и скифам пришлось заниматься некоторое время своими внутренними проблемами...

Однако же что-то там, за моим козырьком, происходит. Ну конечно, первые эшелоны нашего полка, так сказать, подползают. Привет, привет, водичка превосходная! И Сибиэса нет? И Д.? Ну Д.-то приедет, надо же ему домочадцев размещать. Ага, Сенатор с семейством, этим-то апартаменты готовы... Что, Маздо-нушка? Не подали тебе «Мерседеса»? Конечно, маздо-ны они все и коммунисты проклятые. И лавочники тоже. И жить нам негде покуда. И ноги твоей больше

здесь не будет. И Ведьма Манон во всем виновата...
Давай-ка лучше кофий сварим, тут и розетка есть...

Наконец-то и Д. собственной персоной. Вот и ключи, прошу. И комендантша на месте, так что давай командуй личным составом, а то они сами не догадываются, как нужно вещи вносить в сараи. А вот кроватей нет. И лежаков тоже. А вот нет — и все.

Ладно, пора и о себе позаботиться. Посылаю Бориса к комендантше на предмет ключей от Веранды. Увы, ни ключей, ни комендантши. Ну ничего, собственный глаз тоже не помешает, посему направляемся напрямиком к нашему будущему обиталищу. Вот она, родимая! Никак тебя покрасили? И стекла вставили? Эх, если бы еще три-четыре лежака...

Лежаков, конечно, нет. Нет, впрочем, и замка, так что зря мы искали какие-то мифические ключи. Скобы для замка тоже отсутствуют. Да-а, поработали основательно!

Внутри, как и полагается: бутылки пустые, банки консервные, также пустые, и эти самые, которых в аптеках не сыщешь, естественно, использованные. Пол голый. И грязный.

Очень грязный...

Маздон скис. Бедняга! Ездить столько лет — и каждый раз начинать с уборки свинюшника. Ну это ничего, вспомни, Маздонушка, как мы с тобой в старом гараже жили, в котором стены не было. Тут хоть стены на месте.

Прежде чем объявить коммунистический субботник, да что там субботник — абордаж! — собираем военный совет.

Обстановка — нет ни черта.

Задача — достать хоть что-нибудь.

Дополнительная информация — никто ничего не даст. А вот побить могут.

Совет не затягивается. За неимением иных вариантов остается одно — экспроприация экспроприаторов. Вокруг — штук пять сараев, на некоторых даже нет

замков. А где замки, там можно и гвоздем открыть — согнутым.

Ну, с песней! «Пятнадцать человек на сундук мертвеца!...»

...Грабь, хватай, экспроприируй, уноси, пионерь, казачь, тырь, гребь, все наше, всюду наше, тащи, кидай в кучу, еще, еще, еще!..

Добыча превосходит все ожидания. Борис волочит откуда-то тумбочку, я извлекаю из старой летней кухни превосходный стол. Вскоре к нему присоединяется стул. Ведро — старое, но для мусора сгодится. Веселей, флибустьеры! Ага, в этом сарае даже замка нет... Лежаки! Правда, не совсем лежаки, но так даже удобнее — с откидными краями и местом для вещей. Один, второй... Говорят, на таком сам Слон спал... Третий... Нужен четвертый — для Луки. Та-а-ак, придется в окошко влезть. Ничего, здесь уже лазили. Вот и четвертый!.. Заодно и вешалку прихватим — и будет совсем как дома. Борис, рви к черту петли для замка, небось это наши и есть, с Веранды снимали, умельцы!..

Вскоре добыча доставлена и размещена, теперь можно посылать Бориса за ведром морской воды. Пресной нет и пока не будет, днем краны здесь сухие. Благо веник и чистое ведро мы уже успели позаимствовать ранее — из экспедиционных, так сказать, фондов.

Солнце уже начинает валиться за обрыв, когда Веранда приведена в относительно божеский вид. Конечно, нет ни матрацев, ни подушек, ни прочих предразсудков в виде простыней и одеял. Нет замка, нет даже лампочки, но это дело наживное. В стены врезаются гвозди — коробка с гвоздями всегда с собой, как и топорик. Впрочем, пустой бутылкой тоже хорошо заколачивать. Вон их тут сколько!

Вдали, у сараев, хорошо видных с нашей горки, — знал, знал Слон, какое место для жилья выбирать! — заметна какая-то суета. Наша молодежь тоже что-то достает, копошится, кучкуется. Какой-то грузовик —

подумать только! — чего-то им привозит... Еще совсем недавно доставали все для всех, и всем хватало. А теперь каждый грабит в одиночку.

Две экспедиции — констатирует Борис. Две экспедиции: наша — из недобитых ветеранов, и эти, юные. Иногда Борис умеет говорить формулами.

...И наступает первый херсонесский вечер. Откуда-то из ранних сумерек появляется цикада и начинает свое соло, затем соло превращается в дуэт, вступает хор...

Может быть, я сюда именно из-за этого и езжу — из-за цикад. А греки, недотепы, их лопали. Жареными в масле. А еще гордились тем, что умеют ценить прекрасное!

Над храмом Владимира сгущаются сумерки, так и ждешь, что из-за горизонта появится рогатая луна, но сейчас не ее время, она вынырнет лишь под утро, через пару дней новолуние, когда мертвый город погружается во тьму. А вот когда луна в силе, здесь наступают бесовские ночи!

...Холодный лунный огонь на траве, холодный лунный огонь на камнях, холодный лунный огонь на море... Лунный потоп, лунный шабаш, лунный Армагеддон...

Рабочая тетрадь. С. 3.

...Первое экстрасенсорное исследование Казармы следует провести до начала работ на раскопе, поскольку, пока объект покрывает трава, эксперимент будет более чистым, строительные остатки не будут видны и не станут «подсказывать» решение.

Целесообразно начать с южной части Казармы в связи с тем, что ее северная часть сохраняет средневековую застройку, не позволяющую ориентироваться в более ранних строительных периодах.

Установка: стена — «свет» и «тепло». Конкретная задача — южный вход...

...Колокол? Ну конечно, колокол, как же без колокола в Херсонесе? Какие-то варвары лупят булыжником на ночь глядя. Эх, народ-богоносец! Хоть бы в музей колокол-беднягу оттащили, ведь не простой он, на звоннице Нотр-Дам де Пари красовался! Увы, теперь он тут, на берегу, подвешенный на бетонной дыбе, чтобы каждый ублюдок мог запустить в него камнем. И запускают.

Впрочем, говорят, скоро за право бросить камень будут брать по пятаку. Перестройка!

...Над сумеречными руинами — голос мертвой бронзы, голос мертвой памяти, оскверненной, выставленной на посмеище. Камни бьют в бронзовую плоть Прошлого, оставляя вмятины, уродуя, превращая в ничто, в забаву, в бесполезную погремушку. Порухенный город, порухенный монастырь, порухенная память, порухенная страна...

Теперь остается одно — покурить. Покурить на старом нашем месте, возле источника с затейливой татарской надписью на белом мраморе, где когда-то ежи ночами ходили на водопой. Сейчас источник высох, бедняга, бедняги-ежики напрасно заглядывают сюда по старой памяти. Источник, рядом — Дерево Фей, где мы каждый год оставляем что-то из вещей, чтобы обязательно вернуться...

Хорошо курится. И сигареты еще есть, недели на две, глядишь, и хватит..

...А кто это там на тропинке, а, Борис? Темновато, правда, но ошибиться невозможно. Он, он собственной персоной!

Лука! Долгожданный! Ну, будет дело!..

Обнимаемся. Лука догнал нас на аэроплане — как и обещал. Хлопаю его по еще более округлившемуся комку нервов на животе и рассказываю о наших успехах. В ответ Лука лишь усмехается в свои тюленьи усы. Еще бы! Ему наша возня с лежаками и тумбочкой — детский утренник.

Тюленьи усы многообещающе шевелятся. Лука бросает свои вещи — ну и наволок же всего!..

...И устремляется вместе с Борисом в ночную тьму.

Через полчаса гонцы возвращаются с лампочкой и двумя одеялами. В следующий набег Луку сопровождаю я. Во всем происходящем понимаю только одно — невесть откуда невесть кто выносит нам очередную пару одеял, подушку, еще подушку... Нет слов!

Последний вояж приносит нам еще пару матрацев. Самый упитанный Лука по праву берет себе. Да, Лука, конечно, велик — по крайней мере, в некоторых вопросах. Там, где появляется он, все необходимое выныривает из-под земли и прыгает прямо в руки. Впрочем, это лишь одно из его достоинств. Иные же... О них мы, без сомнения, тоже скоро услышим.

Сегодня у нашего Луки прекрасное настроение. Вырвался! Причем вырвался сам, оставив Гусеницу, свою законную супругу, в Харькове. Лука уверяет, что напугал ее предстоящим землетрясением. Это едва ли — Гусеницу землетрясением не напугаешь. Но — факт налицо.

Переглядываемся, шелестим купюрами.

За воротами «Легенда», по-нашему — «Легендарий», кооперативная кафешка, где наливают в любое время дня и ночи. Не по карману, конечно, но ради первого дня...

Лука решительно заявляет, что завтра же возьмет вопрос под свой личный контроль.

Мы сидели на камне и пили вино,
Оставляя в стаканах лишь грязное дно.
А вокруг нас лежат те, что прежде гуляли.
Что ж, и нам этот путь всем пройти суждено.

В давние-давние времена, когда нашу армаду водил сюда сам Старый Кадей, на второй день после приезда мы уже спешили на раскоп. Теперь времена иные — осваиваться будем не меньше трех дней. К тому же воскресенье грядет. Гуляй — не хочу!

Впрочем, пока это я так размышляю и предаюсь ут-

ренному безделью, лежа на продавленном матрасе, неугомонный Лука, мобилизовав Бориса, уже что-то вовсю громит в соседнем вагончике. Ага, дело важное — оттуда извлекаются такие полезные вещи, как лишние гвозди, вешалки и прочая нужная мелочь. Все верно, надо успеть выгрести побольше — вот-вот придет следующая команда, а лишних вещей в Хергоророде не будет. Что ж, когда Лука в хорошем настроении, он может все — или почти все. Вот и сейчас, пока я продаю глаза и пытаюсь умыться пайковой кружкой воды — краны по-прежнему сухи и оживать не собираются, — он уносится вдаль и вскоре возвращается с каким-то подозрительного вида замком. Нет слов!

После некоторой реанимации замок начинает открываться. Лука, ежели ему, конечно, верить, выпросил его на военной базе, не иначе в школе подводников, что аккурат за забором. Так ли это, не знаю, зато теперь наш корабль укомплектован полностью.

Пока суд да дело, появляется Сибиэс. Он еще более мрачен, чем вчера, и, повторив, что экспедиция не заладилась с самого начала, радуется тем, что, может быть, придется уезжать обратно. С питанием — швах, воды нет... Ну, с питанием у нас каждый год — швах, потому как готовить сложно, а столоваться почти что нигде. С водой похуже, но... Но и не такое видели. Так что никуда мы не уедем, не впервой. А ежели что — пусть Сибиэс увозит молодняк, мы тут и сами накопим... Расстроенный вождь бредет куда-то вдаль, пообещав мобилизовать Сенатора на поиски воды и пищи, словно мандат нашего Шарапа способен организовать починку усопшего водопровода! Хотя... Кто его знает, а вдруг?

Направляемся на пляж, вернее, на наши столь знакомые камни. На пляж пускай студенты-практиканты ходят, на скале и привычнее, и вода тут лучше. Да и публика знакомая. Гнус уже занял боевую позицию, усевшись на старый моноласт и разглядывая публику сквозь задымленные очки. Сколько его помню, Гнус

всегда торчит на одном и том же месте, а ежели кто-то по недомыслию пытается сие место узурпировать, начинает вопить — тонко так, противно...

С Гнусом все ясно. А что там в море? Ага!

На рейде, как обычно, что-то то ли авианосное, то ли авионесущее. Несколько лет назад тут болтался «Киев», его сменил «Минск», затем «Баку», а вот в этом году новинка в географии — «Тбилиси». Защищает нас от супостатов. Пусть защищает, лишь бы мазут не спускал. Ну, в море!..

...Податливая теплая вода, податливая теплая твердь, податливое вечное лоно... Мы снова здесь, мы никуда не уезжали, мы всегда тут были, мы...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 7.

2. Херсонес и греческие колонии Понта.

Мирная эпоха греческой колонизации Северного Причерноморья завершилась в IV в. до н. э. Интересы отдельных греческих государств быстро пришли в противоречие. Если между Ольвией и относительно далеким Боспором особых противоречий не замечалось и отношение этих родственных (ионийцы из Милета) полисов были вполне нормальными, то молодое и весьма агрессивное Херсонесское государство с самого начала не собиралось считаться с интересами соседей. Херсонес был не только «поздним ребенком» среди греческих городов Причерноморья, спешащим догнать своих «старших братьев». Он был также и своеобразным «анфан террибль» среди эллинских полисов. В этом смысле репутация Херсонеса оставалась стабильной в течение всех веков его существования. Херсонеситы постоянно конфликтовали с Ольвией, Боспором, затем с Римом, а позже с Византией и Русью. Трудно сказать, чем вызвана явная некоммуникабельность этого греческого города. Может быть, тем, что с первых лет существования его населению приходилось вести настоящую борьбу за выживание с их соседями — таврами, вдобавок сказывалась и племенная

рознь — дорийцы-херсонеситы не воспринимали ионийцев как вполне «своих». Во всяком случае, репутация Херсонеса как надежного союзника и подданного была, вероятно, самым стабильным достоянием этого города. Доходило до трагических курьезов. Византийские императоры разрабатывали целую систему мер на случай очередной измены херсонеситов, и одновременно «каган россов» Владимир избрал именно этот город для демонстрации силы в борьбе с греками. Впрочем, это не мешало Херсонесу просуществовать до начала XV века и пережить всех своих «старших братьев» из числа эллинских полисов.

В IV веке до н. э. херсонесская история еще только начиналась, но это начало было весьма бурным...

Жара крепчает, и ехать в орденоносный Севастополь нет ни малейшей охоты. Ей-богу, был бы рад, ежели Херсонес стоял бы в степи и чтоб на три дня пути вокруг было пусто. Но Лука тут же разбивает мои пораженческие доводы, напоминая, что в степи живительную влагу «не продают».

В Себасте еще пару лет назад тоже «не продавали» — в единственный соответствующий отдел на Пожарова сходилась весь город, доходило чуть не до смертоубийства. Да и теперь немногим лучше — в центре «продают» только в одном месте, и очередь там уже с утра — мавзолейная. Но что делать?

Автобус мчит быстро, и вскоре мы уже в центре. Большая Морская (попросту — Бэ Морская) на месте, все по-прежнему, вот только кооператоров погуще стало. План ясен — перекусим в первой попавшейся забегаловке, где тараканов поменьше, а затем круг почета по магазинам. Занятие пустое, но надо уважить Луку. Это его любимое дело, тем более что он, с его фортуной, способен выудить кое-что интересное даже из здешних вымороченных точек. Впрочем, на этот раз Луке не везет. Времена пошлости, где, сигарет нет,

пива, естественно, тоже... А это что за хвост? Все ясно, можно не спрашивать — «продают». А если по общепонятному — «дают».

Ненавижу севавтопольские очереди! Во-первых, они длинные. Во-вторых, каждые пять минут обязательно начинают кого-нибудь лупить. Ага, уже лупят! Грешно, конечно, лезть без спросу, но все же...

Переглядываемся. Дело мертвое, стоять —дохлый номер. Эх, были денечки!.. Ну что, по коням?

Э-э, нет! Лука явно что-то задумал. Но что? Он, конечно, почти маг, но такая очередь... Ежели что — как стану я перед вдовой? Может, не надо, а?

Но Лука уже решил. Сумку под мышку, червонец в карман. Ну, ни пуха!..

Лука камнем из пращи облетает очередь и исчезает в какой-то темной и весьма подозрительной подворотне. Нет, Борис, зря мы его отпустили, на части ведь разорвут. Бедная Гусеница!

...Липкая жара мешает дышать, ноги готовы провалиться сквозь асфальт, очередь стоит нерушимо... Хоть бы знать, что жив он, наш Лука! Вот, еще одного лупить начали. А хорошо бьют, с душой! Эх, город-герой...

Лука! Живой!.. Живой-то живой, но, видать, не со щитом — в сумке пусто. Но он не сдается. Подмигнув нам и обойдя очередь с другой стороны, исчезает в соседнем магазине. Подземный ход ищет, что ли? Ну, это надолго.

Надо было, Борис, прямо домой ехать. Конечно, бутылка не помешает, даже очень не помешает, но не такой же ценой! Вон уже третьего колошматят... А ведь почти прорвался было! Не выйдет, здешняя публика немцев — и тех чуть ли не год сдерживала, куда уж тут без очереди... Разве что на танке. Лука, конечно, и танк может пригнать, с него станется...

Очередь все густеет, начинается истерика, особенно у тех, кто стоит подальше, кого-то скидывают с крыльца. Невысоко, и двух метров нет — но полтора

точно будет. Вот-вот, Борис, и я о том. Так кому к вдове ехать?

Ну, хвала Творцу! Жив! Жив Лука наш! Что? Неужели... Есть? Есть!!!

Подробности потом. Ходу!

...Есть, есть, взяли, назло, несмотря, наперекор, наперекос... Ура!..

В автобусе лучше забиться в уголок, благо народу немного. Теперь можно и о подробностях. Лука — мастер чесать языком, но на этот раз его эпопея похожа на правду.

...Первый этап — выяснить имя товароведа и заодно — завскладом. Второй этап — на склад.

А потом все просто. Сначала диким воплем «Зинка!» — или «Верка!» — привлечь внимание, а дальше, как говорят разведчики, «легенда». Например, про комиссию по закрытию Крымской АЭС. Глава комиссии артачится, нужно его ублажить, иначе излучать миллирентгены всему полуострову от Ялты до Перекопа! Ясное дело, тут никакая Зинка не устоит, равно как и Верка, это вам не тюльпаны в январе, жить здесь всем хочется, даже товароведам.

Лука — гений, никаких сомнений. Ну ладно, а чем закусывать будем?

Маздона на Веранде нет, видать, ушел в гости. Много у него тут знакомых. Раньше, правда, ежели он оказывался в нетях, можно было бы смело делать вывод, что он у Ведьмы Манон. Но это дела хоть и не очень давно, но все же минувших дней. Теперь он просто в гостях. Ну, спешить не будем, тем более Лука как-то странно посматривает, усами шевелит, копытами бьет...

Рабочая тетрадь. С. 4.

Предварительные соображения.

Экстрасенсорика в Херсонесе давно стала популярной. Даже если не обращать внимания на постоянные

публикации о разного рода «фантамах», наблюдаются вполне реальные ежегодные скопления «колдунов», «магов» и прочих Нострадамусов. Наиболее характерное занятие — «подзарядка».

«Подзарядка» практикуется двух видов: от развалин и от Луны. «Лунники» чаще всего собираются возле храма Св. Владимира. Что интересно, «подзаряжаются» они чаще всего не в обычной позе адорации (левая рука вытянута вперед, правая согнута в локте, ладони прямые), а в позе «немец под Москвой» (обе руки вверх, полу-согнутые, пальцы почти прижаты к ладоням).

Объяснения:

прежде всего, конечно, мода на подобное, а также привлекательность старых развалин для любителей подобной экзотики. Вместе с тем:

— Херсонес находится в зоне мощной магнитной аномалии.

— Само существование города на протяжении двух тысяч лет неизбежно внесло серьезные изменения в энергетику места. Можно как угодно относиться к экстрасенсорике, но жизнь и смерть сотен тысяч людей не могли не отразиться на том, чем сейчас стал Херсонес. Иное дело, все читанные и слышанные «теории» для объяснений не годятся.

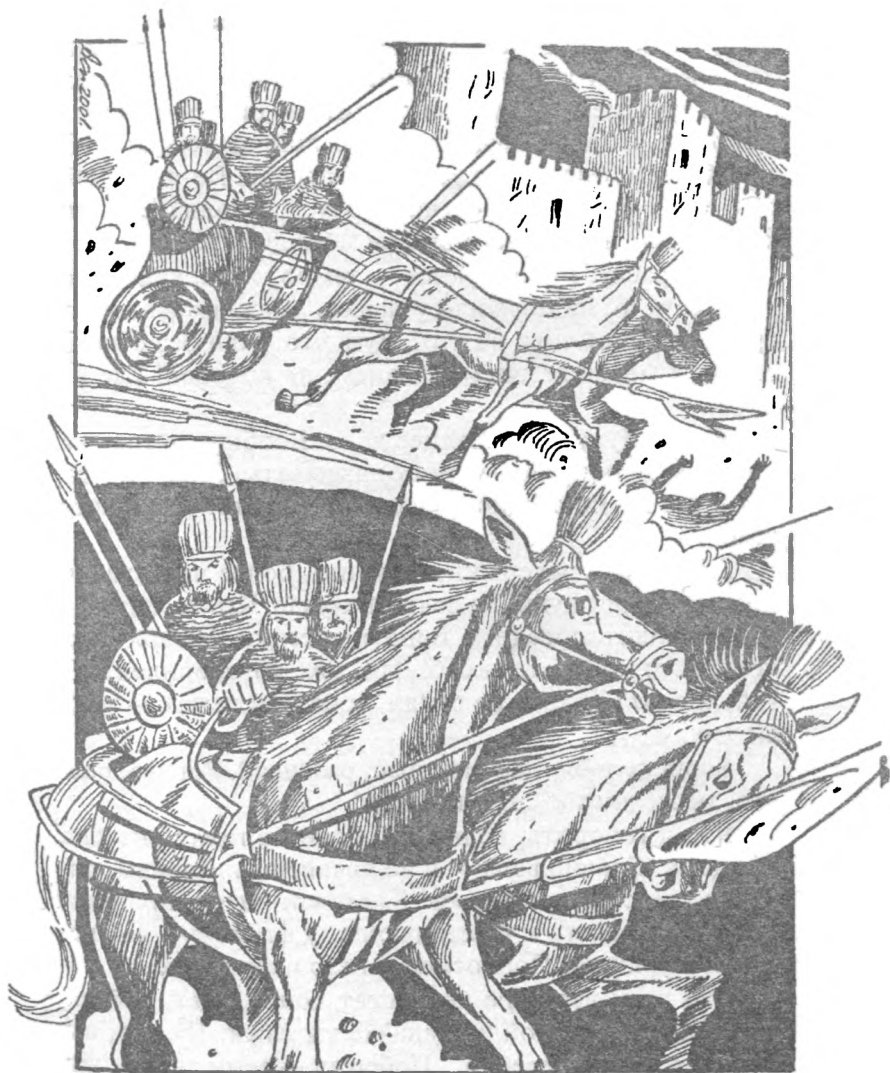
Прикладной экстрасенсорикой для нужд археологии никто в Херсонесе, насколько мне известно, еще не занимался.

Борис просит дополнить:

1. Два года назад наш общий знакомый В. проводил эксперименты с могилой Косцюшко.

2. Этой зимой по харьковскому каналу «Тонис» была показана передача об одной «кудеснице», снятой как раз на руинах Херсонеса. Дамочка, одетая во все черное, эффектно кружилась прямо на Крестильне Владимира.

Почему именно там? Ради кощунства?

Берем кружки, банку с ветчиной... Молодец, Борис, недаром ее сюда тащил! Водичку...

Пить в помещении пошло. Мы же в Херсонесе все-таки! Раньше, пока кураж был, потребляли все больше на Западном городище. Помнишь, Борис, какие там стены жуткие, когда луна светит? А пьется-то как!.. Впрочем, и где-нибудь поближе пойдет не хуже. Ну хотя бы там, прямо по курсу, где заросли. Во-о-он добрые люди и лежак поставили. Ну, двинули? Э-э, ты куда, Лука? Ладно, догоняй, не заблудись только.

И вправду, место чудное — темно, тихо, какой народ и есть, то на море или у сараев... Как чем банку открывать, а мой нож на что? Ну и что, если без открывалки, а мы ее лезвием, лезвием, не впервой! Где же Лука?

Ждать Луку — последнее дело. Вообще-то говоря, на такое мероприятие грех опаздывать. Опасно. Ага, вот и он. Да не свались, здесь камни! Что? Ага, ясное дело...

...Причина задержки, конечно, более чем уважительная — для Луки, во всяком случае. Что ж, теперь у нас, выходит, соседи, а точнее, соседки. Не зря Лука копытами по земле скреб! Что, уже договорился? На чай, значит? Только не сажай их на мой лежак — мало ли что...

Борис, у тебя глаз-ватерпас, разливай. Ровнее, ровнее, ты же химик!.. Ну, поехали!

Что и говорить, водка в Херсонесе пьется не так, как дома. Словно вода — и не пьянеешь... Курнем, куда курево не кончилось! Когда кончится, придется тебе, Лука, ехать к командующему флотом — он, кажется, курящий. Попросишь у него пару пачек...

Что ж, и все хорошее имеет конец. Нет, ребята, к соседкам я не пойду, давайте уж сами. Их две, вас двое, а я — уже перебор... Поброжу — сами знаете, как здесь вечерами дышится...

Итак, иду дышать.

Недалеко — тридцать метров вниз по тропинке.

Монастырская стена, узкие ворота, две тропинки сходятся, ныряют к Итальянскому дворику.

Перекресток Трех Дорог — наше с О. место встречи, точнее, было таковым два года назад, но, кажется, время тут действительно стоит или ходит по кругу. Пусть Лука это обоснует с точки зрения физики, как раз на докторскую будет. А пока подождем, можно и на камешек присесть посреди травки. Тут уж никакая собака не заметит. Эх, конспираторы!..

Рука, уже ныряющая в карман штормовки за отошедшей сигаретной пачкой, замирает.

Время идет по кругу — О. уже здесь. Словно и не расставались, не прощались тут же, у Перекрестка, когда она твердо решила, что все-таки выйдет замуж, а я — просто так, эпизод.

Впрочем, нет. Ничего не стоит на месте — и ничего не возвращается. Но рассуждать об этом совершенно не хочется...

...Прошное в легкой зеленой штормовке, прошное без улыбки на знакомых губах, прошное, прижавшееся лицом к моей груди, застывшее, холодное, безмолвное. Призрак, эхо, мертвый болотный огонь...

...Поднявшись по ступенькам и предвкушая вечерний глоток чая, натыкаюсь на замок — тот самый, что Лука из школы подводников притащил. Очень приятно, ключ-то один, и он как раз у Луки. Ну ладно, Маздон мог и у своих знакомых заночевать, у него это часто бывает. Но где остальные, половина третьего все же!.. Холмса бы сюда с его дедуктивным методом!

Впрочем, можно обойтись и без британской помощи. Где это те самые девицы проживают? Правильно, на втором этаже они проживают, вот и окна светятся... Леня идти, но надо же извлечь ключ!

Да, разгул в разгаре, разгар в разгуле. Ого, кажется, пили «шило», даже Борис слегка окосел! И вам добрый вечер — или доброе утро, как вам, милостивые государины и государи, более по душе. Я бы, так сказать, не посмел бы, но... Во-во, именно ключ.

Ну что тут скажешь? Лука на боевой тропе. Ладно, подробности услышим завтра — в «Херсонесише беобахтер».

...«Херсонесише беобахтер» — наша любимая газета. Живая газета с бессменным главредом, супругой нашего уважаемого Сенатора Шарапа. Все новости благодаря ей узнаются не позже чем через час, в крайнем случае, через полтора. Корреспонденты, конечно, тоже помогают. Эх, коммуналка!.. Иногда, правда, бдительность не срабатывает. Вот и о нас с О. в свое время как-то помалкивали. Впрочем, наверное, это все было в спецвыпусках для особо доверенных. Никак не поверю, что в Херсонесе можно что-либо спрятать. Положено прятать, другое дело. Ладно, пусть пишут, почитаем!

А хорошо на нашей Веранде — или, как говорит Борис, на Фазенде. А что? Вроде как целый дом посреди сада, рядышком море шумит... А ведь если бы Гнус не съел Слона, не видать бы нам Веранды-Фазенды. Могуч был Слон, страшен. Еще десять лет назад здесь всем заправляла легендарная тройца — Слон, Гнус и Шарап, тогда еще не Сенатор. Слон жил в этом доме, словно граф в Лангедоке. Все здесь кипело, гудело, иногда даже ревело, но порядок был железный, вокруг даже охрана бродила, из бравых «афганцев», которых Слон обильно угощал спиртом. Спирта же у Слона было — залейся, как и всего остального. Посторонних «афганцы» отсекали четко. Один раз бедняга Лука, попытавшийся пробраться к какой-то девице-чертежнице, улепетывал от них быстрее лани. Это с его-то социальными накоплениями!.. А копал Слон делово, на две монографии накопал. Вот тут Триумвират и распался. Гнус, ясное дело, озлился — сам-то он научной славой похвастать не может. Напустил он на друга-Слона комиссию, да не одну. И сколько Слон хоботом ни размахивал, пришлось ему отсюда уходить. Говорят, все успокоиться не может, грозитя вернуться...

...Съели Слона, повалили, повязали, погнали пин-

ками, выкинули, выбросили, вслед плюнули. Тараканы суетятся в Слоновой берлоге — ушлые, хищные, мелкие, гадкие...

Неказист, тесноват херсонесский наш дом.
Даже койку свою ты находишь с трудом.
Ерунда! Не бывает уютней оазис
Между Сциллою «до» и Харибдой «потом».

Воскресное утро начинается с приступа поэзии. Лука, едва продрав глаза, начинает декламировать импровизированные вирши — естественно, о вчерашних своих похождениях. Лука — заслуженный херсонесский поэт. Лирика, правда, у него не очень удается, но что касается так называемой сатиры... Причем в самом прямом значении — про сатиров. Ну и про здешних нимф, естественно. Конечно, главным героем поэз является он сам — на то и Лука. Жаль, цитировать его можно только в мужском обществе. Еще бы! ...Пусть даже кровь моя застынет в венах, я буду трам-там-там на херсонесских стенах, когда взойдет Аврора золотая, я буду трам-там-там в тиши сарая... Золотая Аврора — смелый образ, однако!

Из прозаического комментария становится ясно, что поселившиеся рядом с нами залетные птички не имеют прямого отношения к археологии, зато знакомы с кем-то из окружения Гнуса. Вот и осели в этом богоспасаемом месте.

Борис слушает нашего акына с несколько скептическим видом, но помалкивает. Лука же смело строит планы — видать, и в самом деле встал на боевую тропу.

...Лука, Лука! Когда я впервые увидел тебя, а было это — ох и давно же это было! — ты и впрямь был хорош. Но все проходит, усатенький ты наш. Где твой, штилем поэтическим выражаясь, стройный стан? И откуда эти обвислые щечки? Да еще Гусеница за спиной... Отгусарил ты, Лука! И я отгусарил, только я это понял еще после Второго Змеинового года, а вот ты все дергаешься, приключения ищешь. Наше с тобой дело теперь — зимой на печке греться, летом в Херсо-

несе тихо копать, а вечерами чай с мятой пить. А ты все в бой рвешься!..

Итак, воскресенье. А воскресенья тут жуткие.

В Херсонесе вообще нельзя не работать — тоска съест. В воскресенье же сюда набегают стаи пляжников, всюду визг, лай — и так до самого утра. Раньше мы, как выходной, все в горы норовили, хорошо бы и сегодня. Хотя бы на Каламиту — не маршрут даже, прогулка. Что, решили? Часа в три тронемся, а пока можно и на лежаке поваляться, в потолок поглядеть, авось мысли в голову придут... Не на пляж же идти, надоело за все эти десять лет!

...Толпа, толпина, толпище, сонмище, сбор, сброд, угукают, агакают, визжат, верещат, вопят, гадят, пачкают, плюют, паскудят...

Рабочая тетрадь. С. 4—5.

Исследования Казармы.

В 1906 году Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич прокопал очередную траншею в Портовом районе вдоль городской стены.

Копать траншеями — варварство, однако в случае К.К. — варварство неизбежное, поскольку монастырь требовал скорейшего окончания раскопок. Целью К.К. была башня Зинова, но в ходе работ его копачи наткнулись на огромные желтые блоки какого-то здания. К.К. раскопал его западную часть.

Название «Казарма» условное, поскольку существует предположение, что в здании находился гарнизон.

На самом деле Казарма (мнение Сибиэса, с которым я полностью согласен) — вероятнее всего, не одно сооружение, а остатки как минимум двух. Первое — эллинистического времени и весьма непонятного назначения. Его особенности — огромные окна, находки многочисленных фрагментов статуэток, в том числе религиозного характера. Второе здание — перестройка II—III вв. н. э., которая и в самом деле использовалась для размещения

стражи, о чем говорит наличие мостика между городской стеной и зданием. Вместе с тем казармой оно быть не могло, поскольку римские войска размещались южнее, в Цитадели.

Задача — определить назначение и время постройки «первой», эллинистической Казармы. Для начала — закончить раскопки участка Стены (см. выше).

Лука просит добавить, что назначение «первой» Казармы очевидно — это лупанарий...

...Все это так, но, боюсь, Д. не даст мне даже пятых. Конечно, люди нужны ему самому, а он теперь — заместитель. Остается рассчитывать хотя бы на двоих и, естественно, на Бориса, который просто-напросто отказывается подчиняться Д., что тому приходилось до поры до времени терпеть.

Нет, не пойду на пляж! Так и буду валяться. Тем более солнце уже высоко, а обгорать — удовольствие ниже среднего...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 8—9.

...Херсонес — самый поздний из городов, основанных греками-колонистами в Крыму. Из-за этого пришельцам не удалось найти места в относительно безопасном скифском окружении. Соседями херсонеситов стали тавры, с которыми греки не могли наладить контакт на протяжении всей истории.

Ранний Херсонес — небольшой город, располагался восточнее нынешнего храма Св. Владимира. В портовой части и на северной стороне находился некрополь. Стена, окружавшая город, была невысокой и наскоро построенной, поэтому уже в IV в. до н. э. встал вопрос о строительстве новых укреплений.

Население раннего Херсонеса едва ли превышало 1,2 тыс. чел. Считается, что город основали 400 семей из Гераклеи, во всяком случае, именно столько участков было размежевано на Маячном полуострове. Население

делилось на 4 сотни (гекатойи). Существовали три филы (городских объединений), называвшиеся, возможно, по примеру Гераклеи, Фивийской, Дионисийской и Мегарской. Иной вариант: филы гиллеидов (Геракла), диманов (Аполлона) и памфилов (Деметры).

Кроме полноправных граждан, в Херсонесе жили перизки, возможно, греки не из Гераклеи...

На Каламиту идем в самую лютую жару, когда хочется одного — лежать в тенике на топчане и мечтать о вечерней прохладе. Но расслабляться грех, к тому же надо постепенно набирать форму — впереди маячат горы, настоящие, куда не сходить поистине грех. А для тренировки и Каламита сойдет. И Борис там еще не был, и Луке, дистрофику нашему, следует встряхнуться.

На Каламиту можно идти с закрытыми глазами — места знакомые. Да и что по дороге смотреть? Хилые инкерманские сады? Адову пасть известнякового карьера? Лучше так и идти с закрытыми глазами прямо до каламитской горы. Тут можно глаза открыть и смело лезть наверх. Благо невысоко — не Мангуп и даже не Чуфутка.

...Ну вот, Борис, это она и есть. Негусто нам оставили предки, но в Балаклаве и того меньше. Конечно, Лука, в Балаклаве можно купить пиво... Только это раньше его можно было купить, теперь разве только ты выдашь себя за внука командующего флотом... Да, турки тут тоже были — это, собственно, их башни, но до этого несколько веков хозяйничали теодориты. Были и такие, ни в одном учебнике, правда, не встретишь, но были, княжество Теодоро, Твердыня Господня. Стерегли вход в Инкерманскую бухту, все с генуэзцами грызлись, пока турки и тем и другим чесу не дали. Совершенно верно, это монастырь. То есть был, и прикончили его, естественно, не турки.

...Стены, разбитые снарядами, стены, сокрушен-

ные бульдозером, стены, оскверненные похабными граффити, стены рухнувшие, в серой горькой пыли, в зеленых пятнах колючек, бесполезные, бессильные защитить и уберечь... Твердыня Господа — мерзость запустения...

Верно, закат тут красивый. Все, что осталось здесь красивым, — это закат. Не добрались пока до солнца! Ну-с, можно спускаться. Не отставай, Лука, понимаю, что дверь узкая, а ты бочком, бочком...

Рабочая тетрадь. С. 5.

Каламита.

Пещерный монастырь Св. Климента Римского. Церкви Св. Георгия и Св. Мартина. Наиболее ранняя датировка — XII в., вероятно все же — на два века позже. Наиболее близкие аналогии — пещерные храмы Каппадокии. Уникальная форма креста в церкви Св. Мартина.

У подножия горы — монастырь XIX в. На вершине — скит.

Хуже, чем два года назад. Фрески в пещерном храме выжжены. Смотреть нечего..

С Каламиты возвращаемся уже в сумерках. Маздон ждет нас на Веранде. Наш фотограф ворчит — и заваривает чай с мятой. Это его фирменный чай, тем более мята здесь отменная, да и сахар пока еще есть. Живем!..

Маздон и вправду ночевал у своего знакомого пожарника — того самого Ирода, который так не любит розетки. Впрочем, как выяснилось, пожарник — тоже изрядный маздон и даже коммунист проклятый. И все прочие — тоже!

В прежнее время после такого заявления Маздон брал спальник и уходил ночевать куда-нибудь на Западное городище. Неужто и в этом году опять? Если так — силен!

Лука, лишь отхлебнув из кружки, начинает сует-

тяться — спешит на боевую тропу. Но Борису данный вариант уже явно надоел, да и в этот вечер у нас с ним есть куда более интересное дело, чем охота на перерезанных девиц.

Перекуриваем. Лука, резво перебирая ножками, направляется куда-то за угол...

Рабочая тетрадь. С. 5—6.

...Экстрасенсорное исследование Казармы.

Время — 21.00 — 21.35. Погода — ясная, ветра нет.

Освещение — минимальное. Цель — поиски южного входа. Каждый из нас действовал по очереди, не сообщая о своих выводах.

Оценка виденного:

Цвет стен — светлый, белый (я), светлый, желтоватый (Борис). Ясно ощущается тепло. Развалины Казармы на удивление «теплые», не найдено ни одного «холодного» участка. Мы исходили из уже установленного эмпирическим путем правила, что место входа в здание всегда несколько «теплее», что проверялось неоднократно, в том числе и в Херсонесе.

Вероятное расположение входа — южная стена пом. № 60. Размеры — 2,2 м.

Предположение выглядит несколько неожиданным. Возможность такого никогда не обсуждалась, Сибизс и Д. считают, что ворота должны находиться западнее приблизительно в 20 метрах.

Перспективы реальной проверки минимальные, поскольку именно в этом месте внешняя стена Казармы разобрана полностью, включая фундамент. Вместе с тем даже предположение о наличии входа (точнее, ворот) именно у южной стены пом. № 60 позволяет сделать некоторые любопытные выводы, о которых ниже.

Субъективное впечатление: чистота эксперимента все-таки сомнительна, мы могли «увидеть» и «почувствовать» не остатки входа, а что-то совсем иное...

Мы сидим с О., как когда-то, на моей штормовке, говорить нет охоты, да и не о чем. Даже странно, что мы с ней могли когда-то досиживать вместе до рассвета. Почему-то хочется спать, хотя раньше думалось, что в Херсонесе спать хочется только утром, когда надо идти на работу. Впрочем, днем тоже хочется, и даже вечером. А вот ночью...

...Ночной Херсонес не похож на дневной. Тьма зализывает раны, и мертвый город становится как-то выше, серьезнее. Страшнее... Конечно, в центре, где все уже копано-выкопано и цементом залито, спокойно, приятно, туда и гулять все ходят. В монастырском саду прямо чистый рай, недаром его Гефсиманским прозвали, каждую ночь милиция парочки оттуда гоняет. Этот, ближний Херсонес даже ночью тихий, какой-то ручной. А ежели пройти от нашей Веранды налево да за холм перевалить — вот там, посреди мертвого, не копанного никем Западного городища, — там лирики мало. Зубья стен в лунном свете пострашнее здешних привидений, мертвая желтая трава кажется каменной. Херсонесская саванна...

У западных стен мы часто любили собираться ночью. Давно, правда, это было... Как там пьется шампанское! То есть пилось, конечно... Оно даже не пузырится — стоит в кружке ровно, как ртуть. Прибоя не слышно, не видно огней Себасты, только над головами Млечный Путь и этот оскаленный лунный череп... Потому и не любят Западное городище здешние влюбленные. И вообще, нынешняя публика ночью там не шляется, да и я там давно не был. Хоть и под боком — только за холм перевалить.

И после всего этого меня обвиняют в херсонесской мистике!

О. молчит. Ее губы равнодушны и холодны, как в ту ночь, два года назад, когда мы с ней расставались...

...Борис с Маздоном спят, Лука же, как ни странно, скучает у входа, рядом с нашим покойным источником. Но даже тьма не может скрыть его печаль.

Держи, Лука, кури! Помялись немного, забыл пачку из кармана штормовки вынуть, как тут не помяться? Вот кончится курево, тогда будешь доставать у адмирала... Что, обидели? И сильно обидели? А ты ей стихи читал? А про привидений здешних рассказывал? А про?..

Тяжелый случай... Ну, ничего, главное бодрости не теряй. Только ежели будешь звать ее к нам, не сажай на мой лежак. И кружку мою не давай. И вообще, держи свою кружку-ложку отдельно!..

Новолуние. Стен еле виден разлет.
В полночь тень из могилы разбитой встает.
Вслед за нею другие — от края до края.
«К нам иди! Ведь ты наш!» — кто-то тихо зовет.

Кто из нас не любит скрежет будильника? Я тоже не люблю, тем более в Херсонесе да еще без пятнадцати шесть. Нет, тут лучше вообще не ложиться! Но делать нечего — многолетняя привычка берет верх. Вскрываю, тормошу Бориса. Впрочем, Борис, образцовый офицер, уже и сам встает. Маздон и Лука, естественно, мирно спят. Маздон — по долгу службы, фотографу спозаранку делать нечего, а вот Лука — по одному ему известной причине. Попытки его растормошить заканчиваются только невнятным бормотанием и подергиванием усами...

Ясно! Не видать мне в этом году Луки на раскопе. Жаль, копал он отменно, а в давние годы вообще был орел, порою даже за руки хватать приходилось, настолько увлекался. Но что делать, и это проходит. Неужели и у меня пройдет? А вот дрыхнет Лука классически, во сне у него совершенно детское выражение лица, вдобавок посапывает он так беззащитно, что поистине неотразим. И усики, усики! Ах, тюленчик ты наш!..

А ведь точно — тюлень!

Утренние минуты расписаны уже много лет назад. Пайковая кружка воды (ровно полтора стакана) идет на умывание, а в это время кипятильник исправно

булькает, обещая порцию кофе. Без кофе тут делать нечего, особенно когда ложишься спать в полтретьюго — или в полчетвертого. Ну а там — обязательная сигарета, покуда таковые еще в наличии, и — с богом! Труба зовет.

...Полевая сумка, рейка, кепка... Все? Все!

Звание ветерана ко многому обязывает. Например, к тому, чтобы не опаздывать на работу. Особой необходимости в этом нет, пять минут, скажем, ничего не решают, но кураж — есть кураж. Мы с Борисом все годы четко следуем этому правилу. Д., кстати, тоже, но не из уважения к обычаю, а по долгу службы.

Кофе допит, сигарета догорела... Все, Борис, нас ждут великие дела!

Проходя мимо сараев, обнаруживаем знакомую по прежним сезонам картину — молодняк еще спит, а Д. исправно пытается их разбудить. Когда заместителем был я, решалось все просто: совковой лопатой — да об дверь, благо двери железом обиты. Ох, как вскакивали! Ну ладно, новые времена, новые традиции... Знакомая аллея, поворот, еще один, теперь вниз... Кто как, а мы уже на месте.

...Да, Борис, заросло классически! Естественно, там, где копано, трава растет быстрее. Ничего, почистим! А кого будем просить у Д. в помощь? Сам понимаю, что Птеродактиля не заменить, но все же... Ладно, так и поступим. А вот, кстати, и Д.

Д. появляется на раскопе не в самом лучшем строении. Прекрасно его понимаю: первый выход на работу, и сразу же — опоздание личного состава. Интересно, а чего он ожидал после трех дней безделья? Еще денек пооколачивали бы груши — вообще б разбежались. Хорошо, что Сибизэс этого афронта не видит. Впрочем, кажется, вождь на раскопе показываться не спешит. Его, конечно, воля. И то правда, а мы с Д. на что?

Переговоры недолги. Прошу двух ребят — Володю и Славу. Володю знаю давно, копал с ним еще пару лет

назад. Он — «афганец», парень серьезный и, главное, знакомый с правилами нашей игры. Слава же, судя по всему, — молодой шалопай, но за него ручается Борис. А больше тут брать и некого, не зелень же практикантскую.

Д. морщится, но соглашается. Себе он оставляет всех прочих, а ведь это, считай, полтора десятка. Хотя половина из них — девицы, да еще первокурсницы. Ну, ничего, справится как-нибудь.

Та-ак, а вот и личный состав на горизонте... Борис останавливает Славу, я подзываю Володю — и можно начинать. Но сначала, естественно, небольшая лекция — это тоже традиция. Да и самому не грех лишний раз мысли перед работой в порядок привести.

Про международное положение опустим, про дискуссию в Верховной Раде тоже...

...Ну-с, уважаемые коллеги, мы с вами находимся в так называемом Портовом районе, где наша славная экспедиция копает уже третий десяток лет и будет рыться, ежели не выгонят, еще столько же. То, на чем мы стоим, было когда-то средневековой усадьбой. Осознали? Так вот, она нас не интересует — мы ее уже раскопали. Под ней видите камешки? Да-да, эти серенькие... Так вот, на ее месте стояла усадьба первых веков нашей эры. Мы ее тоже раскопали. Стало быть, пойдем дальше, до воды. Здесь, Слава, водичка грунтовая подступает, так что как раз до нее и дойдем. А это уже эллинизм, аккурат до Александра Македонского доберемся...

И это осознали?

Копать будем здесь, в этом помещении под номером, дай бог памяти, 60-а. Верно, Слава, здесь есть еще и 60-б, и просто № 60. Здесь вообще много чего есть... А выкопать мы должны Стеночку. Вот видите, в соседнем помещении мы в прошлом году кусочек ее уже обозначили... Да-да, именно эта Стена, и именно от этой самой Казармы, вы правы, Володя. Но чтобы сие доказать, надо еще поглядеть, куда она идет... Вот-

вот, именно, Борис, кому-то на кандидатскую. Да-с, но чтобы начать копать... Это я для вас, Слава, говорю, остальные волки опытные... Так вот, для начала надо всю эту травку того... Козьим способом. Самое неприятное дело, но куда деваться? И не только здесь, но и по стеночкам, и даже чуть дальше. А затем, Слава, что все это будет сфотографировано и пойдет в отчет. Дело нудное, заранее сочувствую... Итак, операция «Травка зеленеет».

Рукавицы, кажется, взяли? Прелестно, прошу начинать.

...Трава идет за нами по пятам, прорастает сквозь порушенную землю, колючая, упирающаяся в рыхлую пыль желтыми корнями, неистребимая, восстающая зеленой стеной каждый год, умирающая под беспощадным солнцем, вновь оживающая... Зеленый саван над руинами, покрывало милосердной природы, заброшенное на мертвый город...

...Совсем забыл — обязан, как и полагается, объявить, что за сто найденных монет — шампанское. Но поскольку здесь мы больше десятка не найдем, снизим порог до полусотни. Да, Слава, представьте себе, было когда-то и такое — пивали, еще при Старом Каее. Сам понимаю, что не найдем, но — традиция.

У Д. между тем работа уже кипит. Вообще-то говоря, ежели в раскопе кипит работа, то это не бог весть как хорошо. Работа не должна кипеть, лучше всего, чтобы все проходило спокойно, без суеты, тем паче без кипения и, как идеал, без всяких команд. Но тут уж мы с Д. не сойдемся, на раскопе он — истинный фельдфебель. Впрочем, подобным образом работать можно только с такими, как Борис, — или с такими, как Птеродактиль, Дидик, Крокодил, Граф... Да где они теперь?

Ну, пока травка щиплется, займемся прозой, но прозой важной — инструментом. Дело в том, Слава (работайте, работайте!), что инструмента всегда не хватает. Так вот, в свое время, года этак четыре тому

назад, я, учитывая эту вечную ситуацию, достал себе две личные кирки, и теперь их следует найти. Поскольку здесь их, как видите, нет, схожу к соседям. Конечно, Слава, кирки, в принципе, похожи. Между нами говоря, все это — не археологический инструмент, но настоящий археологический инструмент мы можем увидеть, увы, только в справочниках. Но из того, что у нас есть, это — самое лучшее. Первая кирка легкая, прекрасно набитая, для тонкой работы. Ну а вторая — мое знаменитое кайло «Ласточкин Хвост». Что, Володя, помните? Рубить им — одно удовольствие. Дело в том, Слава, что у этого кайла маленький носик, зато длинная хвостовая часть, и если надо снимать землю пластами... Знаю, Борис, что не по методике, но это мы пройдем завтра... Так вот, в этом случае кайло незаменимо. А что нам еще нужно? Правильно, Володя, еще нам нужны две совковые лопаты, три ножа, медорезка. Веники и так есть... Ну и хватит с нас покуда.

Как я и думал, мое личное оружие уже в жадных практикантских ручонках. Молодежь рычит, не желая отдавать инструмент, но, к счастью, обе кирки имеют метки — мою тризубую тамгу. Тут уж крыть им нечем, Д. тоже помалкивает — у него своя кирка имеется. Оттаскиваю инструмент к раскопу, заранее прикидывая, где будет лучше оставлять его на ночь, дабы не волочить каждый раз на горбу. Да, Борис, именно под тем кустом, где и в прошлом году. Авось туда никто заглядывать не станет...

Господа офицеры, не вижу темпа! Прошу, прошу, какой еще перерыв?

Итак, дело пошло, значит, пора чем-нибудь заняться и мне. Например, дневником, той самой тетрадью, где еще следует отчертить поля.

...Дневник, в данном случае не личный, а полевой, довольно мудреная вещь. Лично я учился нехитрому искусству записывать ежедневные археологические впечатления лет пять. Д. пока только осваивает эту на-

уку, время от времени честно штудирую мои записи. А сие совершенно необходимо, ибо любая комиссия первым делом смотрит что? Правильно, полевой дневник. Значит, поля должны быть аккуратными, писать следует только на одной стороне листа, а другую украшать чем? Именно — рисунками и схемами. Чем больше рисунков — тем лучше.

Ну ладно, вспомним-ка великий и могучий рыбий язык полевого дневника. Итак...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 4.

...Начали работу на месте пом. 60-а средневековой усадьбы № 9. В последний раз работы здесь велись в 1989 г. Описание помещения будет дано ниже.

Начали зачистку пом. 60-а...

...А еще следует не забыть ангажировать Маздона, чтобы все сие запечатлеть. Солнышко будет в нашей яме этак к полудню, даже чуть попозже, значит, Маздона надо позвать к часу. Правда, контражур останется... Ничего, сойдет.

Борис, у тебя еще есть сигаретки? Мерси... А кстати, сколько у нас пачек осталось? Н-да... Слава, вы ведь некурящий? Как, и вы курящий?! Эх, времена!.. Ну ладно, Слава, идите-ка ко мне. Внизу с травой уже все нормально, но вы взгляните отсюда. Дело в том, что аппарат возьмет чуть шире, значит, в объектив полезет эта ерунда из соседнего помещения. Правильно, Борис, вырывать ее ни к чему, а вот срубить необходимо. И стенки, стенки, Слава!.. А потом все веничком, веничком, чтобы следов не оставалось, а то они так хорошо видны на фотографии!.. То-то сраму будет, давеча один отчет проглядывал, а там прямо посреди снимка — следы человечьи.

Позорище!

Володя, вы правы, зачистить бы не грех. Вы же копали в степных экспедициях? Именно — зачистить до «зеркала». Только здесь не получится, сами знаете. Почему, Слава, не получится? Ну, понимаете, чтобы зачистить помещение, хотя бы это, надо срезать верхний слой земли штыковой лопатой. Так обычно делают в степных экспедициях, где земля мягкая, лучше всего если чернозем, там это «зеркало» обязательно. А у нас, увы, суглинок с битым камнем, так что не выйдет... Очень жаль, полностью с вами согласен, настоящее «зеркало» дорогого стоит!

А что там у соседей? Ага, Д. куда-то засобирался. Ясно, дела административные, Сибиэса нет, и бедняга Д. отдувается за двоих. Ну, теперь его команда разбежится, это уж точно. Ладно, время еще есть, успеет...

Солнце начинает печь немилосердно, по-настоящему, по-херсонесски. Надо не забыть отдать приказ, чтобы завтра все были в головных уборах, что совершенно необходимо, дабы не словить солнечный удар. И, конечно, обувь. Обувь должна быть закрытая... Это, Слава, столь же обязательно, как и запрет бегать по стенам и курить в раскопе.

...Нет, Слава, я и сам точно не знаю, почему нельзя курить в раскопе. По-моему, просто дурная примета. Впрочем, начальник — я в данном случае — курить имеет право и, как видите, курит. А вам нельзя. Да, Борис, может быть, из-за того, что окурочек попадет в культурный слой и спутает хронологию. Хотя едва ли кто-либо поверит в древнегреческие окурки!

...Так, соседи явно решили пошабашить. Карантинная бухта в двух шагах, сейчас пойдут плескаться, потом разомлеют, потом начнут мазут с себя смывать. Выходит, Д. придется доводить до ума свои владения еще и завтра. А у меня... А у меня вроде порядок, козья работа выполнена... Еще во-о-он ту травиночку, Слава! Именно, именно... Теперь можно всех отпус-

тить, предварительно спрятав инструмент и попросив Бориса поторопить Маздона.

Ну, как? Красиво? Нет слов!

Ага, вот и Маздон! Ну, все готово, будем оформлять. Куда рейку поставим? К южной стене — так к южной. Цифры, как полагается, верхней частью на север... Все правильно — «60», без буквы «а» обойдутся, и так понятно. Годится! Ну, поехали!..

Конечно, конечно, Маздон, не будь я таким лентяем, то давно бы научился и сам фотографировать. Наши раскопы, по крайней мере... Ладно, а теперь снимем все это с той стеночки...

Во время очередного перекура Д. не без удовлетворения сообщает, что с питанием личного состава кое-как устроилось. Сибизс договорился со школой, той, что на Дмитрия Ульянова, дабы нас кормили завтраками вкупе с обедами. Д. выглядит чуть ли не счастливым, ибо стадо практикантов и вправду нуждается в регулярной кормежке. А по мне так лучше суп из тушенки варить, знаю я эти севастопольские школы!

...Вот поэтому Д. — заместитель, а я — нет.

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 4.

...В 13.00 пом. 60-а было сфотографировано фотографом экспедиции. Работали с 6.30 до 13.00.

Первый рабочий день на исходе, и что мы видим? Старый Кадей за такие темпы головы поотвинчивал бы, у него все летали пчелками. А нам — куда летать? Так себе, ползаем. Что ж, направим стопы наши грешные обратно на Веранду. Авось Лука не всю воду выхлюпал, кружку, чтоб умыться, оставил. Или хоть полкружки...

Невдалеке от Веранды вижу новые лица. Вернее,

лица как раз не новые — передо мной двое почтенных херсонесских ветеранов, Саша и Андрей. Приехали из Питера, копают у Гнуса уже пятый год, а то и шестой. Они из той вымирающей породы, которая ездит сюда бог весть за чем, во всяком случае, не за диссертацией или бесплатным пляжем. Андрей и Саша — не историки, технари, оба преподаватели, Андрей, по-моему, даже доцент. Но вот надо же, каждый год исправно направляются сюда махать кайлом. Правда, таких, как они, с каждым годом все меньше и меньше. Мы, старики, даже стали как-то смущаться. Вот Саша — как пел под гитару! А в последний год все молчал — не заставишь.

Ну, привет, привет! Ну что ты, Саша, куда там не изменился!.. Давно приехали? А где разместились? А-а, так мы соседи! Как, Саша, ты и гитару не взял? Это жаль, жаль, все понимаю, но жаль. А с сигаретами здесь плохо. И с этим делом плохо... А то, что захватили, — это хорошо! Конечно, «Стрелу» я курю, сейчас я все курю. И с этим дело тоже плохо. «Легендарий» открыт, но сами знаете, сколько там дерут! А мы, как в прошлый год, на Слоновьей Веранде — и Маздон, и Борис, и Лука. Так что — ждем вечером на чай с мятой, хоть поговорим. Нет, не верю, что вы в последний раз. Я уже три года говорю, что в последний раз, — и все еду... Ну заходите, будем ждать.

Сползаются ветераны! А ведь им у Гнуса несладко — недаром его экспедицию, его Золотой Легион, Восточным фронтом зовут. Это у нас сейчас лафа, только встаем рано. Хотя, с другой стороны, помахал киркой — и в час дня свободен. При Старом Кадее такого разврата не было...

И чего делать, Борис? В город рванем, что ли?

В город, так в город. В Севастополе, как всегда в это время, жарко, всюду очереди и патрули в белых кителях. Привычно обходим книжные магазины, на всякий случай заглядываем в продуктовый и от полной безнадеги заваливаемся в первую попавшуюся видуш-

ку, где честно внимаем похождениям банды вампиров. Поучительное, конечно, зрелище, но уже успело как-то поднадоесть. Да и по сравнению с тем, что по телевизору в «Новостях» показывают, вампиры выглядят несколько бледновато... А в общем, обидно — за вампирами мы, что ли, по такой жаре сюда ехали?

...Но Провидение бдит. У поворота на улицу Древнюю, в нашем совершенно забытом богом и людьми «Дельфине» (не тот, что ресторан, а тот, что магазин) видим странное шевеление. Предчувствие, томящее, сладкое, охватывает наши измученные души. Нет, Борис, этого не может быть, не поверю!.. Ладно, зайдем, чего нам терять-то? Все равно этого не может быть.

Не верю!

Приходится, однако, верить — прямо на прилавке лежат сиротливые пачки «Стрелы», и малохольный дедок, забыв, в какое время живет, приценивается к одной из них. Есть бог, есть бог, Борис! По сколько даете?! По десять? Ну так давайте!!!

Десять пачек — десять дней жизни! Ну пусть восемь, пусть всего неделю!..

...Первая затяжка, спросонья, под глоток наскоро сваренного кофе, предраскопная, самая сладкая, неповторимая, прогоняющая одурь... Не встававший под скрежет старого будильника в сером утреннем полумраке не поймет, не посочувствует, не оценит, не поделится последней сигаретой из пачки...

Долго курим, сидя на случайной уличной лавочке, все еще не придя в себя от неожиданной, невиданной удачи. Десять пачек курева, неделя жизни! Ах, как славно, ах, как хорошо! А помнишь, Борис, в прошлом году мы все болгарские искали, а феодосийскими брезговали? Я все «Родопи» выглядывал, от прочих нос воротил. Ты прав, много ли человеку нужно?

На Веранде наконец видим Луку — впервые за день. Вечер только надвигается, но Лука явно возвеселился душою. Ежели ему верить, наш герой напросил-

ся в гости к какому-то совершенно незнакомому «каплею», сиречь капитан-лейтенанту славного Черноморского флота, и они совместно опустошили имевшиеся у этого «каплея» две бутылки. При этом Лука, естественно, выдавал себя за уволенного из армии майора.

...Заливает? Не удивлюсь, ежели правда, и не такое бывало.

Так ли, не так ли, но Лука снова бодр и начинает увлеченно строить дальнейшие планы. Похоже, в его планах произошла какая-то перемена, и он уже не так настойчиво собирается добиваться благосклонности наших соседок. Ага, там появился какой-то Толик... Толик? Насколько я помню, это один из подручных Гнуса, хилый такой стрикulist, но очень вредный. Ну, поглядим, поглядим, Лука, неугомонный ты наш.

Вечер опускается на Херсонес. Сегодня, как и вчера, нет туч, и солнце погружается прямо в воду, заливая горизонт неверным перламутром, прощальный свет падает на серые колонны, из-за неровной глыбы храма Владимира наползает мрак...

Рабочая тетрадь. С. 5—6.

...Экстрасенсорное исследование Казармы.

Время — 20.40 — 21.20. Погода — ясная, ветра нет. Освещение — минимальное. Цель на этот вечер — проверка вчерашних выводов и поиски северного входа Казармы. Порядок работы прежний.

Общие впечатления.

Казарма действительно очень «теплая». Для сравнения использовали так называемый «храм с аркосолями», находящийся в сорока метрах южнее Казармы. В храме отчетливо ощущаются «холодные» участки в районе северной и южной стен. В самой Казарме такого не обнаружено.

Северный вход в Казарму мог находиться под входом в средневековую церковь, построенную в X веке, однако проверить это совершенно невозможно, поскольку руины

средневековой церкви не подлежат сносу. К тому же «тепло» входа самой церкви экранирует более ранние слои.

Общий вывод: результаты не могут быть признаны сколько-нибудь достоверными и заслуживающими дальнейшей разработки.

Уже в полной темноте заходит Саша, Маздон заваривает свой знаменитый чай с мятой, и мы сумерничаем, вдоволь вспоминая прежние годы и тех, кто когда-то здесь копал. О некоторых приходилось слышать, но о многих — ни слуху ни духу. Ваган, наш старый приятель, уже второй год воюет в Карабахе, черт его туда занес, ереванского доцента... О себе Саша говорит неохотно, я лишь понимаю, что личная жизнь у него не особо клеится, вторая — если не ошибаюсь — супруга не очень с ним уживается, да и с работой что-то не так. Неудивительно, что Саша забросил гитару. А как он пел!.. Впрочем, что говорить, многие пели под этими звездами. Да где они теперь?

...Голос гитарной струны над разрушенным городом — неповторимый, певучий, яркий, прогоняющий призраки, собирающий уставших за день, дающий силы... Голос медной струны, голос живых, собравшихся среди этой Мертвой страны, негромкий, памятный, исчезающий в подступающих сумерках Забвения...

Луки нет, Бориса нет — ушли в поход, не иначе на охоту, Маздон ложится спать, а я бреду к Эстакаде. Там быт уже устоялся. Сама Эстакада пребывает в полном забвении — молодняк ее обходит стороной, — зато невдалеке выстроен временный, но достаточно добротный стол, за которым, насколько я уже успел убедиться, наша юная поросль принимает пищу посменно. Создается впечатление, что едят они почти круглые сутки с небольшим перерывом на сон. Вот и сейчас небольшая компания уминает какое-то варево,

а еще несколько орлов и орлиц тусуются с банкой заваренного чая, ожидая своей очереди. Можно только позавидовать такому жизнелюбию. Молодые, румяные, без комплексов, а как щеками двигают!..

Сижу на Эстакаде и покурываю «Стрелу». На меня почти не обращают внимания, что, конечно, к лучшему. Я чужой на этом празднике жизни, где едят, едят, едят...

О. появляется внезапно, присаживается рядом. Встаю, одергиваю штормовку, на всякий случай кошусь на публику. На нас не смотрят.

Едят.

О. передергивает плечами, берет меня под руку...

...Маздон третий сон видит, зато появились Лука с Борисом. И не просто появились — разместились на одном их лежаков и дуются в «деберц». Очень хочется чаю, и я, правда, без особой надежды, заглядываю в наш котелок. Удивительно, но полкружки заварки еще осталось. После этого можно и покурить...

...О. почему-то не нравится, когда я курю. Кажется, это что-то новое, раньше на такое она не реагировала.

Пока я дымлю «Стрелой», сбрасывая пепел в пустую консервную банку, Лука пытается изложить хронике боевых действий на соседском фронте. Слушаю его вполуха, понимаю лишь, что Толик (вспомнил! Толик по кличке Фантомас!) по-прежнему маячит на горизонте, но какое-то продвижение все же имеется. Во всяком случае, завтра эти дамы нанесут нам визит.

Эх, Лука, Лука!.. Три дня — и речь все еще идет о каком-то визите с питием чая! Нет, на пенсию, на пенсию, дорогой. Рыбку ловить будем, мемуары писать...

Рабочая тетрадь. С. 6—7.

...Из известных мне экстрасенсорных опытов в Херсонесе интерес представляет случай, рассказанный В. Его достоверность подтверждает Борис, при этом присутствовавший, а также еще трое, включая Женьку,

Сенаторова сына. Последнего, впрочем, в расчет можно не принимать.

Два года назад В., экстрасенс неплохой, лечивший всю нашу экспедицию, решил провести опыт у могилы Косцюшко-Валюжинича, похороненного за храмом Владимира. Время — поздний вечер. В. и все присутствовавшие были совершенно трезвы.

В. попытался послать в сторону могилы, как он говорит, «сгусток энергии», или же «плазмод» (терминологию оставляю на его совести). При этом он стоял у самой ограды, следовательно в полутора шагах от памятника. После нескольких попыток В. почувствовал, что «плазмод» возвращается. Через некоторое время он ощутил страх, опустил руки и быстро отошел в сторону.

Все это недостойно даже упоминания, если не одно обстоятельство: все присутствовавшие подтверждают, что лицо и руки В. начали светиться бледным, белоголубым светом. Явление продолжалось несколько минут. Сам В. ничего этого не видел.

Опыт был повторен через два дня с тем же результатом, но свечение на этот раз было слабее. В. вновь ничего не смог заметить, хотя субъективные ощущения оставались прежними.

Оценка: крайне недостоверно, несмотря на совпадающие свидетельские показания. Одному могло почувдаться, другие тут же поверили и тоже «увидели». А в целом опыт глупый и очень опасный...

Мы выходим с рассветом горячего дня.
Скоро будет стонать под кирками земля.
А пока — тишина. Только чайки на стенах.
А под ними лишь мы — черный строй воронья.

...И вновь солнце не спеша выползает из Карантинной бухты, серые чайки по-хозяйски бродят по обломкам стен, вдали копошится отряд товарища Д., а наша боевая четверка, доблестный отряд «Стена» стоит на краю помещения номер 60-а...

...Борис, Слава, прошу за инструментом! Слава, вы

ки — в лоток... Лоток — это наш ящик... Находки — в лоток, землю в ведра — и в соседнее помещение. Я его раскопал лет шесть назад, я его и закопаю. Нет, никакого криминала, помещения и полагается закапывать, чтобы стены не рухнули. По-научному, Слава, это называется консервация...

Ну, Борис на кирке, я и Володя — смена, Слава, прошу пока к ведрам... С богом!

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 5.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Начали раскопки пом. 60-а.

Пом. 60-а имеет прямоугольную форму, его длина 5,6 м, ширина 2,5 м. Помещение ограничено стенами, описание стен будет дано ниже.

На месте пом. 60-а раскопки велись с 1966 г. Всего было вскрыто четыре слоя. В 1989 г. снят слой № 4 высотой ок. 0,7 м. Материал слоя состоял из строительной засыпи, в которой содержались главным образом находки VII—XI вв. Встречались более ранние находки (IV—VI вв.). Материал был сильно фрагментирован...

Уф, ну и рыбий язык! Но делать нечего, приходится писать именно так, ведь после доведется из всего этого клепать отчет. А находки здесь были мало сказать «фрагментированы» — раздроблены почти в труху. Ну ладно, что там у Бориса вылезает?

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 5.

...Начали снимать первый штык 5-го слоя. Характер засыпи: нивелировочная, состоит из суглинка серого

цвета с включениями небольших фрагментов белой глины, устричных раковин, костей крупного рогатого скота. Встречаются сильно фрагментированные куски черепицы, кувшинов, амфор, большей частью VI—VIII вв. Встречаются также куски дерева, фрагменты архитектурных деталей, небольшие куски тонкого оконного стекла...

Где-то так... А теперь посвятим несколько строчек всей той ерунде, которую еще можно определить. Ну-с, по порядку...

Плинфа... Плинфа, Слава, — это плоский кирпич. Средневековый, конечно. Какой же еще может быть в этом слое? Впрочем, античная плинфа точно такая же. Итак, плинфа, глина серая, с черными включениями...

Черепица. Кувшины. Кости... Почему я знаю, Борис, чьи это кости, остеолога у нас нет. Мослы здоровые — видать, корова. Стало быть, крупный рогатый, очень крупный и очень рогатый... Нет, Борис, это все же не крыса, крыс мы тоже находили.

Та-а-ак, полива... Слава, хотите взглянуть? Красиво, правда? Нет, не уникам, массовый материал, берем только для счета. А делали ее проще некуда — поливали горшок стеклом, потому и полива. Это ранняя, она обычно без рисунка и почти всегда зеленая или желтая. А вот потом всяких зверушек рисовать начали, а цвет стал бурым...

Это, Слава, красный лак. Второй век нашей эры, судя по всему, Малая Азия, так называемый «Пергамский круг». А вот почему так называемый и почему круг — это мы в следующий раз.

Чего тут у нас еще? Ага, фрагмент известняковой колонны. Не первый — такие мы уже десятый год находим. Совершенно верно, Борис, Сибизс уверен, что в этой Казарме, которая вовсе не казарма, было святилище. Небольшой такой храмик аккурат посередине,

причем на втором этаже. Это надо Д. показать, пусть узрит.

Поглядели? А теперь три четверти всего этого можно с чистым сердцем выкинуть. Верно, Слава, считается, что археологи должны сохранять любой черепок. Во Дворце пионеров именно так и объясняют. Только мы этого добра откапаем не менее двух центнеров, а в фонды пойдет хорошо если дюжина вещей. В экспозицию? В какую, в музейную? Слава, за все время, пока я здесь копал, в экспозицию попало, по моему, четыре или пять находок. Да, всего лишь, и это не так уж мало.

...Ну конечно, Борис, ежели ты так хочешь досадить Ведьме Манон — то тащи к ней на точок все подряд, пусть описывает... Точок, Слава, — это куда мы находки сваливаем, ток, только маленький... Но зря это — все равно выкинет. Так что посчитаем, запишем — и в отвал с чистым сердцем.

Эх, джентльмены, разве дело в этом мусоре? Что мы тут, красного лака не видели, что ли? Вы лучше на камешки поглядите — как лезут, а? Вот она, Стеночка!.. Нет, сегодня еще описывать не буду, рановато. Вот еще копнем да сравним. Но похоже, похоже... Судя по всему, эти камешки нам и нужны...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
са. 1990 г.*

Лист 4.

...Работу закончили в 13.00...

После обеда — сиеста. Неглупо придумали греки-испанцы — в самые жаркие часы спать, а потом, как похолодает, делом заниматься. Дел, правда, до завтра нет, но поспать надо, а то с недосыпу черти будут мерещиться. Ложиться в три ночи — вредно. А еще позже — еще вреднее!..

...Если предположение о местонахождении южного и северного входов (ворот) Казармы все-таки справедливо, то из этого следует:

1. Казарма имела еще один ряд помещений, примыкавший к ее восточной части, ныне скрытый под дорогой. Здание было действительно огромным, а посему —

2. оно никак не могло быть первоначально казармой хотя бы из-за размеров, а также наличия двух или даже трех этажей. Однако обращает на себя внимание то, что северные ворота предположительно примыкали к городской калитке, а точнее к узкому коридору, между стен, который шел от калитки к морю. Южные ворота в любом случае выводили прямо в порт.

Итак, гости города, пройдя проверку у калитки (или у находящихся рядом главных ворот), следовали прямо в Казарму, бродили по ее этажам и, судя по размерам входа (ворот), вполне могли транспортировать в порт не только вьючную лошадь, но и небольшую повозку.

Возле западной стены Казармы в прошлом году была обнаружена поилка для лошадей.

Что из этого всего следует?..

Вечером Лука и Борис отбывают все к тем же дамам, Маздон как-то незаметно исчезает, а я направляюсь на Эстакаду. Картина не изменилась — часть молодняка усиленно ест, однако несколько человек о чем-то оживленно беседуют. О. среди них, посему присаживаюсь рядом и прислушиваюсь.

Разговор ведется, оказывается, о колдовстве. Ну, в Херсонесе это вечная тема! Здесь все располагает к мистике, так что тех, кто давно сюда ездит, начинают понемногу считать колдунами — или, соответственно, колдуньями, как ту же Ведьму Манон.

И действительно, что-то с нами постепенно происходит — то ли интуиция понемногу просыпается, то ли память предков дает о себе знать, то ли просто помра-

чение накатывает пополам с дежа-вю. Но это, конечно, мелочи, а вот Ведьма Манон...

...Она-то как раз молчит. Молчит, глазенками сверкает...

Ведьма Манон — это серьезно. И дело не только в том, что она — ветеран, тут мы один другого стоим. Ведьма Манон — ведьма настоящая, наследственная, дар сей получила от бабки. И добро б еще картами баловалась или, к примеру, хиромантией. Нет, Манон мастер по иным делам — травы разные, зелья приворотные. Слышал, что и фигурки из воска лепит... Не видел, но верю, тем более что в последнее время она совсем озверела, всем грозить стала... Тут без святой воды не разберешься!

Всему этому, естественно, можно и не верить. Но что она с бедолагой Маздоном сотворила? Старше ее мужик на четверть века, умнее, толковее — и на тебе: совсем маздоном сделался, голову потерял, побежал с Манон чуть ли не в ЗАГС. Потом стал не нужен, уже и вроде как развелись-разбежались, а Маздон все забыть не мог, бегал по Херсонесу, ревновал, с фонарем искал ночами... Всем смех — и Манон довольна. Бедолага Маздон!.. И все остальные, на кого она глаз положила, ничем не лучше стали. Вот Стеллерова Корова, к примеру. Только с Манон сдружилась — сразу карты «Таро» завела, пентаграммы чертить принялась. Вот и оставайся после всего этого материалистом!

Мужики-то ладно, но там, где появляется Манон, особенно в последнее время, начинается нечто несусветное. Вот об этом несусветном сейчас и речь идет. В соседнем сарае рубашки по ночам летают, а поблизости, рядом с нашей Верандой, барабашка объявился. Веселый такой, в контакт вступает охотно — и всем пакости говорит.

...Знаю, знаю, уже встречался! И не один я. Лука вчера спросил, скольких дам он в этот сезон к сердцу прижмет и собой обрадует, а барабашка возьми да отведь, что Лука — ни одной, а вот его — это точно. При-

чем — не дамы. Бедняга аж взвыл. Да, что-то сильно запахло в нашей богоспасаемой экспедиции серой!..

...Борис все время грозит Ведьме костром, а та обещает его извести. И вообще, знающие люди утверждают, что у Манон биополе черное...

Поистине есть что обсудить под черным херсонесским небом!

...О. качает головой. Кажется, ей никуда не хочется уходить. Мне, признаться, тоже...

Та-а-ак, а молодежь уже заговорила о привидениях. Ну конечно, разве можно без них? Черный Монах и Белый Адмирал!.. Черный Монах выдал чекистам монастырские сокровища, а вот Адмирал — это сам Александр Васильевич Колчак, тот, кого в Ангаре сбросили. Вынырнул, стало быть. Вынырнул, сюда явился.

...Привидениями здесь пугают новичков, как правило, девиц, для чего есть немало проверенных способов. Лучше всего выбрать полнолуние, когда тени резкие и любой камешек кажется мертвецкой головой. К этому добавляется белая простыня — а если еще и как следует повыть!.. Обычно сие проделывают на развалинах собора Владимира, чтоб далеко не ходить. Но привидения, что появляются в полнолуние, все же не так опасны, а вот которых в новолуние встретишь, те уж совсем страшные. Ежели с собой не уволокут, то инфаркт обеспечат на раз.

О месте, где привидения наиболее опасны, мнения присутствующих разделяются. Я категорически отвергаю предположение, что призраков можно встретить на вершине башни Зинона. На этой башне почти каждую ночь гуляют веселые компании, что считается особым шиком. Ясное дело, такие сонмища могут распугать самых смелых призраков, а посему я защищаю свою давнюю теорию, что ежели тут привидения и имеются, то искать их должно все на том же Западном городище. Прежде всего — безлюдно, и днем, и особенно ночью. А главное то, что все Западное городи-

ще — почти сплошь кладбище, где покоятся целые поколения херсонеситов. Сам я, правда, здешних привидений не видел, врать не буду...

...Не видел?

И никто из наших ветеранов не видел. Вот первокурсники — те да, те каждый год наблюдают. Видать, настоящие привидения в Херсонесе поывелись. Вот на Эски-Кермене еще встречаются, там Керменский мальчик живет, это все знают. А на Мангупе, соответственно, Мангупский. Правда, я их тоже не видел, но знаю таких, что видели. А не видел их я потому, что эти, Керменский и Мангупский, профессиональных археологов боятся...

...После того как мы несколько лет назад в небольшой компании, куда затесалась и Ведьма Манон, сбегали на Эски-Кермен, бедняга Маздон, переживавший очередной приступ ревности, вопил о том, что Манон там путалась с Керменским мальчиком...

Вновь смотрю на О. Она отворачивается, опять качает головой...

И вообще, Хергород — загадочное место. Летом здесь почти никогда не идет дождь. Севастополь — через бухту — заливает, а здесь ни капли. Роза ветров, говорят, особая. А ежи! Только здесь живут ушастые ежи, нигде больше. А фиолетовая жужелица, крымский эндемик, нигде нет, а здесь на каждом шагу. Что тут скажешь? Загадочное место...

Начитанная молодежь охотно соглашается, Ведьма Манон начинает что-то повествовать о раскопках могил на том самом Западном городище, но это уже не интересно. Могилы я не трогаю — дал зарок еще много лет назад, совсем желторотым, когда копал скифов под Песочином. Тогда пили прямо на дне опустошенного кургана, обмывая очередную находку, делали из черепов чаши — или играли ими же в футбол. Уже под самый конец экспедиции раскопали могилу, где были похоронены две старушки вместе с маленькой собачкой. На следующий вечер череп одной из бабушек

служил чашей на торжественном посвящении в археологи...

Все, пора уходить!

О. даже не обернулась. То ли не в настроении, то ли просто понимает, насколько это все...

Насколько — что?

...Поздно, ненужно, бесполезно, мучительно, словно пробуждение мертвеца, гальванический ток по жилам, гальваническая боль в сердце, легкая дрожь тонких пальцев... Агония, фантомная боль, фантомная любовь, фантомная нелепость...

На Веранде — свет. Ага, да у нас гости! Думая о сохранности своего спальника, избегаю по ступенькам. Так и есть — на моем спальнике сидят. Правда, сидит Лука, а это не так страшно. Две наши соседки расположились напротив, на лежаке Маздона, которого опять где-то носит, Борис пристроился чуть в сторонке и покуривает. Чай уже выпили, теперь доедают откуда-то взявшуюся колбасу.

Отодвигаю Луку в сторонку и выцеживаю из чайника глоток заварки. Значит, так: которая побольше — Лена, поменьше — Марина, обе из Кемерова... Та-а-ак, и о чем разговор? Тоже о привидениях? Слава богу, не о них, а о Великой Тайне Састера.

А что, тоже неплохо!

Присаживаюсь в уголке, слушаю, хоть и не в первый раз. Но Лука излагает знатно — жаль не этим кемеровским сие оценить!

Итак... Итак, век назад великий Косцюшко нашел каменную плиту с надписью. Это была знаменитая херсонесская Присяга. «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют городом, землей и укреплениями...» Ну и так далее. Занятная Присяга! Обещали, ясное дело, не предавать, не изменять и прочее, но главное — сообщать обо всем подозрительном куда следует, то есть работникам тамошней госбезопаснос-

ти — номофикалам. Ничто не ново!.. И среди прочего херсонеситы клялись не выдавать тайну Састера...

Чего это такое — никто не знал. И сейчас не знает. Састер себе — и Састер.

Думали всяко, но в последние годы начали все чаще предполагать, что таинственный Састер — не что иное, как подземное святилище. Может быть, то самое, где хранилась городская святыня — деревянная статуя богини Девы. Именно оттуда его доставали в редкие дни праздников — или в час беды, когда Дева отводила опасность от города. Но Лука с этим категорически не согласен. Он глубоко проник в сущность древних обычаев и пришел к выводу, что в Састере хранилась не какая-нибудь богиня Дева, а нечто более серьезное — Великий Фаллический Символ...

...Лука давно занимается проблемой Великого Фаллического Символа. Еще в те годы, когда он не гнушался бить в руки кирку, наш гусар ставил перед собой единственную цель — отыскать Великий Символ, совершив таким образом переворот в привычных представлениях о Херсонесе. В его рассказах Символ вырастал до титанических размеров — в последнее время Лука определял его пятью метрами в диаметре и двадцатью в высоту. Бросив баловаться киркой, Лука пообещал соорудить у себя на работе интравизор, просветить толщу херсонесской скалы, найти недоступный Састер и доказать свою правоту.

Мы с Борисом слушаем этот шедевр научного красноречия с явным удовольствием, но, увы — девицы из Кемерова, кажется, так ничего не поняли. Надо было Луке выдумать что-нибудь попроще. Не ценят нашего акына! Смотреть на девиц становится совершенно неинтересно, и я отправляюсь дышать свежим воздухом. Все равно чай уже допили!

...Прямо на холмике посреди херсонесской саванны натыкаюсь на человека — живого, в спальном мешке и мирно спящего. Да это же Маздон! То-то он по ночам пропадает, не иначе, вспомнил свою давнюю

привычку ночевать под херсонесскими звездами. И не сыро ему... А еще говорят, что перевелись оригиналы на свете!

Рабочая тетрадь. С. 7—8.

...Необъяснимый случай.

Два года назад работавшие в одной из экспедиций пионеры юные (головы чугунные) нашли где-то человеческий череп, вероятно, немецкий, из могил на Западном городище. Черепом играли в футбол, а потом бросили его около тропинки, которая ведет от Веранды к сараям.

Мы тогда жили в сараях. Вечером, когда уже темнело, мы с Борисом сидели на скамейке и курили. Борис заметил некий силуэт, двигавшийся от веранды прямо к нам. Разглядеть подробнее его было невозможно из-за темноты. Скуки ради мы стали гадать, кто бы это мог быть (тогда на Веранде жила команда Слона). Однако силуэт внезапно исчез. Мы удивились, однако подобное повторилось и на следующий вечер. Мы заинтересовались и подошли к тому месту, где таинственный силуэт исчезал. Возле тропинки, в траве, лежал череп.

На следующий день череп мы похоронили, и больше ничего подобного не происходило. И я, и Борис в эти дни были совершенно трезвыми.

Подобных баек я наслушался и начитался (хотя бы эпизод с философом во «Флоридах» Апулея). Однако в данном случае мы это действительно видели...

*Из раскопа доносится радостный крик —
Чей-то точный удар погребенья достиг.
Нависает толпа, суетится фотограф...
Здесь лежит человек! Замолчите на миг¹*

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 7.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Продолжали снимать первый штык 5-го слоя в пом. 60-а.

Характер засыпи прежний, однако в северной части помещения находок значительно меньше, чаще встречаются включения желтой глины, а также мелкие необработанные камни.

При вскрытии первого штыка 5-го слоя пом. 60-а обнаружены остатки каменной стены, идущей параллельно юго-западной стене пом. 60-а. Эта стена находится на одной линии стены Казармы, открытой еще в 1989 г.

Является ли эта стена стеной Казармы? Сомнения вызывает характер кладки, которая очень похожа на раннесредневековую. Приблизительно на этом уровне в 1983 г. в соседнем помещении номер 60 были открыты остатки стены, которая, возможно, являлась фасадной частью стены, открытой в этом году.

Находок сравнительно немного, все они сильно фрагментированы...

Вот так-то, Борис: копали, копали — откопали... То ли та Стеночка, то ли вообще бог весть что. Она, конечно, на том же уровне, что и Казарма, сам вижу. Но может быть, это просто средневековая стена на более древнем фундаменте, и такое здесь бывало. Что делать? Копать будем, однако, — пока не поймем хоть что-нибудь. Ладно, давай сигарету. Перекур.

Что ж, курим... Приходит Д., и я демонстрирую ему весь бедлам моего раскопа. Д. в ответ приглашает взглянуть на свой бедлам, который, пожалуй, почище. Хуже нет занятия, чем копать город, проживший много веков! Проживший — и к тому же умерший своей смертью. То ли дело если какой-нибудь налет, великий пожар, землетрясение, наконец. Никаких тебе перестроек, новых строительных слоев. Да, гуманизмом в археологии и не пахнет!..

...Представляю, как бы мы ругались, ежели б Херсонес не погиб тогда, в конце страшного XIV века, а худо ли, бедно, но дотянул до дня сегодняшнего. Копать современный город вообще почти невозмож-

но. Вон, Александрия, Афины, даже Рим. Много накопили?

Ну ладно, скоро должен появиться Сибиэс, надо же ему что-то доложить? А что именно? Три камня непонятного значения и назначения?

Сибиэс действительно скоро появляется, но мы с Д. тут же понимаем, что вождь вполне может обойтись и без наших проблем. Взгляд его грустен, рассеян... В общем, как всегда.

...Копаете? Хорошо... Откопали? И это хорошо. А он, стало быть, Сибиэс, чувствует себя не ахти, то ли печень, то ли совсем даже не печень. Того и гляди в больницу уложат. А Сенатор Шарап завтра катит в Киев на свою парламентскую сессию, так что экспедицию придется тянуть нам с Д.

Окончательно убеждаюсь, что с начальством все в полном порядке. Когда Сибиэс начинает ныть и жаловаться на печень, значит, дела идут как должно. А вот когда он, не приведи господь, начинает активничать...

Ничего, Сибиэс, все будет нормально! Чаю бы зашел выпить, что ли, а то и на пляж бы заглянули, со скалы попрыгали... Вон мы уже как загорели, а ты все белый! Здесь, конечно, не Женевское озеро, но все же...

Бедняга Сибиэс! Что-то он и вправду киснет. Рано, рано еще болеть, небось когда при Старом Кадее вставал каждое утро в полшестого и торчал тут, под этим ненормальным солнцем, как огурчик был! Нет, в Херсонесе расслабляться нельзя... Куда же ты, хоть погляди, чего выкопали!

Было начальство — нет начальства.

...Маленький мальчик в Казарму залез. Там караулил его Сибиэс. Хищно взметнулся над жертвою клык — маленький мальчик попал на шашлык...

Д. придавлен чувством свалившейся ответственности. Впрочем, это в его интересах — надо же поставжироваться перед тем, как в следующем году везти сюда эту ораву самому! Ничего, ничего, разберемся...

Что, кладочки, говоришь, у тебя лезут? Они и у меня лезут. Ну ладно, пошли поглядим...

...Кошмар! Кошмар и дикий ужас! А сколько тут у тебя строительных периодов? Два, говоришь. Не-е-ет, не два тут периода. Это что вылезает? Сам вижу, что водосток. Ладно, давай сигарку, поглядим попристальнее...

Слушай, а ты уверен, что это еще не копано? Точно уверен? А бутылка пивная откуда? Ну-ну...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 7.

...Описание черепицы. Найдено восемь фрагментов, в том числе три с бортиками. Бортики высокие, клювовидные...

После обеда к нам заглядывает несколько оклемавшийся Сибизэс, и мы все вместе отправляемся на пляж, то есть на все те же наши скалы. Быстро совершаем дежурный заплыв по скучной теплой глади и поудобнее располагаемся на камнях, скуки ради наблюдая за Лукой. Наш тюлень не спешит вылезать из родной стихии (тюлень и есть!), время от времени совершая непонятные маневры, сходные с противолодочным зигзагом. Вскоре смысл сих экзерсисов обнаруживается: Лука, словно конвойный авиацосец, совершает виражи вокруг какой-то незнакомой дамы. Время от времени тюлень шумно отфыркивается и с победоносным видом поглядывает на нас.

Все понятно. Боевая тропя! Лука преследует цель не только на суше, но и на море. Видать, скоро летать станет!

Наше укоризненное «а-а-а-а!» несется над морем. Лука отзывается бодрым «бе-е-е-е!» — и уплывает с неизвестной дамой вдаль.

Ладно, теперь можно покурить и побеседовать, тем более что в последнее время беседовать с Сибизэсом приходится нечасто. А жаль, с такими, как он, приятно разговаривать на самые неактуальные темы. Актуальные-то с любым дураком обсудить можно! А вот чего-нибудь позаковыристее...

Ну, например, такой вполне херсонесский вопрос: отчего, собственно говоря, все это погибло? Почему пала Византия? Великая империя, самое культурное государство в мире, самое богатое, да еще с колоссальным опытом Римской империи. Держава, раскинувшаяся в лучшие годы от моря Черного до моря Красного, от Эбро до Евфрата...

Сибизэс задумчиво почесывает бороду. И вправду — почему?

Судьба империи! После гибели Византии сюда, в Крым, приплыли турки и сровняли с землей то, что еще оставалось от Херсонеса. А через четыреста лет после гибели Второго Рима в Крым ворвались орды Фрунзе, и Юра Пятаков вместе с доброй бабушкой Розалией Самойловной Залкинд всю зиму тешились расстрелами. Впрочем, Розалия Самойловна, не вынося звука стрельбы, предпочитала топить белых гадов в севастопольской бухте.

...Горькая память давней войны, горькая пыль крестного пути, горькая полынь забытых могил, горькая слава последних героев, вставших за честь страны, встретивших тонкой сталью штыков Красный Армагеддон, кинувшихся в жерло Мальмстрима... Убитые, расстрелянные, изгнанные, рассеянные от колымских тундр до африканских песков, над вашей памятью сомкнулась пучина Черного моря, над вашими костями клубится черный ил...

Понимая, что Луку мы едва ли дождемся, поскольку защитная жировая прослойка обеспечивает ему длительное автономное пребывание в воде, начинаем собираться. Сибизэс опять жалуется на самочувствие и все вздыхает о тех славных временах, когда он попро-

сту копал (если по-нашему, то «стоял на кирке») в экспедиции легендарного Стрежелецкого. Я тоже вздыхаю — стоять на кирке, не занимаясь дневниками, отчетами и всякой бухгалтерией, и еще у самого Стрежелецкого! Да...

...Стрежелецкий был одним из последних Великих Херсонеса. Именно он, собрав молодежь из разных родов — и Старого Кадея, тогда еще отнюдь не старого, и Великого Бобра, которая в те годы была всего лишь аспиранткой, и сибарита Балалаенко, еще худого и юного, вместе с ними начал копать наш Портовый район. Из его экспедиции вылупились три новые, затем еще две...

Увы, Великих Херсонеса почти не осталось.

Нет отчаянного смельчака Константина Гриневича, первым решившегося опуститься в громоздком водолазном скафандре на дно Карантинной бухты в поисках таинственного Страбонова города.

Нет старика Белова, раскопавшего Северный район с его потрясающей красоты базиликами, с тех пор пропечатанными на сотнях открыток и проспектов.

Нет и легендарного Лепера, первого знатока херсонесского некрополя. И никому не пожелаешь его судьбы.

Нет уже и Стрежелецкого.

Только старый Волк Акелла, давно уже выгнанный на пенсию, ославленный и осмеянный, все еще копает свой знаменитый театр, каждый день набирая в экспедицию бог весть на какие деньги крымскую шпану — отчаянных «волчат».

Его товарищу по несчастью, мрачному чернобородому москвичу Беляеву повезло меньше: оклеветанный и выгнанный с работы, он навсегда расстался с Херсонесом. Лагерь, который он строил много лет, прибрали к рукам более основательные люди.

Не копает уже и Старый Кадей. Он сам предпочел бросить это неблагодарное занятие.

Держится покуда еще Большой Бобер со своим Урлагом. Но к ее владениям уже подбирается Гнус...

Что и говорить, нелегкие времена сейчас в Херсонесе! Похоже, Сибиэс покидает вахту вовремя, и нелегко будет Д. держать здесь оборону. Настает эпоха Гнуса, сдадут весь Херггород кооператорам в аренду — и останется наследие Великого Косцюшко только на старых негативах из архива. Ежели, конечно, сам архив не используют под кооперативный ресторан.

Сибиэс грустен. Он наверняка помнит свои собственные речи, сказанные много лет назад, — как можно реставрировать Херсонес, подвести под своды старые базилики, поднять из праха целые кварталы, пока еще не поздно, пока еще есть время. Построить здесь научный центр с настоящими лабораториями и хранилищем для фондов... Тогда Сибиэс еще верил в это. Теперь же... Чего уж теперь!

Еще год назад в нашей столь любимой, столько раз запечатленной на маздоновских снимках «Базилике в Базилике» стояло семь колонн. В этом году осталось только две.

...На мертвых камнях мертвого города копошатся гиены, воют шакалы, роют норы лисицы, волки скалятся на равнодушную луну. Не найти того, кто поднимет Херсонес, словно Лазаря, из праха, не вечны стены, и камни не вечны, и земля перетирается в пыль. Пыль, пыль, сухая безнадёжная пыль...

Рабочая тетрадь. С. 7.

...Наблюдения Бориса:

1. В последние несколько дней в Херггороде особенно много заезжих «магов» и прочих хиромантов-гадалок. Замечены вечером возле храма Владимира, где «заряжались» в позе «немец под Москвой». Также кучковались в «Базилике в Базилике», причем все около колонн, где тоже пытались «заряжаться».

Борис вспоминает, что Ведьма Манон очень лю-

бит фотографироваться именно у этих колонн. Случайность?

2. Борис не поленился сходить к Крестильне Владимира, где выплясывала колдунья, виденная нами по ТВ. Он считает, что это самое «холодное» место в Херсонесе, откуда любой обычный экстрасенс постарается уйти как можно быстрее. Выходит, кому война — а кому мать родная?

Комментарии:

— Ведьма Манон весьма высокого мнения о своей фотогеничности, посему фотографируется всюду. А колонны «Базилики в Базилике» смотрятся на фотографии очень неплохо.

— Крестильня Владимира не имеет отношения ни к древности, ни к средневековью. Это новодел конца прошлого века, в настоящее время залитый бетоном. Поведение колдуньи и в самом деле выглядит странным. Вероятно, плясала она там по просьбе телевизионщиков для пущего визуального эффекта...

Пьем чай. На этот раз Маздон расстарался — или мята какая-то особенная. Сибиэс откланивается, посетовав, что не дождался Луки. Видать, занят наш тюлень, не иначе в Турцию уплыл!

...Стук в дверь. Очевидно, кто-то из нечастых гостей — мы вечерами никогда двери не запираем. Ага, действительно гость, причем редкий — Женька, Сенаторов сын.

Когда я впервые сюда приехал со Старым Кадеем, Женьке было семь лет, он гонялся за местными бабочками, мечтая стать энтомологом. Слово это Женька произносил абсолютно правильно. Теперь уже семнадцать, он увлекается компьютерами и тэквондо.

Ну-с, юноша, что тревожит? Ага!..

Оказывается, Женька всерьез озабочен ухудшением астральной обстановки вокруг нашей экспедиции. Черные пятна отрицательной энергии внедряются в

нашу общую ауру, дважды к сараям наведывались крайне подозрительные энергетические двойники...

...Вот ужас-то! А следы-то человеческие!..

А посему Женька намерен начать кампанию по борьбе с колдовством в экспедиции. Для начала он решил начертить вокруг Ведьмы Манон магический шестигранник, дабы запереть в нем Ведьму до конца сезона. За формулой шестигранника он ко мне и явился. После некоторого раздумья предлагаю отложить шестигранник до новолуния, когда он наиболее эффективен, а пока освятить наш участок Казармы, поскольку любой ребенок в Хергороде знает, что Ведьма Манон творит по ночам страшные заклятия у свежих раскопов, в результате чего находки уходят далеко под землю прямоком в грунтовые воды. Женька загорается этой идеей и предлагает ценное дополнение: наряду с освящением раскопа соорудить на его стене крест из подручного материала (глины), а заодно установить в укромном месте некий амулет, тайна которого известна ему одному.

...А ведь парню уже семнадцать! Вот что значит каждый год в Херсонес ездить!..

Осуществление этой программы намечаем на завтрашнее утро. Заодно поставлю Женьку в наш раскоп на ведра — чтобы заклятия были более действенными.

Хороший Женька парень, но лишнего при нем болтать не стоит. Он не только наследник Сенатора Шарапа, но и сын главреда «Херсонесише Beobachter» — а заодно добровольный корреспондент и распространитель свежих номеров нашей знаменитой газеты... Вот и сейчас он сообщает кое-что из вечернего выпуска.

...И снова — ага! Оказывается, Лука кинулся в море, потому как его кемеровская пассия, та, что покрупнее, по имени Лена, отшила нашего тюленя, предпочтя ему какого-то желторотика из команды Д. К тому же вокруг этих девиц вороном кружит небезызвестный Толик-Фантомас...

Прав был Борис —дохлый номер, зря Лука про Символ Фаллический распинался. Пусть теперь хоть за морем счастья поищет!

...Солнце снова валится за серые прибрежные утесы, но сегодня над морем тучи, и закат кажется блеклым и неинтересным. В этих случаях старые херсонеситы замечают, что завтра будет ветер. Еще ни разу эта примета не подвела, тем более что ветер в Херсонесе дует постоянно — даже ежели солнце садится при совершенно ясном небосклоне.

Интересно, доживу ли я когда-нибудь до такого своего Херсонеса, когда вечерами будет хотеться только одного — надеть свитер, штормовку, сесть на нашей лавочке у навек заглохшего источника и курить, беседуя с такими же, как я, ветеранами о днях минувших? Ведь давал, давал себе зарок — никуда не влезать, вести себя тихо-тихо...

Впрочем, мы с О. не шумим. На Западное городище наваливается темень, окружает нас со всех сторон, я надеваю на О. вовремя захваченный из дому свитер, а она дрожит, повторяет, что ей холодно, что она зря сегодня пошла со мною, и в Херсонес тоже поехала зря, а ее брат стал уже о чем-то догадываться.

...Ложь украденных поцелуев, ложь покорного тела, ложь привычных слов, ложь торопливых ласк, ложь безвидной херсонесской ночи, ложь сигареты, передаваемой из губ в губы... Ложь, ложь, ложь...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 9—10.

...В середине IV в. до н. э. произошло усиление херсонесской экспансии в Западном и Северо-Западном Крыму. Часть тавров отступила в горы, но некоторые остались жить в предгорьях и на равнине. Интересно, что одно таврское поселение находилось рядом с городом — в Сигнальной бухте (Симболон), ныне Балаклавской. Возможно, эти тавры находились на положении полурабов-илов.

Оттеснив и покорив тавров, херсонеситы овладели частью западного Крыма, присоединив к своему государству небольшой ионийский город Керкинитиду. Была основана крепость возле современной Евпатории (совхоз «Чайка»).

Продвигаясь далее на запад, херсонеситы столкнулись с владениями Ольвии, и между этими греческими государствами началась ожесточенная война. Усадьбы ольвиополитов в Крыму были разрушены и сожжены, а территория присоединена к Херсонесу. Отношения между Ольвией и Херсонесом были серьезно испорчены как минимум на полстолетия.

Так была создана Херсонесская держава, просуществовавшая до III в. до н. э., пока ее не уничтожили скифы, отступившие в Крым под натиском сарматов...

Я к лицу твоему прикасаюсь рукой.
Холод кожи, а в сердце — недвижный покой.
Если что-то и спит — не найдешь, не разбудишь.
Просто встретились тени над Летой-рекой.

Сидим с Борисом на краю раскопа совершенно сонные и оттого крайне невеселые. Мы попросту не услышали будильника и проснулись, точнее, я проснулся, по сигналу невидимых внутренних херсонесских часов, аккуратно за десять минут до начала работы. Какой уж тут кофе! Конечно, можно было и кофе сварить и выпить, и покурить, не особо торопясь, поскольку наша гвардия — Володя со Славой — вероятно, еще только умываются. Но форс, форс херсонесский! Я никогда еще не опаздывал на раскоп. Однако тоскливо... Борис не выдерживает и хватается кирку. Пятнадцать минут киркования вполне заменяют чашку кофе. Следую его примеру.

Э-э-эх! Ух-х...

Вместе с изрядно опоздавшими гвардейцами прибегает умытый и веселый Женька, Сенаторов сын, и с места в карьер он спешит сообщить, что его уважаемый родитель Сенатор Шарап временно прерывает

свои парламентские бдения и возвращается в Хергород. Что-то недолго он в этом парламенте бдил! Однако же Сенатор прав — на наших скалах не в пример веселее, чем в Мариинском дворце.

Между тем Женька приступает к делу, благо все необходимое имеется под руками. Все необходимое — это прекрасная, чуть зеленоватая и очень вязкая глина аккурат из-под Стены и немного умения.

...Сгинь, пропади, исчезни, сквозь землю провались, уйди с волной штормовой, растворишься туманом, марой, не воскресай, нас не трогай, стороной обходи, нас ты не видишь, не слышишь, не почувешь, не дотронешься...

Через некоторое время крест закончен. Женька водружает его согласно моему указанию на восточную стенку помещения № 60-б, после чего я торжественно освящаю раскоп. Теперь уж козни Ведьмы Манон не страшны! Однако Женька иного мнения. В душе он все-таки язычник, поскольку начинает лепить из глины, в свое время использовавшейся, насколько я могу сообразить, для подсыпки фундамента Стены, некое чудище, которое при наличии некоторой фантазии можно принять за ушастую голову с глубоко сидящими глазами. Сенаторов отпрыск помещает голову в небольшую щель между камнями и шепчет какие-то невнятные заклинания... Вот теперь он успокоился, и я могу ставить юного экзорциста на ведра — выкидывать наш вязкий грунт. Женька, конечно же, предпочел бы взять кирку, но эту честь еще нужно заслужить. Даже Славу — и того к кирке я пока не подпускаю.

Д. издаലെка наблюдает нашу прикладную магию, наконец не выдерживает и подходит ближе. Убедившись в правоте своих самых жутких подозрений, он участливо заявляет, что херсонесская мистика меня в конце концов таки погубит. Но сочувствие личного состава явно на моей стороне, тем более после того, как Женька еще раз подробно разъясняет всю опас-

ность колдовских козней Ведьмы Манон. Тут уж и Д. поневоле задумывается — нашу Ведьму побаивается и он, хотя виду, конечно, не подает. Через некоторое время, угощаясь у меня сигаретой, Д. вполголоса роняет, что, когда он станет начальником, ноги Манон в Хергороде не будет — не из-за мистики, конечно, а из-за ее характера. Что верно, то верно, характер у нее в последнее время стал невыносим, но ведь не у одной же Ведьмы характер плох! Нет, от Херсонеса никуда не уйти, через год-другой Д. будет начинать каждый рабочий день с торжественного молебна...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 8.

... Характеристика находок.

Найдены крупные фрагменты красноглиняной черепицы и плинфы. Обращает на себя внимание небольшой фрагмент камня зеленоватого цвета, тщательно обработанный с двух сторон. Возможно, это мрамор с сильными вкраплениями слюды. Обнаружено несколько фрагментов раннесредневековых амфор с рифлением и белым ангобом, а также несколько ручек и донышек, не поддающихся точному определению. Найдено шесть небольших фрагментов чернолаковой посуды II—I вв. до н. э. Найден также небольшой фрагмент тонкого оконного стекла и фрагмент стеклянного сосуда. Встречались кости домашних животных и челюсть крысы. Из металлических предметов найден один бронзовый гвоздь...

Что такое ангоб, Слава? Смотрите сюда, вот видите, боковушка? Да-да, она самая, типичное раннее средневековье, век VII—VIII. А точнее вам, Слава, никто не скажет, они, в общем, одинаковые были. Ну вот, это зеленоватое покрытие и есть ангоб. В общем, типичный раннесредневековый слой, а еще точнее —

засыпь. Разница в том... Борис, не подсказывай, на кирку смотри! Разница в том, что слой создается естественным путем, а засыпь — это когда яму забрасывают землей, обычно при строительстве. А эллинистическая керамика встречается в засыпи потому, что землю брали тут же, рядышком, вот и выскребали, что под ногами. Нет, Борис, это не III век, ты же видишь, какой скверный лак! Графитовый блеск, значит, второй век до... Смотрите, Слава, смотрите. И что за бо-соножки, юнкер? Когда вы будете надевать закрытую обувь?!

...А потому что не положено! Ясно? Будете тут у меня беспорядки нарушать...

А где Володя? Пора кончать перекур, пачка и так пустая...

Стена лезет из-под земли. Похоже, это все-таки она, родимая, от «первой» Казармы. Но кто бы помог разобраться во всей этой каменной каше! Нет, копать могилы в сотни раз легче: снял землю, прощупал каждый комок, просеял, сфотографировал, забрал все, что есть... Помнится, Слон таким образом однажды золотую сережку нашел — чуть ли не в отвале, проглядели его орлы... И все, иди писать отчет. А тут — стенки, стенки, слои один за другим. Ладно, посмотрим еще раз...

Ага, вот наш Старый Маздон жалуется. Раскоп, смирно! Еще смирней!!!

Здорово, Маздонушка, что не весел? Ну конечно, все они маздоны! И Гнус первый маздон, лавочник — и коммунист проклятый. И тушенку тебе не дали, и сгущенку. И нам тоже, между прочим. А сами жрут... Нашу тушенку жрут — какую же еще? Держи сигарету, правда, она последняя, а последнюю даже менты не берут... Ну конечно, Маздон, ты берешь и последнюю!

Маздон погрызся с Гнусом... Ничего, обычное дело, без этого ему скучно. Когда Маздон ругается, значит, настроение его — не из худших. Вот когда дела плохи, он умолкает, становится тихим...

Да бес с ним, с Гнусом, ты лучше, Маздон, погляди, какая у нас яма глубокая намечается. Ага, метра в три. А как снимать для отчета будем? Понимаю, что с контражуром, но как именно?

Рабочая тетрадь. С. 7—8.

...Неделя с начала экспедиции.

Предварительные итоги: все идет оптимально, работаем без сбоев и без ЧП. Потеряли целый день на раскачку, что недопустимо.

Особенности нашего коллектива — закрытость, минимум общения с посторонними. Ввиду такой эндемичности любая ссора способна доставить изрядные неприятности. И не только ссора, но даже неадекватное поведение кого-то одного. Пример: в 1987 г. из-за плохого настроения Сибизса экспедицию буквально трясло.

В этом году все быстро заняли отведенные им в Херсонесе (Херсонесом?) «ниши». Единственное исключение — Борис, который все еще не нашел себе партнеров для преферанса.

Лука хорош, как в лучшие годы. Только работать не хочет, а сие, как показывает опыт, опасно. Таким был Дидик в его последний год, такими были Крокодил и Птеродактиль. Сначала не выходят на раскон, потом начинают дуричь, ссориться со всеми, грозиться уехать. Неужели и Лука тоже?..

Пьем чай на Веранде, с тоской подсчитывая остающиеся пачки сигарет. Н-да, три дня жизни — и то ежели не барствовать, а экономить. Да какая тут экономия — куришь вдвое больше, чем дома, да еще кругом стрелки! А в Себасте пачка «Стюардессы» уже по трояку... Хорошо чаю много, его тоже, говорят, курят.

Луки нет. Маздон сообщает, что наш тюленчик встал в начале двенадцатого, вылил на себя, обормот, весь запас воды (хоть бы раз ведро притащил!) и умылил в неизвестном направлении. Н-да, разрезвился

Лука! Ну, собственно говоря, каждый проводит отпуск как хочет, тем более его Гусеница в Харькове...

Стол у сараев по-прежнему не пустует.

Едят!

Вероятно, это поздний обед или полдник — или все вместе. Ага, вот и Сенатор! День добрый, день добрый... Что там, наверху, в эмпиреях? Читывали, читывали... Читывали, скорбели. А у нас все в том же духе. И воды нет. Хорошо б запрос парламентский по этому поводу... Ах, и министров еще не назначили, некому воду пустить!..

...Сенатор, Сенатор, многоуважаемый Шарап! И понес бес тебя в политику! Чего тебе не хватало? Я ведь помню твои лекции, и все мои однокурсники помнят. Царь Набонид, царь Асархаддон, ты про него еще стишок Брюсова читал... Ниневия. Египет, Шумер. А теперь? Ну стал депутатом, ну жжешь глаголом раз в три месяца по три минуты, ну покажут по телевизору. Изменится что-нибудь? Воду в Хергород дадут? Сигареты появятся?

...С трибун, с телеэкранов, с броневигов, с танков, из динамиков, из подворотен, из водопроводных труб — орут, призывают, проклинаят, обещают, указывают, наставляют, провозглашают, кроют, жгут глаголами, огнеметами, залпами «Градов»... Будет все, будет всем, будет всегда и навсегда, только идите за нами, за вождями, за самыми лучшими, самыми демократическими из демократических, а уж мы, да уж мы, да не сомневайтесь...

На камнях Луки тоже нет. А это уже интересно, поскольку в такую жару деваться некуда, не в город же ехать! Луки нет, зато Гнус, как всегда, на месте. Моноласт под задницей, очечки черные... Ну, смотри, смотри! Ага, мадам Сенаторша... День добрый! А вот те ребята, кажется, из Москвы, видать, сегодня приехали, поселились наверняка в Беляевке, сиречь в бывшем лагере Беляева, что на горке. Привет, Андрей, привет! А где Саша? О-о, а еще жаловался, что стареет!

Бомонд потихоньку сползается... А мы — в воду!

В первые годы всегда брал с собой маску. Когда вода чистая, нырять — одно удовольствие. Чего там на дне только нет! Камешки, крабики, мидии, черепица с французским клеймом, та самая, оккупационная, еще с Крымской войны. Интересно было плавать! Заплывешь, бывало, подальше, чуть ли не к авианосцу, что на рейде скучает. Здорово Херсонес оттуда смотрится, с суши его так не увидеть! А потом все надоело. Ну стоят колонны, ну храм Владимира горой громоздится, ну водоросли зеленые внизу. Мидий еще можно собрать и пожарить... В первый раз оно ой как здорово! А ежели в тысяча первый?..

Ладно, чего уж! Туда — брассом, нырок, другой... Обратно кролем... Все, назад! Теперь можно и сигаретку в зубы.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 10—11.

3. Греки и их соседи в Причерноморье.

Эллинских «лягушек», приставших к северному берегу Моря Негостеприимного, встретили скифские «кентавры», только что завоевавшие эту землю. И те и другие искали здесь новую родину. За спиной у одних были сотни километров степи, за спиной других — многие дни плавания по еще малознакомому, а потому опасному морю. У кромки берега встретились два мира, казалось, ничем не походившие друг на друга. Кочевники и мореходы начинали контакт.

К сожалению, этот контакт почти не оставил следов в греческой традиции. О нем мы можем судить лишь по результатам — греки сумели основать свои города, и, очевидно, без большой войны. В противном случае едва ли «лягушкам» удалось надолго обосноваться на Черноморском побережье. Впрочем, немногие сохранившиеся сведения позволяют судить двояко: Стефан Византийский сообщает, что город Пантикапей был основан благодаря соглашению с местным «царем», а Страбон утверждает

ет, что эту землю пришлось отвоевывать у скифов. В любом случае, как-то договориться все же удавалось. То, что новые города строились в наиболее удобных с точки зрения обороны местах и немедленно опоясывались мощными укреплениями, свидетельствует о далеко не дружественных отношениях между «лягушками» и «кентаврами». Но то, что эти города уцелели, говорит об относительной слабости скифского натиска...

А что это там дымит на Западном городище? Ну, дело ясное, снова пожар. Интересно, кто это, как лето, начинает Херсонес палить? А ведь хорошо палят, от души, в прошлом году огонь чуть ли не до сараев добрался. Раз десять пожарную тревогу объявляли. Лопаты в зубы — и вперед! А потом на пепелище то банку с тормозной жидкостью находили, то с краской... Пиромания! Дождей здесь летом не случается совсем, сушь страшная, а дураков всегда хватает. Сожгут, сожгут Хергород! Как хан Едигей когда-то...

Сейчас, правда, горит так себе. Слабо горит, уже и дыма почти не видно. И слава богу! А раз так, самое время поспать, Борис, тот даже на пляж не пошел, сразу отбился...

...Поспать не удастся. Издалека слышен топот... Лука? Ну кто же еще?

Слушай, а можно не шуметь? Понимаю, что тебе весело, спишь до полудня — вот и весело. Вот и Бориса разбудил. Ирод ты, Лука, после этого! А чаю уже нет, выпили. Вот завари, не ленись, вода еще в бутылке осталась, ту, что в ведре, ты уже выхлюпал... Да не ворчу я, просто не выспался, так что я все же посплю, а ты потом свои сказки расскажешь. Вот и правильно, лучше стихи пиши. Только чтоб тихо, чтоб ручка не скрипела...

...Маленький мальчик забрался в раскоп. Камень свалился — и мальчик оскоп. Кровью окрасились ножки и брюшко. Он похоронен рядом с Косцюшко...

Но Морфей — божество хрупкое. Хрупкое и обидчивое. Топанье и возня нашего тюленя не дают забыть, к тому же время от времени он начинает повизгивать...

Ну и свин же ты, Лука! Ладно, не судьба, видать. Лучше чай заварить, без мяты, но покрепче, а еще лучше — кофе, кажется, в рюкзаке есть еще пара пакетиков. Хлебнем с Лукой, а то он, бездельник, от жажды пропадет...

Тюлень, осознав свои грехи, перебирается к нашему высохшему источнику, дабы не будить Бориса, и, присев на камешек, лихорадочно строчит стихи. Честно говоря, те, что он излагает на бумаге, мне не очень нравятся. Вот когда Лука начинает импровизировать — это действительно крик души... Ну, строчи, строчи, тюленчик, а я покурю, пока чай закипит. Пиши, пиши, не отвлекайся...

...Твердыня херсонесской цитадели нас не забудет, друг мой Марциал. Недаром наши годы пролетели — здесь твой сарказм как молния блистал, звенели среди звезд мои сонеты... Увы, мой друг, пора на пьедестал. Наш час уходит, коль не лгут приметы, и скоро расставаться навсегда нам с Херсонесом, лишь в истоки Леты падет Полярная — печальная звезда. Семь раз менялись звезды над Собором, тускнела ночь, как старая слюда, и Колесо Времен пред нашим взором неспешно вдаль катилось мимо нас, сменяя годы медленным напором... О Марциал, печален мой рассказ! О временах далеких, прикровенных пусть будет темен звук моих терцин и не ласкает слух непосвященных. Пусть ведаю о том не я один, но мало нас, и не откроют тайны свидетели ушедших вдаль годин. Как встречи здесь прекрасны и случайны! В тот час, когда столкнула нас судьба, собрался здесь народ необычайный... О многом помнит старая трава: шуршанье змей, блеск их холодной кожи, и под луной нелепые слова, и комья наспех сброшенной одежды, и шорох сплетен жаждущей толпы, которая, видать, хотела то же... Простим вра-

гам! Завистливы, глупы, они смешили нас своей интригой. И сладок час любви был и борьбы. Что ложь, что правда — нынче не решить, но мы не зря проникли в эти стены, и рады были так и дальше жить. Но кончен век. Настали перемены... Была эпоха наша золотой, прошли года и серебром, и бронзой, и век настал Железный — век пустой. О старый мир, веселый и курьезный! Тебя смела Железная Пята, и не вернешь года мольбою слезной, как не вернется к деве чистота. Все изменилось в этих старых стенах. Мы те же, но вокруг нас пустота и скорбь о неизбежных переменах. Не буду проклинать Железный мир — уйдет и он, и кровь застынет в венах всех тех, кто нынче пышный правит пир. Но в этот час, час нашего ухода, мы не забудем, старый наш кумир, наш серый дом под чашей небосвода, чреду базилик, башен и колонн. О Херсонес! Сын древнего народа, ты разорвал бесстрашно цепь времен и нас пригрел у этих скал безводных, что помнят пурпур харьковских знамен и кирок блеск героев благородных. Остались тени, и луны оскал, жара и гарь среди камней бесплодных. Мы стали мифом, друг мой Марциал! Пусть так, но время нас запечатлело и било в херсонесский наш кимвал. В него последний раз ударим смело. Твори, мой друг! Твори не для толпы — нам до двуногих тварей нету дела. Угрюмы, похотливы и глупы, они мертвей, чем тени дней далеких, мертвей, чем херсонесские столпы. Пиши для нас — последних, одиноких, сплотившихся у этих старых скал, таких любимых и таких жестоких. Твори и здравствуй, славный Марциал!..

Рабочая тетрадь. С. 8.

...Борис предлагает провести экстрасенсорное исследование «Базилики в базилике». Цель: понять, отчего хироманты-гадалки ее облюбовали, а особенно почему они предпочитают «заряжаться» у колонн, а не, к примеру, возле алтаря.

Его теория: все эти колдуньшики «черные», а потому заряжаются там, где «холодно», то есть отрицательной энергией. В этом случае непонятно, отчего «холодно» именно в районе колонн?

Вывод: Борис так и не нашел, с кем расписывать пулю. Делать ему нечего!..

Ладно, Лука, повествуй, ежели так не терпится! Да не облизывайся ты, не облизывайся! Слушаю.

Увы, в некоторых случаях (а сейчас случай именно таков) мысли нашего тюленя бегут наперегонки со словами. К тому же каждая фраза сопровождается прицокиванием, причмокиванием... Прямо вампир какой-то!

...Света. Из Южно-Сахалинска...

Откуда?! Н-да, так издалека в Хергород, по-моему, еще никого не заносило!

...Фигура... Такая... Такие... А если... И еще... (Цок-чмок!)

Лука бегал весь день, Лука нашел ей комнату на Древней, но надо бы найти комнату на самом Херзаповеднике, потому что она...

Она — кто? Комната?

...Не хочет просто в траве, даже если на одеяле, а в комнате постоянно соседки, те самые из Кемерова, их Гнус, оказывается, из нашего дома турнул, они и... (Цок-чмок!)

...Увлекся, повелся, развоевался, напыжился, задержался, заегозил, стойку принял, копытами бьет, усиками дергает, губами подрагивает, наш тюленчик, херувимчик, казановчик...

Удивляет вовсе не смысловое ядро — мало ли с кем Лука здесь крутил? Разве что Южно-Сахалинск... Она часом не из ительменов? А вот форма изложения поражает. Не только тон, но и весь облик. Тюленя не узнать: куда только подевалась скука, элегическая грусть, жалобы на возраст! Лука сияет, он бодр, он по-

молодел, почти такой же, как шесть лет назад, когда он приударял за бедной Иркой Щегловой.

Эка мужика зацепило!

Тюлень приплясывает на месте. Он собирается в город — достать где-нибудь огненной воды. Где-нибудь — вероятнее всего в ресторане, ибо в последние дни магазины высохли окончательно. Ну, с богом, а мы и на крылечке посидим. В город не тянет. Конечно, надо забежать на почту, где меня могут ждать интересные новости — посылка с сигаретами, например, или телеграмма от Черного Виктора. Пора бы уже! Но нет желания. Успеется! Херсонес пока не надоел, посему можно посидеть на крылечке и подымить, благо сигареты кончатся только дня через два...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 11—12.

...О том, что «лягушки» и «кентавры» в конце концов сумели как-то договориться, свидетельствуют не только последующие многовековые контакты между ними. Можно найти и доказательства от противоположного. «Лягушки» закрепились в низовьях Буга и Днестра и на востоке Крыма. Между этими двумя ареалами расселения существовал своеобразный барьер — глубоко вклинившийся в море Крымский полуостров, точнее, его юго-западная часть. Казалось, стратегия и просто здравый смысл диктовали грекам закрепиться в районе современного Севастополя и на Южном берегу Крыма. Но преодолеть крымский барьер не удавалось в течение более ста лет.

Причина этого — тавры. Все попытки «лягушек» основать свои поселения на юге полуострова натывались на жестокое, непримиримое сопротивление этого морского народа. Отпор был настолько силен, что вызвал у греков определенную растерянность. Очевидно, с легкой руки неудачливых колонистов в греческом сознании сформировался образ, а точнее «имидж» тавра — безжалостного пирата, грубого дикаря, украшавшего частоко-

лы человеческими черепами, чуть ли не людоеда. Впрочем, это не помешало приписать обитателям Крыма не только поклонения греческой (точнее, греко-малоазийской) Артемиде, но и неплохое знание греческой мифологии, в частности предания об Ифигении...

Ночью не спится, хотя днем из-за поганца Луки не подремал и часа. У пересохшего источника тихо, вокруг темень, только у сараев мелким светляком прогрызает ночь свет небольшого фонаря. На Веранде все спят, чуть слышно доносится сонное повизгивание Луки. У меня в руке кружка с уже остывшим чаем, пальцы, сжимающие сигарету, чуть подрагивают... И чего им, собственно, дрожать?

...О. не бросит мужа. Она его и не собиралась бросать, просто поссорились, и О. решила слегка его проучить. А я... А я — человек несерьезный и за эти два года серьезнее не стал. А вот ее муж скоро поступит в аспирантуру. И если меня не устраивает...

Надо было уйти сразу. Уйти не оглядываясь, потому что, когда я попытался что-то ответить, вышло еще хуже, вышло совсем плохо.

...Чужая жена, чужая судьба, чужая игра, чужая жизнь, чужая измена. Наскоро, на брошенной штормовке, на раздавленной пачке сигарет, на растоптанной верности, без прошлого, без будущего, без настоящего...

Город спит под холодной недоброй луной.
Как и раньше, сидим мы за старой стеной.
Нет, обман! Все — обман! Мы с тобой не встречались!
Ты знакома не мне. Ты была не со мной.

Яма все углубляется, и с каждым штыком выброс становится все труднее. Чаще и чаще меняю ребят на ведрах и лопате. А дальше пойдет еще хуже — под ногами уже влажно, вскоре под подошвами кроссовок захлюпает вода. Не сахар? Конечно, не сахар, но копать надо. Мы и копаем, только стараемся чаще отдыхать.

В перерывах Борис и Володя курят, оседлав полуразрушенные известняковые стены средневековой усадьбы, а неугомонный Слава бежит к соседям, в команду Д., где сегодня бесплатный аттракцион — Сенатор Шарап держит речь.

Говорить Шарап всегда умел. Правда, его лекции слушаются приятнее, чем политические рассуждения. Впрочем, кому что по вкусу. Сегодня Шарап, польщенный всеобщим вниманием, произносит спич, посвященный свежим впечатлениям от парламентской сессии. Речь Сенатора достаточно однообразна и сводится почти целиком к обличению проклятых буржуазных националистов, оптом и в розницу продающих Украину кому попало. Похоже, на национальный вопрос его демократизм не распространяется. Я особо не прислушиваюсь — политические взгляды Сенатора мне давно известны.

...Россия, Русь, Матушка, Великая-Неделимая, от моря Белого до моря Желтого, от Мурмана до Кушки, исконная, посконная, оплот, надежда, опора — назло инородцам, иноверцам, инославным, масонерии иудейской, агрессии пентагоновской, измене мазепинской, гадам ползучим, змеям подколодным, растоптать, раздавить, разрубить, разmozжить, расстрелять...

Ладно, час потехи кончается, прошу в яму. Ну-с, что там у нас сегодня?

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.*

Лист 9.

...Характер слоя прежний. В центре помещения на глубине второго штыка находилось несколько крупных камней со следами обработки.

При расчистке выяснилось, что стена Казармы уходит под Ю-3 стену в направлении пом. 61.

Находки: небольшие фрагменты черепицы и средневе-

ковых амфор. На фрагменте боковой части амфоры на внутренней стороне сохранились следы нефти. Найдено несколько фрагментов кухонной посуды со следами копоти, фрагмент рыбного блюда, а также два фрагмента доньшек небольших стеклянных сосудов...

Все еще раннее средневековье, до эллинизма еще штычок, в крайнем случае полтора. Да, Слава, здесь после средневековья сразу же лежит эллинизм, похоже, римские слои они просто снесли, когда строили усадьбу. А Стеночка выползает, выползает! Вот разобратсья бы в этом ералаше из трех слоев... Э-э-э, Володя, да вы совсем что-то скисли!

...Володя и вправду скис. У парня контузия — подарок из Афгана. Помнится, его хватануло еще два года назад, но в этом году стало, пожалуй, еще хуже. И, как я понимаю, ничего не помогает. Да и что тут поможет — контузия-то черепная. А ведь ему только-только двадцать пять! Остается посадить Володю в тенек под Стеночку и самому рядышком сесть. Мне тоже не помешает несколько минут в теньке — что-то стало мутить.

Первая мысль о рационе — не сглотнул ли случайно кусочек крысиного филе в столовке. Но уже через несколько минут понимаю, что мутит вовсе не из-за крысиного мяса — просто начало хватать сердце. А вот это уже лишнее, сердце в Херсонесе должно работать без сбоев, иначе в такой жаре долго не протянуть. В тени надо больше сидеть, что ли?

Впрочем, разбираться поздно. Еще минута безделья — и моя команда начнет разлагаться на составные части. Вот уже Слава начинает в сторону моря ко-силь...

Эй, народ! Ну-ка, дружно!..

Отпускаю Володю — он на сегодня спекся, а сам пытаюсь стать на его место. А что, ежели дышать не

пеша? И губу прикусить, чтобы не так чувствовалась боль под ребрами? Очень даже ничего!..

...Ладно, Борис, кажется, и в самом деле надо уползать. Смотри тут, Славе воли не давай! Находки заброшишь на точок, инструмент спрячешь... Сам знаю, что ты в курсе, это я для порядка... Ну, пополз. Полежу, пожую валидол...

Извещаю Д. о форс-мажоре. Тот сочувственно кивает, предлагает мне валидолину из аптечки, попутно сообщив, что эти несколько дней чрезвычайно неблагоприятные. Прогноз такой — геофизический. Он и сам еле проснулся — а точнее, и вовсе проспал.

Не спорю. Само собой, все дело в геофизике, в чем же еще? Ладно, полчаса посажу — и приползу обратно.

Да нашей Веранды далеко, и я приземляюсь у сарая, под хлипкой тенью невысокой алычи. Там, к моему удивлению, полно народа. Впрочем, удивляюсь я зря — в любой армии всегда есть второй эшелон, который, само собой, значительно больше первого. И пока полтора десятка с кирками-лопатами роют серый суглинок, где-то столько же сидят тут. Сидят — и, само собой, перекусывают все за тем же столом. Формально, конечно, все они при деле, кто рисует, кто черепки описывает. Да только работы в этом году немного — на полчаса в день, а то и меньше. Так что вполне можно посменно питаться. И чай пить.

От чая и я не отказываюсь и поудобнее устраиваюсь под алычой. Кто-то несет очередную валидолину, но это уже ни к чему. Полегчало, да и толку от валидола — чуть.

Убедившись, что помирать я пока не собираюсь, молодежь спешит завести разговор за жизнь. Нет, пока в горы не иду, разве что через недельку. Куда мне сейчас в горы? Там такого тенька можно и не встретить, разве что на Мангупе, но туда надо сначала подняться... Нет, монет пока мало и больше не будет — не тот слой... Ну, хорошо, хорошо, постараюсь ничего такого

не находить, чтоб вам рисовать было меньше, — конечно, если вы мне еще чаю плеснете. А то такое найдем! Слышали, в прошлом году грифончика откопали? Ух, как его рисовать было тяжело, одна практикантка чуть не повесилась. Так и быть, обойдемся в этом году без грифончиков, будем откапывать рыбные блюда, их рисовать совсем просто. Берется циркуль...

То ли валидол подействовал, то ли под алычой теньк хороший, но через полчаса я уже вполне в форме. Слева под ребрами все еще слегка ноет, но этим можно пренебречь. Пора снова на фронт.

Узкая тропинка между рядами тамарисков. Поворот, еще поворот. И тут носом к носу... Признаться, не ожидал. О., вероятно, тоже...

Я пытаюсь что-то сказать, она пытается что-то сказать.

...Ведь что-то было, ведь все же не зря, ведь оба мы помним, будем помнить, может быть, стоит остановиться, оглянуться, решиться, нельзя, чтобы навсегда, нельзя, чтобы никогда...

Ну конечно, Слава исчез, а Борис грустно курит в полном одиночестве. Нет, спасибо, не буду, накурился. Да ничего, не помер, надо просто полежать — вместо обеда. И вообще, в жару жрать вредно. Во-во, особенно в нашей столовке. Та-а-ак, Слава, и где это вас носит? В яму!.. В яму, говорю! Сам знаю, что скоро шабаш, у меня часы точные. Борис, прошу, прошу!..

Это, конечно, ни к чему, но важен дисциплинарный момент. Не для Бориса, естественно, — для мальчика Славы, а то совсем разопсеет...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 9.

...Работу закончили в 13.00...

Ладно, армада Д. тянется домой, пора и нам. Инструменты в тайник... Борис, не забудь сигареты... Ну, по пещерам!

Ташусь, не глядя по сторонам. Скорее бы лечь! Эх, солнышко, за тучку бы тебя, хотя бы на сегодня, хотя бы до вечера. И — умыться, не морской, соленой водой, а настоящей, из-под крана! Да только наш запас Лука небось опять выхлюпал, свинтус...

Нет, Борис, какой там обед? Чаек сварю, попозже только. Эх, и курево кончается!

Начинаю взбираться по ступенькам — и чуть не сталкиваюсь с какой-то весьма экстравагантной и весьма легко одетой дамой. Носик востренький. Челочка. Очки... Чего это ее к нам занесло?

Мое недоумение тут же разрешается — вслед за дамой из дверей вываливается хрупкая фигурка нашего тюленчика. Машинально придвигаюсь к стеночке, пропуская раздобревшего Марциала, но Лука притискивает меня комком нервов к кирпичам и начинает блиц-допрос.

...Нет, на обед не иду. Точно не иду — сам видишь, еле ползаю... А что, собственно, случилось?

Естественно, ничего такого не случилось, просто Лука очень не прочь скормить мою порцию Свете. Ага, стало быть, эта востроносенькая и есть та самая из Южно-Сахалинска! Ну, скармливай, Лука, жалко, что ли? Пусть поправляется...

Лечь, закрыть глаза, отключиться... Давно так не хватало! Д. что-то толкует про геофизику, Маздон наверняка станет твердить про то, что я слишком много торчу на солнце, и начнет поить меня целебным чаем, а молодые архаровцы решат, что я стал староват для Херсонеса...

Все равно, все равно, все равно... Лежать, не открывать глаза, дышать, дышать, дышать...

Откуда-то появляется озабоченный Маздон, посылая проклятия Гнусу, отделу кадров и всем коммунистам, вместе взятым, и вскоре мне достается кружка

чаю и порция корвалола. Затем возвращается Борис, ложится спать.

...Уже легче, но все равно лучше не шевелиться. Дышать, дышать...

Окончательно оживляет меня Лука. Слишком велик контраст: уходил — до ушей ухмылялся, брюшко почесывал, а вернулся — шипит, как закипающий чайник. Или обидел кто? Так ведь Лука с коммунистами проклятыми вроде бы не ссорился! Он вообще ни с кем не ссорится, планида у него такая...

Нет, к счастью, нашего тюленчика никто не обижал, это он просто озабочен. Прежде всего требуется взять «чего-нибудь» на вечер...

..Требуется — так бери! Я-то при чем, беспокойный ты наш?

Ага, это еще не все! Слухи подтверждаются («Херсонесише беобахтер» — всегда свежие новости!). В комнату, которую тюлень нашел для этой самой Светы, вселились Лена и Марина, которые из Кемеров-ва, Света, бедная, вынуждена спать на полу...

...А я чем помочь могу?

Но он, Лука, этих негодяек пинками выгонит, потому как нечего, к тому же Света не хочет, чтобы просто на траве, даже если одеяло постелить. А пока надо взять ключ от камералки, там, правда, сыро и мыши бегают, но можно будет дезодорантом побрызгать, а главное — простыни достать, хотя бы одну, простыни есть в Беляевке...

...Лука, а может, я лучше посплю, а?

Тюлень не слышит. Еще бы! Света такая! Света этакая! У нее и то, и это, и вообще, и к тому же...

Сплю.

А вообще-то говоря, странное ощущение. Все вроде бы по-прежнему, но что-то неуловимо меняется. Такое уже было в 1987 году. Не накануне ли мы великой шизы?

Теперь уже точно — сплю!

...Солнце клонится за невысокий мыс, издалека до-

носятся удары волейбольного мяча, а где-то совсем близко шлепают карты. Выглядываю. Так и есть — возле нашего источника Борис обыгрывает двух волчат из стаи Акеллы в «сочинку»... Ну, Борис — преферансист безжалостный, впрочем, в «деберц» с ним тоже лучше не садиться. Что значит — химик!

Ладно, довольно хандрить! Если Борис играет в преферанс, значит, все в полном порядке. Правда, слева под ребрами продолжает ныть, но терпеть можно. А вот валяться на душной Веранде совершенно ни к чему. Борис занят, Маздон в нетях, с Лукой все ясно... А не прогуляться ли по вечерней прохладе? Хотя бы к Саше.

Саша сидит в своей комнатухе и грустит. Впрочем, его грустный вид ни о чем не говорит — грустит он всегда, что не мешает Саше вволю пользоваться радостями жизни. Во всяком случае, в Херсонесе. Впрочем, сейчас ему действительно невесело. И есть от чего.

Саша и Андрей копают у Гнуса немало лет и все эти годы при всем скотстве Его Гнусности умудрялись с ним как-то уживаться. Но в этом году Гнус озверел окончательно. Я давно слыхал про его подлую манеру: неугодных людей ставить на самый трудный участок — к примеру, на тачку — и гонять до сердечного приступа. А недовольных — в двадцать четыре часа из Хергорода. Теперь эта участь постигла и Сашу с Андреем. Они пока сдерживаются, но настроение, естественно, не самое лучшее. Эх, Саша, с кем вас угораздило связаться! Да, конечно, Его Величество умеет быть любезным — до поры до времени. А потом пора кончается, и время тоже кончается...

А еще у Саши нет гитары. Молодняк он не знает, и его не знают, так что даже гитару не попросишь. Впрочем, им сейчас не до Сашиных песен, вот пообедать-поужинать — дело другое. Вымираем мы, Саша, потихоньку вымираем, как херсонесские ежи. Которые с ушами.

Появляется Андрей, длинный, худой и тоже очень грустный. Как я понял, ему от Гнуса достается даже больше, чем Саше, ведь Андрей — доцент, кандидат наук. То-то сладость Гнусу, неучу с высшим без среднего, поизгаляться!.. Андрей пока терпит. Эх, интеллигент питерский!

...Вы видали букашку по имени Гнус? Боги дали промашку по имени Гнус. За ушко бы его — да лопатой по морде! Только жаль старикашку по имени Гнус...

Так и сидим втроем, время от времени покуривая «Стрелу» из Сашиных запасов. Чувствую, что ребята последний раз в Хергороде, так что через год здесь будет двумя ветеранами меньше. И кто вспомнит о них? Я — да Маздон... Не Гнус же!

Да и я сам... Раньше сердце никогда не шалило, даже после бессонной ночи, даже в липкую херсонесскую жару...

Рабочая тетрадь. С. 10.

...По предложению Бориса провели экстрасенсорное обследование «Базилики в Базилике». Поскольку идея его, подробное документирование эксперимента он взял на себя.

Время работы — с 20.25 до 21.30. Ясно, безветренно, очень жарко, освещение минимальное.

Предположение подтвердилось. Обе линии колонн, слева и справа, чрезвычайно «холодные». Замечено также, что «тепло» чувствуется на пороге и возле входа, а также в алтарной части. Средняя часть базилик «нейтральна».

Таким образом, «Базилика в базилике» имеет следующую энергетическую структуру:

— Два противоположных конца (порог и алтарь) — «плюс».

— Линии колонн вдоль стен — «минус».

— Центр — «нейтралка».

Предложение: проверить субъективные ощущения с помощью инструмента или прибора. Возможны:

- 1. Физическая рамка.*
- 2. Экстрасенсорная рамка.*
- 3. Маятник.*
- 4. Компас.*

Выводы делать пока рано...

Возле сараев все то же.

Едят.

Ужин в самом разгаре — очередная смена поглощает какое-то варево из здоровенной кастрюли, остальные, уже приняв пайку, блаженствуют, сидя чуть в стороне. Кругом атмосфера сытости и благополучия. Садимся и мы с Борисом, но поодаль, дабы не мешать. Не тут-то было — откуда ни возьмись появляется Ведьма Манон.

...Свят! Свят!

Насколько мне известно, здесь ее слегка недолюбливают (раскусили!) и даже, кажется, начинают побаиваться. Мне-то ее бояться нечего, но все же...

Вероятно, именно из-за этого Манон сегодня не в духе. Так и кажется, что сейчас я услышу шипение. Интересно, за что это она так возненавидела род людской? Или ее очередной муж так плох?

Манон не шипит — шепчет, и я сразу начинаю жалеть, что заглянул сюда...

...Выходит, о нас с О. тут все знают? Или это только Манон знает, все-таки Ведьма? Во всяком случае, она не очень ошибается. Еще два года назад Манон не без злорадства предсказала, что у меня с О. ничего не получится. Теперь же на правах старого друга она уверенно констатирует, что...

Спасает меня Борис, обещая Ведьме камеру пыток и костер из мокрой соломы. Манон окрысивается и начинает злобно шипеть — на этот раз именно шипеть

на нашего химика, но тот невозмутим. Навьи чары на него, истинного материалиста, не действуют.

Ведьма предрекает нам обоим скорую гибель и уползает куда-то в темные кусты.

...Искать зелье, следок вынимать, волосок разрывать, воск топить, фигурки лепить, иглами протыкать, проклятье шептать... Сгинь, сгинь, сгинь!..

Между тем молодежь тоже беседует о делах мистических. Стеллерова Корова, верная ученица Манон, начинает сеанс хиромантии, причем желающие образуют внушительную очередь. Откуда-то появляется Сенатор, тоже протягивает ладонь...

...А будет тебе, бриллиантовый, удача в казенном доме, и назначит тебя пиковый король в комиссию по бюджету...

Сенатор вполне удовлетворен. Пользуясь его присутствием, интересуюсь, не намерена ли демократическая власть помочь Херсонесу? А если у нее, у власти демократической, с деньгами декохт, то для начала не поспособствуют ли хотя бы восстановлению храма Владимира?

Это интересует, как оказалось, не только меня. Даже желторотики понимают, что еще несколько лет, и от святыни останется лишь куча известняковых глыб...

В последнюю войну бомба — наша ли, немецкая, кто скажет? — снесла купол, но не обрушила стены. Мрамор и порфир собора содрали для отделки горкома родной партии, а черный мрамор пошел на пьедестал очередного истукана с воздетой к небу десницей. А в опустевшем храме кто-то с дьявольской настойчивостью отколол десятки квадратных метров мозаичной смальты. В никуда сгнули кресты с монастырского погоста. Монастырь погиб еще раньше — в январе 1921 года, когда чекисты по приказу пламенного революционера Бела Куны расстреляли почти всех, включая последнего игумена отца Викентия...

...Два года тому назад, как раз в те недели, когда амнистированная церковь отмечала тысячелетие Крещения, на моем, тогда еще моем, Юго-Западном участке чья-то кирка вывернула из-под стены нечто, покрытое зеленой окисью, сквозь которую проступал фигурный, глубоко вдавленный крест. Это оказалось навершие ножен. Вскоре, перелистав несколько пухлых томов, я убедился, что меч, который вынимали из этих ножен, был не византийский, не греческий — он был варяжский. Пьяный скандинав из дружины Равноапостольного потерял ножны, выписывая «мыслете» после победного пира. Тогда, тысячу лет назад, идола пали, чтобы в веке двадцатом отомстить — и живым, и мертвым.

...Див кличет верху древа, велит послушати земли незнаеме, Велзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тматороканский болван...

Увы, как выясняется, народной власти пока не до собора. Суверенитет... Правительство... Местная власть... А ведь предлагала патриархия еще десять лет назад за свои средства привести храм в порядок. Как же, позволят адмиралы! К тому же Сенатор глубоко-мысленно поясняет, что «попов» в Херсонес лучше не пускать — заберут себе не только храм, но и музей.

...Оно, конечно, музей отдавать жалко, тем более «попам», да только ворованное впрок нейдет.

А ушлые кооператоры, прорабы перестройки, уже вовсю торгуют дрянными фотками еще не взорванного храма Владимира, чем, без сомнения, способствуют сохранению исторической памяти — по сходной цене.

В тот вечер засиживаемся у Эстакады допоздна, почти как в давние, теперь уже легендарные времена. Но и тут демократического перемешивания всех возрастов и всех состояний не происходит — мы беседуем тем же раскопным составом: я, Борис, Володя и мальчик Слава. Володя слегка оклемался к вечеру, но выглядит скверно. Разговор незаметно сползает к Володиной эпопее в Афганистане, слушать такое нет

охоты, и я просто киваю, стараясь глядеть куда-то в сторону...

О. тоже здесь, буквально в трех шагах, в компании с братом и какими-то первокурсниками. Ни взгляда в мою сторону. Что ж, ждать больше нечего, хотя мне казалось, хотя я все-таки надеялся...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 12—14.

...Черная легенда о таврах лишь не так давно была развеяна работами археологов, но до сих пор остается в бытовом сознании. А между тем именно тавры защищали свою землю, не пуская на нее пришельцев. Их пиратство носило вполне определенный адрес, ведь, кроме греческих, иных кораблей на Черном море в то время не было. Сохранись до нашего времени таврские предания, мы бы узнали немало любопытного о героической борьбе таврских героев с армадами безжалостных пришельцев. Интересно, что греки обвиняли тавров в своих собственных грехах: пиратство вовсе не было чуждо эллинам, а человеческие жертвоприношения случались у «первых европейцев» даже в V веке до н. э.

Причина, по которой тавры не пускали «лягушек» на свои берега, очевидна. Обитатели Крыма были морским народом и сами были заинтересованы в контроле за побережьем. Только в конце V века до н. э. греки сумели закрепиться на границе гор и степи, но на Южный берег доступ так и не получили.

У скифов, и это тоже очевидно, такой заинтересованности не было. Потомки «ишкуза» так никогда и не стали морским народом. Их интересы лежали на суше, и несколько небольших городов на черноморском берегу не казались им чем-то опасным. В то же время скифы, судя по всему, быстро оценили выгоду от нового соседства.

Выгода эта была очевидна. Потомки «ишкуза» уже успели узнать блага цивилизации в ходе своего переднеазиатского анабазиса. Скифская знать привыкла к роскоши, к золотым украшениям, к массе полезных и бесполез-

ных, но приятных вещей. Прежний путь на Восток был теперь закрыт — кавказские «ворота» были запечатаны савроматами. Великая Скифия была богата, но скифам требовался не «простой продукт», который они имели в избытке, а то, что можно было за него получить.

Греческие города на побережье стали для них новым окном, а точнее, началом моста, который связал Великую Скифию со Средиземноморьем. Положение Скифии становилось поистине уникальным. Если без этого моста она была лишь глухой периферией цивилизованного мира, то теперь она сама становилась крупнейшим транзитным центром, через который могла осуществляться торговля Средиземноморья не только со «степью», но и с «лесостепью», «лесом» и даже отдаленными районами Севера и Заволжья. Потенциальные возможности такой торговли были практически не ограничены. Сами греки не могли торговать с глубинными районами — скифы не пускали их дальше Днепровских порогов. Впрочем, и греческие города становились монополистами в торговле Средиземноморья и огромных районов Евразии...

Мы уже засыпаем, когда в комнату врывается Лука и начинает беспорядочно кружить, натыкаясь своими выпуклостями на мебель и предметы домашнего обихода. Из его бормотания можно что-то понять про какой-то бар или кафе и про то, что там водку подают почему-то в кофейнике...

И ведь будет дрыхнуть по полудню, оболтус!

...Не спится. Уже захрюкал во сне наш тюлень, давно спит Маздон, отбивающийся вместе с вечерней зарей, видит третий сон Борис... Нет, определенно не спится. То ли на солнце перепекся, то ли и вправду эти клетки, которые не восстанавливаются... А тут еще под окнами что-то зашумело, забулькало, завизжало. Ну, ну, кто это там пикнички устраивать вздумал?

Штормовку на плечи, сигарету в зубы. Та-а-ак,

очень приятно, это у нас, стало быть, столик. А что на столике? Да-а-а... Достают же люди! А за столиком... Очень приятно, очень! Все три подружки налицо: Лена да Марина из Кемерова вместе со Светой из этого, как его? Ну, куда Чехов ездил. А с ними вместо дядьки Черномора — Фантомас-Толик. Спи, Лука, спи! Вторая смена пришла.

Краткая политбеседа. Уважаемые! Бесценнейшие... Ваш приход — лучший праздник. Я б вас до утра слушал не дыша, но вот беда какая — народ умаялся. А будильник уже через три часа... Вот спасибо. И вам всем спокойной ночи.

Дружная шведская семейка упархивает куда-то в сторону моря...

Мы не пьем в этот вечер — и жаль, что не пьем.
Моя кружка пуста и не дышит огнем.
Дионис, как Эрот, он не требует спешки —
Все, что мы припасли, было выпито днем.

Крест кем-то сброшен со стенки раскопа и вдребезги разбит. Да, освятили место!.. Женька, Сенаторов сын, в отчаянии, Борис же вновь начинает обсуждать вопрос о том, где лучше соорудить костер для проклятой Ведьмы. Да какой там костер, если она и креста не боится? И тут Женьке в голову приходит поистине дельная мысль. Древесным углем, взятым прямо из нашей ямы, он тщательно изображает новый крест на том же месте. Попробуй разбей, называется. Ну что ж...

Отче наш, иже еси на небеси...

Прошу в яму... Слава, вы опять опаздываете! На ведра, на ведра!..

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 11.

...Начали вскрывать третий штык 5-го слоя в пом.

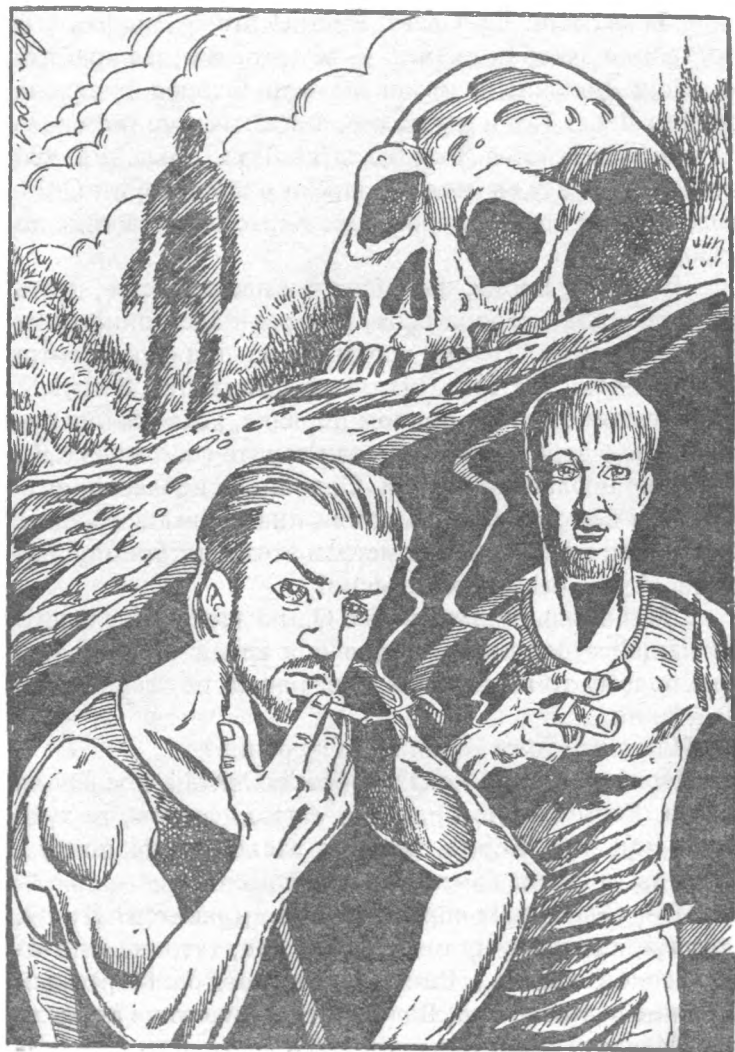
60-а. В слое появилось больше рыжей глины с включением небольших фрагментов цемьянки. Вдоль Ю-З стены находилась линза серой глины, являвшейся, очевидно, материалом для подсыпки. Находок в слое мало, встречающиеся находки сильно фрагментированы. Заметно чувствуется приближение грунтовых вод, засыпь стала заметно влажнее. Перешли к работе с ведрами.

Следует отметить встречающиеся в центре помещения крупные включения гашеной извести ($\text{Ca}(\text{OH})_2$). Под стеной Казармы встречаются большие (до 0,5 м) необработанные камни.

В слое найдено несколько крупных фрагментов стенок пифосов и черепицы, а также фрагмент точильного камня. Найдены две ручки чернолаковых канфаров IV—III вв. до н. э., а также фрагмент стенки чернолакового сосуда II в. до н. э. (лак графитного оттенка). Найден один фрагмент буrolакового сосуда I в. н. э. ...

Верно, Борис, та же картина, что и в прошлом году. Под стеной — эллинистическая керамика. В основном третий век до... А это значит, Слава, что, раз под фундаментом — эллинизм, и вдоль стены тоже эллинизм. Стало быть, эта Казарма построена вовсе не в начале нашей эры, как в путеводителе написано, а на три века раньше. Вот так-то!.. Нет, Борис, думаю, построена она все же в третьем. Во втором веке им было не до великихстроек.

...Понимаете, Слава, во втором веке у Херсонеса начались, как бы это сказать... небольшие трения со скифами. Сарматы выгнали скифов из Таврии в Крым, скифам требовалось жизненное пространство. Отсюда и некоторое взаимное непонимание. Сначала сожгли херсонесские хозяйства на северо-востоке, потом до города добрались. В общем, ежели бы не царь Понтийский Митридат, тот самый, с которым потом Помпей воевал... Тут бы Херсонесу и гаплык. Есть теория, что в городе все надгробия с кладбищ на строительство и ре-

монт стен пустили. Но открылся Второй фронт — приплыл из Понта стратег Диофант с превеликим воинством... Ну конечно, Борис, не превеликим, но для скифов хватило. Да, Слава, именно этому Диофанту и поставили здесь памятник — тот, что в музее хранится. Но и Диофант не помог бы, если б город не спасла богиня Дева. Так и написано, а вот как именно спасла — не уточняется. Был бы здесь Лука, объяснил, что навстречу врагу вынесли Великий Фаллический Символ, и... Так что во втором веке Херсонесу стало не достроек...

Ну ладно, Борис, ежели ты так настаиваешь, пусть будет начало второго века, как раз перед скифским форс-мажором. Только керамика из-под фундамента идет все-таки третьего... Ну, не будем гадать. В яму!

Сегодня сердце в полном порядке, хотя солнце палит во всю дурь, да и день, если верить все тому же Д., столь же неблагоприятный. Сплошные неблагоприятные дни в этом июле!.. Так или иначе, но настроение такое, будто геофизики пометили этот день тремя плюсами. С чего бы это, интересно?

...Мы вновь столкнулись с О., на этот раз недалеко от нашей столовки. Сегодня она какая-то другая, и мне почему-то показалось, всего лишь показалось, но все-таки...

Или у нее тоже хорошее настроение?

Держите, Слава, пока я добрый. Считай, последняя пачка. Если мне не пришлют еще с десятков, то худо дело, так что, Борис, сегодня заскочим на почту... Должны, должны хорошие люди помочь!

Что, Слава, вам вправду все это нравится? Ну-ну, тогда приезжайте на следующий год, тут еще мно-о-ого всякого копать... Во-во, Борис, хотя бы Мартемьяновские пустоты. Что, Володя, и вы ничего не слыхали про Мартемьяновские пустоты? Ну, это там, где Маленький Зеленый Камнеед живет, тот, что здесь все фундаменты прогрыз. Серьезно, говорите, Слава? А если серьезно, то Мартемьяновские пустоты — вполне

научный термин, во всяком случае общепринятый. Названы в честь Леши, то есть теперь уже Алексея Павловича Мартемьянова. Лет десять назад, когда мы только здесь осваивались, кстати, в этом же самом помещении, которое 60-а, Алексей обнаружил интересную вещь: под тонким слоем земли открываются странные щели. Тыкали палку — уходила на метр. Подземелье, не иначе! Складами. А начинаем копать — ничего... Мистика какая-то. Во-во, Борис, не иначе — Састер, где Символ имени Луки хранится.

...Да просто все — обычный завал камней. Между камнями, естественно, щели, отсюда — пустоты. А начинаем копать — земля сыплется вниз и весь эффект пропадает. Конечно, конечно, Борис, влияние Ведьмы Манон отвергать не следует.

...О. сказала, что поехала в Херсонес только ради меня. Почему же она не позвонила ни разу еще в Харьков? Почему...

Надо обладать немалым мужеством, чтобы после раскопчного пекла выбраться в Себасту до наступления пролады. В жару город поистине непереносим. Однако жуткий призрак отсутствия куруа гонит нас с Борисом на Бэ Морскую к главлочтамту, к заветному окошку — которое до востребования. Ведь есть, есть еще добрые люди на земле, ведь обещали же прислать!..

Увы, увы! В который уже раз — увы! Собственно говоря, летом почта в Крым идет так медленно, о посылках и говорить не приходится. Но что будет завтра? Страшно даже подумать, без куруа здесь не выжить. Конечно, можно направить Луку в адмиральский буфет, но, боюсь, сейчас наш тюлень излишне занят.

Бродим с Борисом по Себасте в тщетных поисках хоть чего полезного. Но много не побродишь. Хотя город и расползся в последние годы, но собственно Себаста — это две улицы, Бэ Морская и Ленина, а между ними горка. А все остальное — бывшие слободки.

На горке тихо. Это район старых улиц, где дома од-ноэтажные, из белого инкерманского известняка, почти все обвитые диким виноградом. Здесь спокойно, живут, почитай, одни отставники. А прямо посре-ди горки — громада Адмиральского собора. Нет, Борис, туда мы не попадем, видал заборище? Считай, полвека собор не могут в порядок привести господа адмиралы. А ведь там лежат Лазарев, Корнилов, Нахи-мов... Зато какой истукан напротив отгрохали — тот самый, на который мрамор с собора Владимира по-шел. Истукан в полном порядке. А на что им собор?

...Здесь туристам каждый раз байку рассказывают о том, что храм французы с англичанами разорили и за-одно склепы адмиралов разграбили, варвары! Впро-чем; некоторые экскурсоводы больше на немцев велят. Осквернили, арийцы-оберменши! А ведь врут, врут. Не трогали они склепов. Памятники на площади сло-мали, бедной скульптуре Тотлебена даже голову отпи-лили, а вот могил не тронули. А разграбили склепы ад-миральские уже после войны, всего лет тридцать на-зад. Последним грабанули склеп Нахимова. Кортик забрали, ордена. Сибиэс рассказывал — Нахимов ле-жал в белом мундире, волосы рыжие, с проседью.

...Город, забывший давнюю славу, город чванливой гордыни, город угрюмых отставников, город, осквер-нивший свои соборы и затоптавший могилы. Не люб-лю его улицы, его площади, его залитые мазутом гава-ни, его не помнящих родства жителей. Дважды гнев небес падал на Севастополь, обращая его в прах, но каждый раз он воскресал, злобный Феникс, спеша на-встречу новому часу Гибели...

У «Юбилейного», как всегда, толпа. На этот раз не слишком большая — сотни на две. Нет, сегодня, пожа-луй, чуть поболее среднего. Не сигареты ли? А, карточ-ки отоваривают! Ну, карточек у нас нет, можем идти спокойно. А это кто?

Из магазина выныривает Ведьма Манон с морской

капустой в авоське — не иначе для зелья. Ну, чего тебе, Манон? Что-то ты сегодня такая веселая?

Манон и вправду выглядит веселой и весьма довольной жизнью. Радость ее переполняет, посему Ведьма спешит с нами поделиться. Ну, что еще? Следок чей-то вынула, сейчас кипятком поливать станешь? Или супруг твой прикатил?

Да... Пошли, Борис, пошли. Да нет, ничего, сигарета что-то крошится, в мундштук не влезает. Делают же, обормоты...

...Сегодня мы не встретимся с О. Не поговорим, не объяснимся. Супруг действительно приехал. Только не Ведмин. Прикатил ее супруг — именно этим спешила меня обрадовать Манон. Специально, что ли, она меня поджидала?

Пока мы брели к Веранде, эту новость сообщили мне еще двое. Выходит, тайн в Хергороде действительно нет?

...А давай-ка, Борис, чайку выпьем! Что, и сахара уже нет? Да что там, можно и без сахара.

Привет, Маздон, привет! Нет, чай весь тю-тю — видать, Лука вылакал, вот, завариваем. Знаю, знаю, приехал... Нет, я с ним не знаком, не имел повода. Ну конечно, Маздон, ты же всех знаешь.

...Маздон действительно неплохо информирован. По секрету ему уже сообщили, что супруг О. приехал не просто так. Ему позвонили. Вроде бы какая-то женщина...

Вот даже как! А собственно, чему удивляться? Наша коммуналка маленькая, и стены в ней прозрачные, и дверей нет...

А между тем вдали слышится звяканье. Нет, призраки в цепях днем не ходят, даже в Херсонесе. А ну-ка, ну-ка... Да-а-а! Вот что значит — люди делом занимаются. Погляди, Борис. Нет, это все-таки явь!

Это действительно явь. Правда, такое в наше время бывает редко, тем более в Севастополе. Но приходится верить — к нам движется ящик с пивом. Не спеша, по-

звякивая с каждым шагом... Конечно, ящики сами не двигаются. Этот, например, волочет Лука.

Дзинь! Уф-ф! Ну, привет, тюленчик!

Есть, есть еще герои! На этот раз Лука штурмовал подсобку магазина под видом инспектора санэпидемстанции. Правда, пришлось еще звонить в торг, но результат налицо. Тюлень цветет и тут же выделяет нам с Борисом по бутылке, а все остальное оставляет на вечер. Очевидно, намечается очередная скромная вакханалия... Ладно, все равно делать совершенно нечего. Теперь уж нечего...

Пиво лучше всего пить на пляже. Это мнение, несмотря на возражения Маздона, побеждает, и мы движемся на камни. Удовольствие по высшему херсонесскому разряду: солнышко печет, пиво булькает... И все это с видом на море, равно как на весь наш цветник. Сползлись, считай, все — Сенатор с семейством, Д. со своими, Володя. Слава. Естественно, Ведьма Манон.

А вот и О. со своим...

Ну ладно, мое дело теперь — пиво пить. Пиво, конечно, севастопольское, кисловатое, но в наше перестроечное время и это — дар божий.

...Да пожалуйста, Лука, приводи вечером кого хочешь. Кружку только свою держи отдельно. И ложку... А, кстати, кто это сегодня на моем спальнике в мокрых плавках сидел?

Плаваем долго. Вспомнив прежние годы, направляемся в обход наших скал, туда, где есть знаменитый грот. Грот настоящий, целая подводная пещера, когда-то мы там вино хранили, чтобы на солнце не грелось. А с этих каменюк — помнишь, Лука? — вниз ласточкой прыгали. Конечно, сейчас не стоит, куда уж нам!.. Представь себе, Борис, прыгали. Эх, были гусары... А в шторм, в шторм! Какие здесь волны!.. Правда, уж столько лет тут ни одного нормального шторма не было. Раньше, бывало, в шторм приезжаем, под шторм отбываем. Волны аж до базилик добивали! А после шторма по пляжу местные деятели ползали — монеты собира-

ли, которые из берега вымывало. Ну, по монетам это у нас Лука спец. Вот именно, «роман» на толкучке чуть ли не червонец, а мы этих «романов», бывало, по два десятка в день выкапывали...

Ну что, к берегу да перекурим?

Рабочая тетрадь. С. 10—12.

...«Базилика в базилике», время проведения опытов — 18.10 — 19.45. Погода жаркая, ветра нет, яркое солнце. Приборы: маятник, физическая рамка, экстрасенсорная рамка, два компаса, фотокамера, рейка.

Опыт с физическим маятником.

Определяли период раскачивания физического маятника в алтарной части базилики, у входа и возле колонн. Видимых результатов нет.

Опыты с физической и экстрасенсорной рамкой дали результаты, аналогичные предыдущему.

Примечание: я никогда не работал с экстрасенсорной рамкой, Борис — всего пару раз в жизни.

Опыт с компасом.

Первоначально попытались проверить общее направление на север. Уже первая попытка в районе входа (компас был положен прямо на мраморный порог) показала непривычно большое отклонение. Использование второго компаса дало те же результаты.

Примечание: оба компаса совершенно новые, до этого ни разу не давали сбоев.

Ввиду этого было проделано следующее:

1. В двух метрах от стены базилики компас был положен на землю, после чего отмечено направление на север, названное Истинный Север (в дальнейшем N). Направление проверено по второму компасу, оба наблюдения совпали. Для наглядности по земле с помощью рейки была прочерчена длинная полоса в направлении N.

2. Компас был последовательно помещен на порог, в алтарной части, у левой колоннады, у правой колоннады. Результаты: всюду зафиксировано отклонение от N

одинакового значения, однако разного направления. В том числе (в градусах):

Порог («теплый»): + 20.

Алтарь («теплый»): + 20.

Левая колоннада («холодная»): — 20.

Правая колоннада («холодная»): — 20.

«Плюс» и «минус» определялся по положению стрелки правее («плюс») и левее («минус») истинного значения N.

Опыт был проверен три раза. Средняя погрешность не более 3 градусов. Выводы делать рано. Однако:

— В полу базилики и в камнях фундамента металлических деталей, как правило, не бывает.

— Даже если таковые имеются, этим никак не объясняется разновекторность отклонения.

— То же аналогично магнитной аномалии под херсонесским плато.

Пример: Курская магнитная аномалия была обнаружена из-за отклонения компаса от истинного значения, однако там отклонение было, насколько мне известно, только в одну сторону.

Дальнейшие планы:

1. Продолжить опыты с компасом в «Базилике в базилике» на протяжении нескольких дней, считая ее контрольной.

2. Одновременно проверить соседние базилики, а также другие строительные остатки. Хорошо бы найти некий доказательный объект.

Во время проведения опытов с рамками и компасом было сделано несколько фотоснимков...

Валяюсь на лежаке, упорно глядя в свежекрашенный потолок. Рядом суетится Лука — открывает банку с минтаевой икрой, фирмовой местной закуской, а заодно вываливает на газету добытую неизвестно где рыбку-корюшку. Появляется, откуда ни возьмись, пара бутылок приличного «Ркацители» (даже не спрашиваю откуда, не иначе Лука выдал себя в горкомов-

ском буфете за незаконного сына Горбачева). Кажется, намечается пир, а значит, пора исчезать, тем более Маздон уже куда-то смотался... Ну и я сгину, не стану портить своей кислой физиономией сей праздник бытия.

Уйти, однако, не удастся — Лука действительно в превосходном настроении, и у него хватает энергии уговорить меня остаться. Вероятно, я ему нужен для украшения стола, в качестве, так сказать, образцово-показательного херсонесита. В конце концов срабатывает коллективистский рефлекс, и я начинаю совместно с Лукой двигать стол, расставлять посуду и даже нахожу некоторое развлечение в процессе открывания консервных банок. Ежели на то пошло, надо бы и Маздона пригласить. Ведь он не просто так слинял — почуял, что гулянка готовится, мешать не захотел, раз его не пригласили. Но мое предложение искать нашего фотографа повисает в воздухе. Маздон, по мнению Луки, не очень годится для украшения стола.

Борис? Ага, ясно дело, у «волчат» пулю пишет. Ну, это надолго!

Рабочая тетрадь. С. 12.

...Проверить Крипту на наличие «контура». Там нет фундамента!!!

Темнеет, и вот Лука, испарившись на полчаса, возвращается со своей дамой. И почти тут же появляется довольный ухмыляющийся Борис (всех обставил!). У востроносой Светы настроение, судя по всему, тоже неплохое. И в самом деле, с чего это ему быть плохим? Днем-вечером перед ней Лука пляшет-выкомаривается, икру-минтай мечет, а ночью Толик-Фантомас стол накрывает. Очень даже ничего! Впрочем, мне-то что? Ну, добрый вечер, добрый вечер...

Худшие предположения сбываются — Света усаживается аккурат на мой спальник.

...Чужая, другая, не наша, не херсонесская, не своя, из других миров, из других краев, случайная, залетная, чайка с моря, гостя с далекого берега, из кружки не пившая, на спальнике не сидевшая, чужая, чужая, чужая...

Первую, как водится, за знакомство. Ничего «Ркацитители», такое можно и без минтая потреблять. Эх Лука соловьем разливается, да-а-авно я его таким не видел! Разобрало тюленя на старости лет. Анекдотики, правда, давности десятилетней, зато стихи свежие, это да.

...Уши заткнуть, что ли?

Света, впрочем, слушает с явным удовольствием. Ей тут определенно нравится. Улыбается, очками поблескивает, рыбкой-корюшкой угощается... Под пиво очень даже ничего — рыбка-корюшка.

А вот и херсонесские байки пошли. Тут уже я пригодился, да и Луке есть что вспомнить. Много копано, кой-чего найдено. Правда, этой Свете что лекифы, что бальзамарии, но слушает с интересом. Не лекифы-бальзамарии ее, конечно, интересуют, просто попала девка в самую экзотику. Будет о чем рассказать на Сахалине: теплое море, развалины, «Ркацитители» с дикими археологами, да еще под минтай.

...А это уже что-то из апокрифов. Врет, врет, Лука, все врет, не так это было!

А как было?

Семь лет назад... Точно, семь, тогда как раз Первый Змеиный год случился. Удачливый сезон выпал — серебряных монет набрали, да не простых — с портретом Девы, надпись на камне нашли. Ну и статуэточку, о которой Лука помянуть изволил. Бронзовая, с Дуная, второй век, изображает актера в роли раба да еще с кувшином на плече...

У меня и фотографии есть — Маздон наклеил как раз на тыльную сторону моих цифр. Цифры эти, Света, нужны для фотографирования раскопа, чтобы номер его обозначить...

Так, где мой планшет? Вот, прошу. Да, симпатичный. А нашел я его... Ну ладно, Лука, ежели ты и вправду помнишь лучше...

Лука уверен, что помнит лучше. Было это, если следовать ему, так. Мы заканчивали тогда помещение № 60. Это, Борис, куда мы теперь землю перебрасываем. Шел чистый морской песок, его туда ссыпали, очевидно, под фундамент, когда усадьбу средневековую строили. Надо было зачистить помещения для фотографирования. Зачищал я... А вся прелесть была в том, что стеночка... Северо-восточная, если быть точным... Еле держалась эта стеночка. Там была грязевая кладка, мы вынули землю, и камни начали, так сказать, ходить. А стеночка была высотой... Точно, Лука, метра три минимум. Ну, стеночка ходит себе, я под ней зачищаю, срез по песку ровный ножиком делаю. Сибизс мне советы подает, а рядом Шарап, тогда еще не Сенатор, стоит, на стеночку глядит, чтобы мне просигнализировать в случае чего. А вдруг успею выпрыгнуть? Ну, нахожу статуэточку, беру в руки — и тут Шарап кричит «атас». Я выпрыгиваю — и на мое место аккуратно ложится с полтонны камней. Сибизс сперва за сердце, потом за статуэтку — и к Старому Кадею. А Кадей еще и разнос устроил, что статуэтку с места сдвинули, на месте фотографировать не стали. Надо мне было, очевидно, еще под стеночкой постоять, чтобы Кадея утешить... Ну-с, теперь мы в это самое № 60 землю ссыпаем, а актер бронзовый, пропечатанный в должном количестве изданий, стоит себе в экспозиции — будто всегда там и стоял.

...Только ничего этого, Лука, я не помню, ну, хоть убей! Помню, день был пасмурный, прохладный, я ровнял песчаную стенку, чтобы красивой была на фотографии... Песок мокрый, серый — и очень чистый. Ровнял ножом, резал как масло, Сибизс и вправду смотрел — указания давал, а вот Шарапа не помню. Навел я в помещении марафет, а Сибизс — он тогда

еще увлекался этими играми — возьми да и скажи, чтоб я еще маленько стеночку песчаную подрезал. Я ее ножиком — тут все и вываливается мне под ноги. Статуэтка — вся зеленая, только руки-ноги и можно разобирать, и гвоздики медные, штуки четыре. Наверное, актер этот бронзовый в деревянной шкатулке лежал, шкатулка сгнила, медь окислилась... Я даже в руки ничего не брал, только, помню, брякнул: вот, мол, и находка сезона... И все. А что там потом падало — это уже на твоей, Лука, совести.

Вот так, Света, и рождаются легенды. Поди — проверь!.. Ведь я даже не помню, Лука, был ли ты сам тогда. Ну, тебе виднее...

За винцом идет пиво. Перекуриваем... Лука настолько доволен жизнью, что готов облагодетельствовать кого угодно, меня, например. Скажем, он отвлечет внимание не вовремя приехавшего супруга О.

...А ему-то кто рассказал?

Это, по мнению тюленя, просто. Лучше всего телеграмму прислать — вызов на работу или еще куда. Муж на денек-другой отбывает, а в это время...

Чай... Чай — и невеста откуда взявшийся тортик. А у этой Светы аппетит недурен, хоть по ней вроде не скажешь. Лука выразительно поглядывает на меня... Ну что, Борис, курнем да погуляем? А чего еще делать? И мысль одна имеется... Только кусок торта оставьте для Маздона, а то вообще свинство будет.

Бредем с Борисом куда глаза глядят. А глядят они на восток, на храм Владимира. Не на Западное же городище идти, мрачно там сейчас. Лучше уж к собору, тихо возле него, уютно, нет этой жуткой саванны с сухой мертвой травой. Сегодня как раз время местных привидений. Впрочем, нам они едва ли попадутся, мы тут сами как привидения. Ты прав, друг Борис, настроение у меня неважноецкое. Это ты у нас железный человек...

Громада храма позади, под ногами древний камень

Главной улицы Херсонеса. Странно, по этой мостовой ходили больше двух тысяч лет назад, а она до сих пор лучше севастопольских тротуаров. А вот и дом Гикии — той самой, что мужа-врага разоблачила, этаким здешним Павликом Морозов, только без красного галстука...

...Да какая Гикия! Просто дом, второй век до нашей эры, хорошо сохранился, вот экскурсоводы и придумали. Хотя, судя по описаниям, Гикия жила и в самом деле где-то рядом. Это же центр, самые богатые кварталы...

А нам туда — прямо через камешки.

Перемахиваем через невысокую каменную стенку метра в полтора высотой и осторожно идем к центру того, что когда-то было базиликой... Осторожность вполне оправданна, ибо я хочу показать Борису нечто, куда можно запросто провалиться, особенно в темноте. Итак... Это базилика, век десятый, может, и чуть позже, а вот посередине...

Не свались, Борис! Смотрим... Все верно, вырубка в скале, ступеньки...

...Черный провал, черная яма, черный погреб, черная тайна — непонятная, забытая, ненужная, заброшенная... Двенадцать ступеней в никуда, двенадцать ступеней во тьму, двенадцать ступеней в прошлое, в вечность, в могильный мрак...

Домой возвращаемся тихо, разговаривать не тянет. Недалеко от могилы Косцюшко, на той самой скамейке, где мы так и не встретились сегодня вечером с О., выкуриваем по последней сигарете. Вообще последней, ибо в запасе больше нет ни одной пачки. Делать нечего — идем спать.

...Только сворачиваем на узкую тропку между густых деревьев, ведущую к нашей Веранде, как прямо на нас выскакивает, держа полотенца наперевес, веселая компания. Нам говорят «добрый вечер» и летят на всех парах в сторону пляжа. Только через несколько секунд соображаем, что это не кто иной, как все те же три по-

друзжки — Лена, Марина и очкастая Света, а с ними... Не Лука, ясное дело, а с ними Толик-Фантомас...

Луку обнаруживаем мирно спящим. Маздона опять нет — судя по отсутствию спального, можно предположить, что он опять спит где-нибудь на пригорке. Закаляется, покоритель природы, душно ему здесь. А вот тюленю не душно — спит-посвистывает. Он спит, а некоторые не спят, даже на пляж бегают. Вот ведь как получается, Лука! Стараешься, квартиры дамочкам устраиваешь, в столовку водишь мои порции кушать, а они с Толиком гульки гуляют. Ну, спи, спи!..

«Третьи Змеи», — констатирует Борис.

Третьи Змеи?

...Херсонесские Змеи — не просто стихийное бедствие, это целая эпоха. Эпоха Первых Змей... Вторых... Неужели настало время Третьих?

Особ женского пола, вносящих смуту в наши стройные ряды, в Херсонесе перебивало сонмище неисчислимое. Однако далеко не все из них — Змеи. Змеи же, дабы получить право таковыми именоваться, должны соответствовать строго определенным признакам, столь же категоричным, как те, по которым в Египте выбирали священного быка Аписа. Прежде всего Змей должно быть три. Ежели Змея вновь приезжает в Хергород, она сохраняет свой титул, но в этом случае год Змеиным не считается. Итак, Змей должно быть ровно три, они должны быть знакомы друг с другом и в идеале составлять одну компанию. Кроме того, Змеи не должны иметь отношения к нашему университету и к основному составу экспедиции — Змеи всегда приползают со стороны. И еще — Змеи признаются таковыми только с общего согласия тех, кто пережил Змеиные годы...

Итак, не Третьи ли Змеи с нами? Лена плюс Марина да плюс очкастая Света. Все признаки налицо, да и смута уже пошла. Вон, Лука на раскоп даже не заглянул, все вокруг этой, которая из Южно-Сахалинска, круги пишет.

...Змеи в траве, змеи между камней, змеи в раскопе, на лежаке, на штормовке, на вокзальном перроне. Не уйти, не укрыться, не спрятаться, не запереть дверь. Змеи, змеи, змеи...

Да, вопрос серьезный. Можно сказать даже, основополагающий.

Рабочая тетрадь. С. 12.

...Главная улица Херсонеса. Объект — Подземный храм (Крипта). Время — 22.45.

Интерес к объекту вызван его необычностью. Подземный храм высечен в толще скалы, поэтому возможен опыт в «чистом» виде, без допущений о влиянии каких-либо металлических частей, оставленных при строительстве.

Результат: та же схема, что и в «Базилике в Базилике». Порог, алтарная часть — «плюс», слева и справа — «минус».

Наблюдение велось при плохом освещении (использовался фонарик) и только с одним компасом, однако очевидно, что отклонения значительно больше, чем в «Базилике в Базилике» (в два раза?). Между тем:

— Крипта вырублена в скале, поэтому никакого фундамента и, соответственно, металлических деталей там нет и быть не может. Нет и колонн. Однако схема полностью сохраняется, что совершенно необъяснимо. Фактически Крипта — просто вырубка в скале неправильной формы, и такое поведение компаса удивительно.

Примечание: однако в целом эта вырубка сохраняет форму базилики.

— Отклонение стрелки компаса (приблизительно на 40 градусов) слишком существенно, чтобы быть результатом неточности или случайности.

Надо:

1. Найти в архиве результаты геологических исследований территории Херсонеса (магнитная аномалия).

2. Найти литературу по Крипте...

Херсонесский июль — мак в руинах цветет.
За наркотиком едет привычный народ.
Херсонесский дурман, как иголка под кожу —
Боль снимает с души — сроком ровно на год.

Когда еще не поспать, если не в воскресенье? Особенно в Херсонесе. Никакого будильника в полшестого, валяйся на лежаке хоть до завтрака. А можно и на завтрак не идти, что за охота баланду хлебать? В общем, спи — не хочу.

...Поспишь тут, как же! С утра пораньше меня будит громкий стук. Продрав глаза, вслушиваюсь: не просто стук, молотят чем-то тяжелым, ломом, не иначе, аккурат по земле-матушке... Смотрю на циферблат — еле-еле восемь. Да что они там, спятили?

Лука все еще дрыхнет, улыбаясь и похрюкивая, Борис же проснулся и тоже недоуменно прислушивается. Вскоре следует первая версия — наш химик предполагает, что это вернулся Слон и в гневе топает своими тумбообразными ножищами, готовясь отбивать у нас Веранду.

Хорошо, если бы это был Слон! Но едва-ли, по последним сводкам нашего «беобахтера», он колесит по Восточному Крыму с приятелями — и с несколькими канистрами спирту для поддержания компании. Тут что-то иное.

Вставать — так вставать. Выглянув во двор, наконец обнаруживаем причину колебания земли. И действительно, картина былинная!..

...Рядом с соседним домом в окружении полдюжины своих «волчат» возвышается могучая фигура Волка Акеллы. Старик полон чувств — размахивает толстыми мускулистыми ручищами, порывивает на стаю, время от времени раздавая подзатыльники особо нерастоппным. «Волчата» между тем возятся вокруг здорового металлического бака. Бак, между нами говоря, отменный, Гнус выцыганил его у моряков и чрезвычайно им гордится — в безводном Хергороде это

целое богатство. И вот этот самый бак «волчата» пытаются извлечь из земли, при этом двое действительно орудуют ломami. Да-а-а...

На крыльцо вылезает заспанный Лука. Вдоволь полюбовавшись редким зрелищем, он, не в силах оставаться в стороне, подкатывается к Акелле. Тот тут же начинает громко рычать, причем его жестикуляция приобретает мельничный темп. До нас доносится нечто более-менее связное, что можно сложить во фразу: «Здесь все мое!.. Весь Херсонес мой!»

Соппротивление бездушной материи преодолено, и бак, конвоируемый «волчатами», резво катится в сторону лагеря Акеллы. Возвращается Лука и, довольно ухмыляясь, сообщает, что это именно он пару дней назад подал Акелле идею реквизи́ровать бак. Взамен Волк выдал ему пару одеял и подушек — для Змей, само собой.

...И тут не без Луки!

А между тем в Хергороде столь откровенно покушаться на имущество Гнуса может только Акелла. И дело не только в том, что не хилому Гнусу тягаться с Волком, который, несмотря на семь десятков лет, способен своими ручищами скрутить пяток таких, как Его Величество. Акеллу поистине не берут годы: по-прежнему могучий, квадратный, дочерна загорелый, полный злой решительности. И дело даже не в волчьей стае, способной загрызть весь Восточный императорский фронт. Гнус справлялся и не с такими, на то у Его Величества разные способы имеются. Просто Акелла — не обычный пенсионер, отставной преподаватель архитектуры, балующийся на склоне лет археологией. Он — живая история Херсонеса, последний из чреды Великих, прямой наследник Лепера, Бертье-Делагарда и Косцюшки. За ним — десятилетия херсонесских раскопок, он сам уже миф, легенда, бродящая косялапой походкой по серым камням. И Гнус робеет, терпит. Акелла уйдет сам, как уходили богатыри из преданий. Уйдет — в херсонесскую вечность... Да смол-

чит, стерпит Гнус. И бак стерпит, и другое тоже. Каждый должен знать свой шесток...

Все это приятно, беда лишь, что не выпался. Для пушей бодрости Борис тянет меня на пляж. Не ходок я по пляжам с утра, но резон есть — к полудню здесь будет пол-Себасты, не протиснешься к воде.

Ну, пошли!

На камнях уже людно — воскресенье, что поделаешь! Ладно, было бы где сандалии поставить... Та-а-ак, кого это мы видим? Доброе утро, доброе утро... Конечно, солнечные ванны лучше всего принимать до одиннадцати, здоровье — прежде всего...

...Да, Борис, это и есть ее супруг. О. решила не терять времени и с утра пораньше выгуливает законного мужа. Ну что, пошли знакомиться?

Знакомимся. Все понятно, закончил истфак в прошлом году, собирается в аспирантуру. Помню, помню...

Будущий аспирант пользуется здесь популярностью. Кроме супруги, его окружает полдюжины наших девиц, что явно способствует его красноречию.

...Почему-то более всего его интересуют порнографические журналы.

Девушки млеют. О. смотрит в сторону.

У самой кромки скалы, откуда так хорошо прыгать в зеленоватую гладь Эвксинского Понта, со мной здороваются незнакомая девушка с чрезвычайно грустной физиономией. Доброе утро... Привет! — это уже Борис. Уже в воде соображаю — с нами поздоровалась все та же Света — в купальнике и без очков. Богатой будет — не узнал...

...А, бог с ней, пусть Лука разбирается — его кадры. Поплыли-ка во-о-от туда... Там еще, хвала Всевышнему, чисто. И народу пока нет.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 15—16.

...Уступив «лягушкам» небольшую часть не особенно ценного для них побережья, скифы приобрели во много раз

большее — неиссякаемый источник необходимых товаров и возможность получать прибыль от широкомасштабной транзитной торговли. Масштабы этой торговли поражают — товары из Средиземноморья распространяются не только по всей Скифии, но и далеко за ее пределами, доходя до центра Русской равнины, Заволжья и даже еще более отдаленных районов. Возникает разветвленная сеть торговых коммуникаций, проходящих по многочисленным рекам лесостепи и леса. Не будет особым преувеличением вывод о том, что Великая Скифия становится главным районом распространения товаров из Средиземноморья для всей Восточной Европы и Волжско-Уральского региона. Геополитическое положение Скифии становится уникальным по крайней мере в двух отношениях: по масштабности функционирования «моста» из Средиземноморья и сложности ситуации в самой Скифии.

Эта сложность определялась тем обстоятельством, что южная часть торгового «моста», то есть эллинские города на побережье, не только в историко-культурном, но и в геополитическом отношении принадлежали к совсем другому миру. Находясь на территории Скифии, они в то же время чутко реагировали на все изменения не только в бассейне Эгейского моря, но и в других, более отдаленных районах Средиземноморья. Таким образом, если скифская часть Причерноморья являлась периферийной областью средиземноморского мира, то греческие города на побережье были ее непосредственной частью. Встретившиеся «миры» сохранили своеобразие и разность...

Чай после пляжа — это хорошо, правда, Маздон? Конечно, чай — это всегда хорошо. Слушай, а чего это ты вещи собираешь? Понятно, понятно, а я было подумал...

Собирать вещи — давняя Маздонья традиция. Когда его вопли и призывы в адрес проклятых коммунист-

тов упорно не достигают ушей начальства, он принимается грузить рюкзак, заявляя, что уезжает домой. Вот возьмет вещи и сегодня же уедет! Прямо сегодня! Сейчас!..

В прежние годы процесс пакования обычно совпадал с очередной ссорой с Ведьмой Манон. Любила его дразнить Ведьма! Дразнить — и стравливать со всеми подряд. Бывало, что бедняга Маздон полночи бегал ее искать по всем кустам с фонарем, полночи орал — а потом начинал укладывать вещи. Правда, уехал только один раз, и то лет пятнадцать назад. Теперь же это только своеобразный обычай.

На этот раз причина более мирная — Маздон не уезжает, а переезжает. Наше общество ему не по душе.

...А вот это уже странно. Нервы у Маздона, конечно, уже не те, шумная компания противопоказана. Вот и ходит ночевать на бугор посреди саванны, хоть там и сыро, и холодно. А отдельной комнаты с диваном и кондиционером, которую он громко требует каждый сезон, ему не дают и не дадут...

Но ведь все эти годы мы жили вместе!

А подвернулось ему то самое помещенье в бараке, где размещается камералка, сиречь камеральная лаборатория. Знаю я эту пещеру — сыро, скучно, из окна вид на мусорник. Ну, нашему фотографу виднее... Ладно, Маздон, ты хоть в гости приходи — вместе с чайником...

И как мы теперь будем чай пить — не представляю. Кипятильником много не заваришь...

...Надо же — Маздон свалил! Не знаю, как Змеиный год, а вразнос мы уже пошли. Ну, если не вразнос, то враскачку. Еле заметно пока еще, чуть-чуть.

...Рядом, под боком, совсем близко, ступи шаг, полшага, обернись, посмотри в глаза... Херсонесский Вий, херсонесская шиза, херсонесское безумие, херсонесская чума...

Курим... Хорошо, что у Луки еще осталось полпачки! Между делом рассказываю тюленчику о пляжной

встрече с востроносой Светой. Кто бы это ее в такую грусть-тоску вогнал? Толик ли Фантомас — или сам Лука?

У тюленя, однако, иные заботы. На камералку, куда намерен перебраться Маздон, у него были виды, причем вполне конкретные, он уже и матрас достал, и простыни, и дезодорант...

...Помню, помню...

И теперь, когда охота вступила в решающую стадию, когда только плоды пожинать осталось — такой облом. В комнатке на Древней поселились кемеровские Змеи, интима не создашь, а тут и камералку, которую Лука берег, словно последний патрон, отбирают. Куда бедному гусару податься? Был бы здесь Сибиэс — ударил бы Лука шапкой о землю, заявил, что смерть ему без камералки, не может он спокойно работой научной государственного значения заниматься... Но вождь еще вчера уехал в город к родственникам, а Д., после того как Лука проигнорировал раскоп, потерял к славному ветерану всякий интерес.

...Мое наивное предложение просто снять номер в гостинице не находит отзвука. Кажется, деньги тюлень уже прогусарил. Разве что Гусеница перевод пришлет.

Вздыхнул бедняга Лука, полпачки сигарет уцелевшие ухватил.

Исчез.

Пора и нам что-нибудь предпринимать, дабы не покрываться плесенью. После обеда можно съездить в город. Но это после обеда...

Рабочая тетрадь. С. 12—13.

...Продолжение опытов с компасом.

Исследованы шесть базилик в разных частях Херсонеса. Объекты выбирались так, чтобы каждый находился друг от друга приблизительно на одинаковом удалении. Методика исследования и инструменты прежние.

Время — с 11.15 по 13.40. Погода жаркая, легкий ветер, освещение яркое.

Подробное документирование взял на себя Борис.

Результат: во всех шести базиликах наблюдается наличие такого же энергетического контура, что и в «Базилике в Базилике» и Крипте (в дальнейшем — «контур»), однако при разном значении отклонений.

В том числе (отклонение дается в градусах):

1. Базилика 1935 года (Беловская) — 15.

2. Баптистерий Уваровской базилики — 25.

3. Базилика у колокола — 15.

В «Базилике в Базилике» и у Крипты результаты прежние.

Каждый опыт проводился три раза, погрешность в пределах 3—4 градусов. Показательно, что в каждом случае экстрасенсорные исследования также совпадают: «плюс» — «теплый», «минус» — «холодный».

Была предпринята попытка проверить «контур» на примере обычных жилых домов. Объекты — два дома на главной улице, выбраны из-за хорошей сохранности. Результат: порог «теплый» в обоих случаях, отклонения стрелки компаса имеются, однако очень незначительные, в пределах погрешности.

Вывод: «контур» пока прослеживается только в базиликах.

Планы: продолжить исследования базилик Херсонеса. Относительно Крипты — см. выше...

Из Себасты возвращаемся уже в сумерках. Около Эстакады стол по-прежнему накрыт.

Едят!

Посреди стола красуется ведерная кастрюля с каким-то варевом, и очередная смена желторотых спешит набрать калории. Рядышком примостилась О. с супругом.

Что ж, присядем и мы. А вот и Володя со Славой!

А нет ли у них пары сигареток для любимого начальства? И для заместителя любимого начальства?

...А эту — про запас!

Сумерки сумерками, а у насытившейся молодежи внезапно пробуждается желание сбросить лишние калории. Выбор невелик — из сарая извлекается выдавший виды волейбольный мяч, и группа желающих становится в кружок. Я не участвую — куда уж мне! — зато Борис тут же занимает боевую позицию. Супруг О. тоже не прочь чуть-чуть похудеть...

Роль зрителя меня вполне устраивает. Усаживаюсь на пригорке, разминаю конфискованную у Володи «Ватру».

Через пару минут я уже не один. О. пристраивается рядом и начинает внимательно следить за молодецкой забавой. Я болею за Бориса, она, само собой, за супруга. Но ведь никто не запрещал болельщикам разговаривать...

Херсонесская конспирация. Херконспирация...

...Она думала, она вспоминала, она решала, она решила, это все, это конец, итог, точка, предел, рубеж. Навсегда, навечно, хватит, достаточно, забудем, зачеркнем, вычеркнем...

Ночная темень прерывает игру. Все довольны, всем весело, я тоже доволен, мне тоже весело. Пошли, Борис, на Веранду, чаю вскипятим, что ли... Как это в чем? А мой котелок на что?

...Она не бросит мужа. Она для того и ехала — побыть одной, разобраться. То есть и со мной разобраться тоже...

Кажется, разобралась...

На Веранде непривычно тихо и пусто. Маздон собрал манатки и отчалил в свою сырую камералку, Луку где-то черти носят. Одни мы в своем здоровом коллективе. И чайника нет... Делать нечего, кипятильник в кружку, заварку — в котелок, не впервой...

...Чего хотели «лягушки» от «кентавров» и «кентавры» от «лягушек»?

Интересы эллинов с самого начала были направлены в сторону закупки сельскохозяйственных товаров. Покупали продукцию скотоводства и, несколько реже, земледелия. Собственно, экономика Великой Скифии ничего больше и не могла предложить. Едва ли греков заинтересовала бы ремесленная продукция «степи» и «лесостепи».

Зато греков интересовало нечто, не относившееся непосредственно к производимым в Скифии товарам. Им были нужны рабы, и эта статья экспорта из Северного Причерноморья сохраняется в течение столетий.

Скифские торговые интересы носили принципиально иной характер. Первоначально они закупали дорогую, богато украшенную посуду. Затем все большие масштабы приобретают закупки вина, которые становятся массовыми. Вино приобретали огромными партиями, прежде всего знаменитое хиосское, а несколько позже — фасосское. Но, вероятно, главной статьёй импорта была разная «мелочь»: украшения, одежда, косметика, мебель, то есть все, что свойственно «цивилизованной жизни». Примечательно, что закупки вооружения были редки, да и то уже на позднем этапе.

Сравнение ассортимента невольно заставляет задуматься. Греки приобретали необходимое: сельскохозяйственную продукцию и рабов. Скифов же интересовало то, что иначе чем «роскошь» назвать трудно. Дорогая посуда, вино лучших сортов, ювелирные украшения — все это могло интересовать лишь сравнительно узкую верхушку племенной знати. В результате торговые отношения со Скифией, с одной стороны, стимулировали экономику Средиземноморья, поощряя ремесленное и сельскохозяйственное (вино!) производство, а с другой стороны — заставляли скифов разорять собственных и чужих подданных (рабы!) ради заморского импорта. По сути, такая направленность торговли толкала скифов

не только на усиление эксплуатации подвластных им этносов, но и на форсирование агрессивной внешней политики. При всем уважении к своеобразию скифской цивилизации можно констатировать, что потомки «иш-куза» воспользовались уникальным геополитическим положением Скифии не самым оптимальным образом. В наши дни такие экономические отношения назвали бы неравноправными: продажей сельскохозяйственных и людских ресурсов в обмен на тряпки и ширпотреб. Неудивительно, что сами греки оценивали эти контакты приблизительно так же. В их глазах скифы были любителями роскоши и неумеренными пьяницами.

Впрочем, причины скептического отношения, причем взаимного, заключались не только в этом...

Чай еще не допит, когда с улицы доносится топот и сопение — появляется Лука во всей красе. Впечатлений у него столько, что он никак не может погасить скорость и делает попытку кружить по веранде, словно цирковая лошадь по манежу. Впрочем, наткнувшись пару раз на лежаки, он вовремя оставляет это занятие. Брось, Лука, с ума сходить, бери лучше кружку! Хлебнем кипяточку...

Тюлень полон впечатлений и после первого же глотка начинает азартно вещать. Следует подробный отчет о богатом арсенале психологических средств, использованных Лукой при работе с «объектом». Я уже давно заметил, что для нашего тюленя процесс всегда важнее результата. Карнеги ты наш Херсонесский! Да какая тут психология, прости господи, за психологией сюда Змеи приезжают, что ли?

Ага, а вот это и вправду обидно. Все так успешно шло, а тут эта оказия с жилплощадью. Там Змеи. Здесь Маздон...

...Ну почему она не хочет просто прогуляться куда-нибудь в Гефсиманский сад?..

И что тут скажешь? Разве что можно посоветовать

не искушать «объект» Гефсиманским садом, куда каждую ночь милиция заглядывает (знает!). Трое нас на Веранде осталось, или не договоримся?

Увы! На Веранде, оказывается, нет замка — внутреннего. «Объекту» не подходит — с точки зрения той же психологии.

Ну чем помочь тюленю?

Попутно узнаем о причинах утренней грусти все того же востроносого «объекта». Оказывается, прошлой ночью Змеиная компания под предводительством Толика-Фантомаса и его дружков затеяла нечто...

В общем, затеяла. Света то ли убежала, то ли попыталась убежать...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 18—20.

...Что думали они друг о друге? Насколько понимали и насколько стремились понять чужую жизнь?

Но прежде всего неизбежен вопрос: насколько это было возможно? Имели ли эти этносы достаточно информации, чтобы объективно оценить друг друга?

На первый взгляд и времени, и возможностей было вполне достаточно. Греки прожили бок о бок со скифами и другими этносами Великой Скифии сотни лет. За это время, в принципе, можно было составить вполне объективное мнение о соседях. К сожалению, результаты многовекового знакомства были зафиксированы лишь греками. Скифский взгляд дошел до нас опять-таки в греческой передаче, неизбежно искаженный и утрированный. Но даже сохранившиеся данные позволяют сделать неутешительный вывод: особого понимания так и не сложилось.

Это вовсе не означает, что эллины и скифы имели друг о друге лишь отрицательное мнение. Такое мнение, конечно, было. С точки зрения греческого обывателя скифы — жестокие, неумеренные в вине и роскоши люди, абсолютно не знакомые с благами «цивилизации». Скифский взгляд также известен. Отец Истории передает

презрительный отзыв скифского вождя о греках как о худших свободных и лучших рабах. Греков к тому же считали изнеженными и даже психически неустойчивыми. О справедливости подобных упреков особо распространяться не стоит, тем более что существовали и другие, куда более взвешенные точки зрения.

Греки не могли не оценить такие близкие им самим свойства, как верность друзьям и союзникам, храбрость и мужество на войне, патриотизм. Даже в самой скифской «дикости» они видели качество, выгодно отличавшееся от собственной излишней привязанности к «цивилизации». Скифов, как и других обитателей Причерноморья, напротив, манил высокий уровень этой «цивилизации», умение оформить повседневный быт, сложные и экзотичные для скифов таинства греческих мистерий.

И все-таки они так и не поняли друг друга. Для греков скифы оставались дикарями, мужественными или жестокими, верными дружбе или коварными, но в любом случае «дикарями», варварами (на этот раз в современном значении этого слова). Скифы продолжали считать греков народом слабым, изнеженным, более заинтересованным в прибыли, чем в славе, в целом лишенным мужества. Греки так и не поняли все своеобразие скифской цивилизации, основанной на глубоких, давних индоевропейских традициях, цивилизации, обладавшей сложной (куда более сложной, чем у греков) общественной организацией, разработанными религиозными представлениями и ярким неповторимым искусством. Из достоинств этой цивилизации они оценили по сути одно — военную мощь скифов.

Скифы же остались не просто равнодушными, а прямо-таки «параллельными» к достижениям эллинов в формировании гражданского общества, в развитии естественнонаучных и философских знаний и личностного индивидуального начала. Колоссальный потенциал греческого искусства воспринимался ими только в «при-

кладном» смысле (оформлении предметов быта), а достоинства греков они видели в умении устроить все тот же быт...

Рабочая тетрадь. С. 13.

...Результаты исследований наложить на карту Херсонеса!..

Нам не нужно любви — мы хлестали вино.
Все ушло, не зови — мы хлестали вино.
Гавриил к нам сойдет и мечом пощечочет.
Брось, старик, не шуми! Мы хлестали вино.

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 13.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе. Продолжали снимать третий штык 5-го слоя в пом. 60-а. Характер засыпи прежний. Встречаются включения глины, кости домашних животных (коров). Стена Казармы в северной части помещения, приблизительно на расстоянии 1,5 м. от С-В стены пом. 60-а, оказалась разобранной до фундамента.

Находок немного...

Это я немного погорячился насчет «в том же составе». Женьке, кажется, надоело таскать ведра с грязью, во всяком случае, на работу он не вышел. А записывать почти нечего, сплошная полова.

...В печку, Борис, в печку!

И Стенка сгинула... Да нет, Слава, была тут она, вот видите, беловатое пятно на ее месте? Это известно, на нее фундамент клали. А разобрали Стеночку родимую веке этак в пятом, не позже, когда здесь усадьбу строили. Нет, не нашу, которая сверху, а ту, что под ней. Очевидно, город продал этот район частникам — вместе с развалинами Казармы. Казарму, само собой,

разобрали, а камешки в дело пошли. Вот видите, торчат. И рядом... Так это от нее — вторичного использования. Ладно, продолжайте в том же духе. Пойду к соседям, там, говорят, сигареты имеются.

У Д. удастся стрельнуть «Ватру». А он, оказывается, богат, а плакался, плакался! Впрочем, плакаться ему самое время — из-под земли лезет такое!.. Слава тебе, господи, что у меня в яме то, что есть, а не то, что тут! Ладно, давай разбираться. Это, стало быть, эллинистический водосток. А это позднесредневековый, разумеется. Так, говоришь, два строительных периода. А кто тебе сказал, что их тут два? А что это?..

...Ненавижу водостоки! Когда имеется возможность — срубаю их к чертовой матери, а в отчете пишу, что обнаружен «развал камней со следами грубой обработки». Грешно, конечно!..

Плохо ли, хорошо ли, но через какое-то время хаос начинает превращаться в некое подобие космоса. В общем, это немногим сложнее, чем у меня, только камней поболее. Хотя и сам я пять дней сообразить не мог. Ничего, научится наш Д. Куда он денется!..

Внезапно Д., тоскливо покрутив головой, предлагает бросить бригаду на произвол судьбы и прогуляться в музей, в дебри бывшего игуменского особняка, туда, где под средневековой экспозицией находится самое интересное — архив. Знаменитый херсонесский архив, в котором хранится пропыленная память обо всех двухстах годах археологической конкисты. Д. хочется взглянуть на свои водостоки. А почему бы мне не взглянуть, собственно говоря, на Стену? И Д. пусть посмотрит. Полезно!

...И не только на Стену. Удачно вышло, я как раз собирался в архив, но, конечно же, после работы. Но почему бы не прошланговать?

Ценные указания даны, и мы с Д. не спеша идем по тенистой тамарисковой аллее к музею, огибая встречаемые стада туристов. Вообще-то говоря, Гнус почти что

отлучил нас от архива, но слово Сибиэса здесь еще кое-что значит. Да и я тут не первый год. Проникнем!

Проникаем. Полевую сумку со всеми причандалами можно поставить на пол, кепку снять... Здесь прохладно в любое время суток, даже когда созвездье Пса над самой макушкой. Неплохо строили монахи! Ну-с, с чего начнем? Где тут у вас картотека?

...Сотни папок. Казалось бы — бумажки, бухгалтерия, но ведь за каждой новенькой или совсем растрепанной обложкой — судьбы нескольких десятков человек, рыхливших серый суглинок Хергорода. Скольких уж нет, скольких уже забыли, а здесь их слова, их мысли все так же слышны, лишь только сдуешь осторожноенько пыль, перелистаешь страницы...

Д. навалил на стол полдесятка синеньких переплетов с желтоватыми корешками. Ага, это же отчеты экспедиции Старого Кадея! Три подписи: Кадей, Шарап и Сибиэс. Д. кивает — помнит, мы с ним тогда уже здесь копали. А вот этот отчет мне нравится больше всего. Точнее, эти два. Правда хороши? Ну конечно, это мои. Смешно, право, — моя стряпня стоит на одной полке с отчетами самого Косцюшко. Так сказать, прицепился сбоку. Ага, а это наш с тобой прошлогодний, вот и Стеночка... Ну, это можно не читать, наизусть помню. Ладно, не буду мешать, смотри свои водостоки. А мы нырнем поглубже...

Обложка не синяя — серая. И бумага пожелтела, и шрифт какой-то непривычный. Хотя и не такая древность — бумагам только четверть столетия. Ну-с, поглядим, что пишет товарищ Балалаенко о Стене, он ведь вроде там копался...

...А ничего он не пишет, Балалаенко! Правда, план изволил составить, это надо будет потом сфотографировать, пригодится. Лентяй, лентяй Балалаенко! Так и не написал отчеты за 1968-й и 1969-й... Бог весть, может, и нашел он тогда что интересное, теперь наверняка и сам уже не помнит. Все равно, на всякий случай можно и спросить.

А вот тут уже спрашивать некого. Огромная черная папка, углы обтрепаны, порван корешок. Листали вовсю, не жалели! Год 1906-й... Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич.

Мелкий неровный почерк... Интересно, применяли ли тогда пишущие машинки? Впрочем, читать написанное рукой самого Косцюшко даже интереснее. Та-а-ак, вот и план... Боже мой, тушь четырех цветов! Как сделано! Ага, ясно... «Изготовил военный топограф». Нам бы военного топографа!.. А это что? Ух ты! Сейчас такого тоже не бывает — все надписи скопированы в папье-маше, даже раскрашены под мрамор. Тогда отчет такой толстенный. А вот и сам...

...Косцюшко стоит в окружении своих копачей — тамбовских чудо-богатырей, опирающихся на гигантские, под стать росту, лопаты. Рядом с Карлом Казимировичем — некто в форме, уж не тот ли военный топограф? А левее кто-то молоденький, в гражданском и в пенсне, теперь уже, наверное, никто не скажет, кто именно... Косцюшко хмур и величествен. Прекрасная фотография, выполненная, конечно же, со стекляннo-го, вечного негатива, запечатлела его в конце очередного многомесячного сезона. Сколько ему оставалось копать? Два года. Три?

...Косцюшко не ушел, Косцюшко остался, навечно, навсегда, пока стоит мертвый город, пока лежит вокруг Мертвая страна. Он здесь, в серой земле, под мраморной колонной, под сенью скорченных акаций, под беспощадным херсонесским солнцем, под бесстрастными херсонесскими звездами. Уйдем мы, он останется — среди своего города, среди своего мира, среди своей вселенной...

Ну-с, почитаем. Так, траншея, еще траншея... Несовершенно копал Карл Казимирович, прошибал слои, как бульдозер. Остатки храма... Алтарь. Ага, уже теплее.

Вот она — Стена из крупных тесаных блоков. Вот и профилек на карте. Что еще? Собственно говоря, и

все. Бригада богатырей пошла дальше, к башне Зинова. А находки, что там было, у Стеночки? Н-да, «находки весьма гадкие». Хорошо сказано! В наши дни так уж не пишут. Разучились!

Что ж, для Косцюшки это был лишь эпизод. Расчистил небольшую часть этого странного здания и пошел дальше. Спешил. Наверное, думал вернуться после и докопать. Или понадеялся на нас...

Д., слегка высунув язык от напряжения, трудится над своими водостоками. Ну конечно, он наконец-то выяснил то, на что я намекал ему с самого начала, — все это уже копали, так что зря он целую неделю ворошил отвал!

...Обычная херсонесская история. Лет двадцать назад Старый Кадей расчистил эти водостоки, обмерил, сфотографировал и засыпал — ему нужна была дорога для вывоза земли. А теперь мы копаем все это вновь, потому в слое и попадаются вполне современные пивные бутылки. Да-а... Чего уж там, бывает! Тем более нам надо копать глубже, так что это все придется так или иначе расчищать.

Д., кажется, увяз. Ну и мы еще чуток посидим...

Рабочая тетрадь. С. 14—16.

...Подземный храм на Главной улице (Крипта).

Храм найден сотрудниками Одесского общества истории и древностей в 1883 г., исследовался два сезона. Описание раскопок весьма схематично, как и чертежи.

Фотографии 1889 г., выполненные академиком Я. И. Смирновым, в архиве отсутствуют, но, судя по их описаниям, в то время в Крипте имелись архитектурные детали, которые в настоящее время, увы, отсутствуют.

Одесское общество, начав исследование на крайней восточной оконечности городища — от Восточной базилики, осуществляло раскопки по северной стороне Главной улицы с востока на запад. Были раскопаны I и II кварталы. Когда дошла очередь до III квартала, землекопы наткнулись на Крипту.

... Первоначально Крипту приняли за погреб жилого дома.

Описание: «Далее на восток открыто здание, которое поначалу могло быть и церковью, но впоследствии, как видно, было перестроено. В нем дверь была сбоку, с Главной улицы, и есть погреб, высеченный в скале, с каменной же лестницею, высеченной в скале же; открыто пока 5 ступенек, углубляющихся на одну сажень. Снаружи отверстие погреба в длину имеет 13 футов, а в ширину — одна сажень; снизу погреб гораздо шире, но еще завален большими камнями и мусором».

Из отчета 1884 г. ясно, что Крипта была раскопана полностью.

Описание: «В третьем квартале очищен весьма просторный и глубокий погреб, высеченный в скале, служивший, как оказалось, гробницею... В упомянутом выше погребке длиною 22,5 фута, шириною 15 футов и глубиною 22,5 фута с 12-ю ведущими вниз ступенями, ниже которых иссечена на значительной глубине четвероугольная яма в виде колодца и вокруг нее три ниши, найдены шесть человеческих черепов и кости, мраморная колонка в один аршин вышины и два пьедестала, несколько небольших кусков мрамора и ломаных стеклянных браслетов, два медных перстня, две глиняные лампочки, пластинка золота в один вершок длины, 1/2 вершка ширины и в лист бумаги толщины и более ста монет. Судя по нахождению погреба внутри строения и в центре города и по открытым в нем монетам древнейшего и позднейшего периода, следует предположить, что он принадлежит древнейшему Херсонесу и что был засыпан мало-помалу, окончательно в XI столетии н. э. Между присланными Обществу 87 монетами из этой находки оказалась одна с бычьей головой, одна с профилем богини Херсонас и одна с именем Мойрия, кроме византийских: Василия I — 15 экз., Василия I и Константина VIII — 1 экз., Льва VI — 2 экз., Константина X — 2 экз., Константина X и Романа II — 2 экз., Романа II — 5 экз., Никифора Фоки — 2 экз., Ивана Цимисхия — 2 экз., Василия II —

1 экз., Констанция I — 1 экз. и Льва I — 3 экз. Сверх того свинцовая печать, принадлежавшая Георгию Касиду, протоспафарию и стратику Херсонскому, которой грубая работа и правописание свидетельствуют, что она выбита в позднейшее время...»

Чертежи исполнил штабс-капитан Д. С. Григорьев. За раскопками наблюдал иеродиакон Владимирского мужского монастыря отец Дионисий и учитель реального училища в Севастополе Г. Н. Добров.

Имя руководителя раскопок отчего-то не указано...

Как ни странно, но в наших ямах еще кто-то копошится. Значит, Д. сумел установить некое подобие дисциплины, с чем его и поздравляю. Ну а как там у меня?

...Славик на кирке — дорвался до настоящего дела и страшно горд. Что там у нас, Слава? Да не выпрыгивайте из ямы, сам спущусь...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.*

Лист 14.

...Найдены восемь фрагментов чернолаковой посуды II—I вв. до н. э., фрагмент чернолакового сосуда первых веков н. э., ручка канфара со следами черного лака, а также предположительно ручка от светильника. Находки металла: два фрагмента железных гвоздей, фрагмент медного гвоздя, медная монета, бронзовый наколочник стрелы. Особо следует обратить внимание на донышко чернолакового сосуда с пальметками (IV в. до н. э.) и на два фрагмента известняковых колонн.

Неплохо, Слава, неплохо, стрела симпатичная... Не скифская она, Борис, обыкновенная греческая. Скифские, между прочим, были трехгранные. И донышко красивое... Ну что, Слава, нравятся вам наши игры?

Ну и хорошо. Да, пошел материал!.. Снова эти колонны... А означает это все, джентльмены, что мы дошли аккуратно до самого настоящего эллинизма. Теперь можно будет заглянуть под Стеночку и, даст бог, что-нибудь понять.

Вижу, Володя... Шабаш! Борис, Слава, инструменты в тайник, лоток для находок не забудьте. А я еще пару слов нацарапаю...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.*

Лист 15.

...Работу закончили в 12.30. Снят третий штык 5-го слоя в пом. 60-а. Слой 5 закончился...

На веранде пусто. Луку где-то носит, и воды снова нет — выхлюпал, паршивец. Хорошо, что всегда имеется резерв в моем котелке! Полежим, Борис, в столовую топать неохота. Вот интересно: говорят, что от работы появляется аппетит, а тюлень наш лопает регулярно. Правда, он тоже вроде как при деле.

По ступенькам скрипят шаги. Стало быть, Лука возвращается из харчевни... Ого, да это не Лука! День добрый, давненько не виделись!

Это и вправду не тюлень — перед нами Сибизс собственной персоной. Грустный еще более, чем обычно, побледневший. Да что с тобой? Борис, давай-ка чай организуем...

Вождю и вправду не везет — скрутило, приходится ложиться в больницу на несколько деньков, обследоваться. Понятное дело, ему сейчас не до нашего карнавала...

...Нет, Луку с утра не видели. Он как всегда неутолим. Должен, должен прийти, куда денется?..

Оказывается, Сибизс пришел не просто так. И не по делам экспедиции — тут он твердо уверен в нас с Д.

Дело совсем иное — хотя и вполне херсонесское. И очень невеселое.

Куда уж грустнее! Странно, что об этом вспомнил Сибиэс, а не Лука. Ведь это он хотел организовать, еще в Харькове мы с ним говорили... Неужели до такой степени все затмила эта очкастая? Хорошо, что хоть Сибиэс вспомнил.

...Несколько дней назад исполнилось сорок дней, как умерла Ира Щеглова, копавшая с нами в год Первых Змей. Умерла далеко отсюда, в Москве. Из всех, кто работал с нами, она стала первой, перешедшей эту грань... Эх, Ирка, Ирка, ведь тебе только двадцать пять стукнуло!..

Да, об этом должен был помнить, конечно же, Лука. Ведь это была его дама, именно он не мог ее забыть все эти семь лет, начиная с того Змеинового года. Ездил к ней в столицу, вызывал сюда, сходил с ума, воровал ей цветы из директорского садика... И вот теперь Сибиэс, а не он, пришел, чтобы договориться о том последнем, что мы можем для нее сделать, — помянуть. Помянуть здесь, в Херсонесе, где и познакомились...

Это было давно, в те годы, когда и солнце было ярче, и море солонее, когда серые херсонесские колонны вызывали шенячий визг, когда очень хотелось жить и стыдно было терять время. Экспедицию держал в своих твердых руках Старый Кадей, и бледными теньями носились вокруг него совсем молодые еще Шарап и Сибиэс. Тогда наша ватага была втрое крупнее, настоящий бродячий табор, где можно было встретить кого угодно. И где все они теперь? Как чума прошла, только что и остались Шарап с Сибиэсом, Лука да мы с Маздоном.

Лука в тот год был и вправду хорош. Даже среди героев нашего Золотого века, покорителей изысканных херсонесских див-дев, он был одним из первых. Сейчас этому не верит никто. Молодежь просто смеется, слыша о былых подвигах тюленя...

...Где твое время, Лука? Где твоя слава, Лука? Где

твои победы, Лука? Где твои девы, Лука? Где все, что было, Лука?..

Луки все нет. Мы вторично кипятим чай и от скуки забираемся с Сибиэсом в такие исторические дебри, что у Бориса начинает сводить скулы. Наш вождь рад поговорить — в больнице не очень весело. Как бы случайно намекаю ему, что в моем раскопе кое-чего есть. Не грех бы и взглянуть. Сибиэс оживляется и обещает завтра подойти. В конце концов, это он заинтересовал меня в свое время тайной Казармы. Похоже, у него появились какие-то новые мыслишки на сей счет.

...Признаться, у меня тоже.

И вот наконец у дверей слышится сопение и Лука просовывается в проем. Он равнодушно смотрит на Сибиэса, даже не скользит взглядом по нас с Борисом и, не говоря ни слова, плюхается на свой лежак. Э, дорогой, что-то у тебя не так. И даже очень не так! И это «что-то» наверняка похуже, чем отсутствие необходимой жилплощади или козни Толика-Фантомаса.

Плохо дело! Не отвечая на наши вопросы, тюлень заявляет, что немедленно уезжает отсюда. Прямо сегодня... нет, завтра утром. И в подтверждение своих слов начинает с пыхтением вытягивать из-под лежака рюкзак.

Ты что, Лука, от нашего Маздона чуток заразился? И даже не чуток — самый настоящий маздонизм в прогрессирующей стадии. Ну, хватай, хватай рюкзачишко, тыкай туда мокрые плавки... Дальше-то что?

Процесс укладывания рюкзака постепенно замедляется и в конце концов сходит на нет. Сибиэс терпеливо ждет — он знает Луку побольше нашего и явно не удивлен. Наконец вождь объясняет, зачем пришел.

Лука мрачно кивает. На поминки он, конечно, останется, а потом тут же уедет. А водку можно будет достать в «Дельфине» — или в «Легендарии», хотя там и дороже...

Настроение Луки столь мрачное, что мы спешим оставить тюленя наедине с его невеселыми мыслями и

расходимся кто куда. Расставаясь, Сибизэ обещает еще раз зайти завтра, поглядеть на раскоп. С тем и ауфвидерзеен...

У Эстакады обед, а может быть, ужин в полном разгаре.

Едят!

Слава лихо наворачивает ложкой, да так, что поневоле начинаешь завидовать. Вот если бы он работал столь же ретиво! Уклоняюсь от предложенной мне порции и желаю приятного аппетита. Чаю можно, только полкружки, не больше.

О. с супругом тут же. Супруг весел, травит анекдоты — вполне свежие, не то что у Луки. Борис на что невозмутимый человек, и тот улыбается.

...О. не смеется.

Мы с Борисом отходим не далее чем на десяток метров, когда сзади до нас доносится шипение. А, день добрый!.. Ведьма Манон собственной персоной. Что-то она такая веселая сегодня, даже веселее прежнего? Не иначе кому-то ба-а-альшую гадость сделала.

Ах, вот оно что! Тогда понятно. Есть из-за чего Ведьме веселиться. Когда кому-то из нас скверно, у нее сразу повышается настроение.

...На этот раз скверно Луке. Манон для того и подкралась к нам, чтобы поведать причины, в силу которых бедный тюлень начал хвататься за рюкзак. Спешила нас порадовать.

Что тут сказать? В общем, сам он виноват, наш Лука. Будто бы первый раз в Хергороде. Нельзя, нельзя тут ничего выставлять напоказ, тем более свою очкастую из Южно-Сахалинска! Во-первых, кто-нибудь, хотя бы та же Ведьма, непременно ненароком сообщит твоей супруге. А во-вторых...

Во-вторых... Все эти дни Лука мою обеденную пайку скармливает Свете. На здоровье, конечно, но в столовой они не одни. Желторотики, не будучи извещенными обо всех хитростях ситуации, почему-то уверились, что симпатичную дамочку с Сахалина кормят за

х счет. А уж ежели кто попробует их объесть!.. В об-
щем, окружили они сегодня Луку и высказались —
крепко высказались. И про то, что он работать не из-
волит и что неведомо кого водит в нашу столовку, да-
бы личный состав обедать. И вообще, катился бы он,
пень старый, бурдюк с ушами...

Вот Лука и покатился. Конечно, схватишься тут за
рюкзак!.. Все верно, юная босота не помнит прошлых
заслуг — и крепко не любит старую гвардию. Но я по
крайней мере каждый день выхожу с ними на раскоп, а
вот Луке крыть нечем. Не будешь же рассказывать про
прежние годы!

А главное — обед. Ведь они, бедные, и так с голо-
духи пухнут!..

...Молодые, гладкие, умные, ученые, кормленные,
поенные, рассудительные, глядящие вдаль, нашедшие
масло на бутерброде. Что им Херсонес?..

Ладно, Манон, ты всегда была добра к людям. Да
чего уж там, вижу, что рада! И тебе того же желаем,
правда, Борис?

Рабочая тетрадь. С. 17.

...Продолжение опытов с компасом.

*Время — с 18.30 до 19.45. Погода жаркая, легкий
ветер, яркое освещение.*

*Исследованы четыре базилики и два жилых дома в
разных кварталах города. В жилых домах «контур» от-
сутствует, наблюдаются особенности, указанные выше.*

*В трех базиликах «контур» обнаружен. Отклонения
различны — от 10 до 20 градусов. Значение погрешности
прежнее.*

*Примечание: «Контур» отсутствует в небольшой ба-
зилике на главной улице. Эта базилика является новодел-
ом, сложена несколько лет назад работниками музея.
Камни взяты из отвала и положены на современный це-
мент. Таким образом, ее сохранившаяся часть, по сути,
современная.*

Таким образом, Крипта на настоящий день дает самое большое отклонение.

Результаты были положены на карту (туристская схема Херсонеса, однако достаточно точная). Первоначально предполагалось, что размеры отклонения будут расти с севера на юг, однако закономерность, если она и присутствует, значительно более сложная.

Вывод: спешить не будем.

Планы: закончить обследование базилик, продолжить работу с картой, продолжить поиск материалов магнитной аномалии и по Крипте. В архиве материалы по геологической экспедиции и карта магнитной аномалии отсутствуют. Заведующая архивом уверена, что эти материалы засекречены, что сомнительно.

Переговорить с Сибиэсом, Гнусом и Асеевой...

...Сумерки над Хергородом. В кустах опять сходит с ума цикада, вдали гулко бьет колокол под ударом очередного булыжника, над крышей один за другим проносятся ушастые нетопыри. Источник мертв и тих... Идти никуда не хочется, да и, признаться, некуда. А ведь пол-экспедиции уже позади, даже не верится!

Лука немного пришел в себя. Рюкзак снова покоится под лежаком, а тюлень, близоруко моргая, что-то быстро записывает на бумаге, не иначе стихи кропает...

А все-таки не так что-то! Маздон, Лука... Кто следующий?

Вечер нынче вразнос. Ночь, скорее приди!
Мы собрались опять, снова день позади.
Наливайте! Теснее наш круг, динозавры!
По последней, вперед! Кайнозой впереди!

Борис, не увлекайся! Сначала землю выбрось, а потом киркуй дальше. Накурил, прости господи! Слава, опять опаздываете!.. В ящик, Борис, все кидай в ящик, потом разберемся...

Солнце уже припекает вовсю, и мы оставляем на

себе только плавки. Все, кроме Володи, тот не переносит солнечных лучей и в самую лютую жару не снимает брюк и рубашки. У бедняги сегодня опять неважно с головой. Ладно, Володя, идите, посидите пока в теньке. Мы тут сами управимся. Борис, давай кайло, разомнись...

...Раззудись, плечо, размахнись, рука! Кайлом, белым острием — с размаху, от всей дури, со всей радостью. Бей, бей, бей, круши, лупи, как когда-то, как прежде, как всегда...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.*

Лист 16.

...Начали снимать первый штык нового слоя № 6. Слой № 6 состоит из желто-серого суглинка с частыми включениями глины. В слое очень мало находок, отсутствуют раковины и мелкие камни, фрагментов керамики немного. Слой, очевидно, эллинистического времени (III в. до н. э.?) и является подсыпкой к фундаменту стены Казармы...

Верно, Слава, водичка уже близко, но пару штыков мы еще снимем. Да, мокро. Мокро и противно. И поэтому нечего надевать вьетнамки, когда идете на работу! Увидел бы вас Старый Кадей... Во-во, Борис, а то и киркой бы огрел. Это у него просто-запросто. Ты чего это вздумал в раскопе курить? Да кури, кури, какие уж тут приметы!

Пора бы и Сибизсу появиться.

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.*

Лист 16.

...Находок немного. Главным образом это фрагменты

чернолаковой посуды I—III вв. до н. э., в том числе две ручки чернолаковых канфаров, фрагмент боковой стенки чернолаковой краснофигурной вазы IV в. до н. э., фрагмент рыбного блюда с врезным орнаментом. Следует отметить бронзовый наконечник стрелы иного типа, чем найденные в 5-м слое.

Сибизэс приходит уже под самую завязку. Сперва он долго обсуждает с Д. какие-то оргвопросы. Я не вмешиваюсь. Год назад все подобное приходилось решать мне, пусть теперь Д. потеет! Стеночка может еще чуток подождать. Больше ждала. А что я все-таки расскажу вождю?

Приветствую, приветствую. Ну, как здоровье? Эх тебя!.. С чего бы это твоей печени шалить?..

Слава, не сидите на стенке! А потому, что бережного бог бережет. На что Кадей был старым волком — и то на моих глазах со стенки вертанулся, хорошо, что на кого-то свалился, а не на камень...

Ну, смотри, Сибизэс, смотри. Вылезла Стеночка!..

...С каменным переплетом я, кажется, разобрался. Все оказалось очень просто — между средневековыми стенами и Казармой есть остатки еще одной усадьбы. Века этак шестого-седьмого или чуток раньше. Вот эти-то стены всю картину и портили. Все просто, все понятно. Но не для этого я кликал Сибизэса. Звал я вождя для того, дабы сказать, что он оказался прав. Никакая это к черту не казарма первых веков нашей эры. В прошлом году, когда я в соседней яме вышел на фундамент, все можно было списать на случайность, но теперь уже никакой случайностью не пахнет. Изпод стены идет самый матерый эллинизм, и такой же эллинизм — в заполнении фундамента. Так что сомнений нет — доску с надписью можно смело снимать и переписывать заново, потому как что бы это ни было, но построено оно никак не позже III века до Рождества Христова. Что и удостоверяю.

Сибизэс не спорит — дело ясное, тем более что он и предполагал нечто подобное еще пару лет назад. Мы долго бродим с ним по заросшей травой древней улице, и вождь, временно забыв о своих болячках, оживленно излагает свои соображения. Если Казарма была построена задолго до римлян и если она — вовсе не Казарма, если она стояла у самых ворот, если через нее проходили те, кто желал попасть в город...

...И если из-под земли так и лезут известняковые колонны, мраморные обломки фракийских всадников, барельефы с Акслепием...

Не спорю — все может быть. Даже очень может быть.

Но делать окончательные выводы рано, придется еще копать — и не год, не два. Сибизэс уходит, я... Мне тоже недолго... Что ж, Д. докопает, он мужик основательный. Если здешние бароны позволят, конечно.

Еще раз смотрим на странные желтовато-серые зубья, выползающие из-под земли. К нам подходит Борис, отряхивая мокрую глину с рук, и сообщает, что после обеда сбегает за водкой, в крайнем случае Лука возьмет в «Дельфине»...

Да, за водкой. На поминках вина не пьют.

Рабочая тетрадь. С. 17—19.

...Крипта (продолжение).

Р. Х. Леппер и А. Л. Бертье-Делагард о Крипте ничего не пишут. Д. В. Айналов незадолго до революции обследовал ее и составил чертеж. В пояснительной записке сказано:

«...Видны апсида, сложенная очень грубо из бутового камня, и часть высеченного в скале и ровно выложенного на краю свода подземелья. Мусор впоследствии был извлечен, и в подземелье оказались столбы, поддерживающие свод...» Интересно, о каких столбах речь? Нет там никаких столбов!

Более подробное Крипту изучали в 20-е — 30-е гг. К. Э. Гриневич, тогда директор музея, писал:

«Подземный храм представлял собой первоначально, судя по верхней вырезке в скале, обыкновенную прямоугольную цистерну, которых имеется в Херсонесе большое количество и существование которых нам подтверждает известный рассказ о Гикии, дочери Ламаха, переданный Константином. Эта первоначальная цистерна была впоследствии сильно углублена и расширена, что могло быть сделано без особых трудностей, так как ниже сарматского яруса, представляющего собою довольно крепкий известняк, идет слой третичной глины зеленовато-серого цвета, который легко поддается обработке. В этой довольно мягкой почве была вырыта апсида, а также апсидообразные ниши, может быть, место для рак с останками мучеников. В юго-восточной части мы внизу имеем следы входных дверей, вырезанных в той же почве, и сделанный из каменной столб — опорный столб бывшей здесь впускной лестницы. В скале сверху мы видим вырезанный дромос с остатками высеченных в скале ступеней, ведущих вниз. На поверхности земли мы имеем следы надземного храма, точно соответствующего подземному, над апсидой храма мы имеем апсиду сверху, сложенную на скале из простых бутовых камней. К юго-востоку от нее находится могила. Очевидно, подземный храм сохранился как святыня, имея над собой надземный храм, повторивший его формы... Возможно, что подземный храм является свидетелем борьбы двух идеологий, о которых имеются сведения в литературных источниках. Этому памятнику мы предполагаем посвятить особое исследование».

Общий итог: большая часть исследователей видит в Крипте раннехристианский памятник, возможно, место собрания первых христиан города. Первоначально это была цистерна, позже углубленная и перестроенная в мавзолей.

Сибизс уверен, что сооружение это построено не

ранее VII—VIII веков, доказательством чего является свод, до этого в подобных мавзолеях не применявшийся.

Гнус сообщил, что в первые века нашей эры, то есть в период распространения христианства, место, где позже была сооружена Крипта, находилось во дворе большого общественного (не частного!) здания на Главной улице...

Стол выдвинут на середину нашей Веранды. Борис режет хлеб, я, как всегда, воюю с консервными банками. Водка остывает в ведре с морской водой.

Почти не разговариваем. Маздон, притащивший зачем-то целых два чайника, возится с заваркой, Лука сидит в своем углу и молчит. Лучше его, конечно, не трогать... Ну что, пора застилать стол газетами? Ага, можно еще нарезать сала. Сюда ставим кружки. Котелок с водой... Вроде все?

Нет, не все. Маздон достает свечу и вставляет ее в бутылку из-под «Крымской минеральной». Теперь пододвинем лежаки поближе...

В разгар хлопот появляется Сибиэс и достает из сумки нечто консервированное. Где наша открывалка? Ладно, и ножом обойдемся.

Вождь ставит на окно фотографию Ирины — старую, еще со времен Первого Змеинового года. Рядом с фотографией появляется небольшая стопка, из которой Ирине уже никогда не выпить... Садимся? Лука, где ты?

Тюлень и впрямь расклеился. Он, кажется, не слышит. Лука, ты чего?

Лука мотает головой, отворачивается, бормочет что-то невнятное, машет рукой, наконец нехотя встает...

В кружки льется водка. Водка льется и в маленькую стопочку рядом с фотографией... Я стараюсь не смотреть на подоконник. Маздон зажигает свечу.

Первые поминки в Херсонесе. Мы еще не привыкли.
...Ты не вернешься в Херсонес, Ирка, ты не спу-

стишься в раскоп, ты не поправишь светлые волосы, выбившиеся из-под косынки. Ты где-то в Москве, ты под грудой желтой земли, ты — табличка на кресте, ты — полустершееся имя на черной ленте венка... Почему, почему, почему?..

...Вскипает чайник, мы моем кружки, и Маздон заваривает свой знаменитый — с мятой. Садись, Лука, чай пей, да садись, что это ты опять?

Но тюленю не до чаю. Внезапно он становится су-етливым, начинает что-то распахивать по карманам куртки, из-под кровати извлекаются новые кроссовки... Еще минута — и мы остаемся за столом одни. Без Луки.

Живые, стало быть, думают о живых. А ведь он плакал, когда узнал, что Ирка умерла!

Пьем чай... За окном, над серыми обломками херсонесских стен, опускается вечер. Свеча в бутылке из-под «Крымской минеральной» погасла...

Даль заката красна — будет ветер опять.
В бледной дымке луна — будет ветер опять.
Над безжизненной, мертвой землей херсонесской,
Что нам Роком дана, будет ветер опять.

Бездельник Слава только-только обозначился на горизонте, мы с Борисом еще докуриваем предраскопные сигарки, одолженные до лучших времен у Володи, как вдруг, словно из-под земли, Мефистофелем налетает Д.

Вид — странный. То ли смущен, то ли хвост ему накрутили. А где же «доброе утро»?

Нет «доброго» утра! Не до того ему.

Ах, вот оно что! Все ясно, Сибиэс в нетях, Д. сейчас главный... Вот и решил Гнус на этом главном покататься. И не только на нем.

...«Мы» от «них» зависим. «Мы» — это, как я понимаю, мы, «они» же — Гнус и компания. Итак, «мы» от «них» зависим, и никуда от этого не деться, посему «мы» должны идти «им», Гнусу с компанией, навстречу.

А идти навстречу в данном случае — это отдать «им» в рабство Славу и Володю, дабы помочь Гнусу строить какой-то сарай, выгрузить вещи из склада, где рухнула крыша, и в слесарне опять же... Правда, не пожизненно, «они» согласны удовлетвориться и тремя днями. Впрочем, эти три дня Д. будет рад видеть нас с Борисом у себя на участке...

Пока Сибиэс был в силе, Гнус себе такого не позволял. Между прочим, наши ребята работают даже не за питание — бесплатно. Своим-то «они» платят!

Еще год назад я бы, пожалуй, поспорил, намекнул на то, что и у Д. на раскопе есть люди. Да и не мешало бы заглянуть в сарай — а нет ли там лишних? Но теперь не стану. Бессмысленно, Д. и нас с Борисом, будь его воля, послал бы в рабство к Гнусу или еще куда подальше. Значит, быть посему, хотя три дня — это до субботы, и, стало быть, неделя пропала...

Ах, не совсем пропала? Будем работать в воскресенье? Хорошо, душа поет!

На Володю со Славой жалко смотреть. Перспектива работать на здешнем складе или в допотопной слесарне их отчего-то не радует. Увы, тут я не волен. Тут волен Д.

Итак, я не спору. Бессмысленность этого занятия — лишь одна причина. Есть и вторая — с Черным Виктором я созвонился еще несколько дней назад, и если телеграмма уже пришла...

Совпадение? Странное совпадение, словно кто-то выталкивает меня из Херсонеса...

Ну чего, Борис? Поспим часок, а там...

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса.
1990 г.*

Лист 16.

...Работы не велись...

Рабочая тетрадь. С. 19—20.

...Продолжение опытов с компасом.

С 11.00 по 12.30. провели контрольные замеры на трех объектах:

- 1. «Базилика в Базилике».*
- 2. Базилика у колокола.*
- 3. Крипта.*

Погода жаркая, ветра нет, освещение яркое. Для дальнейших опытов на каждом объекте обозначили репер с помощью меченых камней, указывающий на N.

Результат:

«Контур» тот же, однако отклонение несколько выросло (на 2—3 градуса). Это в пределах погрешности, однако рост можно было проследить на всех объектах. Причины пока неясны. Борис предполагает, что это связано с усилением действия магнитной аномалии.

Примечание: с какой стати этой аномалии «усиливаться»? Действие (и воздействие) подобных аномалий ни мне, ни Борису неизвестны, посему от суждения лучше воздержаться.

Работа с картой.

Предположение Бориса: базилика представляет собой своеобразный диполь, причем отрицательный полюс полностью компенсирует положительный, как и должно быть согласно закону сохранения заряда. Исследованные базилики находились на некоторой кривой (параболе), и энергия возрастала по направлению к центру аномалии, который оказался в Крипте.

Комментарий: необходимо добавить: «предположительно оказался».

Я: если это так, то строительство Крипты именно в этом месте не является случайным. Однако все эти рассуждения пока бездоказательны, поскольку для точности необходимо продолжить поиски «контура» на других объектах Херсонеса, равно как исследовать таковые за городскими стенами (Крестообразный храм), что по-

зволит уточнить наличие этой гипотетической «параболы». Однако Крипта и в самом деле является очень интересным объектом...

Дневная Себаста ничуть не лучше вечерней. Даже хуже — жара валит с ног. Когда-то на Бэ Морской можно было выпить пива — и не только пива, само собой. Когда-то... Не разжигая себя бессмысленными воспоминаниями, заглядываем по привычке в знакомые бук-шопы. Магазины действительно знакомые. До боли... Правда, и сейчас в них можно купить, к примеру, «Королеву Марго» — всего за полсотни...

У дверей почтамта оказываемся еле живые. Жарынь выжигает остатки оптимизма, однако же собираемся с последними силами... Где тут окошко, которое «до востребования»?

Тоскливого вида дама тасует пачку писем. Ну, писем-то я не жду. Что? Не может быть!

Может! Передо мною целых две бумажки. Ну-ну, не было ни гроша, да вдруг алтын, во всяком случае, первая выглядит весьма обнадеживающе, поскольку это квитанция на получение посылки... Вперед, Борис, это за углом!

За углом приходится долго ждать, стоять в душной очереди... И вот наконец нам вручают искомое. Бумагу долой! Ну? Ну!

Есть!!!

Два десятка пачек несравненной «Ватры»... Есть, есть бог на свете, и добрые люди есть! Посылку отправили еще две недели назад, хорошо, что вообще дошла... Двадцать пачек, дней десять жизни, может даже чуток больше.

...Дымись, родимая, дымись, закруточка, — назло врачам, назло лекаришкам, назло совдепам, Совмину, Минздраву!.. Закоптим орденоносную Себасту!..

Перекурим, Борис, на радостях? Ах да! Бумажка

номер два. Телеграмма! Пошли обратно, это в главном зале...

На этот раз ждем недолго. Ну-с, ну-с?.. Вот так, Борис, и начинаешь верить в промысел божий. Это я про Д. — и про то, что мы остались без работы. Три свободных дня нам очень даже пригодятся. Это от Черного Виктора.

...А ведь если бы не Гнус и не Д., мне пришлось бы оставлять Бориса за старшего, уходить одному. Удачно вышло!

А все-таки странно это!

Черный Виктор немногословен. Он лишь сообщает, что будет ждать нас в условленном месте в указанное время. Но подробности не нужны, все уже договорено. Указанное время — это завтра, с двенадцати до шестнадцати, условленное место — у желтой кручи Чуфут-кале, а ежели точнее — то справа от входа. Телеграмма здорово опоздала, так что мы оказались здесь очень вовремя...

Договорились мы с Черным Виктором еще весной. Заочно. Ясное дело, от Харькова до Саратова не близко.

Каждый занимается своим делом. Старый Кадей, к примеру, изучает Хергород римского времени. Сибиэс пишет о торговле, Сенатор Шарап — дока в вопросах религии, Д. тоже в чем-то там копается. А вот Черный Виктор — спец по императору Августу.

Мы впервые встретились с ним шесть лет тому назад на достаточно-таки скучном научном толковище в Белокаменной Москве. Тогда мне уже начинали надоедать эти сонмища — слишком они напоминали разговор глухих. Ученые мужи, равно как и не менее ученые дамы, толковали, словно тетерева на току, каждый о своем — благо тезисы уже изданы и вожделенная публикация состоялась. Большие бизоны выдавали на-гора семенные вытяжки из будущих монографий, аспирантско-доцентская плотва «прокатывала» только что написанные статьи... После первого же до-

клада неудержимо тянуло в буфет. Я давно уже потерял надежду услышать что-нибудь путное, когда высокий крепкий парень с чуть заметным волжским акцентом разорвал серую пелену скуки, рассказав нам о битве при Акции.

...Египтянка шла на прорыв, убегала, удирала, рвала когти, делала ноги — сквозь строй своих же кораблей, сквозь плоть своих же солдат, а вокруг гибла армия, гибло царство, погибала династия, гибла эпоха, гибла слава Великого Александра, Граник, Исс, Гавгамеллы, навсегда, навечно, но бабий страх был сильнее, и она шла на прорыв, убегала, удирала, рвала когти...

Потом мы встречались с Виктором то в Горьком, то снова в Москве, временами обменивались посланиями. Узнав, что он собирается этим летом пробежаться по Крыму, я договорился ненадолго примкнуть к его войску, несколько дней назад мы еще раз созвонились...

Из-под лежака извлекается рюкзак. За эти две недели он успел порядком запылиться, посему первым делом надо выйти на крыльцо и как следует его вытряхнуть. Так... Еще раз... Нормально! Кружка... Котелок... Наш сигаретный запас...

Глядя со стороны, можно подумать, что маздонизм добрался наконец и до нас, потому что Борис проделывает со своим рюкзаком то же самое. Вот сейчас топну ногой, отрясу прах с кроссовок, pošлю прощальное проклятие Гнусу...

...Наверное, и это будет. К счастью, еще не сейчас. Сколько я еще продержусь в Херсонесе? Год? Два? А если Д. в следующем году меня просто не возьмет? Двум медведям в берлоге не ужиться...

Рюкзаки постепенно наполняются. Берем самый минимум, оставляем даже спальные — Черный Виктор, когда мы договаривались с ним еще в Москве, обещал на ночь пристроить группу на какой-то базе. Надеюсь, не на военной, хотя, чтобы переночевать, сгодится и военная... Ну ладно, Борис, поглядим, что

надеть на ноги, по горам бродить — это не по раскопу. И темные очки, само собой... Ну-с, как в песне поется, «были сборы недолги». Пойду-ка найду Д., порадую.

...Д. хоть и не обрадовался, однако явно почувствовал нечто вроде облегчения. Все устраивается к общему удовольствию: он сохранит своих декхан на раскопе, Слава с Володей будут ишачить за вашу и нашу свободу... а мы с Борисом не будем мозолить ему глаза. Правда, показалось мне... Ну так, чуть-чуть показалось, что Д. очень не прочь присоединиться к нам. Он и сам когда-то с удовольствием бегал по горам. И такое было, во всяком случае, Эски-Кермен мы с ним брали вместе...

Рабочая тетрадь. С. 20—21.

...В архиве и в библиотеке данных о геологических исследованиях Херсонеса, в том числе карты магнитной аномалии, обнаружить не удалось.

И. А. Асеева сообщила, что карту изъяли два года назад. Насколько она помнит, исследования показали, что Херсонес стоит на сплошной скале, никаких признаков залежей полиметаллических руд не найдено. В этом случае появление «контура» связано не с влиянием «подземного» железа (и не с особенностями строительства, чему доказательством является Крипта), а с чем-то иным.

Крипта (продолжение).

Мнение А. Л. Яковсона:

«Под пещеру использовали обычную в Херсонесе большую прямоугольную цистерну римского времени, расширенную в нижней части; в пещеру ведет высеченная с узкой стороны цистерны лестница в 8 ступеней. Самой пещере (длина 8,26 м, наибольшая ширина 4,40 м) был придан четырехлопастный план: к восточной (верхней, северо-восточной) триконхальной части с юго-западной стороны примыкает конха, по ширине наибольшая. В целом пещерное сооружение по своей композиции очень

близко к уже известным памятникам гробничной архитектуры. Скорее всего перед нами именно мавзолей — мавзолеев раннесредневекового времени, может быть, также V в., чему нисколько не противоречит находка здесь краснолаковой керамики (более определенных сведений о ней не имеется), продолжавшей бытовать, как известно, и в V и в VI вв. К. Э. Гриневич высказал правильную мысль, что в крипте было «быть может, место для рак с останками мучеников», иначе говоря, предполагая (если мы правильно понимаем автора) именно гробничный характер сооружения. На погребальное назначение указывает не только композиция этой пещеры, но и наличие с юго-восточной стороны ее дополнительного небольшого помещения (наибольшая длина 2,70 м) — явно дополнительного погребального склепа... Близ лестницы имеется каменный, прямоугольный в сечении, массивный столб, служивший, возможно (как полагает К. Э. Гриневич), в качестве опоры для впускной лестницы. О перекрытии мавзолея (плоским деревянным посредством стропил или каменным или кирпичным сводом) никаких данных мы не имеем, и поэтому судить трудно; не исключено, что мавзолей имел плоское деревянное перекрытие. Над мавзолеем, несомненно, возвышалась церковь, имевшая, возможно, какую-либо центрическую композицию, подобную композиции крестообразных мавзолеев Восточной и Западной базилик и Загородного крестообразного храма. Очень возможно, что и усыпальница позднее превращена была в церковь-меморию, на что указывают остатки престола в восточной нише...»

Из книги В. М. Зубаря и Ю. В. Павленко «Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси» (Киев, 1988):

«По мнению некоторых специалистов, с первыми веками н. э. каким-то образом связан располагавшийся на главной улице пещерный храм-мавзолей, функционировавший как культовый объект, очевидно, с V века и почитавшийся в средние века как место, связанное с деятельностью первых христиан. Возможно, здесь, в пере-

оборудованной под маленький храм уже не использовавшейся цистерне, собиралась для молитв и богослужений небольшая группа христиан, скрывавшихся от властей и языческого населения города. Не менее вероятно, что на этом месте (возможно, в самой цистерне) погиб кто-то из первых проповедников, в честь которого в IV или V веке и был сооружен культовый мемориал, дополненный позднее наземной часовней, от которой сохранилась только часть апсиды».

Из «Жития Святых епископов херсонесских» (перевод на церковно-славянский):

Херсонеситы ищут Святого Василия: «Они же, веселе приемше слово, начаша искати Святого епископа и обретеше и в некоей пещерке, зовемой Парфенон, идеже живяше моляся... И ю пришедше в пещерку, идеже в селение имеяши святой епископ...»

Место гибели Святого Василия: «...идеже христиане столп имуще горе животворный крест поставиша...»

...А вокруг кипит жизнь. Из окон нашей Веранды наблюдаем грациозную постань Стеллеровой Коровы, направляющейся на пляж, рядом с ней семенит Ведьма Манон, почти зримо окруженная черной аурой. Вдали мелькает благородная седи́на Маздона — наш фотограф, увешанный аппаратами, словно рождественская елка, ведет группу молодняка запечатлеваться на фоне базилик (наверняка у колонн, там, где «минус»). А вот сквозь высокую желтую траву к нам резво катится неопределенной формы предмет. Ага, Борис, это же Лука, только чего-то он...

Тюлень и вправду чего-то, и даже очень чего-то. А говорит еще, что в Себасте выпить нечего! Ну-с, а что это за банка с соком?

Лука явно в духе. Постепенно адаптируясь к особенностям его речи, начинаем понимать, что его, как и нас, поджидали сегодня немаловажные сюрпризы. Прежде всего он тоже был на почте. Правда, сигарет

не дождался, зато получил — экая синхронность! — телеграмму. И послезавтра тюлень едет в Симферополь, дабы кое-кого встретить.

Мы переглядываемся — призрак Гусеницы затмил свет за окнами, но Лука спешит нас успокоить. Гусеница прочно осела дома, зато к нам приезжает Буратино. Его лучший друг, товарищ и заодно подчиненный — тоже лучший.

Переглядываемся — только Буратины нам здесь и не хватало, знаем мы этого лучшего друга и подчиненного!

...Вот оно, пошло-поехало! Маздон нас бросил, Лука не работает, мы убегаем — а тут еще и Буратино. Пропала экспедиция!

Лука, а что в банке-то? Да ну? Вот дела!

Действительно — дела. Лука, наш неутомимый Ганимед, успел заехать в легендарные Камыши, где всегда что-нибудь есть. На этот раз «что-нибудь» продавалось в трехлитровых банках аккуратно из-под сока.

...И это пьют?

Вблизи «это» соком не назовешь — цвет явно отдаст анилином. На блеклой этикетке гордая надпись о том, что сие изготовлено в совхозе «Перемога». Ах, теперь это называется «Ркацители»? Не шутишь? То, что мы недавно пили, еще можно так назвать, а это... Нет слов!..

...Желтое-желтое, страшное-страшное, мерзкое-мерзкое, жуткое-жуткое, ужас, гибель, смерть, конец всему, амба!..

Лука, ты-то ладно, хотя тоже душа живая, но как-во будет гроб до Южно-Сахалинска везти? Поездом, потом на пароме... Нет, попробовать это мы не будем, правда, Борис? И при нас не открывай, а то нюхнем. Нам ведь завтра в гору, мы, понимаешь...

Луке абсолютно все равно, куда мы направляемся. Для него мертвые громады Мангупа, Чуфутки и Эски-Кермена излишне страдают отсутствием столь привычных удобств, в том числе соответствующих заведе-

ний, где наливают то, что пузырится в банке. Вот если бы мы собрались в Ялту или, паче того, в Гурзуф!.. Это да, тут бы, глядишь, и Лука брюхом тряхнул. Как в год Первых Змей, когда мы с ним решили слегка встряхнуться...

Ну, каждому свое! Лука спешит вдаль, чуть пошатываясь и пыхтя под тяжестью трехлитровой банки со счастьем, а мы можем и чаек попить, а заодно подумать, не забыли ли чего. Как ни крути, а идти нам с незнакомым народом...

...Виктора прозвали Черным не из-за характера, а всего лишь за черную куртку, которую он обычно надевает в поход. Сам Черный Виктор — парень крепкий, и весьма, а вот кто на этот раз окажется в его группе — пока загадка. Не пришлось бы кое-кого в конце маршрута тащить на горбу!.. Да и идея относительно ночевки на мифической базе начинает казаться уж очень фантастичной. Спальники взять в самом деле, что ли? Но ведь это опять же на своем горбу переть!

Наконец приходим к компромиссу — в рюкзак укладывается одеяло, как некий паллиатив в этом сложном вопросе. Теперь остается одно — извлечь из тайника изрядно уже похудевший кошелек и сбегать в «Дельфин» за тем, без чего в горах вечерами прохладно... Итак, все готово, можно сжевать по паре купленных в городе вафель, поглядеть на вечернюю панораму за окном и, презрев благородные традиции ночных гулек, отбиваться — до утреннего ворчания будильника.

Выходим из круга. Ненадолго, хотя бы на два дня...

...Кто кого обманул, Херсонес? Кто кому нос натянул, Херсонес? Ты ли выпихнул нас, Херсонес? Или тебя мы хитрей, Херсонес?

Рабочая тетрадь. С. 21.

...Две недели работы экспедиции.

Раскопки идут по плану, однако личный состав

начинает изрядно штормить (Маздон, Лука). Змеиный год!

Возможные объекты на маршруте:

1. Чуфут-Кале.

2. Тепе-Кермен.

3. Керменчик.

4. Сюрень (?).

Постараться:

— Проверить наличие «контура». Взять оба компаса!

— На Чуфут-Кале имеется некое подскальное сооружение (так называемый «каземат»). Сравнить с Криптой. Аналогично — на иных объектах...

В этом странном оазисе — странный народ.

В наше дикое племя не каждый войдет.

Кому быть в Херсонесе, кому возвратиться,

Только сам Херсонес до конца разберет.

Полупустой «Икарус» мчит нас Древней улицей, делает лихой разворот у кинотеатра с шовинистическим имечком «Россия» и катит, набирая скорость, по гигантскому спуску, оставляя позади печальные серые надгробия караимского кладбища. Подъем. Круче, круче. Еще разворот... Все! Теперь рюкзаки на плечи и вниз, к вокзалу. Ничего, Борис, в электричке отоспимся!

...В поезде Себаста — Бахчи (который «сарай») главное — сесть поудобнее, желательно у окошка. Рюкзаки наверх и... И пока что спокойной ночи. В таких электричках выспаться — одно удовольствие. Ничего, Бахчи не проедем, там, считай, все сходят.

...Тихий стук колес, тихий стук сердца, тихий стук песчинок в песочных часах, еле слышный, вечный. Снова дорога, снова мой дом на двух ногах, снова рюкзак за плечами, за спиной Вчера, впереди Завтра, а вокруг только тихий стук колес, только тихий стук сердца...

Это, конечно, не сон, так, легкая форма анабиоза.

Мысленно отмечаю каждую очередную станцию. Верхнесадовая. Сирень... Кажется, пора шевелиться, да и солнышко пригрело — не подремлешь.

Рабочая тетрадь. С. 21.

Крипта (анализ).

Само название указывает на то, что Подземный храм на Главной улице принято считать христианским мавзолеем. Это не вызывает сомнений, по крайней мере предварительный осмотр (первый раз я спускался в Крипту еще шесть лет назад), и отчеты экспедиций этому вполне соответствуют. Более того, Крипта являлась чрезвычайно почитаемым местом, поскольку:

— Находилась в самом центре города.

— Над нею была сооружена базилика, то есть Крипту накрыли «колпаком», как особо памятный объект.

Вопрос лишь в том, чем он был памятен? Версия о том, что Крипта сооружена на месте тайной христианской молельни...

Подъем, Борис. Вот он, Бахчи!

Редкий город соответствует своему названию. Едва ли встретишь в Воронеже ворона с ежом, да и в Херсоне не всегда снятся плохие сны. А вот Бахчи, ханский Бахчисарай, до сих пор держит марку. Улицы усажены фруктовыми деревьями на любой вкус, лопай — не хочу, а на вокзале можно получить редкое яство — лучшие в Крыму чебуреки. Экий оазис по нынешним временам!.. Ладно, можно и чебуреками заняться, благо время еще есть.

В автобус влезть трудно, но в принципе возможно. Рюкзаки, конечно, мешают, но они, к счастью, полупустые. Ничего, у Дворца все вылезут, будет посвободнее...

Собственно говоря, весь старый Бахчи — это одна длинная улица, начинающаяся почти от самого вокзала. Вдоль нее и протянулся город — сначала

кварталы внеисторических мазанок, потом коттеджи времен послевоенной колонизации, а затем сам татарский город — полуразрушенные дувалы, мечети с обезглавленными минаретами, почерневшие резные калитки. Ага, вот и Дворец!.. Если я не ошибаюсь, Борис, мы здесь уже бывали. Не ошибаюсь, конечно, — в прошлом году. Что и говорить, мизерное зрелище, этикие декорации к оперетке, ты прав. Но хотел бы я знать, как может Дворец выглядеть, если его жгли раз так шесть — при Минихе, войска генерала Ласси, до этого Дорошенко-старший, потом немцы поспособствовали...

...За набеги, за гаремы, за черные гари, за черную измену, за черный страх... Гори, ханский дворец, гори, ханский огонь!..

Вот Бахчи и кончился!

И вправду, за Дворцом город, щегольнув на прощанье несколькими кварталами сюрреалистических мазанок, таких же, как возле вокзала, быстро сходит на нет. Едем дальше, слева начинают вырастать темно-серые, в огромных выбоинах скалы, затем они уходят куда-то в сторону, а справа возникает новая гряда, но на этот раз поросшая редким крымским лесом...

Да, Борис, это она и есть, Иосафатова долина. Еще одна остановка — и выходим.

Здесь уже не степь, посреди которой стоит Бахчи, но это еще и не Крымские горы. И степь, и горы — не веселые места, особенно в нечеловеческий июльский зной, когда Пес над головами сходит с ума. А здесь... Здесь что-то переходное, ни на что не похожее. Зеленень, как в Амазонии, тропинка сквозь какие-то лианы проложена... Да сам скоро, Борис, увидишь.

Ага, кажется, приехали.

Выгружаемся. Под ногами небольшая асфальтовая площадка аккурат на один автобусный разворот. В отличие от классического васнецовского распутья здесь только две дороги: широкая налево и поуже — направо. Впрочем, нет, есть еще одна, совсем тропка, вверх,

к магазину. Маленький такой магазинчик, старенький. Этакое ретро.

Люди с революционными убеждениями пошли бы, разумеется, налево, там и дорога прямее, и двигаться удобно — спуск. Но мы, пожалуй, налево не пойдём, нам туда еще рано. Нет, Борис, если ты, конечно, считаешь, что уже пора... Ну, как хочешь.

Борис прав — нам туда все-таки рановато. Ведь эта дорога ведет не куда-нибудь, а в местный сумасшедший дом, в крымский филиал Канатчиковой дачи. Лучше повременим, хотя места, конечно, райские. Что ж, придется делать правый уклон. А что магазин? Господь с тобой, что там делать? Перестройка. Гласность... Думаешь, сюда еще демократия не проникла? Ну пошли, время еще есть.

Да... Провинция... Мерзость запустения... Свежие перестроечные ветры в эти места точно не проникли. У нас бы дома такого не потерпели! Не потерпели бы в наших оазисах демократии, чтоб так, внаглую, валялись сигареты, а люди брали бы по одной пачке... Экая деревня! Что, по десять пачек даете? Ну так давайте.

...Ну, теперь точно — не пропадем!

А конфеты «Каракум», по-моему, вообще разврат. Гнусный, застойный, махровый разврат! Ничего, в воскресенье туристы подъедут, наведут здесь демократию... Ну что, грабеж закончен? Тогда — труба зовет. На Чуфутку!

Тропа ползет сквозь низкорослый крымский лес. Повеяло свежестью, такой странной в этих местах да еще в такое время года. Деревья постепенно становятся более рослыми, вершины начинают смыкаться над головой. Увы, это ненадолго, на Чуфутке хлебнем солнышка. Вволю хлебнем!.. Интересно, встретимся ли мы вообще с Черным Виктором? Обычно он пунктуален, но ведь добираться ему сюда пешком, через горы, да еще с группой...

Тропа выводит на большую поляну. Эка мы высоко забрались! Ну-с, можно оглядеться. Та-а-ак, внизу,

Борис, аккуратно то заведение, куда мы не попали. Солидная контора! Теперь смотрим правее. Еще правее... Видно, конечно, плохо, но вот то, желтое, за деревьями, если не ошибаюсь, и есть вершина Чуфутки. Далекое еще...

А теперь можем оглянуться.

...Громадная скала закрывает полнеба — отвесная, серая, насквозь пробитая какими-то ходами, лестницами, черными провалами окон. И, разумеется, покрытая надписями: «Здесь был Вася»... Развалины часовни, остатки огромного креста... Все, что осталось от Успенского монастыря. Известная была обитель — единственная в Крыму при Гиреях. Ага, а вот и надпись для таких, как мы. Почитаем.

Так... Построен... Жили... Русский посол жил... Библиотека, стало быть, уникальная. Экий очаг мракобесия! Зато финал оптимистичен: в двадцать первом году... отряды красноармейцев... покончили... Хэппи энд! Красноармейцы покончили с монахами, их потопки — с монастырем. Можем туда не подниматься, Борис, там уже революционный порядок.

Теперь идем вдоль скалы, но буквально через двадцать шагов натываемся на столь частую и столь привычную для Тавриды — и не только для нее — картину. Белый мрамор, черный мрамор, расколотые вдребезги кресты, буквицы-муравьи, цепляющиеся за неровные осколки... Нет, Борис, не монахи, от монастырского кладбища и такого не осталось. Так что это не монахи-мракобесы, это реакционное царское офицерство. Здесь в Крымскую был госпиталь, сам Пирогов заезжал...

Ну, тут тоже — революционный порядок.

...Вдребезги — черные каменные плиты, вдребезги кресты с забытыми именами, вдребезги блеск золотых эполет, вдребезги блеск давней славы. Хамы мстят — за поротые задницы, за битые морды, за барскую ласку. Людям, мертвецам, именам, могилам, камням, земле, миру...

Тропа вновь ныряет в увитый лианами коридор. Вверх, вниз, снова вверх... Ну, уже скоро! Ага, вот на этой поляне есть вода, самое время набрать фляги. Воды мы не встретим еще долго, даже слишком долго...

Подъем становится круче. Запахло жарой, кроны над головами размыкаются. Все... Пришли!

Амазония кончилась. Гигантский голый склон, усыпанный грязно-серыми валунами, уходит к самому зениту. По вершине гребня протянулись руины стен, кажущиеся снизу кучей мелкой гальки... Белое, лютное крымское солнце. Ни ветерка...

Чуфут-Кале.

Рай позади, это уже горы. Рюкзаки сразу становятся тяжелее, щебенка на склоне колет ноги даже сквозь кроссовки...

Хорошо, конечно, назначить встречу у входа на Чуфутку! Точнее, справа от входа. Удобно, не промахнешься. Но критерий истины, как утверждают поклонники этого бородатого, — практика. А на практике устроить даже временный лагерь под этим солнцем, да еще на склоне градусов в шестьдесят... Ну-с, Борис, какие есть предложения?

А какие, интересно, тут могут быть предложения? Склон пуст, только где-то на полдороге притаилась груда валунов, чуть прикрытая хилой маслиной — или оливой, кто их разберет. Ну, Борис, ежели ты так хочешь, пусть это будет смоковница. Греческая, само собой. Ну что, туда?

Тенек, конечно, мизерный, но делать нечего. Благо одеяло с собой, стелим... Сколько там на наших кремлевских? Так, без десяти полдень. Мы, во всяком случае, не опоздали.

Лежать жестко. Но ежели присесть на рюкзак, то вполне терпимо. Что ж, осмотримся. Вид отсюда — хоть куда: все проходы к воротам просматриваются идеально, хоть пулеметы ставь...

Итак, к вершине можно подойти по двум тропам.

Одна — по которой мы пришли. Другая — вдоль горы. Ладно, будем поглядывать...

...Солнце — белое, беспощадное, безумное, безудержное. Солнце в глазах, солнце на серых камнях, за воротом рубашки, у самого сердца. Белый свет, белый огонь, белый океан...

Рабочая тетрадь. С. 21—22.

...не выдерживает ни малейшей критики. Прежде всего смущает само место, где находится Подземный храм. Он построен в наиболее аристократической части города, где жила херсонесская знать. Такое его расположение возможно только в случае наличия влиятельного покровителя из числа тайных христиан, который мог обеспечить строительство и охрану святыни. Однако эта версия не может решить все проблемы. В позднеантичное время вход в храм располагался во дворе крупного здания, которое, по мнению некоторых специалистов, было не жилым, а общественным сооружением некультового характера. Наземная часть храма, вход и трапезиевидная шахта, прорубленная в скале, находились в центре двора. Если сама шахта была скрыта заподлицо каменными плитами, то следов маскировки входной лестницы не сохранилось. Итак, спуск в это сооружение был замечен любому, кто входил во двор. Если учесть, что богослужения сопровождалась песнопениями, то тайна нелегального святилища была бы открыта очень быстро. В Херсонесе секреты, как известно, хранились плохо. Это в полной мере относится к истории первых христианских общин, о чем свидетельствует такой памятник, как «Жития епископов херсонесских». Христианскую общину преследовали постоянно и успешно, ее первые руководители, как правило, погибали от рук врагов. Постройка и длительное существование Подземного храма в этих условиях были бы поистине чудом. Между тем «Житие» ни разу не упоминает, что община имела постоянный храм в самом городе. Его по-

стройка вдобавок потребовала бы таких средств, которыми христиане наверняка не располагали, и вызывала бы неизбежное любопытство соседей, что сразу способствовало бы раскрытию тайны...

Вверх по склону ползут все новые и новые стайки туристов, исчезая за проемом ворот. Скучновато... А еще скучнее будет, если мы так и не дождемся Виктора. Ладно, Борис, ты как хочешь, а я попытаюсь последовать примеру йогов. Ежели лечь на бок, да еще кроссовки под голову...

...Сгорим, испелимся, исчезнем черным пеплом, сизым дымом, белым облаком, серым пятном на камнях. Ой, жарко!..

Рабочая тетрадь. С. 22.

...Следует отбросить предположение о том, что христиане, не имея храма, могли собираться в старой рыбозасолочной цистерне, на месте которой позже и было сооружено подземное святилище. Худшую конспирацию придумать трудно. Собираться в центре города, в аристократическом квартале, да еще под открытым небом, где каждое громкое слово (не говоря уже о пении) слышно соседям, было бы, мягко говоря, самоубийством. Если христиане действительно имели неизвестного, но могущественного покровителя, то куда проще было предоставить в распоряжение общины надежный подвал или домик на окраине. Сами же гонимые последователи Христа едва ли рискнули бы собираться в подобных условиях.

Единственный фрагмент «Жития», который может быть отнесен к гипотетической «цистерне», — это сообщение о том, что одного из епископов (святого Василия) нашли в небольшой «пещерке» («...начаша искати святого епископа и обретеше и в пещерке...» — см. выше). Из текста ясно, что указанная «пещерка» была связана с каким-то языческим культом (Афина, Артемида,

Херсонесская Дева, богиня Херсонас), поскольку именовалась Парфенон. Епископ, которому грозила смерть, мог прятаться в ней, поскольку такие святилища представляли убежище гонимым («Деяния апостолов», случай с апостолом Павлом, который прятался от разгневанных иудеев в храме). Из источника невозможно понять, находилась ли «пещерка» за городом или все-таки в городе. Если допустить второй вариант, то чисто теоретически это могло быть место, где позже возник Подземный храм. Однако в «Житии» сказано лишь, что епископ там находился в описываемый автором конкретный день. Ни о службе (или собрании христиан) в предполагаемом тайном храме, ни о гибели будущего святого на этом месте сведений в «Житии» нет. Святой Василий погиб «идеже христиане столп имуще горе животворный крест поставиша», после того как его приволокли туда из упомянутой «пещерки». И кроме того, «пещерка» — все-таки не цистерна...

От наших рубашек вот-вот пойдет дым. Тень уползла, теперь она на склоне, где не только лежать, но и сидеть опасно. Ладно, как-нибудь примостимся. Перекурить, что ли?

...Первым их замечает Борис. Недаром в армии он был артиллеристом! Несколько фигур медленно ползут вдоль склона прямо к нам, медленно ползут, не торопятся. Вещичек набрали — под самую завязку...

Они?

Нет, пока никого не узнаю, ведь я знаком только с Виктором. Но на всякий случай — подъем!.. Гости приближаются, теперь уже можно их хорошо рассмотреть. Два мужика постарше, молодой хилек, пухлый юноша, чернявый такой... Две худющие девицы... А кто это впереди с тремя рюкзаками? Черная куртка!

Вроде он... Он!

Еще минута — и Черный Виктор, знаток эпохи Божественного Августа, хлопает меня по плечам. Все в

порядке, встретились. Они, правда, подзадержались — электричка опоздала, потом попался трудный перевал... Ну, все равно — порядок!

Пока я представляю Бориса, орда падает под смоковницу. Эге, а вымотало их изрядно, даже как-то чересчур. И отчего это Виктор тащит целых три рюкзака? Не много ли на одного? Ох, чую, это еще та команда!..

Гершафтен унд дамен! Во-первых, привет вам из пролетарского Харькова. А во-вторых, Виктор Николаевич, может быть, сразу на Чуфутку, а там и отдыхать будем?

Народ начинает нехотя подниматься. Кто-то жадно хлещет воду, миг — и фляга идет по кругу. Эге, а вот это совсем не годится. Вода в горах, да еще в жару!.. Это же первое правило! Не иначе, сборная в первый раз на серьезном маршруте.

Вперед! То есть понятное дело — вверх.

Мы с Виктором и Борисом в авангарде, остальные ползут следом. А это второе правило — на подъем надо идти быстро, меньше устаешь. Зато есть время поговорить.

Виктор держится молодцом. Еще бы — командир! Правда, три рюкзака — это уже перебор. Начинаю понимать, в чем дело: обе девицы, словно козочки, порхают налегке. Значит, с рюкзаками надо будет что-то придумать...

Тем временем Черный Виктор обрисовывает обстановку. Их планы, оказывается, переменились. От Чуфутки они собираются идти не по Иосафатовой долине, прямо на Себасту, а сделать крюк, чтобы выйти на Куйбышево. Посему поход займет времени слегка побольше, чем думалось, и намеченная турбаза, естественно, накрывается.

...Когда идешь вверх по склону, думается средне. Неважно думается — в основном под ноги смотришь. Но две мыслишки приходят на ум сразу. Первую тут же излагаю Виктору. Дело в том, что я обещал вернуть-

ся через два дня. Эмоции Д. и Сибизэса можно проигнорировать, но этак я совсем в Луку превращусь. Нет, надо прийти вовремя, а значит, мы пробежим с группой Виктора только первую, самую, впрочем, интересную часть маршрута — до Куйбышева. Дальше они пойдут долиной, это не так интересно.

Вторую мысль я придерживаю — это уже наши с Борисом заботы. Сами виноваты, что наши спальники остались в Хергороде, а ночевать придется на сырой земле с одним одеялом на двоих. Маздоны!

За воротами Чуфутки начинается узкий подъем между двух высоких стен. Логика обороны — гости под полным контролем сверху. Теперь, кажется, направо. Еще подъемчик... Все, пришли!

Борис явно разочарован — города за стенами нет, только невысокие холмы, поросшие желтой высохшей травой. Что ж, и такое видели. Жили тут караимы тысячу лет, до самого двадцатого века дотянули, а потом пришел гегемон. Так что и в этих местах — полный революционный порядок. Ладно, дальше будет интереснее. Куда идем? Если к южным воротам — тогда нам туда.

...И здесь — желтая трава, и здесь — желтый саван, и здесь — желтая вечность. Еще один мертвый город, еще одна мертвая страна, еще один мертвый мир...

Пухлый чернявый юноша, оказывается, наш проводник. Точнее, полупроводник — бывал он здесь лишь однажды, но надеется на лучшее. Хотя по дороге к воротам приходится сделать пару явно лишних кругов, этаких сусанинских...

...Злоязыкий Борис уточняет, что наш полупроводник, ежели приглядеться, не Иоанн Сусанин, а скорее Иоанн Сусман. Особой разницы, признаться, не вижу. Хорошо, что мы взяли карту — и оба компаса, кстати.

Наконец мы на верном пути. Справа остаются две чудом уцелевшие кенессы — караимские молельни, затем дом Ферковича, караимского Ломоносова, чу-

дом сохранившийся среди общего разорения. Идем по уложенной гигантскими плитами дороге с навеки оставшимися следами бесчисленных татарских арб. Слева выныривают из-под желтой травы руины мавзолея... Нет, Борис, это не хан, это дама, сестра Тохтамыша, того самого, что Москву спалил. Тут про нее целую легенду сочинили. То ли она от любви утопилась, то ли утопила кого-то — опять же от любви. Ага, вот и дорога!

Южные ворота почти целые. На месте даже вечная дубовая обшивка...

...А жарко-то как!

Короткий привал. Вновь фляга идет по кругу — воздерживаемся лишь мы с Борисом и Виктор. Между тем Иоанн Сусман бежит кругами в поисках одному ему ведомых примет. А куда идем-то? Ежели нам надо пройти через кладбище, то тогда направо и вниз, это даже я знаю. Вот дальше бы дорогу найти!..

Пользуясь свободной минутой, складываем наши вещи в один рюкзак, после чего освобождаем Виктора от излишнего груза. Теперь я похож на парашютиста — рюкзак спереди, рюкзак сзади. А что, даже удобно, уравнивает... Двинули? Верно, Борис, двигаемся к караимскому кладбищу, тому самому, знаменитому.

...Поднявшись ввысь по каменной твердыне и побродивши по Чуфут-горе, мы шли по жаркой каменной пустыне, скрываясь, чтоб не таять на жаре, под сень деревьев, чьи худые ветки застыли в черной сморщенной коре и листья чьи были сухи и редки... Оставив гору, мы спустились в дол, где углей многочисленных метки тропили след привычному из зол — туристским шайкам, что, бродя повсюду, стремятся вбить в природу смертный кол, что издавна присуще было людям. Тропа текла, и вот в ее конце мы увидали серых блоков груды стены почти разваленной. В торце еще висели старые ворота, немые, словно в брошенном дворце. Из глубины тянуло, как из грота, — сырою

гнилью. Сотни мощных крон закрыли солнце, словно своды дота... И мы, впадая как бы в тяжкий сон, вошли во мрак гигантского погоста, в ковчег навеки сгинувших времен...

Здесь хоронили более двенадцати веков. Караимская Долина Памяти... Самые старые надгробья уже не прочитать, на более поздних рядом с квадратным еврейским письмом теснятся русские и немецкие буквы. Из Петербурга, Вильны, Каира... Отовсюду.

Справа от входа — серое бетонное надгробие Ферковича, рядом с ним — кое-что поновее. Трагически погиб... 20 ноября 1920 года. Поручик... И сколько ему было, бедняге? Двадцать четыре... Ноябрь 1920-го, красные орлы ворвались в Крым. Потешились...

...И сюда добрались. Надгробия огромные, самое маленькое на полтонны потянет, а все разбито, опрокинуто. Ты прав, Борис, конечно, могли и целый полк прислать — чтоб побыстрее отречься от старого мира. Бедные караимы! А может, их с евреями спутали?

...Бей, громи, круши, ломай, уничтожай — без жалости, без пощады, без сожаления. И снова разоренные могилы, и снова разоренное кладбище, и снова разоренная святыня. Страна бесчестья, страна беспамятства...

А кстати, где наш Сусман? Нам, по-моему, прямо и вверх. Ну, води, води!

Мы снова на солнцепеке. В двух шагах — гигантский обрыв, откуда видать пол-Крыма. Да, красиво!.. Ну, Сусман, куда нам дальше? Лучше определиться по карте. Надежнее как-то.

Что, опять привал?

Рабочая тетрадь. С. 23.

Чуфут-Кале.

«Каземат» ничего общего с Криптой не имеет. Судя по всему, это обычное хозяйственное помещение. Про «каземат» и пыточные камеры явно придумали экскурсо-

воды. Предполагаемая «церковь» (восточная часть горюдища) в плане почти квадратная и Криту также ничем не напоминает...

Поглядим и мы, а то заведет нас полупроводник! Ну-с, слева от нас Чуфутка, сзади — Иосафатова долина. А вот то, ежели не ошибаюсь... Точно, Крымская обсерватория! Нет, Борис, из пулемета, конечно, не достать — тут километров восемь, а вот из гаубицы... Значит, если компас не врет, Тепе-Кермен — направо. Это хорошо, Иоанн, что ты с этим согласен. А где спускаться будем? Жаль, жаль, что не знаешь. А кто знает?

Обрыв и вправду превосходен — классический крымский обрыв, градусов семьдесят, весь заросший травой и колючим кустарником. И что, так и будем катиться? Ладно, пошли! Что, Борис, рискнем составить авангард? Пить не станем, прополощем рот... А эти пускай себе пьют, поглядим на них через час.

Рискнем? Рискнем! Соловей, соловей, пташечка!..

Рюкзак, болтаясь на плохо прилаженных лямках (сам виноват!), кидает из стороны в сторону, то и дело аккуратно в физиономию лезёт очередная любопытствующая ветка.

...Ой!

Это, Борис, называется седловина — сначала спуск, а потом, стало быть, подъем. А что там красненькое на кусте? Нет, не годится, волчья ягода. Эге, а это действительно неплохо — кизил! Кислятина, но жажду утоляет... Ну, прибавим скорости, только осторожно, здесь ветки, глаза береги!

...Ветер в ушах, ветер в лицо, ветер в затылок, ветер под ногами. Ветер, ветер, ветер...

Мчим, подгоняемые Ньютоном, далеко опередив остальных. Чуть сзади нас пристроилась одна из безрюкзачных девиц, как выяснилось, родная племянница Черного Виктора. Пыхтение остальных доносится

издали. Злоязыкий Борис спешит окрестить двух молодых джентльменов пожилыми вампирами, наглых девиц — ведьмочками, а молодого хиляка — отчего-то агентом КГБ... Веселая получилась компания! А мы кто? Не иначе херсонесские тролли?

Вниз, вниз...

В авангарде хорошо — авангард всегда снимает сливки и берет трофеи. Правда, нам пока достались лишь кусты кизила, но все еще впереди. Хотя в таком походе есть еще одна выгода для тех, кто идет первым. Вот эту выгоду мы сейчас и ощутим.

Спуск закончен. Мы особо не радуемся — впереди подъем. Тепе-Кермен, Крепость Вершины... Ну что, перекур?

Валимся на траву, не снимая рюкзаков. Ничего, терпимо... Конечно, курить перед подъемом — против правил, но ежели потом заесть кизилом... И к тому же хочется. Приятно, что и говорить!

Через минуту рядом с нами валится на траву молоденькая ведьмочка, вскоре к ней присоединяются агент КГБ, Виктор, вторая ведьмочка и вконец измученный Сусман. Последними подходят, тяжело пыхтя, вампиры. Что и требовалось доказать: сейчас мы встанем — и кто, скажите, пожалуйста, дольше всех отдыхал? То-то... Люблю быть в авангарде!

Теперь глаза смотрят вниз. Сектор обзора — кроссовки и полметра дороги впереди. Бог с ней, с небесной голубизной, тем более небо не голубое, а какое-то серое. Главное — следить за дыханием и не оступиться... Хорош подъемчик, хорош, тут уже не до разговоров. А что впереди?

Нет, еще далеко...

Тропинка ведет себя плохо — то и дело вздыбливается, норовя уйти из-под ног, и приходится хвататься за первый попавшийся корявый ствол. Рюкзаки, ироды, давят к земле... Ладно, минуточку посидим. Давай кизил, Борис! Нет, только минуточку... Пошли!

Ближе к вершине дерева кончаются, солнце вновь

вступает в свои права, а тропинка окончательно выходит из повиновения. Ну, это уже совсем никуда не годится!.. Правда, ежели ухватиться руками... И зубами. И ползком, ползком! Ну и видок же у нас, Борис, со стороны, как жуки в коллекции! Зато уже близко...

...Небо серое, камень под ногами тоже серый, в глазах рябит, в ушах — зуммер... Ничего, чуток осталось! Вот еще этот подъемчик. Шажок, еще шажок...

Неужели поднялись? И живые? Странно...

Теперь можно все. Можно снять рубашку и кроссовки, можно прилечь на травку, можно даже воды выпить — по глотку, не больше... Ну-с, где главные силы?

Из-за камней появляется Виктор. Оборачивается, вытаскивает ведьмочку. А вот и наш секретный сотрудник! Ого, а где же их вещи?

Да... Лихо! Оказывается, они оставили вещи на полдороге. По совету Сусмана, естественно. На Тепе-Кермен никто с вещами не ходит. Иоанн, а нам ты сказать не мог? Ах, забыл? Слушай, а ты не думал, почему ты не сокол и почему не летаешь? Здесь как раз метров триста будет... А вообще-то, Борис, сами могли бы сообразить.

На Тепе-Кермене смотреть почти нечего — от крепости и средневекового монастыря осталось несколько загаженных казематов, вырубленных в скале. А наверху — мелкий кустарник, высохшая трава, кучи каменюк без признаков формы. Ладно, можно и прогуляться... Зря, что ли, лезли?

...Пусто, мертво, жарко, безнадежно, беспросветно. Высохшая мумия... Камни под солнцем, солнце на камнях...

Рабочая тетрадь. С. 23.

Тепе-Кермен.

Раннесредневековая крепость и монастырь. Часовня (так называемая «церковь с ризницей») похожа на пе-

щерный храм в Каламите (Инкерман), однако размеры значительно меньше. Много автографов, в том числе начала века (1912-й и 1914 годы). В плане часовня похожа на базилику, «погребальная» ниша находится справа от алтаря, вход — слева. Часовня ориентирована строго на восток. Могильные ямы вырублены прямо в полу часовни, неглубокие (0,55 м).

Тип постройки немного напоминает Крипту, но общее впечатление совершенно иное. Измерения «контура» проводились только в одной точке (порог). Результат отрицательный...

Солнце уже начинает склоняться к западу, когда мы располагаемся у обрыва и держим военный совет. К ночи надо дойти до Баштановки, где у пруда предполагается ночевка, чтобы уже с утра двигаться на Куйбышево. Ну и где же эта Баштановка? Угу, видим, теперь бы спуститься отсюда. Очередной обрыв, еще круче, еще отвесней...

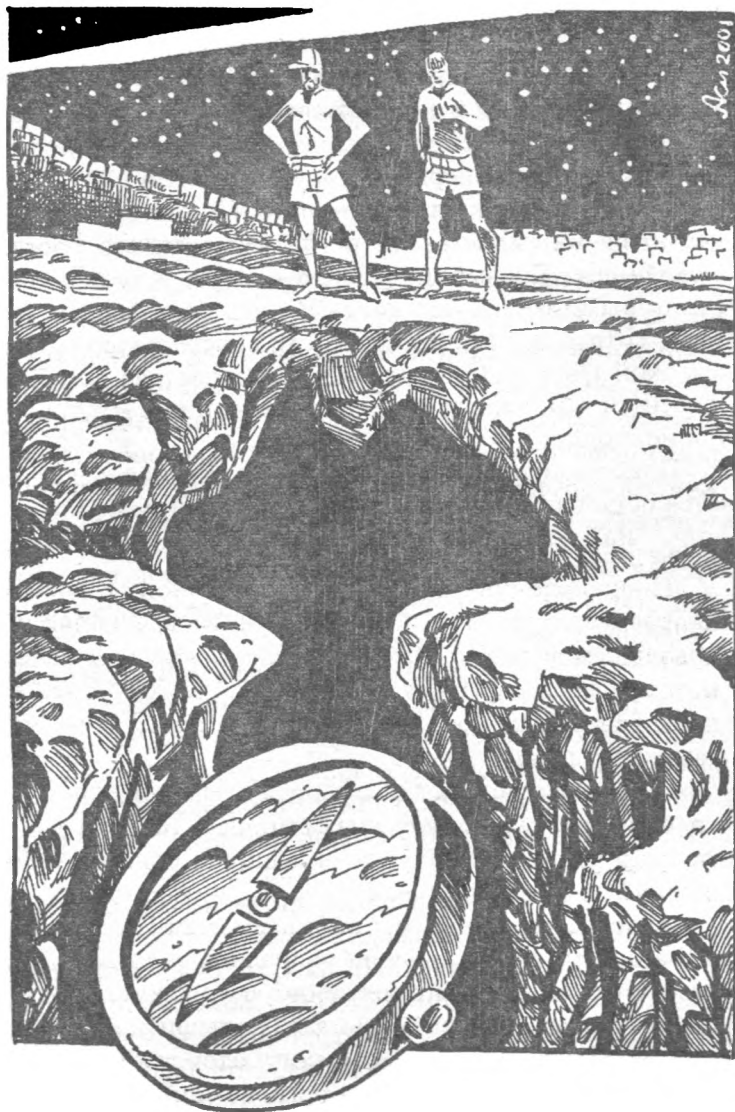
Полупроводник Сусман с неожиданной резвостью направляется на разведку. Вскоре он возвращается и с довольным видом предлагает спускаться кто где хочет, потому как тропинка куда-то делась, а может, и не было ее вовсе. Спасибо, друг, за добрый совет! Ну-с, что там у нас внизу?

...Деревьев нет, зато все заросло высокой, по пояс, травой. Вдалеке тонкая нитка дороги. Метров триста будет? Будет, пожалуй... Что, Борис, рискнем? Полетели?

Трава шелестит, а мы набираем скорость. Будь я командиром группы — уши надрал бы за такое гусарство; спускаться нужно медленно, осторожно... Ладно, одна живем! Только бы нога не подвернулась.

...Сломаем руку, ломаем ногу, ломаем шею, ломаем все, земля из-под ног, обрыв из-под ног, планета из-под ног. Поберегись!..

Скорость, усугубленная весом рюкзака, постепен-

но приближается к первой космической. С ходу шибаем — ай! — какие-то весьма колючие кусты, ни с того ни с сего оказавшиеся на пути. Ничего, заживет... Интересно, что там сзади? Но оглядываться не стоит, склон все еще норовистый, да и камешки появились, так и прыгают под ноги. Еще немного... Ага, уже лучше! Круча постепенно переходит в пологий ненавязчивый спуск, теперь и оглянуться можно...

...Виктор спускается спокойно и с достоинством, несмотря на гигантский, в три четверти его роста, рюкзачище. Ведьмочки весело скачут. Хорошо им! Вампиры неторопливо топают, чуть покачиваясь на ходу, сотрудник госбезопасности совсем затерялся в высокой траве. А Сусман... А Сусман застрял в кустах и возится там, словно медведь в малиннике. Ну ладно, Борис, пошли к дороге, перекурим.

Пока наши сигареты дотлевают, к нам присоединяются остальные и приступают к традиционному питью воды. Вампиры тяжело отдуваются, исходя потом, Сусман выглядит не лучше. Вот что значит воду в жару глушить! Ну, каждый развлекается как может.

Иоанн, а теперь нам куда?

После некоторых колебаний Сусман находит разбитую пыльную дорогу, которая должна вывести нас к Баштановке. Увы, самое интересное позади, теперь мы будем пересекать обжитую долину, где нет ничего любопытного, кроме изредка встречающихся фруктовых деревьев. Да, вишня бы сейчас не помешала. Кизил кизилом...

Вечер уже близок. Солнце стоит низко, освещая громадные скалы, нависающие справа от дороги. Туда нам точно не подняться. Ни нам, ни скалолазам с их крюками... Мы топаем по шоссе, объедая то и дело встречающиеся мирабельки, сливы и вожделенные вишни. Теперь бы умыться и полежать часок! Но времени нет, спешим, спешим, дабы не ночевать в чистом поле.

...Сусман верен себе. По его милости мы делаем

лишний кружок километров в восемь и к месту доходим почти затемно. Разбираться с ним некогда, надо успеть набрать воды, умыться в ручье и, конечно, заняться костром. На беду, костер разжигать взялся опять-таки Сусман, козыряя своим многолетним опытом. К сожалению, этот опыт не подсказал ему сущей мелочи — чтобы костер разгорелся, требуются дрова...

Рабочая тетрадь. С. 23—24.

Крипта (анализ).

Чтобы окончательно «закопать» никогда не существовавшую на месте Подземного храма цистерну, достаточно сравнить вырубку в скале над подземельем Крипты с известными херсонесскими цистернами. Все они (цистерны) имеют ширину не менее 4—5 м, в то время как максимальная ширина вырубки над Криптой — около 2 метров, более того, вырубка не прямоугольная, а несколько напоминает призму. Ни по размеру, ни по форме они совершенно не сходны. Предполагаемая цистерна, где должны были прятаться первохристиане, должна быть либо узким углублением в камне, что совершенно нефункционально и не имеет аналогий, либо вырублена как подземелье — с узким входом и подземной частью, связанными между собой небольшой горловиной. В этом случае перед нами уже не цистерна, а нечто совсем другое.

Вывод: никакой цистерны на месте Крипты в античное время не было. Не могло быть и тайного христианского храма. Таким образом, это место почиталось в средневековье не по этой причине. Однако Подземный храм действительно являлся одним из наиболее почитаемых мест средневекового Херсона. Его мемориальный характер очевиден, более того, почти наверняка там находились захоронения (шесть найденных черепов), следы которых обнаружены при раскопках. Возможно, на этом месте погиб кто-то из христианских проповедников, в честь которого и был сооружен храм. Ни доказать, ни опровергнуть это нельзя, поскольку гипотетический

проповедник мог погибнуть в любом месте города, в том числе и во дворе богатого дома на Главной улице. Но возможно и другое: храм сооружен не в честь какого-то лица, а по иной причине, а захоронения производились уже в самом храме, как величайшая честь для погребенных...

В ведре клокочет какое-то ароматное варево, хлеб нарезан, по посудинам разливается содержимое заветных емкостей, извлеченных из рюкзаков. Усталость чуть уходит, и можно почесать языки. Ни слова о горах — этим на сегодня сыты. Разговор крутится вокруг все той же осточертевшей еще дома политики, о которой мы в Хергороде стараемся не вспоминать.

...Отделяемся, отделяемся! Все отделяются — и мы отделяемся. Ще не вмерла, стало быть, Украина вид Берлина до Пекина. А что? Все, что наши гетманы Олекса Македонченко и Богдан Гатылла завоевали, наше. А России Москву оставим — по Садовое кольцо. А от Маросейки, которая теперь Богдана Хмельницкого, уже наше...

...И мамонты наши, и колесо наше, и Америка наша, и Луна наша. Шаровары, вышиванка, глечики... Гоп, кумэ, нэ журысь, туды-сюды повернысь! Весь мир гопак плясать заставим!..

А если серьезно, лучше прикинем, где нам отбиваться. А то уже время, да и набегались на сегодня...

Виктор тут же соглашается. Действительно, ночь давно вступила в свои неотъемлемые права, от близкого пруда потянуло сыростью, и всем после дневного анабазиса становится явно не до политики.

А вот тут мы с тобой, Борис, облажались похлеще Сусмана. Одно одеяло на двоих, а ночи здесь, я тебе скажу... Ты, конечно, свитер не взял? Я тоже... Ладно, посидим-ка покуда у костра, да и дровишек подсоберем. Чую, понадобятся.

Вскоре команда Черного Виктора, упаковавшись в

спальники, уже вкушает вполне заслуженный отдых. Перед тем как пожелать нам доброй ночи, Сусман одолжил мне какое-то подобие легкой куртки. Борису досталась лишняя рубашка, но и то и другое имеет скорее символическое значение. Ладно, дровишки — в огонь да сядем поближе.

...Ночь уже рядом, в затылок дышет, в ухо шепчет. Холодно, холодно, холодно, холодно...

К полуночи начинаем потихоньку тосковать. На поляну лег туман, костер сразу сник, послав на нас волну сизого горького дыма, сырые дрова упорно саботируют, не желая возгораться. Хороший вид будет у нас завтра, этак и двух часов не высидим, очоуримся!

Борис, подумав, предлагает выпотрошить Сусмана из спальника и спать в оном спальнике по очереди. Предложение дельное, но Иоанна все-таки жалко.

...А вот по очереди — это мысль.

Итак, первая смена — я — ложится спать, завернувшись в одеяло, вторая смена — Борис — сидит у костра и поддерживает огонь. Через час смены меняются. Просто и ясно — хотя и холодно.

...Часовые у костра, часовые у огня, скоро очередь моя...

Сон — не в сон. Поневоле начинаешь думать о ставшем вдруг таким родным лежаке, оставшемся на нашей Веранде, пусть он колченогий и без одной доски... Но боже мой, как ему там сейчас одиноко, стоит себе, укрытый бесполезным спальником, один-одиношенек, ежели, конечно, злодей Лука не вздумал использовать его в своих интересах. Ну, если узнаю!.. Кроссовки бы под голову подложить, но, пожалуй, не стоит — ноги и так дубеют.

Легкий толчок в плечо. Ого, да я все-таки умудрился заснуть! Ну, давай, Борис, отбивайся, я как раз и место нагрел.

Темный южный небосвод нависает над самой головой, Небесный Пес скалится, подмигивает желтым глазом... Плохо, что дрова кончаются, если костер даст

дуба, то не до светил небесных будет. Орион, Кассиопея, Лебедь, Медведица... Двойная звезда, та, что вторая от ручки ковша...

...Два года назад я учил О. различать созвездия. Над Западным городищем так же горели звезды, а потом всходила луна, трава становилась белой, словно высеченной из камня... Жаль, ни я, ни она не поняли, что все умерло еще тогда. Херсонес не имеет продолжения, начавшееся среди мертвых развалин там же и заканчивается. Зря она вышла в этом году к Перекрестку Трех Дорог. На наших губах пыль — серая, сухая херсонесская пыль.

...Прощай, прощай, позапрошрое лето, прощай, позапрошлая любовь, прощай позапрошлая сказка. Тебя не было, ты приснилась, ты привиделась под херсонесскими звездами...

Все...

Этой ночью я щедр и дарю Борису лишних десять минут сна. Спит он крепко, даже будить жалко. Но что делать? Ладно, накрываемся с головой... Не поможет, конечно, но все же какая-то иллюзия. Эх, дровишек мало, не дотянет костер до рассвета!..

Вновь заступаю на вахту, когда от предутреннего холода уже ничто не может спасти. Угли костра еле краснеют, и даже дополнительная пайка дров, добытая Борисом бог весть где, не помогает. Можно, правда, пройтись по поляне — или пробежаться, отжаться от земли... Огонь греет только кончики пальцев, протянутых сквозь сизый дымок к умирающим углям. Не-е-ет, это на сырость не похоже, тут уж скорее поверишь в Духов Ночи, чей самый страшный, предрассветный час уже наступил... Лучше всего сидеть на последнем несгоревшем чурбачке у того, что еще недавно было костром, и стараться не оглядываться лишний раз. Мало ли? Это не тихие призраки Западного городища. Эка, обступили, навалились, через плечо заглядывают...

...Мы здесь, мы рядом, мы пришли, мы за вами, мы

не исчезнем, мы всюду, мы в серых углях, мы в черном небе, мы в черных мыслях...

Нет, врете, мы вас сигареткой! Ничего, что сырая, загорится! Капюшон штормовки на голову, все стружки и щепки в огонь, все клочья газет туда же... Что, не разгорается? Разгорится... Ну то-то!

Когда вновь приходит время менять вахту, на востоке уже розовеет, чурочки весело трещат в огне, а сверху красуется кастрюля с остатками каши. Что, друг Борис, тяпнем горячего? Правда, неплохо? А мы еще и чаек поставим, пока вся армия дрыхнет.

А ночь-то, между прочим, кончилась!

Тихий вечер. Остывших камней немота.

А душа, словно ветер, тиха и пуста.

Между Будущим темным и тягостным Прошлым,
Словно поздний закат, проступила черта.

Солнце, выползшее из-за далеких скал, сразу создает уют. Милая полянка, ничего не скажешь, как это мы только раньше не заметили? А кстати, пора бы орлам вставать. Сейчас бы по самому холодку и пробежаться. Отдохнуть можно и в полдень, в тенечке.

Эй, братья-славяне!

Первым просыпается Черный Виктор. Командир — всегда командир. Доблестный августовед, не успев даже протереть глаза, тут же отправляется к ручью за водой. Молодец, конечно, но мог бы и Сусмана разбудить, а то спит себе, сопит в обе ноздри — равно как и все остальные. Чую, чую, не бегать нам по холодку! Что поделаешь, любят они солнышко, и не просто, а чтоб под ногами камень дымился... Виктор, кашу ставить будем? Правильно, и чаем обойдутся, а то на полный желудок идти совсем невесело.

Виктор торопит, но расшевелить сонную компанию не так-то легко. Только в начале десятого, когда солнце уже печет вовсю, трогаемся в путь. Утешает то, что, по уверениям Сусмана, идти придется в основном лесом.

И на том спасибо!

Лесная дорога, меченная деревянными столбиками с непонятными цифрами, узка, мы с Борисом, вновь составившие авангард, еле-еле вписываемся в ее русло. Идти легко, сегодняшняя дорога — сущие пустяки по сравнению со вчерашним, а встречающиеся порой горки — смех рядом с Тепе-Керменом. И Сусман оживился — старается не отставать от нас, достаточно уверенно ориентируясь в этой чащобе. Кажется, сей участок и вправду ему знаком.

Этот почти идиллический маршрут откровенно скучен. По пути не встречаем ничего, достойного внимания, — и, увы, уже не встретим. Сейчас перевалим невысокий отрог гор, вклинившийся в степь, а там уже равнина, автобусы пылят...

Да, идти нетрудно. Ведьмочки резво скачут, перебегая из хвоста в голову колонны, вампиры и те набавили ходу, а Сусман заводит глубокомысленные беседы о своем будущем аспирантстве. Ох уж эти будущие аспиранты!.. Короткий привал — и мы выходим к опушке, расположенной над длинным и пологим спуском в долину. Вот, собственно, и весь перевал. Где-то там, внизу, правда, еще достаточно далеко, Куйбышево, точка расставания.

...Меня всегда дергает от таких названий. Куйбышево, Ароматное, Танковое, Майорское, Героевское... Вся карта Тавриды покрыта этими новоделами послевоенной застройки. Лишь до неузнаваемости перестроенная мечеть или случайно сохранившаяся арабская надпись у источника намекнут об истинной истории этих мест, перечеркнутой нелепыми псевдонимами, перечеркнутой глухим забвением. Исчезли, сгинули, навек пропали Инкерман, Карасубазар, Аджимушкай, Эльтиген. Хорошо еще реки сохранили свои имена, да море все еще Черное, а не какое-нибудь «имени XXVI съезда». Кипарисы — и те уцелели чудом, попав под державный гнет Кремлевского Горца, повелевшего заменить их эвкалиптами. Бедные кипарисы, их-то за что?

...Тяжела Его длань, тяжела Его воля, тяжело Его слово. Мертвая длань, мертвая воля, мертвое слово... Он не ушел, Он все еще с нами, всемогущий, великий, всесильный. Даже здесь, даже среди пустынных гор мы слышим Его голос, чуем взгляд его желтых тигриных глаз...

Чем дальше, тем жарче, тем выше вздымается придорожная пыль. Дорожка переходит в асфальт, мимо нас начинают проноситься рейсовые автобусы и легковушки, начиненные туристами. Не завидую Черному Виктору — поход по столь индустриальному пейзажу вряд ли может понравиться. Почти с облегчением мы с Борисом замечаем белые кварталы домов, абсолютно одинаковых и безликих, — паршивый городок Куйбышево, обитель густопсовых отставников. Куйбышево, развалившееся на месте разоренного древнего Албата...

И вновь перекресток, на этот раз — прощальный. Нам с Борисом налево, Черному Виктору прямо. Тоскливо расставаться — даже с Сусманом. Ну, орлы, хватайте рюкзаки! Только не навешивайте их на командира, по очереди несите, что ли...

Счастливо, Виктор! Смотри за своей командой, когда будете подниматься к Сюренскому гроту. Ну, будь здоров! Я напишу...

Бредем, загребая кроссовками пыль. Вот и все, прогуляли... Эх, пробежаться бы с ребятами дальше — на Сюрень, к Эски, к Мангупу... Увы, труба зовет, Херсонес отпустил нам только эти два дня. Но на Мангуп мы все равно сбегает, правда, Борис?

Жара. Серый вязкий асфальт.

Идем к автостанции.

Рабочая тетрадь. С. 25.

...Виктор считает:

- 1. Крипта для Крыма совершенно уникально, но*
- 2. Подобные сооружения встречаются на римском*

Востоке, прежде всего в Каппадокии и Сирии. Советует заглянуть в «Anatolian Studies».

Примечание: Ленинка не выписывает «Anatolian Studies» с 1980 года, в Харькове нет ни одного экземпляра. Куда заглядывать?..

Хергород встречает нас полнейшим равнодушием, наглядно демонстрируя, что, как ни странно, прекрасно может обходиться и без нас. Бабка в воротах смотрит настолько подозрительно, что вновь железным голосом приходится сообщать нашу экспедиционную принадлежность. Все по-прежнему — народец так же спешит на пляж, у Эстакады всю функцию выполняет обжорка, бездельник Слава просит закурить и без всякого видимого интереса спрашивает, где мы пропадали. Да так, Слава, прогулялись слегка, позагорали. Ну как, завтра выходим на родной раскоп? Вот и отлично.

На бельевой веревке, натянутой рядом с Верандой, как обычно, полощутся на ветру, словно флаг экзотической страны, плавки Луки. Эге, Борис, а тут кое-что изменилось. И как их много!

«Их» — новых соседей. За время нашего отсутствия чья-то экспедиция густо заселила пустовавшие сараи и вагончики. Живите, ребята, пользуйтесь, все равно самое ценное мы уже вынесли! Придется вам грабить в ином месте, ежели сноровки хватит...

Кое-что переменялось и на Веранде. У входа нас встречает строй пузатых трехлитровых емкостей из-под желтого чудовища, именуемого «Ркацители», а на пустовавшем прежде лежаке растянулась чья-то долговязая фигура. Ага, Борис, вот и пополнение! Оч-чень приятно, оч-чень... Ваше деревянство, многоуважаемый Буратино.

Буратино — не новичок в Хергороде, но называть его ветераном язык как-то не поворачивается. Странный он какой-то. Конечно, все мы тут весьма своеобразные, но Буратино странный по-своему. Он — не наш,

совсем не наш. Все эти годы он все равно — посторонний. Буратине не интересен Хергород, ему не интересно на раскопе, где, между нами говоря, деревянненький ни разу не появился. Буратино приезжает сюда пить, купаться — и отдыхать от своей супруги. Помоему, он до сих пор толком не понимает, зачем ездим сюда мы, и считает нас по меньшей мере сдвинутыми по фазе. И вообще, он — Буратино. Деревянненький.

...Буратино, бревно, дубина, полено, шпала! Буратина заявила, бревно навалилось, дубина вломила, полено скатилось, шпала упала...

А еще он любит учить всех жить — в том числе и нас. И не просто жить, а жить в Херсонесе. Мы, уверена шпала, живем здесь не так. Мы тратим время зря. Вот и сейчас, только голову повернул...

...Шляться по горам — глупость! Надо ходить по бабам. В экспедиции баб много. Он сегодня же пойдет по бабам. И — выпьет. Много выпьет, затем сюда и ехал...

Переглядываемся с Борисом. Вслух можно не комментировать. Пропал Лука! Всеконечно пропал, да и нам побережься следует.

Херсонесская шиза — и Буратино пророк ее.

Обязательный чай — и спешим на пляж. Наше появление и здесь, на камнях, не вызывает особых эмоций. Ходили в горы, ну и что? Чем черт знает куда переться, лучше б на «Ахтиар» отправились, тот, что по Северной бухте плавает, там бар с дискотекой и вообще очень красиво.

Не спорим, наверняка красиво. А что комфортнее, чем на Тепе-Кермене, и спорить не приходится. Опять же дискотека...

Впрочем, есть исключения. Грациозно маневрируя, к нам подплывает Стеллерова Корова. Чую, сейчас последует сцена: отчего это ее, Корову Стеллерову, разрядницу и альпинистку — и с собой не взяли?

...Стеллерова Корова просится в поход регулярно. Гора хочет в горы...

И точно, Корова обижена. Я скучным голосом пытаюсь намекнуть, что разряды у нее были много лет назад, а вот по склонам карабкаться надо сейчас. Слушайся, не дай господь, чего, Корову пришлось бы этапировать силами всей нашей бригады, включая Сусманна. И то далеко бы не пронесли. Но — только намекая. С Коровой лучше не связываться, дама она с норовом. И без излишнего воспитания. Лучше всего пообещать взять ее с собой в следующий раз. Когда-нибудь.

Когда мы возвращаемся, Буратино уже куда-то пропал, зато получаем возможность наконец-то лицезреть Луку. Ути, мой худенький, дай-ка я тебя по животику впалому похлопаю! Надеюсь, ты не трогал мой спальник?

Тюлень, однако, озабочен. Его проблемы множатся, словно тараканы, — Света в последние дни уезжает по вечерам в Себасту к каким-то своим знакомым, оставляя тонкого душой Луку в печали, вдобавок Буратино с ходу потребовал от своего друга-приятеля водки и женщин, мотивируя сие тем, что раз тюлень его сюда вызвал, пусть о нем и заботится. Посему этим вечером Лука решает убить сразу нескольких зайцев: во-первых, купить желтого чудовища (которое якобы «Ркацитители»), во-вторых, выманить на Веранду Светку; а в-третьих, дав Буратине необходимый допинг, отправить его на вольную охоту.

Последние пункты оставляют нас с Борисом равнодушными, а вот вопрос о хороших посиделках кажется и нам весьма актуальным. Не помешало бы — после Чуфутки, Тепе и лихой ночки у тлеющих головешек. Так что, скидываемся? Только Лука, друг сердечный, не бери ты того, что в банках, помрем, ей-богу. А вообще жаль, что ты с нами не пошел, там были такие девочки!

Но Луку на мякине не проведешь. Он знает, что такое поход, подобный нашему, а посему лишь довольнo усмехается в усы. Ходите, мол, сами, а девочки

и тут найдутся. Вот Света. У нее такие! И такое... И вообще.

...Снова повелся, снова завелся, неутомимый, неутомонный, про все подряд, про все прелести — в ряд. А как глазки горят!..

А насчет «Ркацители», считает тюлень, мы зря. Сахару добавить — и очень даже ничего будет, особенно если не нюхать перед тем, как пьешь.

По поводу сахара Лука, может быть, и прав, да наши запасы, увы, на исходе. Может, все-таки чем-то попримичнее оскоромимся? Ну, как знаешь.

Рабочая тетрадь. С. 25.

...План дальнейшей работы:

1. Продолжать опыты с компасом в контрольных точках:

— «Базилика в Базилике»;

— Базилика у колокола;

— Крипта.

Цель: проверка значения «контура» и его возможных колебаний.

2. Обследование Крпты. Следует привлечь кого-нибудь, понимающего в архитектуре (из Урлага?). Поговорить с Сибиэсом.

3. Экстрасенсорное исследование Крпты...

Незаметно подкрадывается Морфей, чувствовавший себя неуютно прошлой ночью. Эх, хорошее дело — деревянный лежак, пусть даже без одной доски! И еще вкупе со спальником... Вот они, скромные радости жизни! Побродил бы Лука с нами, у костра посидел, куда бы только хандра делась.

...Лука в горах — экий страх! Увы и ах, зад не подними...

Просыпаюсь при звуках оживленного диалога. Ага, наши ходоки вернулись. О чем это они? Дело ясное, Буратино опять недоволен.

Наш деревянненький действительно не в духе. Он

вновь подчеркивает, что мы тут все зря время тратим. Раз уж сюда приехали, надо заниматься бабами.

...Баб здесь много. Бабы здесь голодные. Бабы здесь на все готовы. Для начала следует обратить внимание на ту, которая Манон. И на ту, которая толстая и хорошо плавает. Причем сегодня же вечером. Да, сегодня же!..

Лука помалкивает, вероятно предвкушая Буратину в объятиях Манон, Стеллеровой Коровы — или обеих разом.

Впрочем, для начала Буратино считает, что нужно выпить. Много выпить, причем побыстрее и без всякой закуски — чтоб влезло больше. А потом — по бабам!

Тут уж Лука начинает возражать. Тюлень не спешит. Пусть стемнеет, сумерки — его охотничье время.

...И вообще, тут еще кое-кого встретить надо.

Пока джентльмены выясняют отношения, можно пойти на крылечко и покурить. Скучно все это, господда! Неинтересно как-то... Стоит выбраться из Хергорода на пару деньков — и все здесь начинает казаться каким-то мелким, серым, гадким. «Ркацители» из банки будем дудлить, излияния Луки слушать, потолок задымливать. А Черный Виктор этой ночью наверняка на Сюренском гроте заночует... Сгинули навьи чары Херсонеса и бог весть когда вернуться.

Скорее бы в раскоп, там хоть скучать не придется... Напиться, в самом деле, что ли?

Меж тем в комнате начинается привычная церемония приготовления стола. Лука и вправду молодец, достал не только хлеба и баклажанной икры, но даже повторил свой подвиг — извлек неизвестно откуда десяток банок той самой знаменитой местной закуски — икры минтая. Круто! Для Севастополя это все равно что паюсная икра в ресторане «Максим». Как же, напьемся с такой закуской! Хотя...

Ладно, люди добрые, благодетели наши, давайте я банки открою, у меня, так сказать, специализация по этой части...

...Из-за чего может меняться значение «контура»?

Переменными факторами являются:

— *Погода (температура).*

— *Время дня (Солнце).*

— *Фазы Луны...*

Вечереет, и Лука отправляется на лов. Его стратегическая задача — изъять Свету, пока ее не унесло в Себасту. Ну и пусть изымает, выпивки на всех хватит. Вон, стоят в ведре с водой белогвардейцы кардинала, а под лежаком пузырится парочка желтых чудовищ. Правда, туда еще сахар добавлять надо... Выходит, и нам требуется решить стратегическую задачу — ограничиться «беленькой» или рискнуть потребить «это». Дилемма непроста, и я так и не успеваю с ней справиться, когда на Хергород валяются сумерки и приходит время садиться за стол, точнее за исполняющий обязанности стола лежак, выдвинутый на середину комнаты.

...Ага, а вот и наши друзья с Сахалина!

Лука суетится, мечется, усами дергает. Буратино тоже спешит, требуя начать церемонию. Ему явно не терпится приступить к подвигам, к вечерним, а после и к ночным. Света поблескивает стеклышками очков и слегка улыбается, видать, наша экзотика ей еще не наскучила. Тюлень, естественно, усаживает ее на мой спальник...

...Ох! Хорошо еще, что востроносая не в плавках! Ну, Лука, перед сном оботру я свои кроссовки о твой матрац. Предупреждал ведь!

Борис меж тем достаточно занудно пересказывает Свете наши похождения. Востроносая все так же улыбается, но слушает больше из вежливости. Что ей Чуфут-Кале, что ей полупроводник Сусман? Вот ежели бы мы учинили дебош в ресторане «Крым», прогудев там пару тысяч!..

...Чужачка, чужая, совсем чужая, не нашей крови, не нашей стаи, чужачка...

Приходится время от времени встречать в разговор, уточняя некоторые детали (Тепе-Кермен построили не в VIII веке, а все-таки позже, не надо путать, Борис!). Света столь же благосклонно выслушивает и меня, после чего забирается на мой спальник с ногами... Не прощу тебе, Лука! Хорошо, что она хоть сандалии сняла.

Рассказ прерван на полдороге — тюлень спешит объявить симпозиум открытым. Тут же приходится объяснять госте, что «симпозиум» у греков означал просто-напросто пьянку. Хорошую пьянку с девочками, так что термин вполне научный.

Ну, все бутерброды разобрали? Тогда вздрогнули!

Вздрогнули... Первая здесь водой льется, даже не чувствуется. Можно сразу же и вторую. Лучше!.. Теперь и закусить можно.

Лука меж тем овладевает вниманием общества. Ин-вективы Буратины явно на него подействовали, поскольку неблагодарный тюлень начинает ругать Хергород. Это, конечно, предназначается Свете. Ничего-то здесь, в этом Херсонесе поганом, нет. Вот Ласпи, Симеиз, Фарос. Или Гурзуф. О, Гурзуф, о-о!..

Все! До Гурзуфа доплыли!..

Гурзуф для Луки — нечто вроде Мекки. Об этом дремучем городишке он готов говорить часами. Ну конечно! Там в водопроводе вместо воды плещется мускат, все дамы — королевы красоты... Хотя, само собой, куда им до Светы!.. Как там гуляно, как едено, как пито! Ох, почему он не в Гурзуфе, а в этой Хер-дыре?

...Беда! Лука заговорил о Гурзуфе. Плохой признак. Гурзуф — это уже предпоследняя стадия.

Тюлень мне друг, но истина требует вмешаться. Скучным голосом напоминаю, что температура, как известно, mutantur и сейчас с мускатом в Гурзуфе явная напряженка. А насчет всего прочего предлагаю Луке

вспомнить наш с ним совместный поход. Семь лет назад, в год Первых Змей.

Тюлень охотно соглашается, даже очень охотно. Поглаживает усики, ухмыляется. Есть что вспомнить! Похождения джентльменов, прожигателей жизни, среди красот ЮБК. О, какая тогда была ночь! О, какие прекрасные часы пережили мы тогда! О золото шампанского, о пламя страсти!

...Великий Гурзуф, пьяный Гурзуф, искрящийся огнем Гурзуф, полон прекрасных дев Гурзуф, лучше тебя ничего нет, Гурзуф!.. О, Гурзуф, о-о-о!..

О-о-о-о-о!

...Ночь тогда была мерзкой. Лил дождик, и мы с Лукой, изрядно промокшие, ошивались недалеко от уснувшей танцплощадки, мечтая о ночлеге. Времени для раздумий было предостаточно, ибо дождь все лил, а ночевать было негде... Шампанское действительно присутствовало. Его принес нам лохматый парень из развеселой компании бомжей, с которыми нас свела одна ночь и одна судьба — ночевать им тоже было негде. Шампанское оказалось непростое, нам был предложен коктейль «Гурзуф» — демократическая смесь «Новосветского» с яблочным самогоном.

После того как бутылка отправилась на заслуженный отдых в ближайшие кусты, Лукою овладел бесстрастий, и он предложил всем нам отправиться в ночное турне через гору Аю-Даг. Отговаривать тюленя было бессмысленно, и вскоре мы в сопровождении бомжей, которым оказалось все равно, куда идти, карабкались через колючий виноградник по скользкому склону, чтобы выйти на алуштинскую трассу. Коктейль «Гурзуф» сделал свое черное дело, и, когда мы с бомжами уже достигли гребня, Луки с нами не было.

Да, волшебная ночь! Лил дождь, ноги шлепали по раскисшей земле, и мы, ругаясь на всех известных нам наречиях, прочесывали виноградник, чтобы найти хотя бы тело.

Тело было обнаружено только часа через полтора.

Оно выбралось-таки к дороге, предварительно помяв боками ничем не провинившийся виноград. Тело было все в порезах, но кровь унять было нечем. К счастью, у единственного пассажира рейсового троллейбуса, рискнувшего подобрать нашу компанию, обнаружился флакон одеколона и нечто похожее на чистый носовой платок...

С тех пор я закаялся куда-либо ездить с Лукой. Не романтик я, что тут попишешь?

Наш Гомер не успел закончить свой вариант этой дивной истории, а хмурый Буратино уже потребовал продолжения. Кружки стукнули, руки вновь потянулись к бутербродам. Лука не успел подобрать оборванную нить эпоса, потому что Буратино сам пожелал высказаться.

Деревянненький суров, зато краток. У него была жена. Она выгнала его из дому. Он вернулся и выгнал из дому жену. Затѣм она вернулась и собирается выгнать его, Буратину. Посему все бабы — сволочи!

За что и выпьем.

Пьем и за это. Света явно довольна — улыбка не сходит с лица, очки поблескивают, отражая отблеск свечи, водруженной ради интима посреди стола. А чего бы, собственно, ей не веселиться? Представляю, как наша компания выглядит со стороны, наверняка она чувствует себя здесь единственным нормальным человеком. Бедняга Лука, напрасно старается! Наш тюлень для этой востроносой не уса́тый мужчина в самом соку, а просто составная часть здешней экзотической фауны, нечто вроде ушастого ежа. Этакий эндемик.

А темп тостов нарастает. Буратино опрокидывает кружку за кружкой, грозным кликом призывая следовать его примеру. Незаметно кончается запас «беленькой», и в емкости льется ядовитая желтизна из банки. Эге, а тут уже надо подумать! От ста пятидесяти граммов этой пакости я, конечно, не умру, но ведь здоровье дороже...

Бедняга Борис после всех наших походов уже

впадает в дремоту. Меня покуда спать не тянет, но я хорошо знаю, что такое перейти с «беленькой» на крутой крепляк, да еще под икру минтая. Шиза плещется уже совсем близко, ближе чем желтое чудовище в банке, Лука с Буратиной вошли во вкус, их уже не остановить. Света... А что ей сделается — пьет себе да веселится, небось у себя на Сахалине голимым спиртом пробавлялась... Ну что, в атаку? Боги Херсонеса, не поминайте лихом!

В атаку! Опрокидываю кружку и вкушаю сполна прелести желтого дива. Да-а-а... Что-то лампочка под потолком качается... Эге, а не пора ли сделать перекур?

...Повело, вело, ведет, уводит, заводит, с пол-оборота, с полглотка, с полвзгляда, желтое чудовище, желтая смерть, желтая чума, желтое страшилище...

Борис тихо дремлет, Лука завелся с Буратиной по вопросу об особенностях криогенного резания в жидком азоте — тема, без всякого сомнения, более чем актуальная в настоящий момент. Приходится развлекать даму, все-таки она здесь гостья.

...Нет, Свет, мы тут в Хергороде не все такие психи. Вот молодежь, что у сараев, те люди как раз нормальные. Конечно, я понимаю, с нами интереснее, где такой зверинец еще сыщешь? Вот Лука — каков, а? Орел! Неужели не орел? Но все равно уверен, таких, как мы, ты у себя в Магадане не встречала. Конечно, конечно, в этом, как его, Сахалинске-Камчатском...

Востроносая, впрочем, настроена вполне миролюбиво. Она уже наблюдала нечто подобное, причем не единожды — когда бичи зарплату пропивают. А вообще здесь действительно интересно. Она никогда не встречала археологов и не бывала в Херсонесе. Жаль, что Лука ей почти ничего не показал. И рассказать-то будет не о чем...

Ну уж нет, рассказать будет что. А что касаемо бичей, то еще вопрос, кто кого перебичует! Это ведь присказка покуда, гулянка только в силу входит. Как

по-твоему, о чем сейчас Лука размышляет? О криогенном резании? А вот и нет. Сейчас он скажет одно волшебное слово...

Наша гостья слегка обижена — она, конечно, думала, хоть и не высказывает сие вслух, что все это затеяно ради ее вострого носика. Не спорю, первоначально так и замышлялось, но беда в том, что пьянка имеет свои законы, средство становится целью...

Вот сейчас! Допьют только.

Я не ошибаюсь. Пока мы с гостьей мило беседуем, банка почти опустела. Сейчас тюлень с Буратиной в последний раз поднимут кружки. Еще минута... Точно! ...Мало!

Ну вот, Света, волшебное слово сказано.

Лука серьезен и собран. Надо идти — в «Легендарий», а еще лучше в «Дельфин», у него там швейцар знакомый. Надо взять еще, потому как...

...Мало!

Оставляю гостью, обхватываю тюленя за мягкие плечи, в сторону отвожу. Лука, да брось ты, мы же и так косые. Еще менты заметут, ей-богу! Да и чего ты возьмешь — на часы взгляни!..

Ошибка — страшная и непоправимая. Последнего говорить не стоило ни в коем случае. Лука почуял трудную, но вполне разрешимую задачу, более того — почуял вызов. То есть как это не возьмет?! В «Дельфине» есть швейцар, он всегда готов... И вообще, надо добавить, мы же ни в одном глазу...

Тут уже пытается вмешаться Света, что-то говоря о принципе разумной достаточности. Кажется, она слегка перепугалась — процесс превращения усатого толстячка в разбушевавшегося кентавра и в самом деле впечатляет. Но на помощь Луке приходит Буратино. Он лично берется подстраховать нашего тюленя в этом трудном деле.

...Мало, мало, еще, мало, глотнуть, хлебнуть, мало, мало, ни в одном глазу, ни в другом глазу, мало,

мало, считай, и не пили, считай, и не пробовали, мало, мало...

Мало!!!

Нет, это уже бесполезно. В одно мгновение наша компания теряет две пятых своего состава. Ну вот, погуляли... Эй, Борис, спишь? Слушай, давай чай заварим. Свет, ты чай будешь?

Чаепитие действует умиротворяюще, и включенная по этому поводу лампочка перестает раскачиваться. Но все-таки желтое чудовище лучше было не дегустировать. Что, Борис, отбиваешься? Тогда ставь будильник. Спи, а мы тут посидим, надо же этих гавриков дожидаться!..

Лампочка гаснет. Щербатая луна заглядывает сквозь давно немытые стекла...

...Вдвоем с чужачкой, вдвоем с чужой, с совсем чужой, не нашей крови, не нашей стаи, с чужачкой. Вдвоем...

Первой надоедает ждать Свете. Она дергает носиком и заявляет, что, пожалуй, отправится к себе на Древнюю, потому как впечатлений хватает. Не спорю, но все-таки предлагаю компромиссный вариант. В город дорога одна, заблудиться трудно, так почему бы нам не встретить припоздавших орлов? Чем сидеть тут в сигаретном дыму... Заодно ночным Хергородом полюбуемся — для пущей экзотики.

Очки блеснули в лунном свете. Предложение принято.

Штормовку на плечи. Сигареты... Спички...

Хергород лежит тихий, в неверном свете уходящей к невидимому горизонту луны. Скоро полнолуние, скоро оденется белым камнем ночная трава на Западном городище... Лунный смех в ушах, черные мертвые улитки на сухих стебельках.

...Зачем ты здесь, Луна? Зачем ты пришла, луна? Ты мне не бог, луна. Чего ты ждешь, луна?..

Отходим недалеко — аккурат туда, где некогда Маздон оборудовал свое ночное лежбище. Тихая такая долинка... Маздон сейчас далеко — мирно спит в своей камералке.

Дальше — тропинка, черные ряды сараев, пустая Эстакада... В глазах у Светы что-то странное. Лунные блики играют на стеклах очков. Смеется — негромким лунным смехом.

Змеинный год на дворе.

Очки падают в траву. Вслед за ними неслышно скользит штормовка, и я с запоздалым сожалением вспоминаю о сигаретах, оставшихся в кармане. Помнутся, жалко.

...Лунный свет на руках, лунный свет на губах, лунный свет на лице, лунный плеск в ушах, лунный, лунный, лунный...

Правды некуда деть — добродетель пресна.
Слишком долго терпеть ради вечного сна.
Херсонес! Херсонес! Ты отверг добродетель.
Здесь руины теперь. Участь грешных ясна.

Пачка уцелела, целы и спички. Правда, потерялись очки, но после минуты поисков они возвращаются на законное место. Что ж, курим... Жаль, конечно, что без фильтра. Ничего, в конце концов, в городе можно прикупить пачку болгарских...

Над нашими головами те же созвездья, что грели меня вчера возле умирающего костра. Странно, это было только вчера! Херсонесское время — вещь дискретная. Да, Свет, мы аккурат с гор, если хочешь, могу дорассказать то, что Борис не успел. Вот там и вправду было холодно...

Странно, по моим расчетам ночь должна уже давно кончиться. Впрочем, сна — ни в одном глазу. Но все-таки как здесь ни мило, однако даму пора провожать домой, дабы успеть и самому соснуть часок или даже полтора, если повезет.

...В предрассветных сумерках ее лицо кажется совершенно обычным — усталым, слегка помятым. Го-

ворить не о чем, из обычной вежливости предлагаю встретиться где-нибудь в городе, скажем, у почтамта, что на Бз Морской, в шесть, запоздало понимая, что в такую жару ехать в Себасту — истинная пытка. Спать, спать, спать... Хорошо, что Древняя рядом — спуститься к воротам, затем триста метров по асфальту...

...Ты не нужна мне, чужачка, это все лунный свет, чужачка, ты не узнаешь меня, чужачка, ты все забудешь, чужачка, я все забуду, чужачка...

Так, можно ползти домой. Где-то на задворках души непрошенная кошка чуть-чуть, еле слышно, скребет лапкой, но об этом не стоит думать, ночь позади, а еще древние римляне говорили, что нет ничего хуже памятливого собутыльника.

А вот интересно, кого мне Лука секундантом пришлет? Не иначе Буратину. Поскольку выбор оружия за мной, выберу кирку, ее Лука уже год в руках не держал, справлюсь как-нибудь.

Однако, еще не доходя до крыльца, начинаю понимать, что вызова со стороны тюленя не последует — по крайней мере, в обозримом будущем.

...Недвижное тело покоится на лежаке, вытащенном нашими соседями во двор. Впрочем, покой этот относителен — время от времени тело взбулькивает, подергивается, похрюкивает. Окружность в радиусе полутора метров, да и сам лежак, носят наглядные доказательства того, что герой пал не сразу, и поистине тяжка была его борьба...

Буратино сидит неподалеку, со стоическим видом попивая чаек. Эге, а это как раз то, что сейчас нужно! Ну-ка, сбегает за кружкой...

Наш деревянненький хмур и недоволен. Все-то мы — люди несерьезные, жить не умеем. А ему уже сорок четыре. И жить он умеет. А жену все равно выгонит!..

Две пустые банки из-под желтого чудовища, стоящие рядом с тюленем, вместе с комментариями Буратины, проясняют картину агонии. Тюлень не оплошал,

правда, пришлось прибегнуть к помощи ночного сторожа в каком-то магазине. Увы, пить им пришлось вдвоем с Буратиной. Мне, само собой, были обещаны кары земные и небесные, однако утешился наш тюленчик удивительно быстро. Но потерял бдительность и был погублен Змием. Добро еще Зеленым, так ведь нет — Желтым...

...Желтое чудище обло, озорно, стозевно, желтое чудище наземь Луку повалило, страшное! Рухнул герой — и взгремели пустые бутылки...

В голосе Буратины — печаль. Лука негромко похрюкивает в такт рассказу...

Мало выпили — итожит Буратино. Не спору — можно было бы выпить и больше. Ну, все еще впереди.

Борису тяжело. Он, конечно, не может позволить себе не встать, даже не вздохнет лишний раз, но вид имеет глубоко несчастный. Но он-то хотя бы поспал, а вот у меня будет видок... То есть не будет, конечно, уже есть. Да, мрачное утро, даже кофе сквозь зубы пьется. Ладно, пора кончать волынку, погуляли... Та-а-ак, кепка, сигареты, спички, планшет, рейка. Ну, вперед, труба зовет!

Поползли!

...Во рту эскадрон ночевал — буденновский, гусарский, кирасирский, уланский, пикинерский, мамлюкский, драгунский. Ночевал, ночевничал, не стеснялся...

У сараев тихо — молодая гвардия и не думает вставать. Видать, не мы одни этой ночью веселыми ногами скакаша и плясаша. Володя, Славик, ау! Вставайте, золотые, вставайте, бриллиантовые, ждем вас, не дождемся.

Догоняйте!

...Д. появляется встрепанный, мрачный, жалуется на то, что проспал, затем стреляет у меня сигарету, и мы долго курим, стараясь не глядеть на нахальных чаек, оккупировавших стены наших раскопов. Наконец приползают наши зомбиобразные подчиненные.

Д. кривится, словно от зубной боли, но делать нечего. Приступаем.

Володя, Борис, прошу в яму! А земля-то мокренькая. Да, Борис, водичка близко. Экая мерзость!.. Ну, золотая рота, будем выгребать...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 17.

...Продолжили вскрывать первый штык 6-го слоя пом. 60-а. Характер слоя прежний, однако в нижней его части проступает новый песчаный слой. Встречаются крупные известняковые камни, некоторые со следами грубой обработки. Очевидно, камни использовались для укрепления фундамента Казармы.

Находок мало. Встречаются небольшие фрагменты кухонной посуды, некоторые со следами гари. Найдена ножка эллинистической амфоры (синопская, II в. до н. э.). По-прежнему встречаются фрагменты чернолаковой посуды, в том числе две ручки чернолаковых канфаров, ручка крупного сосуда и фрагмент дна (III в. до н. э.)...

Ближе к полудню, когда жара вступает в свои права и тень в раскопе ползет под юго-восточную стену, становится совсем немоготу. Остальным, впрочем, не легче — не иначе, весь личный состав экспедиции совершал этой ночью двенадцать Геракловых подвигов. Да, штормит нас, штормит... Мучает соблазн махнуть на все рукой и отправиться по домам, тем более что грязюка, ползущая из-под киров, не способна вдохновить даже желторотого Славу. Но нельзя, нельзя, не то совсем разопсеют! Нет уж, стой под солнышком, мучайся, будешь знать, как по ночам шкодить!..

Положение спасает мрачный Д., решительно заявивший, что нам с ним надо обязательно зайти в камералку, а затем к нашим сараям, где так хорошо си-

дится в тенечке. Приказ есть приказ. Борис, оставайся за старшего и обязательно... Впрочем, не обязательно. Ну его все!..

Мы с Д. еще не успеваем скрыться из виду, а весь трудовой люд — затылком чую! — уже ставит инструмент аккуратненько к стеночке, а сам поудобнее располагается в тенечке. И слава богу! Больно уж день сегодня такой... Геофизический.

У сараев, само собой, тишь да гладь. Одинокая девица-практикантка, высунув кончик языка, перерисовывает обломок какой-то глиняной кастрюли. Очередная смена завтракает.

Едят!

А вот и О. с супругом. День добрый, день добрый!.. Спасибо, сходили нормально...

Д. с важным видом дает ценные руководящие указания рисующей девице, после чего мы имеем законное право и даже обязанность возвращаться на раскоп, однако ноги отчего-то ведут нас в обратном направлении. Вскоре мы оказываемся в увитом виноградом и окруженном кипарисами монастырском двореке, аккурат напротив игуменского корпуса. Чудный дворик! Строй колонн с рельефными крестами окружает старый фонтан, где еще недавно плавали золотые рыбки. Увы, теперь там ни воды, ни рыбок, но все же это место выглядит дивным оазисом среди полуденного пекла. Неплохо строили монахи-мракобесы!.. Скамейка притягивает, и через минуту мы уже покуриваем, теща взор увитыми плющом стенами старинного здания.

...В полночь среди этих колонн бродит Черный монах — тень, призрак, фантом, нежить. Без креста, без лица, темное пятно под капюшоном, темное пятно в лунном свете, темный страх в мертвом Херсонесе...

Нет, мы вовсе не бездельничаем, такого совесть не позволит. Тело бrenно, но бессмертна мысль, и, прикованные к скамейке, мы размышляем. Сначала вслух, затем про себя, каждый о своем...

Рабочая тетрадь. С. 26—27.

Раскопки Казармы (предварительные итоги).

1. Удалось доказать существование «первой» Казармы, построенной, судя по всему, в III веке до н. э. Это здание казармой никак быть не могло, по типу оно напоминает общественные сооружения эллинистического периода. Аналогии: Смирна, Эфес, Антиохия, Сиракузы.

Сибизс считает, что «первая» Казарма имела три или даже четыре этажа. Судя по всему, это самое крупное здание эллинистического Херсонеса из найденных. Оно даже больше, чем обнаруженный Косцюшкой-Валюжиничем так называемый Монетный двор.

2. Казарма была перестроена во II—III вв. н. э., при этом количество этажей уменьшилось до двух. Не исключено, что причиной перестройки было сильное землетрясение, о чем говорят характерные трещины в уцелевших каменных блоках. Во «второй» Казарме действительно могла располагаться стража.

3. Возможное назначение «первой» Казармы:

— Биржа.

— Таможня.

Оба эти варианта вполне вероятны. В этом случае объяснимы как размеры здания (контора, склады), так и его расположение (в порту, прямо у городских ворот), а также наличие небольшого храма, находившегося, вероятно, на втором этаже, в центре, на квадратной площадке между двух рядов колонн. Характерно, что в этом храме почитались боги, которым обычно в Херсонесе не поклонялись. Очевидно, храм был предназначен для гостей города. Понятно также наличие коновязи с западной стороны здания.

Тип «первой» Казармы можно определить как «базилика» в первоначальном, точном значении этого слова...

...По крайней мере, логично. А вот чтобы сие доказать, надо раскопать все до фундамента, а потом думать, думать, думать... Но уже не мне — и может быть,

даже не Д. Ведь основная часть того, что все еще зовут Казармой, лежит во владениях лентяя и сибарита Балалаенко, а ленное право в Хергороде соблюдается строже, чем в средневековом Иль-де-Франсе...

Д. — человек действия. Он предлагает единственно возможный план — совместную экспедицию. Балалаенко все равно сам копать не станет. Значит, рыть будем мы, а он пусть себе ставит подпись, вместе с нами, естественно. Ежели удачно к нему подъехать...

Я не возражаю. Попробуем — точнее, пусть Д. пробует. В удачу верится слабо, хотя бы потому, что есть подлинный царь и господин этих развалин — Его Величество Гнус. Д. считает без хозяина...

Д. вздыхает в предвидении хлопот и не спеша бредет прочь. Ну, мне-то спешить некуда...

Рабочая тетрадь. С. 26—27.

...Крипта (продолжение).

Раскопки экспедиции Беляева.

В отчете отсутствуют несколько первых листов. Можно понять, что Беляев считает, будто первым полностью очистил Крипту.

Странно, а как же экспедиция Одесского общества?

Итак, экспедиция Беляева дошла до самого дна Крипты. У входа «был обнаружен каменный завал, камни большие, некоторые напоминали куски скалы». Лестница имела четырнадцать ступенек (сейчас, кажется, осталось двенадцать). «При дальнейшем углублении в землю в правой боковой стене открылось несколько ниш, напоминающих колумбарий». Одна была достаточно большой, другая — поменьше.

Идя «вдоль поверхности пола, по отрихтованной скале», они «наткнулись на алтарь в нижней полуапсиде».

В архитектурном плане открытое помещение было сочтено необычным, потому что:

— Оно было гораздо глубже и больше, чем все другие «подвалы» храмов-усыпальниц Херсонеса.

— Оно «имело необычную для Херсонеса архитектуру».

Внизу «на расстоянии полуметра от пола по всему периметру шли прямоугольные глубокие отверстия от балок». Над алтарем — «нечто похожее на изображение креста, выгравированного на скале».

Внутри Крипты было найдено «несколько обломков беломраморных колонн небольшого диаметра, обломок черномраморной колонны» и около 80 с лишним монет, из которых 5% были эллинистические, 25% — римские, остальные — византийские. Из монет только три серебряные, остальные медные.

Примечание: никогда не встречал в Херсонесе черный мрамор!

После Беляева Крипту, как мне сообщили в архиве, никто не изучал...

По пути домой натыкаюсь на ЧП местного значения — неугомонный Маздон сцепился с нашими новыми соседями, обитателями вагончиков. Причина совершенно непонятна, да и не в ней дело. Для Маздона любой конфликт — повод излить душу. Сегодня он в отличной форме, и голос громок, и глаза сверкают...

...Рази их, Маздон, круши их, Маздон, кляни их, Маздон, гони их, Маздон, дави их, Маздон, громи их, Маздон, дай им жару, Маздон!..

...Коммунисты пр-р-роклятые!!!

И не только они — помянуты в свой срок и должность начальника лаборатории, которую Маздону пообещали, да не дали, и тушенка, съеденная экспедиционным начальством, и разврат, царящий в Хергороде, и даже Ведьма Манон с навеки сгинувшим Юрой Птеродактилем...

Орет Маздон превосходно — для тех, кто слышит в первый раз, ночной кошмар обеспечен. Силен старик!

Под конец наш фотограф строит изящную словесную фигуру, обвинив во всех изложенных бедствиях, равно как в социально-экономическом и политическом кризисе, захлестнувшем нашу богоспасаемую державу, персонально своих собеседников.

...Маздоны!!!

Убедившись, что враг добит, Маздон спокойно поднимается к нам на Веранду. Спектакль окончен, господа, всех просим в буфет...

Догоняю Маздона уже в дверях. Ага, Борис на месте, а вот гвардейцы кардинала в отсутствии. Ну, привет, Маздонушка, давно что-то ты не заходил... Садись, чай пить будем. Эх, скучно здесь без тебя — и без твоего чайника, кстати.

Пока кипяtilьник честно греет порцию чудом не выхлюпнутой тюленем воды, обмениваемся новостями. У Маздона их уйма. Он уже жалеет, что переехал в свою сырую каморку. Ведь у него ревматизм, а вокруг сплошные маздоны. Даже утюга не дают!

Ага, вот в чем *causis belli*! Маздон зашел к нашим соседям за утюгом, а те по неопытности замешкались. Да, с Маздоном надо быть порасторопнее!

Дальше — интереснее. Оказывается, утренний «беобахтер» целую страницу — первую! — посвятил нашему вчерашнему симпозиуму. Мадам Сенаторша лично распространяет тираж, ее аггелы и аггельши, трепеща нетопырьими крылами, спешат узнать дополнительные подробности для вечернего номера. Ничего странного тут нет: Хергород — тесная коммуналка.

...Слушайте, слушайте! Утренний выпуск, дневной выпуск, вечерний, ночной... Мы все знаем, мы все видим, мы всюду, мы всегда, не укроетесь, не спрячетесь, не отомолчитесь, не отмахнетесь!..

Однако редколлегия «беобахтера» — странное дело! — явно дала маху. Стержень сюжета — коллективный разврат на Веранде, затеянный непосредственно... Лукой! Оный Лука устроил «мертолет», гул которого слышался всю ночь...

Что означает сей авиационный термин, не решаюсь уточнить, однако подробности и без того поражают. По последним данным, Д. после ознакомления с оными заявил, что больше ноги нашего тюленя в экспедиции не будет.

А о нас почему-то молчок. Обидно даже! Бедный Лука, порой и тебе достается не за дело!..

Пока Борис достаточно подробно знакомит Маздона с нашей версией происшедшего, занимаюсь чаем. Эх, и заварка на исходе!.. Маздон, у тебя случаем сахарку в заначке не осталось? Жаль, у нас тоже.

Между тем Борис начинает сообщать и кое-что новое. Тюлень встал в начале первого, выхлюпал при помощи Буратины почти весь наш запас воды, после чего обрушил давно ожидаемые проклятия... ясное дело на кого. Но — о человеческая близорукость (моя в данном случае)! — вовсе не за то, о чем я думал. Оказывается, я навредил не ему — я подвел коллектив.

...Чего?!

Борис подтверждает: подвел коллектив. Народ, можно сказать. Ибо для народа — для всего народа — согласно стратегическому плану нашего тюленя и предназначалась гостя после того, как будет опустошена принесенная дополнительная банка.

...Как?!

Именно такую кару Лука избрал для наказания излишней строптивости, проявленной Светой. Тюлень уже все расписал, он уступал другу и товарищу Буратине свою очередь, я должен был идти номером третьим...

...Заманить, напоить, повалить, разложить — чтобы знала, чтобы запомнила, фря, гордячка, нахалка, змея, ехидна...

Бред! Похмельный бред! Лука просто озлился, распустил язык! Но в любом случае хорошего мало. Если уж тюлень начал такое буровить...

Очухавшись, Лука заявил, что надо взять припас на вечер, после чего вместе с Буратиной отбыл в Камы-

ши. Деревянненький напоследок вновь констатировал, что мы тут теряем время даром, пообещав вечером лично заняться Ведьмой Манон. Или Стеллеровой Корвой... Или двумя сразу.

О Третий Змеиный год. Ты уже не за шеломеном еси!

...Маздон также отбыл, и мы заваливаемся на лежаки. Тяжкий день сегодня. Во всех отношениях тяжкий. Да и ночка была не лучше... А ведь и вправду, вразнос идем!

Голова то ли свинцовая, то ли пробковая, во рту — сахарская сушь, каракумский полдень. А на часах половина пятого. Отдохнул... Приходится употребить остатки воды для самореанимации. Скорее сигаретку! На воздух из этой духоты, в тенечек...

Уф, уже лучше!

За удовольствие надо платить, тем более за сомнительное. Лука уже получил свой аванс, а мне... А мне пора вспомнить о том, что на шесть вечера у меня назначена встреча у почтамта. Что значит пить не в меру!

При мысли о жарыни на асфальтовых берегах Бэ Морской становится не по себе. Впрочем, так мне и надо! Остается успокоиться соображением, что Света воспримет все правильно и не попрется по солнцепеку в такую даль.

...И чего это мне в голову почтамт пришел?

Делать нечего, одеваюсь. Рубашка, прогретая солнцем, кажется ничуть не легче каракулевой шубы. Очки бы темные не забыть, а то и глаза открыть будет тяжело. Мучайся, мучайся, за свои ведь грехи! Поделом!..

...Да вот, Борис, думаю, не прошвырнуться ли мне в город. Нет, ничего интересного, может, в магазины зайду, на ужин прикуплю чего-нибудь. Сам съезжу, не беспокойся.

Не тут-то было! Борис ни за что не может спокойно кейфовать, ежели я, бедолага, стану бродить по мага-

знам в поисках съестного. Парень он компанейский и не желает бросать меня в беде.

...А если она и вправду явится?

Очарование раскаленного добела города, кто тебя оценит, как не я? Почему бы Потемкину не аннексировать Кольский полуостров вместо Крымского? Ладно, где тут магазины? И вправду, без ужина будет как-то скучно...

В магазинах — баклажанная икра, хлеб — и слухи, что со следующей недели все будет продаваться по паспортам с севастопольской пропиской. Слухи принимаем к сведению, оставшееся покупаем. Так, а сколько у нас времечка на наших золотых? Слушай, Борис, а не покурить ли нам, у почты как раз есть чудные скамеечки, в тенечке...

Куранты отзванивают «Севастопольский вальс». Ничего не происходит, никто меня не ждет. Пора, Борис, и домой, может, искупаться успеем. В Змеиный год надо вести жизнь тихую, нравственную.

Итак, все хорошо, что хорошо кончается. Порадовавшись этой мысли, делаю первый шаг в направлении троллейбусной остановки, но добросовестность (или еще что-то, бог весть) заставляет оглянуться. Как при переходе дороги — налево и направо. Налево — ничего не видать. Направо... Вроде тоже пусто. Эге, а это что, никак, очки поблескивают? Ну-ка, Борис, обождем минутку, кажется, мы сейчас кое-кого увидим.

Света, как всегда, улыбается. Вот так встреча! Надо же, такое совпадение, а еще говорят, что Себаста — большой город!..

Наш химик невозмутим. Впрочем, он таков почти всегда, а в подобных амбивалентных ситуациях вообще незаменим... Ага, Света, гуляем. Нет, с Лукой все в порядке, я его, правда, не видел, но Борис охотно подтвердит.

Борис охотно подтверждает. Заодно достаточно подробно излагает некоторые неизвестные Свете детали,

правда, о неосуществленных мечтах нашего тюленя предпочитает умолчать. Зато добавляет кое-что новое, мною не слышанное. Бедный Лука, как проснулся, все спрашивал, кто его к лежаку приклеил. Приклеил, все брюки облил. Кто, а главное, чем?

...А ведь воды для стирки у нас нет! Придется тюленю с ведрышком побегать!

За этими пикантными деталями не замечаем, что отмахали почти всю Бэ Морскую. Борис, которому явно надоело таскать авоську с припасами, отбывает в сторону троллейбусной остановки, и мы со Светой остаемся вдвоем. Интим, так сказать, — посреди раскаленного добела города. И что прикажете делать? Шляться жарко, зайти — считай, что некуда. Лука бы придумал, конечно...

Эврика! Слушай, Свет, ты в Себасте первый раз? Ну, в Севастополе? На катере каталась? Тогда, ясное дело, айда на Графскую, там катера аккурат до Инкермана ходят. Сначала туда, потом назад...

А ведь и правда — Хергород хорош в небольших дозах. Побывать в Себасте среди магнолий и японских мимоз не так уж и плохо...

...Слушай, Свет, а почему, когда ты в очках, то всегда улыбаешься, а без очков такая серьезная? И лицо у тебя совсем другое...

А вот чего в Себасте не найдешь, так это настоящий кофе. В Херсонесе мы растворимый поутру пьем, а так чаем пробавляемся. Но стоит на часок ощутить себя цивилизованным человеком, так сразу настоящего кофе хочется, лучше всего чтобы на песке, в джезве...

Ничего, у нас на Веранде можно сварить! Ну и что с того, что там Лука? Ему, думаешь, кофе жалко? Да и не кофе он пьет.

...По раскаленному городу, по раскаленному асфальту, по раскаленному лету, по раскаленному миру. Вдвоем, просто так, в никуда, в пустоту, сквозь горячий воздух, сквозь колышущееся море, сквозь...

Луку мы встречаем не на Веранде, а на троллейбусной остановке — причем с гигантской сумкой, содержимое которой мерно позвякивает. Наш тюлень не одинок, вслед за ним, груженный такими же сумками, появляется по-прежнему мрачный Буратино вместе с неунывающими ленинградцами — Сашей и Андреем.

...Из Камышей, джентльмены? Можно и не спрашивать оттуда. Нет, я желтую смерть больше не пью! Вы в Хергород?

Света молчит, Лука тоже помалкивает, но это вполне компенсируется болтовней Андрея. Оказывается, они с Сашей аккурат перед приходом заглянули в местную видеоточку, дабы слегка отвлечься. Отвлеклись — фильм, что называется, душевный. Поехала, значит, одна девица на кладбище, а из могил вылезла дюжина покойников. И там такое началось!..

...Съели всех героев фильма упыри. Закусили режиссером упыри. Оператора загрызли упыри. И до зрителей добрались упыри. Пировали всем погостом до зари!..

Рабочая тетрадь. С. 27.

...Опыты с компасом (продолжение).

Исследование проводились с 20.30 по 21.30. Жаркая погода, ветра нет, освещение неяркое, вечернее. Цель: проверка величины отклонения компаса от N. Объекты — три контрольные базилики.

Результат: во всех случаях заметен рост величины отклонения от N. В том числе (по сравнению с первым наблюдением):

«Базилика в Базилике» — на 10 градусов.

Базилика у колокола — на 10 градусов.

Крипта — на 15 градусов.

Такой рост уже не может быть ни случайностью, ни результатом погрешности при наблюдении. Все особенности «контура» сохраняются.

Борис считает, что наиболее вероятная причина из-

менения (роста) — приближение полнолуния. Однако измерения проводились до восхода Луны.

Примечания: Борис требует записать, что даже гуманитарии должны знать, что Луна — это небесный объект, имеющий большую массу, а значит, влияющий на Землю вне зависимости от места нахождения наблюдателя.

Дальнейшие планы:

- Подробный осмотр Крипты (сегодня не успели).*
- Продолжение опытов с компасом...*

Источник мертв и тих, сигарета вот-вот погаснет, идти никуда не хочется. К тому же поспать надо: два часа в сутки — все-таки недобор. Даже в Херсонесе.

Но действительность не отпускает. На тропинке появляется Д. собственной персоной, мрачный, словно Буратино. Подходит, смотрит долгим взглядом...

...Ох!

Я с ним согласен — действительно «ох!»: Сибиэс в больнице, Сенатор все еще в Киеве, бедняге Д. приходится крутиться за всех...

Угощаю начальство чаем с мятой, после чего мы долго рассматриваем чертежи его участка, пытаюсь разобраться во все тех же поганных водостоках. Дело нудное и чрезвычайно неблагодарное. Наконец чертеж свернут...

...И Д., к моему изумлению, заводит разговор о Луке! Оказывается, наш тюлень — ого! — компрометирует всю экспедицию, на харьковчан уже косятся, а Лука еще и затеял чуть ли не коллективный разврат. Говорят о каком-то «вертолете»...

...Опять эта авиация!

Д. спешит меня успокоить — речь не идет о нас с Борисом, но смотрит все же весьма укоризненно, а затем просит, дабы я на тюленя «повлиял».

Интересно как? Связать его, Луку, что ли?

...Уже в крошечной тьме в комнату залетает, поиг-

рывая самодельными нунчаками, Женька, Сенаторов сын. Этот не разводит турусы, а честно спешит поделиться содержанием последнего «беобахтера».

Понимай как знаешь: Буратино пошел гулять со Стеллеровой Коровой, а Лука собирается разводиться с Гусеницей и уезжает в Южно-Сахалинск...

...Детей об стенку, детей с балкона, жену под трактор, крысиным ядом, грузите мебель, обои рвите, родимый Харьков, прощай навеки, несись, мой поезд, без остановок, купаться буду в Японском море...

Рабочая тетрадь. С. 28.

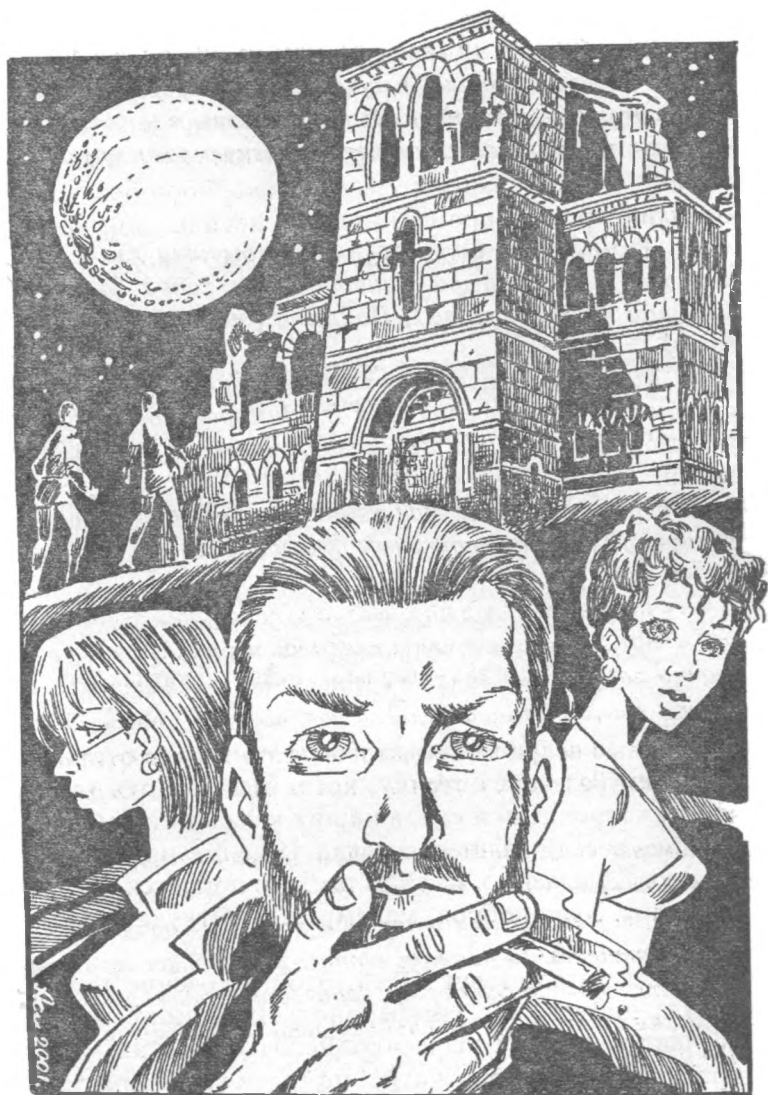
...Крипта (анализ по отчетам прошлых лет).

Подземный храм является сложным в инженерном и архитектурном отношении сооружением. Для его строительства требовались значительные силы и средства. Следует учесть, что строителям приходилось преодолевать верхний слой скалы, который в этом месте чрезвычайно тверд.

Точное время строительства установить невозможно, однако, судя по наличию сводов и арки, оно достаточно позднее, не ранее VI века, а если учесть особенность сводов (яйцевидные), еще позднее. Ближайшие аналогии подобным сооружениям следует искать на Ближнем Востоке, в Малой Азии и Северной Месопотамии.

Скорее всего Подземный храм первоначально не задумывался как склеп или крипта. Ниша, в которой, возможно, осуществлялись захоронения, судя по сохранившимся отчетам и планам, относится к более позднему строительному периоду, она сооружена в несколько иной технике и с явным нарушением первоначального плана. Таким образом, строители храма не предполагали, что он будет служить местом погребения.

Вместе с тем строительство Подземного храма должно было носить какой-то особый, возможно, симво-

лический характер, что следует из места и способов строительства, а также возведения над ним часовни.

Одна из возможных причин строительства христианского мемориала на Главной улице (причем не на самой улице и не на ближайшей площади, а во дворе) — наличие на его месте языческой святыни, которую в знак победы новой религии переделали в христианскую подземную часовню!

Примеры:

1. Рим. Замок Святого Ангела (бывший языческий мавзолей), монастырь Санта-Мария sopra Минерва (бывший храм Минервы), Пантеон (бывший храм Всех богов).

2. Киев. Строительство языческого капища на месте церкви Святого Василия (при Владимире), последующее уничтожение капища и восстановление христианского храма.

Однако в этом случае языческое святилище тоже должно было быть подземным. Аналогии?..

Стоит нам перейти херсонесский порог,
Надеваем все маски — какую кто смог.
Донжуаны, шуты, одалиски, мегеры...
Каждый год — карнавал. Видно, шутит так бог.

Первые ведра мокроватого суглинка уже отправились аккуратно через стенку, когда мы обнаруживаем, что уже не одиноки среди наших каменюк. У нас появились соседи, точнее, соседка. И не где-нибудь, а на участке Балалаенко, именно там, где покоятся остатки Казармы. Утро доброе, мадемуазель! Откуда вы, прекрасное дитя?

Мадемуазель зовут Юлей. Это прекрасное дитя не откуда-нибудь, а с симферопольского истфака, где обитает господин Балалаенко. Девочка Юлечка, мирно красившая свое общежитие, не далее как вчера получила срочный приказ прибыть сюда для прохождения практики. Конкретнее — для очищения данного участка от травы, для чего ей была выдана пара перчаток.

...Слава, перестаньте глазеть на ребенка и лезьте в яму! Во-во, именно туда. Ради прихода Юлечки решаю вам покирковать. Только внимательнее. Вот именно, все зеленое и черное — на-гора... Прошу, Володя, вас ждет лопата. Совершенно верно, Борис, тебе на ведра, стой и любуйся нашей соседкой. Травку щиплет она мило, экая козочка!.. Борис, да следи ты за ведрами, а то еще уронишь не дай господь!

*Дневник
археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.*

Лист 18.

...Продолжали снимать первый штык 6-го слоя в пом. 60-а. Характер засыпи прежний, находок мало, все они относятся к эллинистическому времени (III в. до н. э.).

Приблизительно в 0,8 м от основания фундамента стены Казармы находятся два глубоко вкопанных в положение «на ребро» известняковых камня. Камни имеют прямоугольную и трапецевидную форму, глубоко околоты. Еще три камня были вкопаны не столь глубоко и извлечены в процессе работы. Возможно, мы имеем дело с остатками опалубки, возведенной при строительстве фундамента Казармы...

Ну что ж, Стеночка, с тобой уже почти все ясно. И когда тебя строили, и как, и даже для чего. Теперь бы вскрыть тебя целиком... Но, видать, уже не придется.

К полудню девочка Юлечка исчезает к явному удовольствию Бориса. Оно и понятно — сегодня все-таки воскресенье. Удивительно, что в такой день она вообще работала. Ай да Балалаенко, зашевелился! К чему бы это?

...Почуял, унюхал, услышал, удумал, забегал, задержался, замаячил, засутился...

Земля идет мокрая, вперемишку с мелкими необра-

ботанными камнями. В такой грязи находки легко теряются, а посему положено перебирать каждый комок, перед тем как отправить его в ведро. Дело нудное, не-удивительно, что Слава затосковал. Затоскуешь тут! А Володя опять не в форме, головной болью мучается. Эх, сейчас бы не помешал Юра Птеродактиль. Вот с ним проблем не было.

...Птеродактиль ездил с нами лет восемь — с первого курса до прошлого года. Работать с ним было одно удовольствие — кирковал он классически, а такой зачистки, как у него, мне еще видеть не приходилось, хотя я и сам в свое время зачищал недурно. А когда дело доходило до последнего штыка, шла грязь и работа превращалась в редкую пакость, Юра был вообще незаменим. В прошлом году Стеночку зачищал именно он. Увы, теперь будем обходиться без него. Ведьма Манон, выйдя в очередной раз замуж, лишила нашего Птеродактиля последней надежды. Прав Борис: хороший костер — лучшее средство от нечисти, равно как от нелюди и нежити. Верно, Борис?

...На мокрых дровах, на мокрой соломе, с кляпом во рту, в бумажной короне. Аутодафе, Кемадеро, площадь Цветов... Гори, гори ясно!..

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 18—19.

...Фундамент Казармы состоит из глубоко околотых известняковых камней, не скрепленных раствором. Камни фундамента выступают за внутренний край стены Казармы на расстояние до 0,5 м...

Ладно, пора шабашить. В воскресенье работа идет туго, даже если знаешь, что честно отгулял полнедели и наверстывать все равно надо. Ничего, еще успеем, если б не эта грязь, если б не эта жара...

На Веранде прежняя картина. Вода в ведре успешно выхлюпана, Лука, близоруко щурясь, что-то пишет в тетради — не иначе, кропает стишата, а Буратино, величественный и невозмутимый, словно мумия египетского фараона, валяется на лежаке.

Тюлень, на миг оторвавшись от стихов, заявляет, что вечером надо выпить. И много. Деревянненький его тут же поддерживает, присовокупляя, что надо позвать и Стеллерову Корову — дабы не тратить времени зря. И так вон сколько ерундой прозанимались!

...Корова велика, Корова хороша, Корова обильна, Корова всегда готова...

Не спорю. Дело, конечно, хозяйское, но, боюсь, Стеллерова Корова на нашу Веранду просто не влезет, а ежели все-таки влезет, то ни для кого другого места не останется. А вообще, Лука, тебе печенки не жаль? Как это чьей — своей, естественно, эдак и до зелененьких чертиков допить можно, особенно если каждый день потреблять это самое, из банки которое.

Моя проповедь пропадает зря — Луке печени не жаль, даже своей. И вообще, он вошел в штопор, а посему просит не мешать. Штопор — дело святое, а посему тюлень тут же берет сумку побольше и отправляется в Камыши.

А у меня другие планы. Потреблять «Ркацители», да еще в компании Луки, что-то не очень тянет, тем более Лука в штопоре — зрелище страшноватое...

Что, Борис, айда на пляж?

И вновь убеждаюсь, что херсонесский пляж в воскресенье — место не из самых приятных. Из города набегает орда, с воплями сигающая по скалам и время от времени выясняющая отношения, не выходя из воды. У самых скал встречаем недвижимое тело в рубашке и плавках — местном купальном костюме. Картина знакомая — бутылка спирта на троих, да еще без закуси, да еще под солнцем. Что ж, вы жертвою пали в борьбе роковой... Змий Зеленый, друг со дна бутылки, не оставь малых сих!

К счастью, наше любимое место свободно. Эге, знакомые все лица! День добрый, день добрый!.. Как поживаете?

Компания живописная. Ведьма Манон в окружении трех молодых гурий-первокурсниц, Володя со Славой... Вот и Корова Стеллерова, вблизи она кажется еще грандиозней. А вот и О. с супругом...

О. выглядит как-то невесело. Странное дело, мне почему-то кажется, что она не прочь со мною поговорить, причем не на пляже, не среди толпы...

...Случайный взгляд, мимоходом, вполоборота, еле заметный — скользнул, чуть задел, слегка зацепил, ненавязчиво, ненароком...

Ее супруг, впрочем, вполне доволен жизнью. Он долго вертит в руках мою кепку, шевеля губами и пытаясь прочесть налобную надпись. Наконец буквы складываются в слова, и он с важным видом сообщает, что написано на кепке, ежели, конечно, на русский перевести, «дикий кот». Это сообщение вызывает ехидный смешок Ведьмы Манон. О. как-то странно смотрит на супруга... Ладно, Борис, оставляем «дикого кота» на шлепанцах, пусть сторожит.

В воду!

Рабочая тетрадь. С. 27—29.

...Обследование Крипты.

Подземный храм (Крипта) находится неподалеку от Главной улицы и расположен параллельно ей. В северной его части заметны остатки средневековой базилики X века — ее апсидная часть. На поверхности находится лестница, вырубленная, как и весь храм, в сплошной скале (сланец).

1. Лестница и вход.

Сохранилась верхняя часть вырубленной в скале каменной лестницы, двенадцать ступенек, вероятно, около половины ее первоначального размера. На северо-восток от нее идет трапецевидная шахта длиной около семи

метров и шириной от 0,9 до двух метров. Судя по сохранившимся в левой части выемкам, она была когда-то перекрыта плитами, то есть замаскирована. Каменное перекрытие шло заподлицо с поверхностью земли. Перекрытие могло быть сплошным, но, возможно, в нем находился небольшой световой колодец.

Визуальное изучение выемки позволяет сделать вывод, что плиты перекрытия опирались на деревянные брусья, которые вставлялись в углубления, вырубленные в скале. Через какое-то время выемки разрушились, и для брусьев был вырублен еще один ряд — чуть выше первого. Это еще раз говорит о длительном периоде существования памятника.

Обращает на себя внимание толщина и, следовательно, большой вес плит перекрытия. Не исключено, однако, что этот вес был меньше, если перекрытие не являлось сплошным. Возможно, существовало световое окно, необходимое также и для вентиляции. Оно, в свою очередь, могло закрываться легким деревянным щитом. Аналогии — подземная часовня на Латеране (Рим) и базилика Юстиниана (Равенна).

2. Общая характеристика подземной части.

Двенадцать плохо сохранившихся ступеней ведут в Подземный храм. Лестница обрывается, нижние ступени разрушены, поэтому нельзя точно определить, каков был спуск непосредственно в подземелье. Опускаться вниз приходилось на общую глубину более 4 м (до поверхности пола). Существует предположение (Беляев), что лестницу (деревянную) спускали вниз по мере необходимости. Если же существовала каменная лестница (следов которой на полу визуально обнаружить не удалось), то по ее сохранившейся части можно предположить, что она спускалась несколько ниже того места, где сейчас обрывается (на одну-две ступени), после чего делилась на две лестницы, шедшие по бокам помещения, постепенно спускаясь под сделанную из плинфы арку, переходящую в свод. Возможно, на том месте, где лестница делилась на две, находилась небольшая площадка. Такое

теоретически возможно. Отсутствие следов на стенах и полу может быть вызвано тем, что нижняя часть лестницы была сооружена из плинфы.

В настоящее время Подземный храм находится в чрезвычайно запущенном состоянии, что затрудняет его исследования, однако на основании сохранившихся остатков сооружения можно предположить, что первоначально оно состояло из трех помещений (а не двух, как указывалось в прежних отчетах!), получивших условные названия:

- Алтарная часть.*
- Зал со Сводом.*
- Помещение с лестницей...*

...Моя любовь к главпочтамту поистине трогательна. Вновь стою у окошка «до востребования», и, как оказывается, не даром. Правда, это не сигареты — всего лишь телеграмма. И опять от Черного Виктора.

Августовед кратко извещает, что поход успешно завершен и они возвращаются в Саратов. Нам с Борисом передает привет какой-то Семен... Кто таков, почему не знаю? Господи, да это же Сусман! Ай да Иоанн, не забыл!..

...После Сюрени Виктор повел своих подопечных на Мангуп. Завидно! Ну ничего, еще не вечер, выберемся и на Мангуп, два-три свободных дня у нас еще будут...

...Белый блеск крымских скал, белая пыль крымских дорог, белый жар крымского солнца, белый камень крымских святынь, белый шатер крымского неба... Эх!..

Бэ Морская полна фланирующей публики, где-то поблизости в кооперативной обжорке гремит «Ламбада», а я присаживаюсь на ту же скамейку у входа в почтамт, ловя редкую тень японской мимозы. Ну-с, теперь самое время поглядеть налево...

Света сегодня выглядит как-то не так. Ну конечно,

она же просто сонная, видно даже сквозь очки. Ну, привет! Слушай, рядом есть чудная точка, где коктейли дают. Посидим в теньке...

Коктейль пьется в такую погоду хорошо — даже очень хорошо. Тем более в теньке, да еще под сигаретку, и не какую-нибудь, а «Стюардессу». Богато живешь, Свет! Ну, так что у тебя случилось?

Новостей, оказывается, уйма. Наш добрый тюлень забежал вчера вечером в гости и конфисковал раскладушку, которую с усердием великим доставал несколько дней тому назад для нашей гостьи. Впрочем, спать Свете этой ночью не довелось — знакомые из Себасты вытащили ее в гости к киношникам куда-то за город. Один из этих киношников (солидный мэн, при брюшке и долларах) ангажирует Свету составить ему компанию для отдыха в Ласпи, присовокупив, что все будет оплачено.

И что тут сказать? Конечно, Ласпи — не Хергород. Крыть нечем, да я и не крою, тем более что Света в Ласпи не поехала — хотя там и все оплачено. Здесь, конечно, не Ласпи, и мы не при долларах, но еще по коктейлю можно заказать. Так куда пойдем?

...Маленькая узкая ладонь — ладонь чужачки, не нашего племени, не нашей крови, не нашей стаи. Пальцы коснулись пальцев, дрогнули, сплелись...

Вечер мягко спускается на одуревшую от жары Себасту. На бульвар вылезает здешний цвет общества, одетый по моде пятилетней давности. Себаста — странный город, он вечно опаздывает. То ли часы здесь идут медленнее, то ли календари списанные завозят. Вчерашний день! Десяток панков, скромно тусующихся у ресторана «Севастополь», выглядят как пришельцы из будущего. Покидаем ярко освещенный центр и не спеша идем узкой, усаженной акациями улицей, ползущей то вверх, то вниз. Здесь спокойно и тихо. Спешить некуда, к тому же Света, как выяснилось, хороший ходок, поэтому можно не штурмовать

вечно переполненные троллейбусы и, не торопясь, чапать пешедралом до самого Хергорода.

...Мимо домов из ракушечника, мимо запертых ставней, мимо пыльных деревьев, мимо скучных очередей, мимо пустых витрин, мимо угрюмых памятников, мимо засыхающих цветов, мимо...

В Себасте даже летом улицы пустеют быстро, словно в городе действует необъявленный комендантский час. Пора сворачивать направо, в сторону Древней, но в Хергород пока не тянет. Теплая Себаста, акации, отцветающие магнолии... Так не похоже на мертвые камни и желтую саванну Западного городища!

...Бытовые неприятности не ограничились конфискацией раскладушки. Лука оказался последователен — потребовал от хозяйки отказать Свете от комнаты. Н-да, раньше за тюленем такое не водилось! А в довершение всего обе кемеровские Змеи, Лена с Мариной, вкупе с их кавалерами полночи используют комнатушку для своих сугубо личных целей. Хоть ночуй на лавочке, что Света, по ее словам, и делает.

Змеиный год, ничего не попишешь! Так что можно домой не спешить. А кстати, вот и Херсонес. Это вторые ворота, так сказать, черный ход — аккурат на Западное городище. Не бывала? Мрачное это место, Свет, но взглянуть стоит.

Я и в самом деле скоро начну верить во всякую чертовщину. Но все-таки как сие объяснить? Только что вокруг нас был теплый летний город, удушливо пахли мимозы, от моря дул легкий ветерок, вечерняя жара проникала даже сквозь рубашку. И вот позади гнутая железная калитка, мы прошли первые метры по узкой тропинке среди шелестящей серой травы — и тут же пахнуло погребом, да так, что я пожалел об оставленном на Веранде свитере. Да, Свет, Страна Духов... Конечно, при желании все это можно объяснить научно, с точки зрения материализма.

...Херсонес соскучился, Херсонес заждался, Херсо-

нес ревнует, Херсонес подступает — холодом, сыростью, могильным шепотом, могильным мраком...

Света — материалист, как, впрочем, и все, кто бывает здесь впервые. У них на Сахалине, оказывается, тоже такое бывает. Все просто — в городе свой микроклимат: асфальт, дома, освещение. А в Херсонесе — камни да эта саванна, тоже, стало быть, микроклимат, но совсем другой. И никаких духов...

Не спору — так тому и быть. А для материалистов предлагаю интересный маршрут: поперек городища. Там даже тропинка есть. Правда, ночью тут никто не ходит — из-за микроклимата, вероятно. Да вот она, тропиночка!

Через несколько десятков метров дорога, оставшаяся позади, исчезает за невысокими холмами. Где-то там впереди море, но его не видно, от горизонта до горизонта — высокая сухая трава, кое-где перемежаемая черными проплешинами. Горело совсем недавно...

Вообще-то говоря, ночью бы я один сюда не пошел — на всякий случай. Тропинка начинает петлять, холмы все тянутся и тянутся, и кажется, что это странное место никогда не кончится. Эге, Свет, да я вижу, тебе что-то невесело! А чего это ты шепотом заговорила?

...Холмы стали ближе, холмы окружили, холмы встопорщились сухой травой, взбугрились острыми камнями, не пройти, не обойти, не разминуться...

Света быстро оглядывается — раз, другой. Шепчет, пытается улыбаться. Разумеется, мистика — это чушь, но ей кажется... Только кажется, это все нервы... Кажется, что за нами все время кто-то смотрит. И этот «кто-то» рядом, совсем близко...

Кусая себя за язык, ибо тема весьма благодатная — даже без всяких баек, на которые так горазд Лука. То, что в Херсонесе живут всякие эндемики, ежи с жужелицами, понятно. А вот собаки! То их нет несколько лет, то появляются сразу целой стаей. Бывает и такое, конечно, да только почему ни одна из них не залаяла?

Ни разу за все годы! А порой увяжется такая псина за тобой, рядом бежит, время от времени в лицо смотрит. Особенно если ночью, если никого вокруг нет — как сейчас, например...

Ладно, про собак не стоит. Лучше про ежей расскажу.

...Море возникает внезапно. Обрыв катится вниз, вдали появляются грозные контуры западных стен. Да, красиво! Этакие клыки... Только спускаться надо осторожно, неровен час...

Под ногами обрыв, тот самый, где вечно шумит море. В лицо бьет свежий ветер — бьет, уносит странное дыхание мертвой саванны. Далеко-далеко внизу волны с нечеловеческим упорством раз за разом пытаются слизать черные, почти квадратные зубья. Да, Свет, такое мало где увидишь. Сколько раз здесь бываю, а привыкнуть не могу.

...Вечный прибой, вечное море, вечная соль, вечный плеск, вечный непокой. Вечность, вечность, вечность...

Почти пришли. Теперь вот по этой тропинке — и аккуратно к нашей Веранде. А мы не туда, мы чуть ниже, где «Базилика в Базилике». А называется она так потому, что сначала построили одну, а потом, когда она развалилась, вторую, но уже поменьше, как раз между старых стен. Там мозаика осталась, очень красивая...

Светит фонарь, тихо, как-то по-домашнему шумит море, цикады наперебой показывают свое искусство, с Веранды принесен котелок с недопитым кофе...

Это кто же у нас кофе варит на ночь глядя? Неужели Лука?

Кофе, ночью, притом в Херсонесе, да еще если пьешь его, сидя на обломке стены, болтая ногами над мозаичным полом!.. Свет, такого на Сахалине не увидишь, верно? И в Калининграде, и даже в Ласпи, хотя там все и оплачено... А это перепела, которые на мозаике. Нет, рыба сия к закуске никакого отношения не имеет, это очень уважаемая рыба. Рыба по-гречески

будет «ИХТЮС» — «Иисус Христос Теос Ус Сотерос», ежели по первым буквам... Точно, Свет, чудес тут было навалом. Когда сюда Святой Капитон приехал херсонеситов крестить, ему не поверили, и он для наглядности в горящую печь залез. Убедил! Печка до сих пор стоит, завтра могу показать. А на месте, где погиб Святой Василий, свеча целую неделю горела. Нет, обычная свеча, такая, как в церкви, тонкая, восковая... Согласен, все это вполне объяснимо и без всякой мистики.

...Легкое касание губ, легкое касание душ, легкое, еле заметное. Мы еще чужие, мы еще далеко, мы еще не рядом...

Аки кошка, без лишнего шума, дабы не будить Бориса, прокрадываюсь на лежак. Так, будильник... Порядок! Ну что, спокойной ночи? Эге, видать, что-то сейчас будет...

Шаги — грозные, гулкие. Включается свет, бедняга Борис, растерянно моргая, вежливо интересуется, кого это черти носят... На этот раз черти принесли братьев-разбойников. Лука вполне в форме, даже на ногах пытается держаться, Буратино — тот вообще молодец, да только что это у него под глазом и на щеке? Никак замазался? Так ведь сажу вроде поблизости нет...

Ага, вопит Лука, вот вы где, Иуды! Затем он напряженно смотрит в угол, где висит штормовка Бориса, приглаживает волосы и мрачным голосом интересуется, как сюда попал этот северный олень... Пояснить появление оленя на Веранде не успеваю — в разговор вступает Буратино, который выдает краткую, но емкую характеристику женщин экспедиции, особо выделяет при этом отчего-то Стеллерову Корову. Перспективы, которыми деревянненький ей грозит, поистине ужасают.

Лука выражает полное с этим согласие, после чего делает официальное заявление о том, что ноги его здесь больше не будет. Завтра же наш тюлень уезжает на Крымскую АЭС, которая на Казантипе. Там, ока-

зывается, водку свободно продают и бабы голодные. А тут, в Херсонесе, все Иуды. Иуды — и олени северные.

Закончив спич, Лука грузно плюхается на лежак. Через минуту слышится мелодичное посапывание. Тюленю уже хорошо, правда, при этом его подушка отчего-то лежит не под головой, а на брюхе. Буратино тоже готов. Можно тушить свет.

...Да, пошел вразнос Херсонес Таврический. В резонанс вошел — не остановишь!

Рабочая тетрадь. С. 29.

...Крипта (продолжение).

Провести «опыт Святого Василия» — поставить горящую свечу на дно Крипты и засесть время. Свечу следует купить в хозяйственном магазине у ворот...

Херсонесская маска к лицу приросла,
И торчат над личиною уши осла.
Не печалься! Мы все в этом старом театре
Арлекины чуть-чуть. Я не вижу в том зла.

Девочка Юлечка, на радость Борису, вновь щиплет травку. Теперь она не так трогательно одинока — с нею вместе козью повинность выполняет еще одно субтильное создание в голубом купальнике и кооперативной шапочке с козырьком. Ох, неспроста Балалаенко прислал сюда этих гурий — как раз в тот самый момент, когда Д. начал хлопотать о том, чтобы нам передали этот участок.

...Не отдадут — удавятся, повесятся, застрелятся, отравятся. Херсонесская жадность, херсонесская жаба...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 19.

...Продолжали снимать первый штык 6-го слоя пом.

60-а. Характер засыпи прежний, встречаются мелкие и крупные (до 0,5 м) необработанные камни. Хорошо заметен следующий слой, состоящий из песка и желто-зеленой глины...

Слава, будьте добры, откройте мой планшет, там в большом отделении лежит складной метр. То есть как это — нет? Поройтесь получше. Вот-вот, он самый. Теперь кидайте его в яму Борису. Да не на голову, боже мой!.. Ну-с, а теперь поглядим, что у нас получается с этим шестым слоем. Нет, Борис, мерить надо шире — эта темная линза тоже к слою относится. Записываю. Высота... шестьдесят сантиметров... Не шестьдесят сантиметров, а 0,6 метра — все в системе СИ. Да, ничего копнули! Углубляться уже не будем, во-первых, вода вот-вот заплещется, а во-вторых, не успеем. Внизу только чистый песок и наносы глины. Мы это уже копали когда-то. Там, за стенкой...

...Нет, Слава, я не уверен, что эти камни, что торчат, от фундамента. Они могут быть от чего угодно, к примеру от какого-то более раннего строения. Могло же что-то здесь стоять до Казармы! Или это одна из ее внутренних стен... Боюсь, мы этого так и не узнаем, разве что когда всю Казарму вскроем. Ты прав, Борис, когда это еще будет... Эге, да к нам гости!

Да, гости. И не кто-нибудь, не всякая мелочь пузатая вроде Гнуса. Сама Бабушка Асеева.

...Смирно! Шапки долой, во фронт, грудь четвертого человека, есть глазами, не жевать! Смир-р-р-рно!!!

Инна Анатольевна Асеева — не просто археолог. Она легенда, живая легенда Мертвой страны. Копала еще с Гриневичем, не в двадцатые, конечно, попозже, но все-таки. Бог весть, сколько ей лет, наверняка не меньше, чем Акелле. Теперь она здесь пенсионер, а когда-то была директором, и не один год. Ой, непростая Бабушка!

Бабушка Асеева прославилась сразу после войны,

когда она еще, конечно, не была бабушкой. В те годы Инна Анатольевна копала в Цитадели, ничего особенно там не ожидалось, но Асеева решилась нарушить табу — тронуть великую Башню Зинова. Сие строжайше запрещалось, потому как и башни, и базилики — экспозиционный материал, сиречь социалистическая собственность. Времена были крутые, за повреждение башни могли и вредительство впаять. И Гриневич, и Стрелецкий угодили в Гулаг за куда меньшие грехи. Но Асеева почуяла — бог знает, каким чутьем, но почуяла, что обшивка башни, ее каменная рубашка — двойная. И она решилась снять эту рубашку.

Конечно, Инне Анатольевне и влетело крупно, но вскоре всем пришлось замолчать — промежуток между обшивками оказался заполнен сотнями надгробий с разрушенного еще в древности старого херсонесского кладбища. Десятки надписей, портреты, несколько плит с чудом уцелевшими постановлениями херсонесского Совета...

Экскурсоводы рассказывают туристам, что во времена строительства башни скифы шли на город, и камень был нужен для укрепления стен. Может, и так, но возможно, все было проще и обыденней. Город расширялся, начали строить Портовый район, ту же Казарму, кладбище снесли. Все как у нас!

Уже сорок лет Бабушка Асеева копает Цитадель. Это ее феодал, ее лен. Рассказывают, что все чертежи она прячет где-то в развалинах, в старом склепе, подальше от чужого глаза. Среди херсонесских баронов и герцогов ее место — у самого трона...

Здороваемся. Встречать гостью больше некому — Сибиэс, бедняга, до сих пор хворает, Д. унесло куда-то по делам хозяйственным, значит, именно мне предстоит доложить о наших грандиозных успехах. Бабушка Асеева, конечно, не начальник, но... Сама Асеева!

...Ну вот, Инна Анатольевна, это, стало быть, водостоки...

Водостоки как водостоки, мерзость каменная, на-

видалась Бабушка этого крошева, но я стараюсь защитить честь фирмы. Сложные строительные периоды, уточнение планировки, пересмотр традиционной хронологии участка.

Бабушка не возражает. Сколько здесь было уже этих уточнений и пересмотров! Тем более Казарма — не ее участок, у Асеевой и без нее забот хватает... Но ведь зачем-то пожаловала!

Теперь моя епархия. Вот-с, Инна Анатольевна, извольте видеть: Стена, Стеночка, так сказать. А вышли мы на нее аккуратно в прошлом году. И здесь уточнение — на этот раз хронологии. Да-да, никак не позже III века до...

Асеева не сомневается, не спорит — кивает, слушает. Этакая добрая-добрая Бабушка. А вот мы сейчас у этой доброй Бабушки и спросим...

Все бы хорошо, Инна Анатольевна, но вот что с дальнейшими раскопками будет? Вон, участок прямо за стеной, там уже два десятка лет конь не валялся. Вот ежели бы... Для пользы дела, само собой...

Добрая Бабушка одобряет мою заботу. Казарму, понятно, надо копать, давно пора! Вот Балалаенко как раз собирается, уже и своих людей прислал.

...Его «люди», вероятно, и есть две наши соседки-козочки. Так-так...

До свидания, Инна Анатольевна! И вам всего наилучшего. Обязательно передам. Всенепременно! И вам также...

Вот так, Борис. Все ясно? Зашевелились!

Музейщики тут, в Портовом районе, не копают. Такие, как Гнус, расхватали все самое интересное, там и пасутся. А здесь что? Рыбьи кости да устричные раковины. Казарму давно считали неперспективной, просто экспонатом, зато теперь, как только начала вылезать Стена, когда выяснилось, что Казармы было целых две... Теперь они налетят! Потому и приходила Бабушка — опытным глазом взглянуть, не ошиблись ли часом харьковчане? И Балалаенко ожил весенним

мишкой в берлоге. Быть очередной херсонесской сваре! Но что плохо — мы в этом раскладе явно лишние.

...Съедят! Забьют, как Слона, выкинут, вышвырнут, выбросят, вынесут, выкосят...

Этими соображениями встречаю возвращающегося Д. Тот ничуть не удивлен. Все верно, Гнус сообщил Балалаенко, разбудил этого симферопольского лентяя — и заодно готов пойти в соавторы. Ну, на это Гнус всегда готов! Впрочем, объявился и еще один нетопырь из музея, уже и кружить начал, крылышками трепетать... Но Д. еще надеется — у Балалаенко всегда не хватало людей, а у Его Величества сейчас много работы, лишних рук не найдется. В конце концов, можно подключить Старого Кадея....

Не спорю. Пусть. Может, и вправду...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 19.

...Следует обратить внимание на то, что в северной части пом. 60-а, между С-З стеной и раскопанным вчера вертикально стоящим камнем находится завал камней, перемешанных с глиной и землей, уходящий под С-З стену. Очевидно, и камни, и этот завал имели непосредственное отношение к фундаменту Казармы.

Находок крайне мало...

У наших сараев — немалое оживление.

Едят.

Впрочем, не только едят. Несколько девиц окружили Стеллерову Корову, рядом топчется Ведьма Манон, глазенками сверкает, вот и Женька, Сенаторов сын, чертиком из табакерки выскочил. Так что там «беобахтер» пишет? Давненько не читывал!

...Свежий выпуск, свежий выпуск, свежий выпуск, свежий выпуск, свежий выпуск...

А пишет «беобахтер» все о нас да о нас. Разврат на Веранде, пьяный Лука ползает возле фонтана, он уже купил билет до Южно-Сахалинска, квартиру отдает Гусенице... Старо, старо!.. А вот и кое-что поновее. Злой Буратино посмел посягнуть на честь уважаемой...

...Ах, вот почему на физиономии нашего Буратины пятна!

Но уважаемая смогла за себя постоять. Так был наказан злой и похотливый Буратино. Да только не он один виноват, это его старый развратник Лука надоумил!..

Гляжу на могучие плечи Коровы, на пудовые кулаки... А все-таки Буратино герой, не побоялся посягнуть. И ведь жив остался!

...Как обнимет, как к сердцу прижмет, как притиснет, как приголубит, как утешит...

И вновь некая странность. То, что наши кости перемывают, — привычно. В Херсонесе положено грешить тихо, буднично. Как наша молодежь: переглянулись, встали, он сунул под мышку одеяло, она пояснила подружкам, что идет воздухом подышать. Подружки кивают, в сторону смотрят. Можно иначе — окно сарая занавешивается тем же одеялом, друзья-подружки сидят поблизости и опять-таки в сторону смотрят...

И ведь все знают, кто, когда, зачем, почему. Невесты перед самой свадьбой, жены, приехавшие отдохнуть без мужей... Главное — не шуметь. Гусарские ухватки Луки здесь явно не к месту.

...Ушли гусары, ушли, навсегда, навечно, прочь, не нужны гусары, смешны гусары, ни к чему гусары. Денщики правят, денщики гогочут, денщики судят...

Но отчего именно за тюленя взялись?

Рабочая тетрадь. С. 29.

...Опыты с компасом (продолжение).

Исследования проводились с 15.30 по 16.15. Жаркая погода, ветра нет, освещение яркое, дневное. Цель: даль-

нейшая проверка величины отклонения компаса от N. Объекты — три контрольные базилики.

Результат: по-прежнему заметен рост величины отклонения от N. По сравнению с первым наблюдением:

«Базилика в Базилике» — на 15 градусов.

Базилика у колокола — на 15 градусов.

Крипта — на 20 градусов.

Отклонение «контура» Крипты от N — 40 градусов!

Все особенности «контура» сохраняются.

В связи с тем, что:

— все эти дни сохранялась одинаковая погода;

— рост отклонения плавный, а не скачкообразный, резонно предположить, что наиболее вероятная причина — воздействие Луны. Следовательно, максимальный результат следует ожидать в полнолуние.

NB! В греческом пантеоне «лунной богиней» считалась Артемида-Селена. Однако Дева, покровительница Херсонеса, отождествлялась именно с Артемидой!

Итак: Луна, богиня Дева, тайное языческое святилище в центре города.

Борис добавляет: в наиболее старой части города...

На пляже жара — такая, словно море не Черное, а Красное. Вода теплая до омерзения, как в ванне. Нет, это не по мне, Борис, вылезаем — и домой! Пусть себе здесь Гнус остается, вот он, на посту, гений моноласта. Конечно, пивка бы сейчас в самый раз... Луку бы сюда!

Тюленья мы находим на Веранде, но с первого же взгляда становится ясно, что сейчас ему не до пива. Лука, чернее тучи, лихорадочно тыкает какие-то тряпки в рюкзак. Кажется, маздонизм перешел в хроническую стадию, ибо знакомая пантомима должна означать одно: уезжаю — и немедленно!

В таком состоянии Луке лучше не мешать — кризис пройдет сам собой. Однако что это его так задело? Неужели наш старый добрый «беобахтер»?

Между тем появляется Буратино, мрачный, но не

мрачнее обыкновенного. При его виде Лука начинает собираться еще интенсивнее, приговаривая что-то то ли о последнем автобусе, то ли о первой завтрашней электричке. Ну, первая электричка в шесть, ни за что тюленчик не проснется. А до второй, которая в начале десятого, желание эмигрировать уже успеет остыть.

Лука рычит, смотрит Индрик-зверем...

...Довели Луку, завели Луку, подвели Луку, обвели Луку, нет здесь места Луке, неуютно Луке, неприветно Луке, нет покоя Луке...

Нет, дурдом. Кто как хочет, а я в город. Борис, компанию составишь?

У нашего химика, однако, свои планы. Кажется, догадываюсь — план «девочка Юлечка». Оказывается, нет. То есть не совсем нет, но этим вечером... Как же я мог забыть?!

Ах да! Впрочем, чему удивляться, с Лукой да с Буратинкой и не такое забудешь. А ведь сегодня вечером великое событие — очередной исторический футбольный матч. Мы вновь вызываем УрГУ.

Злые ургяне, сиречь студенты Уральского госуниверситета, живут за бухтой, совсем рядом с нашим раскопом. Бог весть отчего они злые? Назвали — и назвали. Злые! А вообще-то они наши давние соседи и одновременно футбольные противники.

Их вождь — Большой Бобер (именно Бобер, не дай господь Бобрихой называть!), дама авторитетная, маститая. Ее худая фигура с вечной «беломориной» в зубах давно стала неотъемлемой частью здешнего пейзажа. А на берегу бухты вырос целый городок, где проживают ее подданные, коих Бобер держит в покорности и страхе. Навязанный ее железной волей комендантский час — отбой в одиннадцать! — еще не самая суровая из тамошних традиций.

Наша вольница, без кола и двора, без лагеря и кухни, зато и без комендантского часа, всегда относилась к ургянам снисходительно — как к таким забитым язычникам. Так сказать, сумь, емь, самоядь, чухна

белоглазая, мордва болотная, закон-тайга, прокурор-медведь. Бога истинного не знают, Большому Бобру поклоняются! А недавно с легкой руки злоязычной молодежи все это было обобщено емким словечком — Урлаг.

...За проволокой, в бараках, под караулом, вохра, вертухаи, апельсиплац, чекист на вышке, СС в засаде...

Каждый год мы вызываем их на футбольную дуэль. Уже десять лет. И каждый раз распиваем законный приз — ящик пепси.

Да, Борис, нам продуть в этот раз совсем не с руки. Где теперь пепси взять? Ты, как в прошлый раз, в полузащите? Ах, даже судья... Ну, смотри, с мылом сейчас, как и с пепси, — напряженка.

С пепси напряженка, с мылом напряженка, а в нападение нам ставить некого. А злых уругян в этом году — тьма, небось подберут костоломов. И морально, само собой, подготовятся, сейчас небось все вместе камлают, уругянку, салом смазанную, в жертву приносят. Нет, Борис, я на матч не пойду. Это тоже традиция — у меня глаз дурной. Без меня обычно выигрывают.

У сараев и вправду оживление. Молодежь пытается что-то делать с мячом, да только как-то неуверенно, без огонька. Любуюсь этим зрелищем — и не замечаю, как сзади подкралась Ведьма Манон. Только когда над левым ухом зашипело...

На мое счастье, Ведьма настроена миролюбиво. Конечно, она с удовольствием съест нас всех (не только с удовольствием — с костями!), но... Но не сейчас. Сейчас Манон решила язвить нас словесно. Вот, к примеру, Лука...

Ах, вот она причина очередного хватания за рюкзак! Лука не оригинален — опять столовка! Полез голодный тюленчик без очереди, потому как животик свело, не осталось силушек ждать... Полез, был изловлен нашей молодежью, приперт к стене, получил внушение — к счастью, словесное, но весьма откровенное.

... А ко всему еще рогоносцем обозвали! Гусеница-то в чем виновата?

Ведьма довольна, а мне остается лишь руками развести. Не оценил тюлень обстановку, покусился на самое святое, что есть у нашей юной поросли...

...Еда, пайка, жратва, хавка, хаванина, первое, второе, третье, пятое, не отдадим, не подпустим, еда, пайка, жратва...

Но рогоносец-то отчего?

Все, хватит. Ноги, ноги отсюда, из любимого Хергорода. Не то очумею, как Лука. Наша коммуналка временами становится невыносимой!..

Автобус лихо мчит на подъем, оставляя по правую руку небольшую часовню на Пожарова, полускрытую темно-зелеными кипарисами, ряды цветущих мимоз, серую ограду Кладбища Коммунаров... Дурной город Себаста, никогда его не любил. Но чтобы прийти в себя — вполне годится.

Мы снова встречаемся у главпочтамта, и Света долго жалуется на жизнь. Тюлень, оказывается, проявляет последовательность и весьма настойчиво уговаривает хозяйку выставить сахалинскую гостью за дверь. Вдобавок кемеровские Змеи очумели совершенно, спать приходится все на той же скамейке... Н-да, хорошо еще, что Свете не предъявили иск за попытку увоза Луки на Сахалин! Кажется, тюленей там и так хватает.

Знаешь что, Свет, ну их всех! Врежем по мороженому и пойдем куда-нибудь, хотя бы на Исторический бульвар. У вас в Южно-Сахалинске есть колесо обозрения?

Колеса обозрения в Южно-Сахалинске нет, зато там есть красная рыба, японская электроника и американские шмотки. А вот рестораны там плохие...

Земля уходит вниз, Света снимает очки, смотрит, слегка щурясь, на разбегающиеся под нами черепичные крыши...

...Не надо прятаться, не надо бояться, не надо никого обманывать — даже себя. Мы можем расстаться

прямо здесь, можем встретиться завтра, можем заехать ко мне в Харьков, увидаться здесь же в следующем году. Или даже через десять лет...

Легкий ветерок, недвижная гладь бухты, серые борта кораблей. Света надевает очки, впервые за этот вечер улыбается...

...Колесо судьбы, колесо случая, колесо Фортуны, колесо удачи. Рука в руке, глаза в глаза, крутись, не останавливайся, не спеши...

И так не хочется возвращаться в любимый Херсонес, в наше царство сухой желтой травы, грязных сараев и серых руин, слушать мудрые советы Буратины, наблюдать боевые пляски тюленя...

Рабочая тетрадь. С. 30—32.

...Обследование Крипты (продолжение).

3. Алтарная часть.

Алтарная часть представляет собой полуцилиндрическую нишу радиусом приблизительно 1,35 м. В 0,35 м от входа в полу имеется круглое отверстие глубиной 0,05 м. По некоторым признакам можно предположить, что первоначально стены Алтарной части были покрыты штукатуркой. С этим согласуются и данные из отчета Беляева. На полу находятся несколько обработанных камней, служивших, вероятно, основанием какой-то конструкции.

4. Зал со Сводом.

Наибольший интерес представляет Зал со Сводом. Он имеет форму, приближающуюся к кругу, наибольший диаметр которого — 3,5 м. Главная особенность зала — наличие яйцеобразного свода. В настоящее время он рухнул, но его существование не вызывает сомнений. Свод был частично открытым, его верхняя часть выходила на трапецевидную шахту, которая, как уже указывалось, закладывалась плитами.

На полу Зала со Сводом в настоящее время находятся обломки известняковых колонн, возможно, те, что

нашел Беляев. При наличии свода они могли его поддерживать, но в этом случае для них в помещении зала просто не остается места. Скорее всего колонны не имели отношения к Крипте, они могли упасть в нее в более позднее время из разрушенной средневековой базилики. Зато не вызывает сомнений существование перемычки, выполненной из плинфы. Она находилась в южной части зала, отделяя его от Помещения с лестницей.

В правой части Зала со Сводом имеется полукруглая ниша, относящаяся к другому, более позднему строительному периоду. Она была заложена каменной кладкой, от которой в настоящее время сохранились два ряда камней. Эта ниша получила условное название «погребальной», поскольку такое ее использование весьма вероятно.

Над нишей имеется выбитая в скале прямоугольная плоскость, где, очевидно, помещались иконы.

5. Помещение с лестницей.

За перемычкой находится третья часть храма — Помещение с лестницей. Оно сохранилось очень плохо, однако можно предположить, что над ним был еще один свод, имевший форму полуэллипса с радиусом нижней части около 2,23 м. Он завершался выходом на трапециевидную шахту и тоже был перекрыт каменными плитами.

Поверхность стен Зала со Сводом и Помещения с лестницей сильно повреждена, но ее обследование позволяет предположить, что она также была покрыта штукатуркой.

Чертеж (набросок) Крипты взялся нарисовать Борис.

Мнение Беляева и остальных справедливо — в Крипте заметны следы перестроек:

1. «Погребальная» ниша в правой части.
2. Два ряда углублений для брусьев у входа.
3. Возможно также, что-то перестраивали в Помещении с лестницей (слева и справа от входа).

Время и более точный характер перестроек опреде-

лить пока невозможно, но они еще раз подтверждают длительность существования памятника.

Опыт Святого Василия начат. Свеча зажжена в 17.30 и поставлена в алтарной части. Свеча стандартная, стеариновая, длина — 18 см. Новую свечу покупать не стали из-за возражений Бориса, считающего подобный опыт зряшным расходом имущества. По его мнению, свеча будет гореть несколько дольше, чем на поверхности, из-за отсутствия ветра, но разница будет небольшой.

Борис считает, что Крипта в плане напоминает электронную лампу.

Чем лампа лучше свечи?..

К ночи наш Лука уже пришел в себя. Рюкзак занимает законное место под лежаком, а тюлень вновь трудолюбиво горбится над заветной тетрадью в черной обложке — кропает стишата.

...И не пойду с протянутой рукою, ведь я зовусь каким-то там Лукою!..

Мир тебе, Лука, ты избрал благой жребий!

Буратино, увы, стихов не сочиняет и свои чувства изливает словесно. Давно я не видал его таким разговорчивым!

...Все бабы, стало быть, дуры. Его жена — дура. Хочет его из дому выгнать. И теща тоже дура...

Не ново, ваше деревянство!

...А эта Корова Стеллерова вообще идиотка. Зачем она сюда приезжает, не на раскопки же? Только идиоты приезжают сюда чего-то копать. А если так, то чего она этак?..

А действительно, Буратино, чего она этак?

Деревянненький искренне не понимает. Раз они, бабы, сюда ездят, значит, ясно, зачем ездят. Тогда отчего кобелятся? Он два вечера одеяло под мышкой таскал, в аптеку специально ездил, деньги тратил... Ничего, теперь Буратино займется Ведьмой Манон!

С ней он церемониться не станет, даже одеяло брать не будет...

...Схватить Ведьму, скрутить Ведьму, повалить Ведьму, покорить Ведьму, сейчас, немедленно, не сходя с места, с налета, с наскока...

Борис, внезапно появившийся в дверях, прерывает этот страстный монолог. По лицу нашего химика становится ясно, что футбольные дела плохи. Так и есть. Не поражение, но и не победа. Два — два. Ничья. Впервые за десять лет мы не победили.

У сараев — траур. Как всегда после неудачи, побежденные ищут виновных. Защита клянет нападение, нападение, само собой, защиту. Судью винят все. Бедняга Борис! Призрак мыловарни становится вполне реальным. А торжествующие ургюане требуют продолжения. Сейчас небось идолов медвежьим жиром мажут, в бубны бьют, нехристи! Кто-то уже предлагает сходить в «Дельфин» за пепси...

Эх, где бойцы минувших лет, что гоняли этих печенегов, как Мстислав Редедю пред полками касожскими? Где Дидик, Крокодил, Птеродактиль? С ними мы никогда не думали, где искать пепси-колу!

...Мазилы, на мыло, на костяную муку, осрамились, оплошали, обесчестили, обманули, обеславили, облажались! Позор ныне, присно, в веках, в истории, навсегда...

Рабочая тетрадь. С. 32.

...По мнению Бориса, лампа лучше свечи тем, что опыт со свечой — извращение, а электронная лампа — хорошая модель для понимания феномена «контура»...

...У горизонта, далеко в море, сверкает огнями плавающий железный сундук, с палубы которого то и дело врезаются в небо столбы света — на «Тбилиси» сегодня ночные полеты. Скоро День Флота, последнее воскресенье июля...

Море холодом дышит, и ветер с утра.
Крики чайк, как будто скрипят флюгера.
Видно, грешники мы, вновь богов прогневили.
И впервые мелькнет: «Не домой ли пора?»

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 20.

...Работу начали в 6.30. Работали в том же составе.

Начали зачистку пом. 60-а. В северном углу разобрали завал камней. Камни известняковые, со следами обработки. В результате обнажилось основание стены. Стена оказалась стоящей на земляном «попе» ..

Слава, Слава, да кто же так чистит? Не надо ковырять ножом между камнями, этак мы стенку развалим — она же без известки. Ваше дело — обнажить швы, и все. Борис, тебя это тоже касается, плотнички-работнички!

...Чего это я их так гоняю, не развалят же они стенку, в самом деле! Что за манера срывать свое настроение на подчиненных?

Сегодня завтрак запоздал, и мы долго бродили, неприкаянные, у запертых дверей столовки. Моя бы воля — я бы вообще не завтракал, но этак и ноги протянуть можно. Солнце уже начало припекать, становилось совсем неудобно...

О. подошла ко мне как ни в чем не бывало, не обращая внимания на сонмище вокруг. А чего обращать? Мало ли кто с кем поговорить собрался?

Оказывается, я ее подвел. Хуже — изменил, ведь все знают, что я ее парень, а не захотел подождать, ведь ее муж рано ложится спать, все так просто, а я связался с этой очкастой, и теперь все это видят...

...Законы Херсонеса, традиции Херсонеса, обычаи Херсонеса, правила Херсонеса. Свои со своими, своих простят, своим помогут, отвернутся, отойдут, не заме-

тят, не выдадут. Чужие побоку, чужие лишние, чужие вне игры...

И теперь все это видят... ВСЕ! Вот, значит, как? Я тоже что-то нарушил в неписаном херсонесском кодексе. Стоило лишь подождать, пока будущий аспирант после сытного ужина приляжет отдохнуть...

Так просто!

Рабочая тетрадь. С. 33.

...Опыт Святого Василия.

5.50 утра — свеча продолжает гореть.

8.40 утра — свеча продолжает гореть.

В Крипту не спускались, наблюдение вели от входа. Стеарин расплавился, горит фитиль, огонь обычного размера и цвета.

Борис говорит, что это ничего не значит. Отсутствие внешних воздействий (ветер) позволяет огню не гаснуть...

...Нормально, нормально, Борис! Глубже не надо, переходи на следующую стену. Что, Володя, опять сигарет нет? Моя пачка у входа на камне. И мне тоже одну киньте... Как голова, не безобразничает? Но на солнце лучше не вылезайте, береженного бог бережет...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 20.

...После расчистки стало окончательно ясно, что как основание стены Казармы, так и стоящие на ребре камни уходят под С-В стену пом. 60-а. Таким образом, можно сделать вывод, что Казарма продолжается дальше за территорию средневековой усадьбы № 9.

Та часть Казармы, которая непосредственно примыкает к С-В стене, была разобрана до фундамента при возведении раннесредневековой усадьбы IV—VI вв., для

строительства капитальной внешней стены усадьбы (С-В стена). В этой части от фундамента осталась лишь нижняя часть, состоящая из мелких известняковых камней и остатков сероватого вещества, вероятно, извести. В целом порядок строительства фундамента выглядит следующим образом. Дно глубокой траншеи шириной около 4 м засыпалось мелкими камнями и известью и заливалось известняковым раствором с камнями. Сверху было уложено несколько слоев необработанных или грубо околотых крупных известняковых камней. На этом основании находилась кладка собственно стены Казармы...

Вот так. А может, и не так — не знаю. Ничего, мы вышли на фундамент первые. Потом будут вторые... Узнают! Жаль, что не скоро.

А у наших соседей, кажется, митинг. Ну конечно, Сенатор беседует с избирателями! Сегодня утром прикатил из Киева, полон впечатлений. Что, Слава, на месте не сидится? Ну бегите. Перерыв. А мы покурим. Ничего, отсюда тоже слышно.

Так, и что же привез Сенатор из столицы? Ага, независимость. Слышь, Борис, мы, оказывается, уже независимые!.. Нет? Не совсем независимые, просто суверенные? Все равно, сбылась мечта вековая. Борис, у тебя паспорта с собой нет? А то можно было бы сжевать — за ненадобностью. Теперь у нас новые паспорта будут, жовто-блакитные. Для дам — желтые, для джентльменов — голубые. Гип-гип, ура! Все «ура» крикнули? Вот и прекрасно. Слава, где вы там? Просим, просим в яму! Ласкаво просимо, панэ!..

...Шаровары, шаровары, шаровары, шаровары! Гоп, кумэ, будэм вильни, мы сегодня самостийни! Гоп, гоп!..

Странное дело! Сенатор вроде как подзабыл о своих чувствах к самостийникам. Цветет, видать, рад тому, что учудил. А вот Д. мрачен. Ему ни к чему незави-

симость, он поклонник единой и неделимой. И вообще, у него нет чувства юмора.

...Слушай, Борис, что-то мы давно чаю с мятой не пили. Хорошо бы, хорошо... Лучшая мята, Слава, здесь растет у некоего заведения, того, к которому не зарастет народная тропа... Во-во, приятного аппетита. Нет, я не мяту предлагаю рвать, надо просто Маздона пригласить...

Рабочая тетрадь. С. 33.

...Опыт Святого Василия.

11.15. Свеча продолжает гореть. Борис уточняет — не свеча, а фитиль, свеча давно расплавилась. Эффект «вечной» лампы.

Независимость Украины — перспективы для Херсонеса

- 1. Денег для заповедника станут давать меньше.*
- 2. Гнус отберет Беляевку у москвичей.*
- 3. Гнус отберет Урлаг у свердловчан.*
- 4. Гнус все продаст иностранцам и устроит в Казарме лупанарий на радость Луке...*

Мрачный Д., не приемлющий великой национальной идеи, отводит меня в сторону. Опять водостоки? Опять, но не водостоки. Лука!.. Лука?

Д. недоволен, настолько недоволен, что считает необходимым заявить... Интересно, а почему мне? Да, заявить! Личный состав жалуется, личный состав весьма недоволен. Дебоши. Загул с этой дамой, которая из Магадана. Ежедневный и еженощный разврат! Говорят, Лука вообще собирается туда переезжать, так пусть переезжает и не разлагает экспедицию...

Успокаиваю начальника — не переедет наш тюлень, есть у меня такое предчувствие. И вообще, что за беда? Ну возвеселился душою Лука, ну отдыхает...

Д. плотоядно хмыкает и намекает, что в следующем году экспедицию повезет он... Повезешь, повезешь,

конечно! И будет у нас Урлаг-2. Ну, это ясно, а как твои водостоки?

Водостоки, оказывается, в порядке. Зачищают водостоки. А пока нужно заняться еще одним важным делом — сдать валюту.

Ах да, наша валюта — два десятка медных монет, зеленых, обросших многовековой накипью. Жалкая добыча! А помнишь, как мы шампанское пивали за первую сотню? Было, было... Ну что, сдавать так сдавать...

Монеты у меня с собой — в сумке, на самом дне, в самодельных бумажных пакетиках, на каждом номер, карандашный обвод, число... В банк подобную зеленуху уже не сдашь, теперь место этой валюте в фондах, там, где оканчивают свой путь все интересные находки. В царстве Тамары Ивановны.

Тамара Ивановна обитает в правом крыле все того же игуменского корпуса. За белой дверью начинается небольшая анфилада комнат, уставленных ящиками, стеллажами, а более всего мелкими коробочками. Со стеллажей мортирными жерлами вырисовываются амфорные горла, проходы загромождают пузатые пифосы, поставленные для устойчивости на арматурные опоры. А в коробочках всякая мелочь, накопившаяся за полтора века раскопок: клейма, светильники, булавки-фибулы, резная кость, обломки стеклянных бальзамариев, кусочки блюд с роскошными разноцветными павлинами, наконечники стрел — скифские, сарматские, греческие, римские, татарские... А вот монет там нет, они хранятся отдельно. Где именно — тайна Тамары Ивановны.

Нас ждут. Тамара Ивановна, как всегда, приветливо улыбается. Для нее мы — дети малые, дети неразумные. Наверное, четвертое, а то и пятое поколение археологов, приносящих сюда находки. Добрый день, а вот и мы!..

Нас угощают абрикосами, и мы вываливаем на стол нашу скромную добычу. Одна, вторая, пятая...

Само собой, денежки счет любят. Эх, Луку бы сюда! Впрочем, лучше не надо, не выдержало бы сердце заслуженного нумизмата. Ну, вроде все, можно составлять акт.

Пока Д. корпит над актом сдачи-приема, я сую свой все еще любопытный нос в груды коробочек на соседнем столе. Ух ты, да это же светильники, чернолаковые, с узорами! Боже мой, Атика... Малая Азия... А этот откуда, неужели местный? Тоже неплохо. Экое богатство! А что там на коробочках написано? Гриневич Константин Эдуардович... Это двадцатые. Белов... Уже попозже. А вот уже добыча Слона, совсем свежая. А это чьи? Лепер

Чернолаковый аттический светильник уснувшим птенцом застывает в руке. Лепер... Профессор Лепер, преемник Косцюшки, толковейший археолог, не давший загубить наследство бородатого поляка, сотрудник Русского Археологического института в Константинополе. Копал в Палестине, Малой Азии, Болгарии... Ему повезло меньше, чем остальным. Он дожил до того дня, когда его мир перестал существовать...

...Ноябрьский ветер провожает последние пароходы защитников Крыма. Впереди у них — Варна, Стамбул, Галлиполи, Бизерта. У тех, кто остался, впереди ничего нет, от Симферополя уже спешат дивизии победителей. Все кончено, День Гнева наступил. Седой старик, бывший профессор бывшего университета, бывший редактор, бывший директор музея, водивший когда-то государя императора по херсонесским раскопам... Старик стоит на обрывистом берегу мертвого города и смотрит вслед уходящим кораблям. Револьвер у виска.

Все...

Монеты давно оприходованы, и Тамара Ивановна привычно сетует на здешние беды. Места не хватает, сотрудников мало, те, кто поопытнее, уже на пенсии, молодых не заманишь на такую зарплату, а ей самой уже скоро на заслуженный отдых. А что будет с фунда-

ми? Передать некому, хотя бы инвентаризацию успеть завершить...

Доедаем абрикосы и откланиваемся. Д. вздыхает — страшный призрак самостийности не дает ему покоя.

Рабочая тетрадь. С. 33.

...12.30 — свеча погасла.

Результат: свеча горела не менее шестнадцати часов. Борис уточняет, что менее. Значит, менее шестнадцати часов, но более пятнадцати.

Борис считает, что ничего особенного в этом нет.

Опыты с компасом.

Проводились с 13.30 по 14.15. Жара, легкий ветер, освещение яркое. Рост отклонения контура по сравнению с первоначальной величиной:

«Базилика в Базилике» — 20 градусов.

Базилика у колокола — 20 градусов.

Крипта — 25 градусов.

Отклонение «контура» Крипты от N — 45 градусов.

Примечание: завтра полнолуние, возможно, эти отклонения близки к максимальным.

Предложение: поглядеть на Крипту ночью, когда луна будет высоко (после 23.00). Провести также экстрасенсорные наблюдения.

Лука встречает меня радостно. Не сходя с места и не дав мне умыться, наш тюлень принимается читать свое новое произведение. Судя по кислому виду Бурадины, заключаю, что он с очередным опусом тюленя уже ознакомлен.

Выбив три минуты и кружку воды, привожу себя в относительный порядок и отдаюсь в распоряжение Луки. Тот усаживает меня на нашу скамейку у заглохшего источника и приступает.

...Тра-ля-ля-ля-ля, а потом тра-ля-ля, и траля-ля на кушетке и еще траля-траля. Ля!..

Читает тюлень неплохо, с настроением, удачно интонируя в нужных местах. Это уже не какое-то там стихотворение — целая поэма. Жаль, напечатать не придется! Даже ежели самое важное заменить точками, все равно — не выдержит бумага, испепелится. А в общем круто.

Хвалю в меру, предупреждая о необходимой осторожности при обращении с текстом. Нашим дамам сие читать не стоит — этак можно и без экспедиции остаться, разбегутся по всему Крыму. Разве что Ведьме Манон... Впрочем, этим Ведьму не проймешь.

Лука меня успокаивает — поэма нужна ему для обработки дам со стороны. Оказывается, тюлень затеял поход в Урлаг.

Куда?!

Лука, Лука! И в наши лучшие годы ургуйнки были для нас недоступны. Эндогамия — обычай примитивных племен. Согрешивших торжественно съедают в присутствии Великого Бобра — под бубен. Лишь однажды, во времена былинные, наш чудо-богатырь Берлага умыкнул ургуйнку прямо с раскопа, схватил в охапку, успел добежать до Казармы, прежде чем дикое племя настигло смельчака. Преизрядная тогда случилась баталия!.. Впрочем, попытка не пытка, подобные строчки могут сбить с копыт даже этих язычниц...

За самого тюленя я не боюсь — бегаёт он, как ни странно, неплохо, ежели приспичит, конечно. Ладно, Лука, ни пуха! Отведай ургуйтины!

...Ургуйтины, медвежатины, дикаретины — землепроходец, конкистадор, Ермак, Хабаров, Атласов, Кортес, Писарро, Коронадо...

Солнце уже начинает склоняться к западу, жара постепенно переходит в мягкое предвечернее тепло, камни базилик теряют ослепительный дневной цвет, медленно покрываясь серой краской. Лука и Буратино отправились своим обычным маршрутом в Камыши, а мы с Борисом, отоспавшиеся и повеселевшие, сидим за колченогим столом и пьем чай со знаменитой хер-

сонесской мятой, той самой, что растет там... где и было сказано. Чай с мятой — верное свидетельство, что у нас гости. И вправду, рядом с нами сидит Маздон и угощается купленными утром пряниками.

Наш фотограф тих. С нами он обычно не шумит и не проклинает извечных своих врагов — маздонов, проклятых коммунистов, лавочников и начальника отдела кадров Петрова. Это спектакль для посторонних, в нашем кругу Маздон разговаривает на вполне человеческие темы. А что такое человеческая тема для фотографа? Понятное дело, фотографии.

Маздон вздыхает — работать с каждым месяцем труднее. Бумага, пленка, проявитель, фиксаж. Пока добудешь, пока выпросишь... И бумага теперь не та. До войны фотобумагу делали на серебре, а еще раньше на золоте, поэтому старые фотографии живут вечно, сохраняя неповторимый зеленоватый или коричневатый оттенок. А какие тогда были негативы! На стекле, ясное дело. А эмульсия!..

Вспоминаю фотографии, где запечатлен Косцюшко. Маздон бывал в местном фотоархиве и подтверждает — раньше здесь умели снимать. Какая тут была лаборатория! И куда все делось? Теперь в лаборатории здешней и пленку проявлять опасно, вода то и дело кончается. А вещи снимать — это только дома, здесь разучились.

...А ведь через неделю нам уже уезжать! Мысль эта приходит первому Маздону. Неужели уже через неделю? Вторник, пятница, снова вторник... Да, точно! Ну и быстро же дни летят!

...И этот месяц пройдет, и это лето пройдет, и этот Херсонес пройдет — скоро, скоро, навсегда, тенью, ночным болидом, призраком среди желтой травы...

Впрочем, Маздон вспомнил об этом не из сожаления о быстротекущем херсонесском времени. Он думает о более прагматичном — желая уехать пораньше, спешит закончить фотодела. Прежде всего это итоговые фотографии раскопа и, конечно, общая фотогра-

фия экспедиции — все вместе, все рядом. Давняя археологическая традиция, еще с прошлого века. Сколько их здесь хранится в архивных папках! И у меня самого их уже с десяток... Нет, уже, считай, все полтора, если с этой, будущей.

Ничего, Маздон, скоро заканчиваем. Ко Дню Флота будешь свободен, как птица небесная. Можешь уже покупать билет.

Маздон отправляется в очередной фотопоход. Наступает идеальное время для слайдов. Желтая трава, серый камень, голубое небо — все это будет здорово смотреться в осеннюю слякоть, когда свет диапроектора на несколько секунд прорубает окно в навсегда сгнувшее лето.

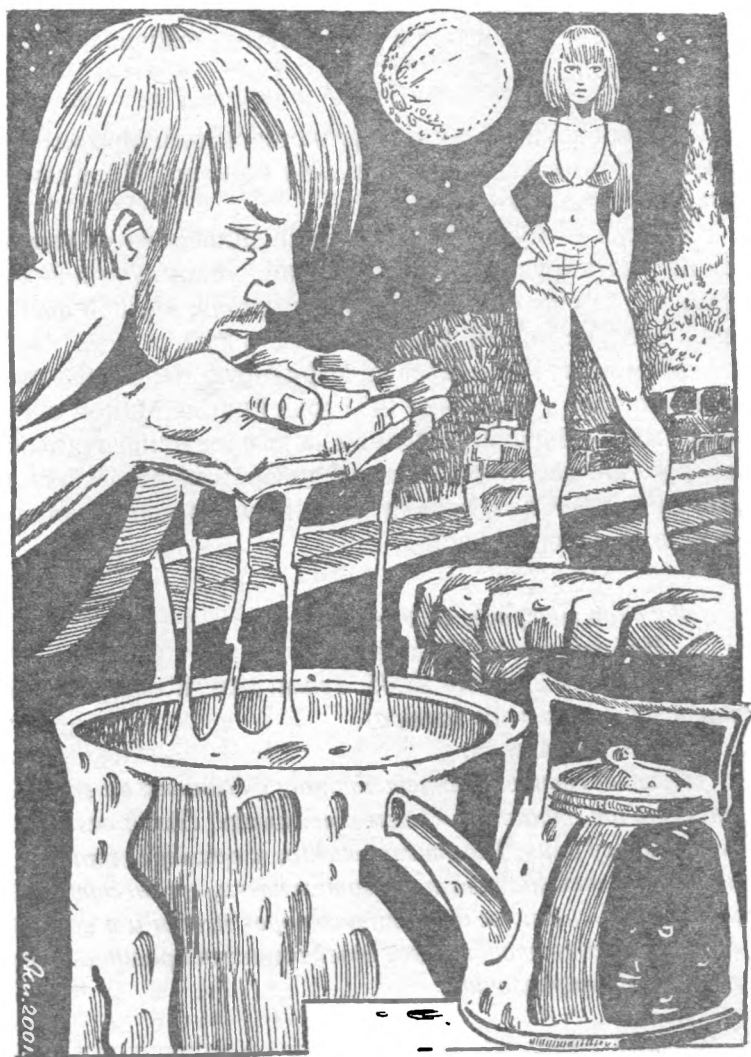
Борис тоже готовится. Он ангажирован не куда-нибудь, а в «волчатник», в логово Акеллы на преферансный матч. «Сочинка» до победного конца. Смотри, Борис, там все-таки волки! Впрочем, бесстрашный химик уверен в себе — университетская преферансная школа не выпускает слабаков.

Мы со Светой сидим на склоне холма в высокой траве, которая здесь не успела еще окончательно высохнуть и пожелтеть. Тихо, очень тихо... Даже не верится, что за холмом — шумный московский лагерь, а в двухстах метрах левее — наша Эстакада. Света вспоминает, что у них на Сахалине полно таких травяных джунглей. А деревья, наоборот, маленькие — те самые, что японцы разводят в цветочных горшках...

Ночь катится дальше. Из глубокого рва, тянущегося вдоль холма, начинает медленно выползать серый туман, наполняя воздух сыростью и холодом. Трудно поверить, что совсем недалеко отсюда — теплая Себаста. Свитер оказался в самый раз!.. Света шепчет, что ей кажется, ей снова кажется, что кто-то за нами наблюдает. Кто-то притаился, совсем рядом, совсем близко, дышит в затылок...

Ну, если наблюдает...

У моря, возле фундамента Уваровской базилики,

становится теплее. Несмотря на поздний час, здесьлюдно, то и дело во мраке мелькают знакомые фигуры, однако неписанный херсонесский кодекс не рекомендует здороваться в такое время суток, сейчас мы все инкогнито...

Ага!

Кемеровские Змеи ползут на пляж, конвоируемые двумя своими кавалерами и... Ну конечно, Толиком-Фантомасом. А это кто?

Голоса — мужской и женский. Далековато, мужской узнать трудно, но вот женский — скрипучий, визгливый, да еще с подвыванием на конце каждой фразы... Быть не может! А с кем? Вот это да!..

Мимо нас, мило беседуя, дефилируют по направлению аккуратно к Базилике 1935 года Ведьма Манон и — надо же! — Буратино. Манон, а как же ненаглядный супруг, что все никак сюда не доберется? Ай да Ведьма! Видишь, Свет, всякая тварь в такую ночь гуляет! А кстати, который час?

Рабочая тетрадь. С. 34—35.

...Наблюдение за Криптой.

Время — с 23.00 по 23.45. Тепло, легкий ветер. Полная луна (полнолуние завтра).

Мои впечатления:

Лунный свет заполняет Крипту с востока на запад, то есть от алтарной части к лестнице. Ниша освещается сверху вниз. Если там стояла, к примеру, статуя, то освещалось вначале лицо, затем плечи, грудь. Эффект мог быть усилен, если в плитах перекрытия и в самом деле имелось световое окно, позволявшее направить свет в нужном направлении.

Борис:

Энергия Крипты очень сильная, вязкая, восходящая куполом над входом. Зафиксирован темный источник энергии в виде цилиндра, а также два пятна в форме «легких» (в районе алтаря).

Примечание: опять экстрасенсорика!

Впечатления С.:

Ей было страшно, причем это чувство, совершенно необъяснимое, появилось, когда мы прошли храм Владимира. С. хотела быстрее вернуться и даже не подошла ко входу в Крипту. Когда мы возвращались, настроение ее сразу улучшилось, она даже удивилась такой своей реакции.

Борис заявил, что собаки, которых около храма Владимира всегда много, обходят место, где находится Крипта.

Примечания: кто этих собак считал?

Предложение: спуститься в Крипту ночью. Для этого нужна страховочная веревка...

По лестнице топают знакомые шаги, вспыхнувшая лампочка озаряет явление тюленя на веранду. Залезаю под спальник с головой и замираю. Все, я сплю, меня нет, я умер...

Вовремя! Лука прямо в брюках и сандалиях валится на матрац, издавая нечто вроде рычания. Спите? — слышится грозный голос, вновь сменяющийся рыком. Спим, Лука, спим... Э-э, нет, беднягу Бориса разбудили-таки эти вопли, он сонным голосом отзывается...

Получив слушателя, Лука высказывается прямо, но энергично по поводу Урлага и ургуюнок. Ах вот оно что! Прелестницы охотно слушали стихи, тюленьи вирши даже чем-то понравились. Увы, поэтический вечер был прерван рейдом, устроенным Большим Бобром. На предложение временно — хотя бы на два часа — эмигрировать неверные ургуйнки лишь посмеялись и помчались в вагончик, чтобы успеть туда раньше грозной начальницы.

Издав очередной рык, тюлень проходится и по моему адресу, упирая на извечную мою зловредность и неблагодарность, после чего задает риторический вопрос о том, где наша южносахалинская гостья.

...Сплю я, дорогой, сплю!

Тюлень, яростно засопев, завершает свой спич обещанием завтра же покинуть неблагодарный Хергород. Домой! А еще лучше — на Крымскую АЭС, на мыс Кантип...

Снова топот на лестнице. Осторожно выглядываю, дабы полюбоваться Буратиной. Тот молчалив и как-то особенно деревянен. После минутного безмолвного размахивания руками он отводит Луку на крыльцо, затем оба возвращаются и дружно вытягивают из-под лежаков рюкзаки.

Неужто и вправду умоляют?

Перед тем как гаснет свет, успеваю заметить на щеке у Буратины свежую царапину — глубокую, широкую.

Длинную...

...Я вдруг понял, на кого похожа Света, — на египетскую статуэтку. Есть такая в Эрмитаже — из слоновой кости. Даже прическа та же. У нее часом в Древнем Египте родственников не было?

...В музейной пыли, на пыльной полке, нелепый инвентарный номерок — издалека, из прошлых веков, из прошлых миров, все такая же, вечная, неменяющаяся, хранящая тепло давно погасших солнц...

Этот старый светильник — улада для глаз.

Для кого ты горел, перед тем как погас?

Слышен голос в ответ: «Много рук меня брали.

Всем, кому я светил, свет не нужен сейчас».

Кирки мирно лежат в тайнике. Сегодня они не нужны, они вообще уже не понадобятся в этом сезоне. Настал час ножей...

...Володя, переходите на южную стену, с этой уже разобрались. Борис, да не ковыряй ты между камнями! Так, так... И хватит! А теперь поскреби ножом. Нормально... Нет, Слава, это не обычай, просто если поскрести, то будет лучше видно на фотографии, каждый камень станет заметным. Ну, кажется, на завтра мож-

но ангажировать Маздона... А между прочим, господа, это почти что финиш!

До финиша действительно уже близко, совсем чуть-чуть. Идет самая нудная работа — зачистка, каждую стеночку, каждый камешек — ножичком, ножичком... А мне придется заниматься кое-чем еще менее приятным. Не хочется, но надо. Ну-с, вспомним рыбий язык...

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 22.

...Описание стены Казармы.

Стена идет параллельно Ю-В стене пом. 60-а, почти впритык к ней. Промежуток размером ок. 0,15 м заполнен землей. Стена имеет высоту (в наиболее сохранившейся части) — 1 м, длину (в пом. 60-а) — 5,5 м. Южная часть стены уходит под Ю-З стену пом. 60-а.

Стена трехслойная, промежуток между фасадами заполнен бутом и мелкими камнями. Стена двухлицевая.

Система кладки постелистая, присутствуют горизонтальные ряды, кладка однорядная, полигональная. Камни прямоугольные и полигональные, форма фасада камней — прямоугольная и полигональная, камни грубо околотые.

Техника кладки псевдоисодомная, местами уступчатая, перевязка слоев и рядов отсутствует, притеска швов неплотная...

Ну вот, Стеночка, описали тебя. Трехслойная ты, двухлицевая... Наверное, мы с тобой больше не встретимся. Жаль, конечно! А вдруг Д. все-таки договорится и мы сможем продолжить? Нет, грех себя иллюзиями тешить... Ничего, переживем и это.

Между тем у Д. на участке дым стоит столбом. Его порядком поредевшая от простуд и тепловых ударов

гвардия приводит водостоки в божеский вид. А что? Ничего, даже красиво. Во всяком случае, вполне прилично.

Д. доволен, но тут же озабоченно сообщает, что на днях к нам может нагрянуть комиссия. Принять работу, а заодно сунуть нос куда надо — и куда совсем не надо. Сибиэса нет, так что придется нам самим докладывать.

Удивил, называется!

Комиссии в Хергороде бывают всякие. С их помощью здесь выжили не одну экспедицию. Так погорели Беляев, Слон, так выдавливают из Херсонеса Бобра, самому Акелле худо приходится. Нами пока никто всерьез не интересуется, ежели, конечно, Стенка их на это не вдохновит. Ладно, прорвемся! Это еще что, три года назад, когда сюда приезжали Слона трусить, у нас даже дневники смотрели. Мой дневник им понравился — там рисунков было много. Рисунки, само собой, первое дело.

Д. обещает учесть и в дальнейшем зарисовывать в дневник все подряд, а заодно передает мне очередное распоряжение Сибиэса. Вождь — прямо с больничной койки — дает указание о ракурсе заключительной съемки.

Смотрим... Ага! Отсюда — сюда, оттуда — туда... А это значит... А это значит, что придется как следует почистить вокруг, дабы в кадр попала не только наша нынешняя работа, но и то, что мы отрыли год назад. Вот и дело на завтра нашлось, как раз закончим.

Д., впрочем, намерен возиться со своими водостоками еще два дня. Вольному воля!

Час ножей подходит к концу, наступает время венников. Сегодня подметим только в основном, так сказать, черновой вариант. Ну и пылица, однако!.. Слава, смотрите, куда метете, мести надо перед собой, а самому пятиться. И не пылите, Борис уже на индейца похож. А у нас, между прочим, воды мало, не умоешься даже!..

...Белым-бело, белый туман, горький туман, горький саван, мертвая плоть мертвого города, потревоженная, разбуженная, злая... В горло, в лицо, в глаза...

Несмотря на повисшую в воздухе белесую пыль, краем глаза замечаю, что к нам кто-то направляется. Та-ак, любопытно. Борис, твори знамение крестное. Вот именно.

Ведьма!

Манон бодро подползает и своим скрипучим голоском желает нам доброго дня. Знаем, знаем, Манон, что вы нам желаете! Борис сейчас как раз толковал что-то о вязанке дров...

Ведьму этим не смутить. Ее не огорчает и сообщение, что раскоп наш надежно освящен. Поблескивая глазками, Манон дает понять, что ее возможности мы явно недооцениваем — но очень скоро сумеем оценить по достоинству. Затем, убедившись, что ее поняли верно, спешит сообщить, что только что видела Луку с Буратиной. Братья-разбойники, груженные рюкзаками, сиделись в автобус...

Ого, выходит, они все-таки уехали! Допекло, значит. Интересно, что это Манон с Буратиной сотворила? Сам ли он физиономией по камням проехался — или его когтями приласкали?

Невозмутимая Манон усмехается и выносит приговор — Луке в Хергороде больше не быть! И не только ему.

Почему-то никто из нас не смеется. Даже не улыбается, не пытается возразить. Ведьма Манон, хотя по ней и костер плачет, плоть от плоти Херсонеса, как и Маздон, как и мы с Борисом. И если она не шутит...

Впрочем, Манон пришла не только за этим. Ведьма просит нашей помощи. Нет, она ее требует. Мы обязаны! Обязаны в интересах экспедиции!..

Ах да, ясно! Ведь скоро посвящение, и мы с Борисом, по мнению Манон, должны все это организовать. Или, по крайней мере, помочь, поскольку в этом году за дело берется именно она — Ведьма.

...Косте-е-е-е-ер!!!

Посвящение — венец любой экспедиции. Желторотых посвящают в археологи, так сказать, инициация и конфирмация одновременно. А посвящают по-разному. Пятнадцать лет назад меня приобщали к археологии глотком вина, смешанного с кровью, — под дикие вопли личного состава, переодетого отчего-то индейцами. Шеф экспедиции сидел на импровизированном троне, давая указание каждому неофиту, сколько глотков тому пить. Мне почему-то досталось всего два — но за столом все наверстали. Тогда мы копали в Сухой Гамольше. Первая экспедиция, самая-самая первая...

...Сухая Гамольша, мокрая Гамольша, палатки среди болот, сабля в старой могиле, сердоликовые бусины на вспаханной земле, дождь с утра, дождь с вечера, сегодня, вчера, завтра, всегда. Сухая Гамольша, мокрая Гамольша...

Когда десять лет назад мы приехали в Херсонес со Старым Кадеем и готовили первое посвящение, авторами сценария были мы с Лукой. Тюлень предложил самое простое: херсонесские боги встречают неофитов в нашей «Базилике в Базилике», задают приличествующие событию вопросы — после чего и посвящают. В те первые годы, когда все это нам было еще интересно, посвящения наши гремели, смотреть их сбегались не только коллеги из соседних экспедиций, но и половина пляжа. Боги были закутаны в простыни за неимением хитонов, фаросов и гиматиев, а Лука, оказавшийся не кем-нибудь, а самим Зевсом, щеголял в плаще из блестящей фольги. Неофиты-посвящаемые кланялись низко, дружно пели и плясали, а под конец даже устроили бой гладиаторов, щедро размазывая по физиономиям припрятанную в ладонях краску. А потом все читали написанную Лукой присягу, обещая не предать Херсонес и снова приехать сюда...

Сейчас здесь осталось только пятеро из тех, кто был на том посвящении: мы с Лукой, Маздон, Сиби-

эс — и Д., который тогда складно пел частушки и отбивал цыганочку. Спел бы он и сейчас, что ли?

...То не молнии блещут и не гром играет — это харьковский отряд Гнуса убивает. Опа! Опа! Зеленая ограда!..

А то, что в последние годы называют посвящением, выглядит, признаться, довольно бледно. И боги пошли какие-то не те, и посвящаемые на мечах уже не бьются. Нельзя же десять лет подряд обкатывать все тот же сценарий! Вот в Северном Крыму в прошлом году на посвящении устроили налет скифской конницы — на совхозных лошадях. Девиц арканами вязали, начальника раскопа в жертву богам определили...

Манон не зря печется о посвящении. В последние годы она регулярно претендует на роль небесной покровительницы Херсонеса — богини Девы. Хороша Дева, костер по ней плачет! И сейчас Манон настаивает — нужно обновить сценарий, мы обязаны помочь!..

В конце концов Борис не выдерживает и соглашается. Ведьма расцветает и обещает сегодня же собрать производственное совещание.

Рабочая тетрадь. С. 35.

...Борис. Теория «ламп».

Если внимательно посмотреть на Крипту сверху, то можно увидеть, что она напоминает гигантскую лампу, а точнее — вакуумный триод.

Если лестница (вход) служит катодом, то алтарь — анодом. Положительный коридор между ними соответствует электрическому току.

Есть основание предполагать, что Крипта была перекрыта раньше плитами с открывающимся люком, в который проникал свет. Именно эта конструкция и служила сеткой, пропускавшей лунный свет в определенные периоды.

Исходя из этой теории можно предположить, что темные области (сгустки энергии, виденные Борисом

возле алтаря) — области антистоксовой части поля, энергетическая тень. Как и все области, бедные энергией, эти пятна ее поглощают.

Комментарий: мудрено что-то! Такая «подпитка» лунным светом возможна, только если Кримта находилась под открытым небом, то есть до строительства базилики над нею, возможно — в дохристианский период своего существования, однако это пока гипотетично. Требуется тщательное обследование Кримты, в том числе изучение строительных периодов и их хронологии...

Лука и Буратино действительно уехали. За обедом Маздон сообщает, что беседовал с беглецами. Как и было обещано, направились они на Казантип. Луку срочно вызывают на АЭС для консультаций. Якобы...

Делать ничего не хочется, на пляж не тянет, к тому же снова начинаю чувствовать, где у человека расположено сердце. В таких случаях лучше всего брякнуться на спальник и упереть глаза в потолок. Можно вдобавок сжевать валидолину — так еще лучше.

Ладно, тайм-аут.

...Вот и посвящение на носу, все, в общем, идет к финишу, наступают самые глупые дни, когда все выкопано, оружие, наши кирки-лопаты, сдано и можно от всей души сходить с ума. Интересно, как это Лука, весь сезон не работая, ручек белых не замарав, умудрился отделаться только легкой формой помешательства? Впрочем, когда дела нет, его придумывают.

Борис, слушай, а ведь мы хотели с тобой сбежать на Мангуп, правда? Нет, к завтраму я вполне оклемаюсь, а к субботе, как отосплюсь, буду в полной форме. Так что, в субботу и рванем?

Мангуп, Мангуп, сердце Крыма, заколдованное место! Когда-то я даже хотел там копнуть... А Борис там еще не бывал. И в Южно-Сахалинске, между прочим, пещерных городов тоже нет...

Рабочая тетрадь. С. 36.

...Три недели работы экспедиции. Раскопки закончены, план выполнен. Лука — увы!

Мангуп. Поглядеть:

1. Главная базилика.

2. Пристенные казематы в южной части города.

Проверить наличие «контура». Не забыть оба компаса!..

Дверь гремит, и на пороге вырастает Стеллерова Корова. В комнате мгновенно темнеет и становится как-то тесно. Вслед за Коровой просачивается Ведьма. Свят, свят Саваоф!.. Борис, это по твою душу.

Грозная парочка тут же подтверждает, что они пришли именно за этим. Впрочем, они не откажутся и от моей души. Должен ведь я помочь в таком деле, как подготовка посвящения, ежели, конечно, я патриот экспедиции.

Я, конечно, патриот — насколько возможно в наших условиях, естественно. Но ведь посвящение готовят, и сие железная традиция, сами посвящаемые, иначе что это за обряд?

Получив обвинение в лени и зазнайстве, умолкаю. Конечно, если наша молодежь устроит все сама, захочет ли она видеть богиню Деву в прежней ипостаси? Да и впишет ли Корову в число богинь, куда та явно стремится? Интересно, какой это богиней желает стать наша Корова?

...Не Эллада — Египет, Кеми, Черная Земля. Корова-Хатор, супруга Аписа, ступающая мощно, ступающая горделиво, в ее рогах солнце, на ее хвосте луна. Божественная Корова — да живет она вечно-вековечно!..

Бориса уведат, и я получаю завидную возможность смотреть в потолок без помех. Скучать мне, однако, не дают — размахивая нунчаками, влетает Женька, Сенаторов сын, и засыпает меня вопросами.

...Куда это повели Бориса и не надо ли его выру-

чать? Не пора ли сложить костер для Ведьмы? Где Лука и как его скорее найти?

Объясняю представителю молодого поколения, что Борису уже ничем не поможешь, а о костре же следовало заботиться заблаговременно. Что касается Луки, то тюлень уплыл на Казантип, во всяком случае, ежели ему верить. А что, собственно, случилось?

Женька блестит глазами, предвкушая, что сможет сообщить новость, мне еще неизвестную. Ну конечно, свежий номер «Херсонесише беобахтер», экстренный выпуск. Читайте, дрожите!

...Лучшая в мире газета, лучшая в мире газета, лучшая в мире газета, лучшая в мире газета!..

Что, опять про «вертолет»?

Отнюдь — но ничем не хуже. Оказывается, Лука, совершая в первый день великие подвиги по добыче простыней-матрацев, взял все это добро не где-нибудь, а в Урлаге. Взял под честное слово на два дня, да еще якобы по поручению самого Д. Ургуяне, ясное дело, свое добро назад не получили, в конце концов история достигла ушей Большого Бобра...

Ой!

Матрацы — это святое. А уж простыни!.. Ну, быть грозе!

Быть! Лука, останься он здесь, сумел бы всех охмурить, но теперь случится то, что назначено судьбой. Ничего, Женька, думаю, война из-за матрацев не начнется, в крайнем случае, тебя поставим впереди войска. С нунчаками. Ты же у нас ниндзя!..

Как ни странно, но намечающийся Армагеддон с Урлагом приводит в хорошее настроение. Что-то в этом есть — матрачные войны, крестовый поход за парой простыней, великая битва за пляжные лежаки... А ведь взрослые люди, доктора наук, кандидаты, мэтры, можно сказать. В Херсонесе все меняются...

...За ломаный гвоздь, за кривой гвоздь, за гвоздь без шляпки — удавятся, удавят, удушат, умучат, утопят...

...Если допустить:

— что Крипта построена на месте языческого святилища,

— что это святилище сознательно выстроено в центре магнитной аномалии,

— что это святилище было тайным.

Тогда очевидно:

1. В святилище могла храниться какая-то святыня.

2. Там проводились обряды, в том числе ночью, при лунном свете, позволявшем создать соответствующий визуальный эффект.

В этом случае расположение Подземного храма совершенно логично. Он был спрятан в самом центре города во дворе какого-то общественного здания, среди хозяйственных построек. Вход мог быть закрыт, к примеру, деревянным щитом, который снимался перед обрядом. Менее всего гипотетический враг решился бы искать тайник в таком месте — рядом с Главной улицей, на виду, где постоянно бывают люди.

В тайнике могли храниться городские святыни (по Луке — Символ Фаллический).

Христиане вполне сознательно превратили тайное языческое святилище в Крипту, где могли похоронить своих мучеников за веру, например, кого-нибудь из погибших епископов херсонесских («погребальная» ниша справа)...

По случаю отъезда братьев-разбойников Света становится смелее, и мне удастся заманить ее на Веранду. Там абсолютно пусто и можно спокойно выпить чай, а заодно и слопать случайно уцелевшую банку консервов с остатками хлеба. В конце концов, это даже можно назвать ужином.

Свеча в бутылке горит, вечерние сумерки липнут к стеклам, можно никуда не ходить, а мирно устраиваться на лежаках — вон их сколько! — и делать что угод-

но. Или ничего не делать, что тоже неплохо. В конце концов, можно уместиться и на одном лежаке, благо херсонесский паек не располагает к ожирению...

Свет, а ты никогда не бывала на Мангупе?

Стемнело, свеча начинает агонизировать, рядом, у скал, негромко бормочет прибой, цикады вновь проводят спевку.

...Некуда спешить, незачем бежать, наша маленькая Вечность, наш маленький мир, от окна до окна, от Вчера до Завтра, не о чем спорить, незачем спорить, нечем считаться...

Дверь распахивается, умирающий отблеск свечи падает на внушительную фигуру с неизменной полевой сумкой на боку. Ну, это уже совсем диво, в это время Д. должен давно спать, у него ведь режим!

Д. сейчас не до режима — слишком озабочен. Свету он, во всяком случае, не замечает, пока я не усаживаю начальство на лежак и не предлагаю чаю. Тут только он оглядывается кругом, начиная что-то сообщать, и поспешно здоровается..

...Он, конечно, очень извиняется. В некотором роде помешал...

Давно не видел, чтобы Д. смущался! Не то чтобы сильно, но все-таки...

...Но, понимаешь, тут такое дело... Нехорошее...

Знаю, знаю, о каком деле ты мне расскажешь! Но не будем спешить, послушаем с самого начала.

Так я и думал! За эти несколько часов матрацная эпопея стала приобретать грозный оборот. Бобер рвет и мечет, призывает на наши головы все казни египетские и, что самое обидное, обвиняет во всем ничего не подозревавшего Д. Ведь именно на него ссылался зловредный тюлень!

Успокоить Д. нелегко. Таким я его давно не видел, куда только девалось его обычное хладнокровие, тут перед ним и Старый Маздон спасовал бы!

Матрацы! Подумать только, целых четыре матраца, старых, порванных... Нам не простят. И через год по-

минать станут, и через пять лет, и через десять. Черное пятно на экспедиции...

Выпустив пар, Д. переходит к деловой части. Завтра утром к нам забегут урлаговцы — по искомым матрацы. Само собой, похищенное придется отдать. А с Лукой он сам разберется!

А что, Д. — мужик здоровый и в хорошей форме!

...В ухо плюху, в глаз — р-р-раз! Потом в торец — и Луке амбец...

Ну, быть посему. Пусть Урлаг прибегает, отдадим. Капище устилать...

Появляется Борис, вернувшийся победителем из очередного «пулевого» сражения с Акелловой стаей, и мы проводим краткое совещание. Резолюция состоит из двух пунктов: в субботу втроем сбегает на Мангуп — проходит единогласно. И ввиду сложнейших житейских обстоятельств оставить Свету ночевать здесь. Проходит при одной воздержавшейся — Свете, и также принимается. Благо подушки-матрацы у нас еще не отобрали.

Интересно, а где сейчас братья-разбойники? Луке этим вечером здорово икалось!..

Рабочая тетрадь. С. 37.

...Крипта.

Время — с 23.15 по 23.45. Спуск.

Задание: спуститься вниз, пройти от входа к алтарю, постоять там, вернуться.

Впечатления несколько неожиданные. В Крипте бывать приходилось неоднократно (днем), и никаких особых ощущений не было. Теперь же:

— Легкий звон в ушах.

— Нечто, напоминающее сопротивление воздуха. Во всяком случае, пройти десять шагов оказалось неожиданно трудно.

— В алтаре — легкость, прилив сил.

Борис добавляет:

Ощущение сильной энергии, проходящей от ног до затылка и заполняющей все тело. Когда приближаешься к алтарю, появляется непонятное желание. Взлететь? Пройти сквозь камень?

Я: все эти наблюдения носят исключительно субъективный характер. Мы были мысленно готовы к чему-то подобному. Обстановка способствовала: ночь, древнее святилище, лунный свет.

Борис: прежние хозяева святилища тоже были готовы к чему-то подобному, и на них так же действовала обстановка. Энергетическое поле («лампа») повышает чувствительность и создает необходимый «фон». Лица с неустойчивой психикой могли начать пророчествовать, у них усиливались способности к ясновидению. Пример: пифии в Дельфах.

Я: на этом следует остановиться. Все, что могли, мы уже узнали. В дальнейшем, если представится возможность:

- 1. Крипту полностью очистить от мусора.*
- 2. Пригласить архитектора, снять план, изучить последовательность строительных периодов.*
- 3. Поискать аналогии подобных сооружений и, если удастся, обрядов.*
- 4. Использовать более совершенные приборы (магнитометр?)...*

Этот город предателей, плутов, лжецов
С четырех подожен был когда-то концов.
На руинах теперь — новых грешников стадо.
И, конечно, не лучше своих праотцов.

Последний день на раскопе, как и первый, состоит из множества больших и малых ритуалов. Прежде всего — пригласить Маздона. Затем собрать из всех тайников инструменты, чтобы не оставлять туристам лишних сувениров, сделать в дневнике заключительную запись, сфотографировать раскоп. И сняться всем вместе — напоследок.

...Станем призраками, пятнами на эмульсии, тени-
ми среди теней, камнями среди камней, отпечатки па-
мяти, отпечатки Вечности...

Дневник

*археологических раскопок Портового района Херсоне-
са. 1990 г.*

Лист 24.

*...Производили зачистку под фотографирование пом.
61. Целью являлось фотографирование остатков стены
Казармы в пом. 60-а. В 11.00 работы по зачистке пом. 61
были завершены. В 11.30 стена Казармы была сфотогра-
фирована фотографом экспедиции...*

Ну что, Маздон, нормально, травка не мешает?
Ага, Слава, вот тот будяк, будьте добры... И не свали-
тесь в последний день! Борис, Володя, весь инстру-
мент наверх. Весь, весь... Из-под кустов все забрали?
Борис, под твою ответственность. Мне оставьте веник.
Так, цифры есть...

Маздон, командуй!

Сандалии прочь — обувь оставляет слишком замет-
ные следы. Ну-ка, веничком в последний раз... Кто тут
окурочек оставил, а? Борис, Борис!.. Маздон, погляди,
годится? Куда мне, вылезать или прятаться? Ладно,
тогда я под стенку...

Настал час Маздона. Ему нужно поймать в объек-
тив работу двух наших последних лет — открытую
нами Стену сразу в двух помещениях. Лучше всего, ко-
нечно, снимать с вертолета — или, в крайнем случае, с
подъемного крана... Ничего, Маздон справится и так.

Снимок... Еще один — контрольный. Впрочем, у
нашего фотографа сбоев не бывало. Ну хорошо, теперь
займемся помещением. Это уже полегче. Маздон, куда
рейку класть? Нет, ты сам мне скажи, ты тут спец...

А у Д. еще на денек работы. Лунный пейзаж на
месте улицы приобретает более-менее законченный

вид, но еще чистить, чистить... А его кадры и пол в сарае подметают скверно. Птеродактиля бы сюда, да только где его теперь найдешь?

Все! Дело сделано, и Маздон отправляется к соседям гнать всех в кучу — впереди общая фотография.

Камни снимать легче, чем нашу ораву. Поди собери всех! Всех и не соберем: Сибиэс до сих пор в больнице, братья-разбойники покоряют Казантип, кое-кто из желторотых уже успел отпроситься домой. О. тоже нет, видать, мужу обед готовит.

Маздон торопит — солнце печет, хочется закончить все поскорее. Из сарая подтягиваются тыловики. Ну, если Стеллерова Корова пришла, можно начинать.

Последняя фотография... Сколько их уже было! Меняются лица, меняется фон, но порядок размещения сохраняется прежний, чуть ли не со времен Косцюшки. Начальнику место в первом ряду посередине, ему положено стоять. Сибиэса нет, и место по праву принадлежит Д. Слева и справа — заместители. Их окружает толпа, причем наиболее выдающиеся особи имеют право как-то выделиться, например лечь на землю или залезть на ближайшую стенку.

Последние годы я не пользуюсь своей законной привилегией, не занимаю центровое место рядом с командиром. Располагаюсь сзади, поодаль. В этом тоже есть смысл.

Сейчас, Маздон, только на стенку заберусь...

Первые ряды, дружно обступившие Д., это уже его гвардия, его будущая экспедиция. Мы с Борисом сзади и чуть в стороне — уже прошлое... В последний момент Володя и Слава становятся рядом, и весь наш раскоп выстраивается шеренгой на фоне серых известняковых камней.

Ну что, замрем?

...Навсегда, навсегда, навсегда, прощай навсегда, серые камни, желтая трава, этот сумасшедший год, прощайте, навсегда, навсегда...

Замерли. Маздон щелкает затвором объектива. Раз. Другой. Третий...

Все.

Можем расходиться, дело сделано. Мы уже там, на пленке, в долгом ряду экспедиционных фотографий, которые, желтея и темнея, уходят навечно в глубь херсонесского архива. Мы навсегда остались в этом жарком лете, у осыпающихся стен раскопанной нами Казармы. Это уже случилось. Этого уже не будет никогда...

Конечно, до севастопольского вокзала и прощальной «Славянки» московского поезда осталось немало, но фотография — граница, и то, что осталось за этой границей — уже история. Наша маленькая скучная херсонесская история...

Слава подгоняет тачку, мы грузим инструменты. Кирку можно отдать, пусть помашут напоследок, желторотики. Борис, Володя, пройдитеесь-ка по участку! И в раскоп загляните, а то мы вечно ножи прячем между камнями... Что, все? Действительно все? Ну тогда, Слава, гоните тачку к сараям. Борис, не жди меня, мне еще тут кое-что осталось сделать. Чай пока завари... Я скоро.

...Ну-ка, пройдемся еще раз. Да, вроде все. Стенки описаны, чертежники могут снимать профили, но они тут и без нас управятся. Ладно, теперь будет время заняться находками. И в архив не мешало бы разок заглянуть... Но, в общем, все, откопали, отработали... Ладно, где тут дневник? Что там полагается писать в конце?..

Дневник

археологических раскопок Портового района Херсонеса. 1990 г.

Лист 24.

... На этом работы сезона 1990 года на месте пом. 60-а и 61 средневековой усадьбы № 9 завершились...

Да. Завершились...

На участке уже пусто — все помчались на обед, улеглась ставшая столь привычной сероватая пыль. Тихо... Ровные ряды полуразобранных стен, желтая высохшая трава, на привычные места снова начинают слетаться распуганные три недели назад чайки.

...Разрушили, разбили, разломали, расколотили, разбросали, Чингис-ханы, Едигеи, Шлиمانы, вскрыватели могил, рады, счастливы, довольны...

Можно уходить.

Рабочая тетрадь. С. 38.

...Казарма.

Итоги работы:

1. Доказано существование «первой» Казармы, постройки эллинистического времени, предположительно III века до н. э.

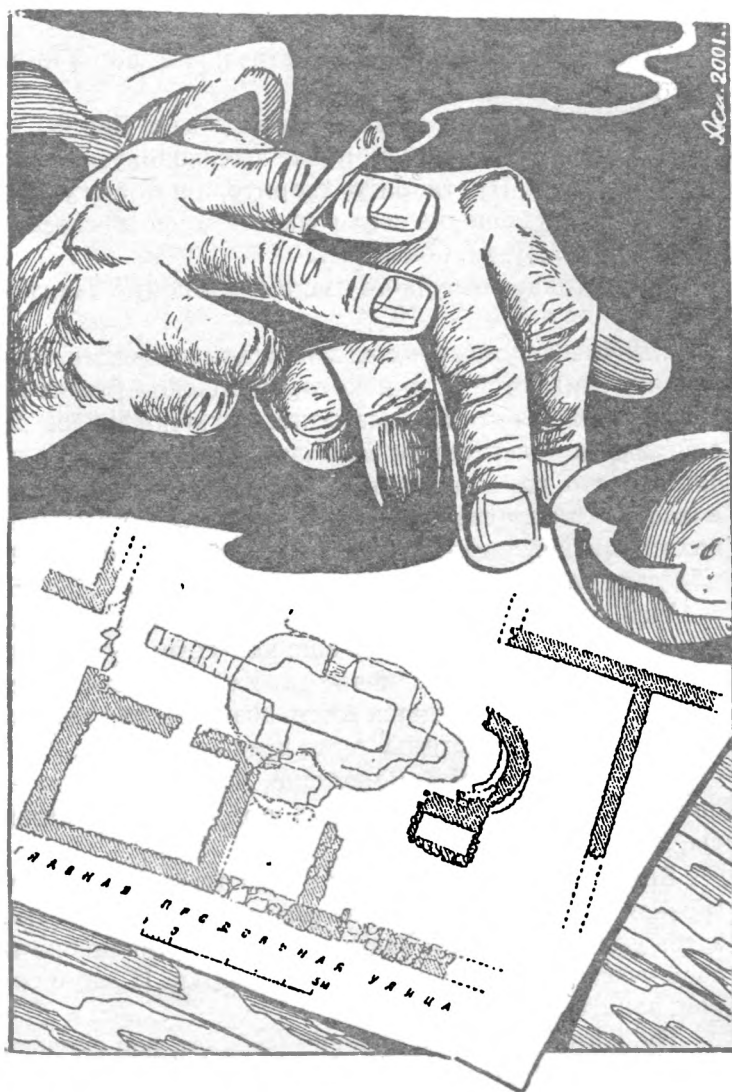
2. Наиболее достоверное предположение относительно его назначения — общественное здание, связанное с торговлей (биржа или таможня).

3. Тип здания — базилика.

4. Очень предположительно определено место, где могли находиться входы (ворота), а также наличие еще одного ряда помещений в западной части здания.

Перспективы окончания работы: существующими темпами открытую часть Казармы (не считая ее гипотетической западной части) придется копать еще 9—10 лет...

Короткий забег на пляж, чай с мятой — и можно поспать. В общем-то, теперь можно делать все, что угодно, или не делать ничего. Я предпочитаю второе, Борис же, не поспав и часа, начинает проявлять активность. Ах да, ему же надо к Ведьме! Посвящение намечено на завтра, а еще ничего не готово. Ну, это у нас почти всегда так. Ладно, курнем и побредем на Эстакаду. Выйдем, так сказать, в свет.

У Эстакады полно народу. Как всегда, очередная смена вкушает из кастрюли нечто дымящееся.

Едят.

Приятного, стало быть, аппетита! Ага, вот и инициативная группа...

Ведьма Манон с клетотом ухватывает Бориса за руку, Корова — за другую, после чего волокут его куда-то за бугор. Ну, творите, творите, а я посижу, как встарь, на Эстакаде, на своем законном месте, слева, у самого края. Ну-ка, подымим...

О. возникает откуда-то сзади и спокойно садится рядом...

...Личный состав все еще занят своими делами, а ко мне приближается Д., с некоторой опаской глядит на нас. О. исчезает так же незаметно, как и появилась, Д. с видимым облегчением вздыхает, усаживается на то самое место, где она сидела... Начальник по-прежнему невесел. Спешу его успокоить — матрацный кризис ликвидирован, ургюане забрали свое законное, войны не будет, на инциденте можно ставить крест.

Увы, крест не ставится. Оказывается, Лука, добрая душа, ссудил пару матрацев еще кое-кому, чуть ли не за пределами нашей экспедиции. Уж не кемеровским ли Змеям часом? Придется ждать возвращения тюленя для установления истины. А это все очень плохо...

Конечно, плохо! Хорошо еще, Лука простыню не позаимствовал, нас бы за это точно со свету сжили. Ох, коммуналка!

Впрочем, Д. озабочен не только этим. К счастью, грозная комиссия пока откладывается и, кажется, нас здесь уже не застанет. Завтра к полудню он закончит свой участок, а к часу надо сдать находки. И, само собой, заняться инструментом.

Ну, с инструментом проблем не будет, вон сколько орлов вокруг! Почистят, покрасят, отволокут куда надо. А в фонды нам сдавать считай что нечего, ничего приличного и не нашли. То ли дело было когда-то!..

Д. соглашается. Когда-то! Когда-то и вправду...

Разговор переползает на грядущее посвящение, мы вспоминаем, как Д. отплясывал цыганочку, и констатируем, что посвящения в прежние годы были не в пример нынешним...

И вода была мокрее...

Слухом земля полнится. Поистине, наш «беобахтер» — лучшая газета. Д. уже знает, что мы собрались на Мангуп (откуда, интересно?), интересуется маршрутом...

Так пошли вместе!

На мгновение у Д. появляется столь редкое для него мечтательное выражение. Мангуп! Это да, это стоит. Но вот жена, надо с ней поговорить, дела опять же...

Д. разводит крепкими руками, зачем-то поправляет командирскую сумку...

Ясно!

Бориса все никак не отпускают, и я, оставив его в творческих конвульсиях, бреду обратно. В последний раз оглянувшись, замечаю, что за обеденным столом устраивается очередная смена. О. сидит рядышком с будущим аспирантом, тот улыбается и наворачивает суп из миски.

Едят...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 21—22.

4. Гибель античного Причерноморья.

Агония римской «морской» границы и одновременно конец эпохи относительного благополучия греческих городов побережья наступили неожиданно, обвально. Вину за это можно возложить, как представляется на первый взгляд, на целиком случайное обстоятельство — переселение воинственных готов, объединивших вокруг себя причерноморских «варваров» и начавших набеги на Империю. Однако признаки неблагополучия проявлялись и ранее. Хотя на протяжении II — начала III веков греческие города Боспора и римской «морской» границы не испытывали особых экономических и политических за-

труднений, однако симптоматично то, что они заметно «теряли лицо». Это несколько неопределенное, но понятное явление проявлялось по-разному. Города, бывшие когда-то центрами эллинской цивилизации, заметно «варваризировались». Не устоял даже дорийский Херсонес, где теперь жили не только переселенцы из восточных районов Империи, но и «варвары»-сарматы. В еще большей степени это касалось городов Боспора и Ольвии...

Света утром съездила на рынок, и теперь у нас имеется неплохой запас вишен. А чай с вишнями ничем не хуже мятного, в чем мы быстро с ней убеждаемся.

Наконец-то появляется Борис, с порога сетующий на полное равнодушие будущих посвящаемых. С такими и Хичкок не поможет... Ясное дело, Борис, не поможет, пусть уж Манон вдвоем с Коровай суетятся, ежели им так приспичило.

...Интересно, все же в какие это богини метит Стеллерова Корова?

Чай уже почти выпит, когда в дверь стучат, и у нас в гостях оказывается Андрей. Ленинградец грустен — он зашел проститься. Уезжать приходится раньше, чем думалось. Из-за Гнуса, конечно. Его Величество изволил разгневаться и пообещать, что больше Андрея в Хергород не пустит. Вот так... Саша пока остается, но он тоже, видать, здесь в последний раз. Да, уходим... И останутся на пепелище Гнус с Ведьмой и Стеллерова Корова. И, конечно, Д., так сказать, здоровое начало...

...Уходим, уходим, навсегда, в херсонесское прошлое, в херсонесские легенды, в херсонесское забвение, в херсонесскую пыль. Не вспомнят, не позовут, не окликнут. Мертвый город, мертвая память...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 23.

...В самом этом процессе нет вроде бы ничего плохого, если, конечно, не настаивать на преимуществе одной

цивилизации над другой. Без сомнения, сарматизированная культура позднего Боспора не менее интересна (и по своему даже более оригинальна), чем цивилизация периода эллинского расцвета. Но вместе с греческим «лицом» города теряли то, что помогало им выжить много веков во враждебном окружении — патриотизм, чувство сплоченности и, в конечном итоге, смысл защиты своей самости. «Варваризированное» население постепенно приобретало вполне космополитическую ментальность, что неизбежно вело к потере элементарного инстинкта самосохранения...

Соседи, те, что расселились по сараям, сегодня куда-то исчезли, и вот, пожалуйста, вновь объявился барабашка, тот самый, что беседовал с нами в первые дни по приезду.

...Стук... стук... стук... По деревянному ставню, по старому дому, по мертвому городу — тихо, упорно, упорно, нахально... Стук... стук... стук...

Ну что стучишь? Стучи, стучи... А скажи-ка нам, хорошо ли сейчас Луке гуляется? Да? Нет?

Ответ какой-то странный — дробное мелкое постукивание, словно нежить смеется. Ну-ну... А я еще приеду в Херсонес?

Да, стучит барабашка. Да, да, да...

Скоро?

Нет, не скоро. Через год? Через два?

Не отвечает — вновь смеется, видать, знает что-то. Ну смейся, смейся, демон. А в Южно-Сахалинск я когда-нибудь попаду?

Нет, сухо и коротко телеграфирует нежить.

Ясно... А Крипта? Мы что-нибудь узнаем, что-нибудь поймем? Да? Нет?

Вновь стучит барабашка, но уже что-то свое. Прервал контакт, не дозваться.

...Поднявшийся ветер качает ветки высокой вишни у дома, одна из ветвей бьется о ставень. Стучи, стучи, барабашка!..

Сегодня нет туч. Солнце, тускнея и вырастая на глазах, медленно сползает куда-то в сторону румынского берега. Мы бредем со Светой вдоль пустеющего пляжа, смотрим на розовые колонны, которые с минуты на минуту вновь станут серыми и утонут в катящихся из-за собора сумерках. Но пока они розовые, и море, древнее, вечное море, покрыто перламутровой пленкой. Такого не может быть, правда, Свет? Таких красок не бывает, нам не поверят, если расскажем... Смотри, сейчас солнце нырнет в воду и станет куполом. Сиреневый купол над перламутром...

...Прощай, солнце, бешеное, горячее, горящее, вечное, языческое. Ночь, снова ночь, ночь мертвого города, ночь Мертвой страны... Рука в руке, пальцы касаются пальцев...

Бродим пустыми безлюдными улицами, мимо базилик Северного берега, мимо Восточного обрыва, под которым зловеще шевелятся волны, с высокой горки лицезреем притушенные огни Урлага. Никуда не торопимся, на душе тихо. В небе все ярче разгораются созвездия, между звезд то и дело маленькими острыми молниями мелькают Персиды, остается только загадывать желание. Но что загадать? Чтобы все это повторилось, чтобы так же горело над головой созвездие Пса, хрустела под ногами серая херсонесская пыль? Но ничто не повторится, не вернется, вечен лишь этот древний город, а мы лишь пассажиры, очередная смена. Мы уйдем, появится еще кто-то, а Херсонес останется — и после меня, и после того, кто придет мне на смену...

Света счастливее, чем я. Она что-то загадывает, улыбается, зачем-то снимает очки...

...Почему ты здесь, чужачка? Какой ветер тебя принес, чужачка? Кто тебя сюда пустил, чужачка? Что я буду делать без тебя, чужачка?..

На Веранде свет, и дурное предчувствие охватывает нас. Не Лука ли? Света замирает у крыльца, не желая

подниматься без разведки. Что ж, разведка всегда готова, однако уже у самой двери понимаю, что не тюленем тут пахнет, не его это скрипучий голосишко. Но уж лучше Лука...

...Да-с, да-с, добрый вечер! Ну конечно, Борис все в той же компании. Манон с Коровой разложили на лежаке, не на моем, к счастью, какие-то бумаги, обсуждают, Немировичи-Данченки... Заходи, Свет, тут не страшно!

Ведьма встречает Свету добрым и ласковым взором. Света-то чем тебе, Манон, не угодила? Корова, простая душа, долго открывает рот, пытаюсь что-то сообразить, не иначе, по поводу планируемого отъезда Луки на Сахалин. То-то будет работы «беобахтеру»!

Ну что, Борис, как дела сценарные?

Наш химик только начинает разъяснять значение образа Маленького Зеленого Камнеёда в задуманной церемонии...

Я — Зеленый Камнеёд, от меня три тыщи бед...

...как дамы, сославшись на нежелание нам мешать, откланиваются. Эка спешат, не иначе, в редакцию!.. А знаешь, Свет, самое интересное, что «беобахтер» об этом писать не станет. Мне, честно говоря, все равно, Гусеницей я еще не обзавелся, но о нас никто говорить не будет, а вот Луке не отмазаться от Сахалина до конца дней. А бог весть почему. Наверное, здесь любят только те новости, которые посолоней, а когда все нормально, по-человечески, это никого не интересует...

Ну что, Борис, чай там еще остался?

Рабочая тетрадь. С. 39.

...Крипта.

22.50. Борис предлагает повторить вчерашний опыт. Не вижу смысла. Борис заявляет, что повторит его сам, а для подстраховки возьмет «кого-то».

Интересно кого?..

Будильник можно не тревожить. Утром спешить некуда, можно спать от души, Веранда зияет пустыми лежаками, соседи в сараях и вагончиках — и те куда-то исчезли. Без матрацев, унесенных злыми ургуянами, жестковато, но для Светы находится надувной матрац и спальник, а я вполне обхожусь одеялом, тем самым, на котором так сладко спалось у ночного костра.

Общий снимок — подводим работе итог.
Наш фотограф сегодня серьезен и строг.
Мы застыли: «Снимаю!» Щелчок, словно выстрел.
Нашей маленькой вечности пройден порог.

Солнце давно встало, мы проспали не только восход, но и завтрак. Что будем, кофе или чай? Кофе, между прочим, на исходе... Ладно, кофе так кофе, но остаток я спрячу — на завтрашнее утро, когда на Мангуп идти. Ну, кто куда?

Бориса тянет на пляж, Света решает составить ему компанию, а затем нанести визит на здешний рынок. Крымские фрукты для уроженки Сахалина — тоже экзотика. Правда, нитраты — еще большая экзотика, так что ранние яблоки покупать не советую, их шприцем колют. Этакие бройлеры! Ну а я пошел. Как это куда, на раскоп, само собой. Да, Свет, на базаре есть автостанция, так что взгляни, когда завтра первый автобус на Терновку... Не забудешь? Тернов-ка. Песня есть такая — «~~Ц~~вйтэ тэрэн». Да, конечно, у вас там, наверное, поют «Цвитэ сакура».

Над моей ямой тишина, и чайки неторопливо бродят по стенам. А вот на улице, где вкалывает команда Д., работа кипит, мелькают веники, клубы серой пыли поднимаются прямо в небеса. По случаю последнего дня работы Д. нагнал сюда чуть ли не весь личный состав, и теперь все это несколько напоминает строительство Большого Ферганского канала. Да, неплохо, неплохо! Еще часок — и можно звать Маздона.

Д. полон энергии. Он не терял времени даром — за эти дни поговорил с Балалаенко, с Гнусом, со всеми тремя заместителями директора и даже с самим дирек-

тором, хотя директору что Казарма, что цистерна. В конце концов Д. сумел договориться — или почти договориться...

...Консенсус таков: копаем вместе, а подписывать будут Балалаенко, Гнус, кто-то из заместителей директора. И мы, само собой. При условии, конечно, что у Гнуса следующим летом не будет достаточно людей. А вот если люди у Его Величества будут, мы, само собой, отпадаем...

А ты, Д., добрая душа! Это «мы» — очаровательно. Что же ты все в сторону смотришь, а? Такие совместные отчеты, и это известно нам обоим, подписывает только начальник экспедиции, так что мне подписывать будет нечего. А в будущей твоей экспедиции двоевластия ты не потерпишь, так что...

...Я тебя знаю, фельдфебель, я тебе не нужен, фельдфебель, ты меня не возьмешь, фельдфебель, я ломаю строй, фельдфебель, мы из разных эпох, фельдфебель...

Кажется, и мое время проходит. Конечно, я найду себе в Хергороде занятие и без Д., но бросать все, когда посвятил экспедиции десять лет... Впрочем, на этой странной земле можно ожидать любых сюрпризов, так что не будем спешить. Тем более что и дел еще немало.

Рабочая тетрадь. С. 40—41.

...Рассказ Бориса.

Вчера приблизительно с 23.15 по 23.50 он провел следующие эксперименты:

1. Спустился в Крипту сам, дошел до алтаря. Впечатление то же, уверяет, что «подзарядился» на месяц вперед.

Примечание: скоро в Херсонесе появится новая секта — криптофилов.

2. Спустил в Крипту на веревке девочку Ю. по ее просьбе. Далее произошло следующее — девочка Ю. испуга-

лась, закричала, пришлось ее экстренно извлекать на поверхность. По ее словам, она якобы почувствовала чье-то присутствие, в Крипте начало темнеть и т. д.

Примечание: садист!

После этого девочка Ю. долго не могла успокоиться, легче ей стало, только когда они отошли за храм Владимира.

Вивисектор Борис делает выводы:

— Энергетика Крипты отрицательно влияет на женщин (Свете тоже было не по себе) и положительно на мужчин, что могло быть использовано жрецами при различных обрядах (пифии!).

— Наиболее ярко выраженная аномалия находится на северо-востоке Херсонеса (Главная улица — храм Владимира). За храмом Владимира «напряжение» резко падает. Северо-восточная часть полуострова — это и есть первоначальный Херсонес V—IV веков до н. э., значит, стены города строили с учетом энергетики местности. «Контур», проходя по стенам, каким-то образом защищал город от вторжения, а в Крипте (точнее, в языческом святилище на месте будущей Крипты) находился «пульт управления», элементом которого была статуя Девы. При крайней необходимости ее выносили за стены (случай, когда Дева помогла отбить скифов).

Примечание: если петь эту песнь дальше, то христиане, уничтожив святилище, использовали это место для создания своей главной святыни, которая также каким-то образом берегла город, чем и объясняется счастливая судьба Херсонеса-Херсона на протяжении пятнадцати веков.

Ну-ну!..

...Маленький мальчик в Крипту залез. Свет появился — и мальчик исчез. Ищут ребенка и мама, и папа. Лучше б ему оказаться в гестапо!..

Ждем Маздона, затем — последний взмах веником. Старый Кадей шкуру бы содрал за такую зачист-

ку, честно говоря... Ничего, в Институте археологии обойдутся и этим, у них самих получается не лучше. Да, теряем секреты мастерства, а еще смеем ругать Косцюшку!..

Ну что, Маздон, аллес капут? Ты прав, надо еще отснять посвящение. Решили начать в шесть, так что солнце будет. Ежели не опоздают, конечно.

Теперь нам с Д. надо спешить — возле фондов нас уже наверняка дожидается команда Тамары Ивановны. Ну, пошли сдавать сокровища. Зря, что ли, копанно?

Возле фондов — привычная картина: длинный ряд раскрытых картонных коробочек. Все годы не могу понять, где они их берут? А в каждой коробочке — находки за день. Н-да, на полпуда будет, правда, стоящего в этом году маловато — пара фрагментов светильников у Д., несколько симпатичных чернолаковых фрагментов у меня, мои наконечники стрел. Ах да, у Д. еще что-то вроде резного фрагмента кости. И в довесок — паратройка горлышек амфор... Ежели бы не Стена и не водостоки, то, считай, даром съездили.

...Черепки, черепки, черепки — черепки памяти, черепки прошлого, смешные, бесполезные, ненужные. Забытые жизни, забытые судьбы, забытые руки, забытые глаза... Черепки, черепки, черепки...

Тамара Ивановна действительно ограничивается немногим, именно тем, что я и предполагал. Берет еще какие-то фрагменты канфаров — для статистики, наверное. И эта жменька — весь наш вклад за сезон. Лепта вдовицы!

...В прошлом году я сдавал своего грифончика, грозного зверя с поднятой львиной лапой. Двадцать пять веков назад его нарисовали афинские мастера на боку чернолаковой вазы. Два года назад я из рук в руки — не дай бог уронить! — вручал Тамаре Ивановне наверхие епископского посоха. Чуть потрескавшаяся желтоватая слоновая кость, остатки глубоко врезанных

греческих букв. «Епископ Христов, раб божий»... А имя его ты, господи, носи...

Три года назад... Тогда я гордился тем самым бронзовым навершием ножен. Меч из Восточной Пруссии, пятый тип, ежели по классификации Кирпичникова.

А дальше почти что легендарные времена. Помнится, мы целой толпой волокли в лапидарий надгробие двух братьев. «Даиск, сын Митродора. Прожил 21 год. Газурий, сын Митродора. Прожил 24 года. Прощайте!» Тяжеленное оно было, и привезли его в Херсонес издалека — морем, из Малой Азии. А еще раньше мы сдавали чудесный бронзовый горшочек. Как новенький был!

...И моя первая херсонесская добыча, забавный глиняный львенок, блестящий, горчичного цвета. Десять веков назад в него заливали вино. Львенка я нашел по частям, сначала одну лапку, затем другую... Ничего, склеился, теперь почти как новый!

А еще были серебряные монеты — бесформенные комочки розового цвета. Потом, когда кислота сняла патину, на одной из них проступил профиль женщины в короне. Спокойное лицо, чуть сжатые губы — богиня Дева, Царица Херсонеса.

Ну что, Тамара Ивановна, фонды мы на этот раз особо не загромодим? Вы правы, этот светильничек очень мил. И канфарчик хорош, жаль, что от него одна ручка только и осталась...

Теперь — самое интересное, для новичков, конечно. Перед нами груда бесхозных сувениров. Жадные ручонки желторотых уже тянутся к ящику, куда сыпано все оставшееся. Но и тут действует обычай, херсонесское *us prima postis*. Первым отбирает сувениры начальник, потом заместитель. В общем, в порядке чинов.

Д. держит характер и делает вид, что это его не интересует. Он — человек взрослый и серьезный. И мне эти черепки не нужны, комплексом домашнего музея не страдаю. Разве что парочку для гостей — тех, что из

Южно-Сахалинска. Да и пепельница нам с Борисом не помешает, а что может быть лучше для этой цели, чем доньшко краснолаковой тарелки? Вот это, например...

Молодежь терпеливо ждет. Ловлю на себе чей-то любящий взгляд... Ну конечно, Ведьма Манон! Говорят, дома у нее три сундука херсонесских черепков — и два шкафа фотографий, выжатых у Старого Маздона.

...И побольше, побольше, побольше, побольше!..

Луку бы сюда! Этот черепки чемоданами возил!

За моей спиной слышится возня и какой-то стук. То ли бьются друг о друга разбираемые черепки, то ли молодежь сталкивается лбами над ящиком.

...В свое время лучшим херсонесским сувениром считалась целая амфора. У Луки таковая размещена на кухне и служит пепельницей для гостей. Сенаторша, по слухам, ставит в амфору цветы. Что делает со своей амфорой Сибиэс, остается загадкой.

Я не люблю идолов. Когда мне хочется вспомнить Хергород, я достаю единственную стоящую вещь, хранящуюся у меня дома, — средневековую игральную кость. Бросок... Еще бросок... Но мне никогда не выиграть — кость только одна, «двенадцать» на ней никогда не выпадет...

Новая пепельница оценивается на Веранде по достоинству, и три сигареты, Светы, Бориса и моя, щедро обновляют ее пеплом.

До посвящения еще уйма времени, и мы отправляемся на пляж. Подобная мысль посетила не только нас, поскольку весь цвет общества уже украшает знакомые скалы. Кого тут только нет! Нет, пожалуй, только болящего Сибиэса, все прочие в наличии. В чем дело? Что за шевеление в такую жару? Экий я несообразительный — мы со Светой впервые вместе на камнях. Новое в разделе «Светская хроника».

...Общество, свет, салон, господа бароны, господа бараны, лорнеты, монокли, парижская Опера, искоса, косо, через губу...

Сенатор ограничивается тем, что на секунду отры-

вается от газеты и бросает короткий, выразительный взгляд. Сенаторша не столь щепетильна и наблюдает за нами всю, правда, сквозь темные очки. А вот Его Величество Гнус даже очки снять изволил. Плечиками пожимает, ручонками тощими водит. Ну трясись, трясись...

О. смотрит в сторону.

...И лютым пламенем пылают глазки Ведьмы Манон.

В море, в море! Оставим хоть ненадолго этот зоопарк! Слава богу, я еще не разучился плавать, можно заплывать подальше, туда, откуда пляж видится узкой полоской, откуда так хорошо разглядывать наш серо-желтый полуостров... Здорово, Света, правда? Нет, Борис, до авианосца мы, пожалуй, не доплывем, да и не стоит, того и гляди, в мазут влипнем...

Над головами просвистывает стайка серебристых узкоклювых машин. Красиво идут, уступчиком, две впереди, две сзади. Наверное, с «Тбилиси» — буре-вестники Перестройки. Завтра у них праздник души — День Флота. Тут такое, Света, будет!..

Сандалии на ноги, сигарету в зубы. Нет, Борис, сейчас докурим — и домой, хватит с меня солнышка, и так уже на мулата смахиваю. Свет, а у вас там, на Сахалине, пляжи есть? Или вы там круглый год затерты льдами?

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 23—24.

.. Данный процесс был вызван не тем, что греки, как этнос, выродились или начали стареть. В конечном итоге это была плата за Империю, за относительную безопасность и «просперити» в тени крыльев золотого римского орла. Империя неизбежно порождала космополитизм, и варваризация эллинских городов была лишь одной из его форм. Бывший греческий патриотизм не сменился римским — он перестал быть таковым, перейдя в чувство подданства, то есть из категории иррациональной, а

следовательно, более сильной и живучей, в рациональную, а значит, преходящую. Римский гарнизон греческого (когда-то) Херсонеса состоял из солдат, набранных во Фракии, а римские купцы, прибывавшие в город, были в основном малоазийцами. Конечно, солдаты выполняли свой долг, а купцы были готовы защищать свои интересы, но это были уже не те чувства, что сплачивали херсонеситов в самые трудные годы их истории.

Одним из следствий «потери лица» стала очевидная атрофия религиозных, общественных и даже нравственных традиций. Для городов Причерноморья становятся характерным явлением с одной стороны многочисленные восточные культы, иногда весьма странные и экзотичные, с другой — постоянные мелкие конфликты как в собственной среде, так и с римскими властями, а на Боспоре — внутри правящей верхушки. Эти хорошо знакомые и нам явления надежно фиксируют назревающее неблагополучие.

Иной становится и политика Империи. Еще до готской экспансии римские власти начинают откупаться от приграничных «варваров», создавая смертельно опасный в конечном итоге прецедент. Неудивительно, что именно это обстоятельство придало смелости готам, которые начали свои отношения с Римом именно с требования своей доли этой «дани». Таким образом, внешне прочная и надежно защищенная имперская граница была внутренне нестабильна и вдобавок не имела надежного тыла.

Неудивительно, что готский удар был столь сокрушителен. Его последствия были чрезвычайно многообразны, но в любом случае весьма невыгодны для Рима. Дело было не только в том, что были разрушены Ольвия, Тира, многие мелкие населенные пункты в Крыму, на долгое время потерян Боспор. Империя понесла огромные убытки в результате опустошения малоазийских и балканских провинций, что в конечном счете дестабилизировало все государство. Кроме того, после готских походов морское господство Рима в Причерноморье фактически

прекратилось — остатки римского флота были уже неспособны противостоять «варварам». Морские сражения с готами и их союзниками шли уже непосредственно в Средиземноморье. Таким образом, «морская» граница была прорвана и полностью дестабилизирована на всем протяжении и на всю глубину...

И снова дымится чай, а мы поедаем дежурную пачку печенья. Компанию на этот раз нам составляет Маздон, который сегодня в очередной раз не в настроении.

Нашего фотографа обидели. Обидели те самые проклятые лавочники, которых он регулярно предает анафеме. Лавочники оказались из магазина «Юбилейный», что у самого поворота к центру Себасты. Обидели же они Маздона тем, что потребовали у него паспорт — с севастопольской пропиской, само собой, потому как тем, кто без прописки, продавать не велено...
...Коммунисты пр-р-р-роклятые!!!

Маздон подробно пересказывает свою речь, которую он держал перед продавцами и посетителями магазина, поминая права советского человека, историческую ответственность проклятых коммунистов перед страной, принадлежность провокаторов из «Юбилейного» к проклинаемому сословию лавочников — а заодно и командующего Черноморским флотом адмирала Хронопуло, который все это и затеял.

Когда тема проклятых лавочников исчерпана, Маздон переключается на нечто более близкое — на ожидаемое посвящение. Его не особо волнует предполагаемый эстетический уровень действия, вполне достаточно того, что все будут в простынях и с распущенными волосами. Вполне фотогенично, а песни-вопли на эмульсию не запечатлеешь. Маздона заботит то, что посвящение, как всегда, начнется с запозданием, а значит, солнце уйдет, снимать станет трудно. Остаться Маздону без заказов, как пить дать!

Посвящение и вправду затягивается. В начале седьмого к нашей любимой «Базилике в Базилике» сходится офицерско-генеральский состав: Сенатор с домочадцами, Д. с супругой и двумя белокурыми наследницами. Здесь же оказываемся мы со Светой и Борисом. Воспользовавшись отсутствием действа, давно ожидающий тут Маздон спешит расставить нас в самых живописных позах и берется за дело. Ах, Маздон, да не надо мною пленку портить, лучше Свету сними!

Но Маздона уже не остановишь. Он заявляет, что сфотографирует всех и что именно для этого он целый год копил пленку, которой, как известно, в магазинах нет из-за проклятых лавочников и коммунистов.

Ну так тому и быть! Нас ставят к стенке... Шлеп... Еще раз шлеп... Да хватит, Маздон! Нет, еще раз — шлеп. Затем наш фотограф с клеточком набрасывается на Д., тот не возражает — его супруга любит семейные фотографии. Затем наступает очередь Светы.

...На фоне колонны. Мозаики. Алтаря. В очках. Без очков. В моей кепке системы «Дикий кот». И без моей кепки... Веселая, грустная, непонятная, чужая, своя...

Тем временем Сенатор развлекает нас размышлениями о политике. При слове «суверенитет» мне плохо, и я отхожу подальше, чтобы наблюдать, но не слышать. Ну-с, курнем.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 24.

...Но, наверное, еще более опасным стал моральный итог. Готские походы не просто развеяли миф о могуществе Империи. Они поставили под сомнение само сохранение Римской державы в прежних пределах. И следствия этого сказались чрезвычайно скоро...

Тем временем к нам подходит Саша-ленинградец, призраком давнего прошлого подтягивается Старая Самара, волоча свое брыкливое чадо. А вот и Гнус! Его Величество не пропускает ни одного посвящения.

...Трон Его Величеству, опахало Его Величеству, скипетр Его Величеству, корону Его Величеству, колосинный Его Величеству...

Да, зрители собрались хоть куда! Штучные...

Ага, что-то белеет на холме. Точно — ползут! Согласно традиции, первыми в базилику входят небожители. Ну-с, ну-с?

Впереди, само собой, Ведьма с люто разрисованной физиономией. На руках — дюжина браслетов, на голове, само собой, бумажная зубчатая корона. Как же, как же, богиня Дева. Плачь, Херсонес!

Геракл с Зевсом... Н-да... Маздон, оказавшийся рядом, с гордостью вспоминает, что когда-то Зевсом был он. Неплох был Зевс, голосистый такой. Лука тоже был Зевс хоть куда. А о нынешнем Геракле и говорить не приходится. Ежели это у него дубина... Впрочем, может быть, не дубина, а волшебная палочка?

А это уже неплохо, совсем неплохо! Стеллерова Корова гордо шествует в облике Афродиты. Это действительно смело. Находка!

...Афродита Пандемос, Афродита Коровас, люблю всех, кого поймаю, кого к груди прижму, кого за шею обниму — с хрустом, с треском... Полуюблю!!!

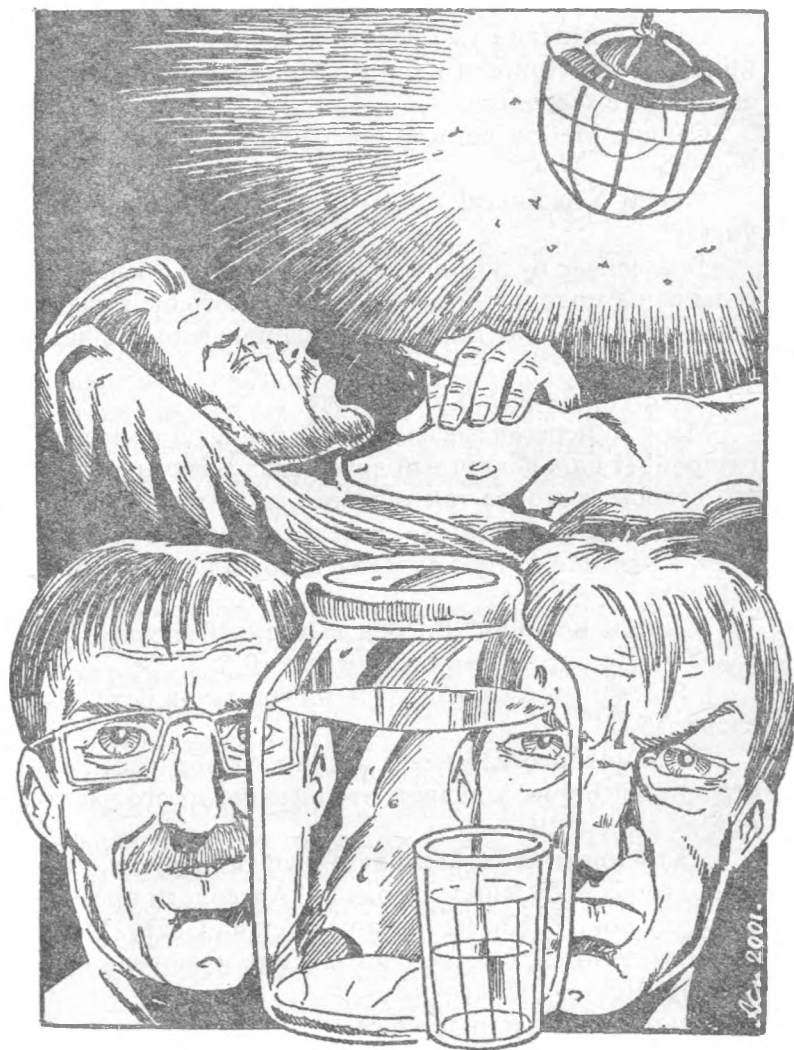
Деметра... Нет, О. не похожа на Деметру...

А это что за молодец в повязке набедренной? Обряд археолога, не обедавшего уже третий месяц подряд? Борис тут же поясняет, что это и есть новшество сезона — Маленький Зеленый Камнед. Ага, тогда понятно, таким он и должен быть, ежели камнями питается.

Манон скликает богов в кружок и что-то каркает, не иначе дает последние инструкции. Вовремя — к нам уже пылят посвящаемые. И где они столько простыней набрали? Запасливый народ, однако.

Сейчас Ведьма должна выйти вперед и завести свою обычную шарманку. Мол, кто вы такие, зачем сюда пришли...

Манон делает шаг вперед, воздевает десницу вверх...

...Дева-Ведьма, Ведьма-Дева, посреди мертвой страны, посреди мертвого города, посреди мертвой церкви... Сгинь, сгинь, рассыпья!..

...Кто вы и зачем пришли?!

Ответ одинаков уже десять лет, ничего иного не придумаешь. Пришли к богам. Пришли принять посвящение в херсонеситы.

Сейчас Манон должна обратиться к этим самым богам...

...Боги Херсонеса! К нам пришли... Откуда? Что умеют?

Так, сейчас будут плясать! Почему-то в последние годы наша молодежь охотно пляшет. Хоть бы загадки загадывали, что ли? Впрочем, когда пляшешь, не надо слова учить...

Пляшут! «Ламбада» в базилике...

Мы с Д. переглядываемся. Был бы тут Дидик с его гитарой! И наш восточный друг Бадал Бадалар оглы с его ведром, которое так успешно заменяло барабан. Дидик играл на посвящении «Танец маленьких лебедей», а плясали пятеро аквалангистов в полном облачении.

А вот и новация! Вперед выходит Камнеед. Да, голос у него определенно камнеедский...

...Я Зеленый Камнеед, от меня три тыщи бед... Эх, слова забыл!

Беспамятного Камнееда задвигают обратно. Расстроенный Борис заявляет, что ни одно из его указаний не выполнено.

...Кто-то пытается без успеха пройти на руках, кто-то поет про Чебурашку... Дожили! Археологи про Чебурашку поют!.. Краем глаза кошусь на Свету. У той вид изумленный, однако несколько разочарованный. Еще бы! Чебурашки всякие...

Наконец-то начинается сам обряд. Посвящаемые должны хлебнуть из канфара — то, что туда налито.

...Содержание священного канфара остается тайной до последнего момента. И неспроста! Посвящае-

мый должен быть готов ко всему, например глотнуть морской водицы — что мы и устроили десять лет назад. На следующий год, когда новое поколение зараннее кривилось, ожидая неизбежного, в канфаре оказалось красное вино. Возможны варианты, допустим, смесь того же вина с морской водой...

На этот раз пить предстоит яблочный сок. Увы, традиции и тут уходят — меню не меняется уже третий год...

Колено преклонить, хлебнуть, поклясться...

Вот и все, *comedia finita*. Теперь на очереди — процессия через весь Северный берег, к собору. Раньше посвящение заканчивалось митингом у могилы Косцюшки, но теперь Косцюшку забыли, и процессия превращается в поиск наиболее удачной натуры для фотографирования. Маздон принимает боевую стойку и устремляется вслед за толпой в простынях. Впереди белеет бумажная корона, Ведьма Манон горделиво шествует по своему городу...

Ну вот, Света, и отгуляли... Ну если понравилось, тем лучше.

Борис вновь направляется громить стаю Акеллы в «сочинку», Веранда пустеет, и мы со Светой имеем полную возможность очередной раз выпить чаю. Заодно на правах командира завтрашнего похода даю последние указания. Это тем более необходимо, ибо Света в Крымских горах еще не бывала.

Мангупский маршрут считается не из легких — главным образом, из-за подъема. Это не Чуфутка и даже не Тепе-Кермен. Шестьсот метров кручи — не шутка, особенно ежели ползти с рюкзаками, запасами харчей да еще с палаткой. На такой поход вполне можно уложить двое суток, и то малѳ будет. Мы поступим проще — подъем в шесть, в восемь уже на автовокзале, в начале десятого начинаем бросок. В полдень — на вершине, час отдыха и знакомства с достопримечательностями — и рывок обратно. Лучше бегать, чем ползти. И лишние вещи ни к чему, налегке пойдем.

...Полетим, помчимся, поспешим — от мертвых руин к мертвым руинам, от белой пыли в белую пыль. Сгинувшие города, сгинувшая страна, сгинувшая история...

Рабочая тетрадь. С. 42.

...Крипта (версия).

1. Если языческое святилище, находившееся на месте Крипты, имело в целом такую же конструкцию (за исключением сводов, которые определенно возведены в более позднее время).

2. Если божество, которому поклонялись в этом святилище, было лунным.

3. Если перед нами действительно тайное святилище, известное лишь посвященному, к примеру одной или нескольким семьям потомственных жрецов...

Компания в простынях уже вернулась. Раньше вслед за посвящением следовал обязательный сабантуй. Мы располагались в одном из немецких артиллерийских окопов на Западном городище, где так удобно разжигать незаметный со стороны костер и зажаривать — теперь такое трудно себе представить! — целого барана, а в хорошие годы — даже двух... Тогда не было деления на офицеров и молодых, такая мысль даже в голову не могла прийти.

Три года назад мы стали отмечать посвящение порознь. А сейчас и вовсе не хочется праздновать. Луки нет, в магазинах пусто... Ничего, бог даст, в воскресные сойдемся все вместе, тряхнем стариной. Ежели не рассоримся вконец, что также не исключается...

Отправляю Свету пораньше спать, предвидя завтрашний подъем. Бориса все еще нет, и я могу вкушать столь редкое в нашей коммуналке чувство одиночества. Вечер постепенно переходит в ночную темень, на вечно безоблачном херсонесском небе в который раз загорается местный планетарий, вот уже засколь-

зили Персиды... Сюда бы наш источник, чтобы журчал себе потихоньку, чтоб ежики шуршали и ночная духота чуть смягчилась от близости воды... Древняя вязь на мраморе не защитила наш ключ...

А ведь скоро уже домой. Скоро, скоро...

...Солнце в тучи вновь садится — ветер завтра. Корабли ушли за мыс и там пропали. На забытых скамьях старого театра тишина — актеры, видно, опоздали. Серый берег и базилики обломки... Хорошо тут одному, когда стемнеет. Здесь прибой, и волны бьют у самой кромки, Млечный Путь над Херсонесом звезды сеет... Херсонес теперь ломают, а не строят, в этих старых стенах стало очень тесно — так и нас с тобой когда-нибудь отроют, только вряд ли это будет интересно. Я устал копать весь день, пойду прилягу, напишу, как только выпадет минутка... Говоришь, археология — бодяга? Может быть, зато она — не проститутка. От маневров и стрельбы мы здесь устали, так грохочет, что, боимся, скалы треснут... Хорошо, что скоро мир в Афганистане, только те, что там погибли, не воскреснут. Напиши мне, как живется, что столица? Кому нынче там хула, кому поклоны? Я лишь знаю: где политика вершится, там правителям не писаны законы. Скоро нам в обратный путь по всем приметам, мы отправимся домой — хлебнуть прогресса. Только верю, чтождемся снова лета и вернемся, не предавши Херсонеса. Нынче тихо, только слышатся цикады, только Понта неумолчное ворчанье. Тишина у серой каменной ограды, старый Храм, застыв вдали, хранит молчанье...

Рабочая тетрадь. С. 43—44.

...4. Если воздействие магнитной аномалии («контур») и лунного света в Крипте («лампа») действительно сильно влияет на психику.

В этом случае обряд, проводимый в святилище, можно реконструировать следующим образом.

Обряд мог проводиться в лунную ночь. Следует отметить, что полнолуние конца лета считалось в античной Греции главным, поэтому наиболее важный обряд проводился скорее всего в полнолуние августа.

Обряд начинался за час до полуночи по нынешнему счету времени. Снимались деревянные щиты, закрывавшие вход. Посвященные ждали возле ступеней. Наконец первый лунный луч падал на верх алтарной ниши, освещающая корону на голове богини (в случае если это была Дева или Херсонас). Затем освещалось лицо, вся фигура. Вслед за этим в святилище входил жрец — или даже двое, по двум лестницам, идущим от площадки, начинавшейся ниже сохранившихся двенадцати ступеней. Вошедшие медленно приближались к алтарю, где начиналось главное таинство, при котором каким-то образом использовалось воздействие перечисленных выше факторов на психику человека. Это могло быть пророчество (ясновидение) или даже активное магическое воздействие, в котором какую-то роль играла статуя в нише.

После перестройки святилища в христианскую Крипту обряд, конечно же, стал проводиться по всем христианским канонам (обычные христианские службы), однако в нем каким-то образом могла быть по-прежнему использована специфика этого уникального сооружения.

Следует вспомнить, что Херсонес стал доступен для врагов после того, как св. Владимир, взявший город обманом, вывез в Киев много христианских реликвий. Не была ли тогда разорена Крипта?

Все эти предположения пока ни в малейшей мере не опираются на факты...

...Лунный свет плещется на неровной, покрытой выбоинами скале, лунный огонь клубится над черным провалом, неслышно уходит обратно к черному безвидному небу. Каменные ступени обрываются в лунную кипень, холодные волны совсем близко, совсем

рядом. Бледное тревожное пламя вспыхивает в пустом оскверненном алтаре...

Чужая тайна, давняя, забытая навсегда. Вытяни пальцы, коснись, почувствуй, вдохни... Но тайна останется тайной, я напрасно сижу возле врубленной в скалистую твердь лестницы, напрасно жду какого-то ответа, напрасно, напрасно...

Холод скалы, холод ночного воздуха, холод лунных лучей...

Город славен, богат. Его стены крепки.
Но неслышно текут воды Леты-реки.
Все прошло. И у старых забытых развалин
Злые тощие козы жуют сорняки.

Режим есть режим. Стоит один раз поспать вволю, и шестичасовой будильник воспринимается вдвое горше. Голова падает обратно на спальник, веки захлопываются. Бог с ним, с Мангупом, стоял — и еще постоит. Без нас.

За плечо дергают, и веки вновь, хотя и не без скрежета, приподнимаются. Железный человек Борис уже встал. Вид у него, правда, сомнамбулический, но у меня, вероятно, еще веселее. Кофе... Кофе!

...Спасительный, воскрешающий, из гроба поднимающий...

Глоток, еще глоток... Уже можно двигаться и даже соображать. Что у нас со временем? Нормально, но, боюсь, Свету еще предстоит будить. Пока добудишься, пока приведешь в чувство... Вот что, Борис, заварим-ка еще одну кружку. Жди нас в семь с четвертью на скамейке, что у поворота на Древнюю...

Не забыть кепку... Очки... Кроссовки... Годится, можно идти.

Двигаюсь осторожно, стараясь не расплескать кружку с допингом. Далековато нести, но другого выхода нет.

Ясное дело, Света спит. Первое, что она видит, приоткрыв глаза, это, естественно, емкость с кофе. Уже со вторым глотком начинает проглядывать созна-

ние. Наконец кофе выпит и можно спокойно поку-
рить; кажется, самая сложная часть операции — по-
будка — прошла успешно.

Автобус мчит, мы сидим на переднем сиденье и
жмуримся, несмотря на стекла очков. Солнышко —
что надо, но то ли еще будет к полудню!.. Так, что со
временем? Все в порядке, Свет, мы как раз успеваем.
Еще можно будет и по рынку пробежаться, и персиков
подкупить. Правда, я планировал вишни...

Запускаем Свету в рыночную суету, а сами спе-
шим к остановке. Где тут на Терновку? Ну, билеты-то
взять недолго, а вот толпа... Да, Борис, толпа страш-
ненькая, хорошо, что мы без рюкзаков. Это тебе не
электричка...

Автобус уже выруливает и рычит, а Светы все нет.
Ладно, чему быть, тому не миновать, с судьбой не по-
споришь. Это я виноват, даму в таких ситуациях нель-
зя отпускать одну, тем более на рынок.

Автобус подкатывает, в распахнутые двери устрем-
ляется бурлящий поток, и тут появляется Света, что-то
бормоча про кооперативный киоск, где продаются не-
плохие майки-«ламбадки». Дороговато, правда, но...

Иду в авангарде, за моей спиной — Света, Борис
прикрывает сзади. Людской поток бушует, главное —
попасть в струю, так сказать, на стрежень, тогда уж
точно втащат. Ага, кажется, попали. Теперь не полу-
чить бы локтем по физиономии... Оттоптанные ноги
не в счет... Есть! Влезли!..

...Давят, душат, топчут, плюшат, ничего, мы здесь,
мы тут, мы тоже давим, душим, топчем, плющим...

Автобус ползет через весь город, умудряясь всасы-
вать в себя очередных жаждущих странствий бедолаг.
За окном, насколько можно разглядеть за головами-
кеглями, проплывают новые кварталы Себасты — оди-
наковые, утомительно белые, с многочисленными ме-
мориальными досками и идейно выдержанными мону-
ментами на каждом углу. Жарко, дышать нечем...
Ничего, скоро полегчает!

И вот город наконец позади, людей прибавилось, но свежий ветер рвется в окна, становится веселее. Та-а-ак, Борис, давай разбираться. Слева сейчас будет Сапун-гора, там должен быть такой шпиль, его еще Мечта Импотента называют. Потом спуск...

...Нелепый город, злобный город, душный город, чужой город. Не люблю тебя, не люблю, не люблю...

Едем долго, домишки за окном сменяются виноградниками, затем исчезают и они, дорога то ныряет вниз, то вновь начинает ползти на очередной холм, но вот автобус начинает рычать, сбавлять скорость. Это уже не просто подъем, это гора. Значит, скоро поворот на Терновку. Прощай, цивилизация, въезжаем в дикие края!

Дикие края начинаются с разбитой грунтовок, за окном нескончаемой лентой ползет невысокий крымский лес, а остановки случаются все реже. Да, это уже горы. Горы непростые, Света. Сейчас справа будет поворот... Именно этот, совершенно верно. Так там стоит пост. И не просто пост — каждую машину обыскивают. Вот и гадай, что за поворотом спрятано... Нет, ЦРУ, конечно, знает, это нам не положено. Ничего, еще минут десять — и приехали.

Как-то незаметно автобус пустеет. Очевидно, до конечной доедет едва ли дюжина. Но садиться не стоит — эти дома, по-моему, уже Терновка и есть.

Терновка — огромное село, дома из белого ракушечника, сады с металлическими оградами, из-за которых попеременно ораторствуют хозяйские Жучки и Шарик. Новостройка начала 60-х, приют отставников, опора строя.

...На первый-второй, на третий-четвертый, противогазы надеть, левое плечо вперед, ножку тяни, как стоишь, как дышишь, извилина от фуражки, союз нерушимый республик свободных...

Центральная площадь ничем не отличается от всех этих Ароматных, Танковых и Майорских: двухэтажный магазин с гордой вывеской «Дом торговли», беле-

сое здание совета с обязательным тмутараканским Болваном, помазанным бронзовой краской, тут же и автостоянка, куда мы успешно подруливаем. Все живы? Тогда порядок. Как говорится, на выход, с вещами.

Теперь можно и передохнуть, перекурить и даже съесть по помидору с куском хлеба. И даже водички выпить — по глотку, не больше. Следующую воду будем пить уже на Мангупе, в Эдемской долине. Ну, еще минутку посидим... Как там со временем? Порядок, идем по графику!

Село лежит в долине, а наш путь — вдоль неширокого шоссе, ведущего к поросшей лесом горной гряде. Есть, правда, тут одна хитрая тропинка через перевал, но рисковать не будем. И по дороге недалеко...

Слева и справа — все те же дома из белого ракушечника, перемежаемые садами за высокими сетками. Верно, Борис, это именно персиковый сад. И я бы рискнул, но сейчас, пожалуй, не стоит — персики еще зеленые. Вот ежели бы на неделю позже...

А наше дело — все вперед, вперед, вперед! Отдыхать не будем, а то расклеимся, впереди — неприступная гора, шестьсот метров, отвесные склоны и лишь одна сносная дорога наверх. Сам господь создал эту гору для крепости.

...Да кто угодно там жил, Света! Вначале римляне пост построили, потом народ набежал — от варваров спастись. А после был тут город Теодоро, столица христианского княжества. Пока турки не пожаловали.

...Они были умны, османы, они были хитры, османы, на гору втащили пушки османы, они мраморные ядра полировали, османы, полгода в упор лупили османы, они никого не щадили, османы...

Да, Борис, и запорожцы здесь шерстили. Хан на Мангупе казну прятал, вот славяне и подсутились. А сейчас пусто, даже археологи не каждый год заезжают...

Очередной перевал позади, можно и а минутку присесть и перевести дух. Можно и перекурить — если,

конечно, у нас в порядке с дыхалкой... А Светка держится молодцом! Правда, это все еще цветочки...

Ну что, как настроение? Уже близко, близко. Вот сейчас небольшой поворот... Деревья немного заслоняют. Вот. Прошу!

Дорога выскакивает из неглубокой, поросшей лесом седловины на плоскую равнину, немного напоминающую гигантское футбольное поле, только покрытое не зеленой травой, а пшеницей. Слева и справа — горы, одна выше другой... Наша справа.

Ну что, Света, нравится?

...Гора-чудовище, гора-страшилище, гора-эверест-тище, гора-ужас, гора-кошмар. Муравьишки у подножия, муравьишки суетятся, муравьишки поправляют рюкзаки...

Дороги здесь две. Одна полегче, по ней когда-то на арбах ездили, но это далеко — с другой стороны. Обычно поднимаются туристской тропой, вот она, бленькая такая, по диагонали тянется. Да, Света, самое смешное, что по ней вполне можно взобраться. И даже быстро, обычный норматив — сорок пять минут. Удивляешься? А мы поднимемся быстрее, вот увидишь. Мы же без вещей, и солнце еще не в зените. К слову, на сердце никто не жалуется? Ну и прекрасно! Десять минут перекура...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 25.

5. Армагеддон.

Европа оказалась удивительно стабильной по отношению к пришельцам из глубин Азии. Если разбойники-готы со временем приобрели черты подлинных рыцарей и даже культурных героев Запада, то оценка гуннов почти не изменилась за полтора тысячелетия. Современники без малейших сомнений восприняли их приход как начало Конца Света. Недаром наиболее известный из гуннских вождей — Атилла, заслужил прозвище Бича божьего. «Гуннский ужас» сохранился долгие столетия, и уже в

годы Первой мировой французы не нашли худшего определения для своих противников из-за Рейна, чем имя этого давно исчезнувшего с лица земли народа. Гунны вошли в европейский и мировой миф как самый страшный враг западной цивилизации...

Гора приближается медленно, неохотно, и только здесь, у подножия, начинаешь понимать ее подлинные размеры. Небо исчезло, сгнуло — склон, гигантский, громадный, взглядом не обмерить... Еще немного, и мы подходим к густой полосе леса и теперь идем по опушке, подстерегая начало тропинки. Случайно оглянувшись, замечаю, что шоссе отсюда смотрится тонкой нитью...

...Выше, выше, выше, выше, выше, выше...

Ну наконец! Вот она, тропа, — ползет сквозь заросли вверх, расходясь двумя рукавами. Налево не пойдем, это дорожка козья, делаем правый уклон. Я — первый, Света — за мной, Борис — сзади. Смотреть под ноги, красотами полюбуемся с вершины, а то здесь склоны меловые. Могут поехать, и тогда уж ни бог, ни микадо не помогут! Воду не пить... Света, готова? Борис?

Пошли!

Вершина тут же исчезает из виду, тропа круто бежит вверх, петляя между деревьями. Ноги скользят по белой крошащейся поверхности. Мел!.. В дождь здесь подниматься не стоит... Света, ты как там? Борис, держи дистанцию. Вот именно, чтоб успеть подхватить. А сейчас — внимание!..

Тропа выводит к руслу сухого ручья. Придется подниматься здесь, больше нигде. Света, иди вдоль деревьев, там можно цепляться за стволы, только смотри — здесь много колючек. Ну вот видишь... Под ноги смотрите, под ноги!

...Выше, выше, выше, выше...

Теперь мел всюду, со всех сторон, тропа вздымает-

ся почти отвесно. Начинаешь поневоле завидовать мухам за умение ходить по потолку.

...Здесь переправляемся, видите тропу? Вот там — сразу дерево, хватаемся за него. Давай, Света, подстрахую!..

Снова лес, слева и справа, тропа становится все уже и круче, вдобавок мой прогноз по поводу колючек начинает сбываться в полной мере. Ну что, передохнем? Вот, кажется, нечто вроде полянки...

Можно прилечь, смочить губы водой и даже съесть пару вишен из сумки. Все, пора, расслабляться будем наверху. А ведь мы уже неплохо поднялись!..

...Выше, выше, выше...

Теперь тропинка все заметнее уклоняется вправо, складывается в гигантские ступени, влезть на которые можно, только цепляясь за деревья. Борис, жив? Осторожно, Света, здесь колючки. Держи руку...

И вот наконец лес начинает редеть. Мел исчезает, мы идем среди высокой травы. Это уже получше, вот и бабочки появились... Свет, это махаон, видела? У вас там такие есть, или на Сахалине бабочки как в тропиках, размером с ворону?

...Выше... Выше!

Скалы вырастают внезапно и тут же закрывают полнеба. Тут не забраться... По-моему, у геологов такая скала называется «бараний лоб». Нет, не в честь первооткрывателя...

Далеко внизу оставленная нами дорога, чуть ближе — зеленое одеяло леса. Неужели мы все это пробежали? Неплохо, неплохо! Правда, ежели бы с рюкзаками да по полной форме, то и полдороги бы не прошли. Свет, как самочувствие? Ну и отлично.

Скалы тянутся, сколько хватает глаз, их бока изрублены странными выемками, углублениями, иногда целыми площадками. Наверху, у самой кромки, можно то и дело различить то квадратные, то овальные отверстия. Окна...

Верно, Борис, это и есть казематы. Стен уже почти

не осталось, осыпались стены, а казематы в полном порядке, скоро увидишь... Ну, сейчас будет... Позвольте-ка... Точно, вот за этим зубом — проход.

Тропа заворачивает резко вверх, становится почти отвесной, упирается в скалу, но скала пропускает ее сквозь черное отверстие лаза. Проход узок, приходится подтягиваться, цепляться за растущие рядом ломкие деревья... Света, руку! Не геройствуй, давай лапу... Борис, как там у тебя? Корзинку не урони, там у нас помидоры.

...Сквозь толщу камня, сквозь серую скалу, сквозь порушенную твердь, сквозь порушенное время...

Впереди мелькает клочок голубого неба, под ним желтая полоса травы. Еще немного... Света, осторожней!.. Ну, кажется, все... Леди, джентльмены, Мангуп!

Здесь все так же, как на Чуфутке, Тепе-Кермене, на Эски, во всех давно брошенных и погибших горных городах. Трава, редкий кустарник, серые валуны... Только все больше, крупнее, выше.

...Царь-Мангуп, хан-Мангуп, князь-Мангуп, император-Мангуп, басилевс-Мангуп. Зеленая мантия, серая корона...

Мангуп похож на растопыренную пятерню. Между пальцами-отрогами — глубокие яры. И только в одном из них — вода. Там Эдем, долина Жизни...

...Туда, скорей, спрячемся, скроемся, подальше от усмешки мертвых камней, подальше от шелеста мертвой травы, подальше от злобы мертвой жары...

Тропа ныряет вглубь, в вязкую сырость и темноту, густые кроны смыкаются над головами... Даже странно, что в нескольких метрах выше — обожженные солнцем скалы, мертвая нескошенная трава... Эдемская долина!

Ну-с, будем считать, что это у нас обед. Все-таки прошу водой не злоупотреблять, хотя она и вправду вкуснейшая. Вот умыться стоит. Ну ладно, кто персики будет доедать? Чур, я первый!

Теперь можно пустить дым. Да, неплохо!.. Сколько

там на наших кремлевских? Между прочим, от дороги до плато мы шли полчаса, почти что рекорд. Совершенно верно, Света, всего полчаса, а кажется, что часа три, правда? Ну что, у вас на Сахалине такого нет? Это, конечно, не Ласпи, где к тому же... Молчу! Уже молчу...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 25—26.

...«Гуннский ужас» был настолько велик, что даже внешне пришельцев воспринимали несхожими с обычными людьми. Римлянин Аммиан и гот Иордан согласно рисуют портрет, напоминающий зомби из голливудского ширпотреба — похожие на грубо отесанные колоды, с точками вместо глаз, с черными лицами. Конечно, можно сделать скидку на то, что гунны были первыми монголоидами, добравшимися до Европы, но, конечно, подобное описание имело мало общего с действительностью. Открытые в смертельном ужасе глаза европейцев видели во вполне обычных кочевниках выходцев из Тартара, всадников, несущих всеобщую гибель...

...И снова перед нами бесконечная желтая равнина. Слева сквозь невысокие деревья проглядывает полуразрушенная стена. Не знаю точно, Борис, скорее всего турецкая, турки здесь все перестроили, от прежних хозяев остались только фундаменты да казематы... А идем мы, Свет, к дворцу князя Алексея. Последнего князя. Как раз построил палаты перед приходом турок... Мощный был дворец! Его не ломали, но здесь все осыпается, если не подновлять, на скале стоит. Два этажа все же уцелели... Непростой это дворец, со второго этажа в ясную погоду можно было увидеть Херсонес, а Бахчи тут вообще как на ладони. Легкий намек на то, кто в Крыму хозяин... К сожалению, тут мало что уцелело. Увы!

...Ты постарел, царь-Мангуп, ты одряхлел, царь-Мангуп, ты крепко спишь, царь-Мангуп, тебе не встать, царь-Мангуп...

Да, уцелели крохи. Остатки каких-то стен, белое

пятно известняка на месте главной базилики. В центре того, что когда-то было божьим храмом, — выбитые прямо в скале прямоугольные углубления. Здесь они лежали... Неглубоко, сверху просто клали плиту...

От дворца осталось чуть больше. Громадные провалы окон, четырехугольник парадных дверей, сложенный из резного мрамора, — а вокруг все та же сухая трава, скорченные деревья, уцепившиеся прямо за каменные стены...

...Мертво, мертво, мертво, мертво, мертво...

Рабочая тетрадь. С. 45.

...Поиски «энергетического контура» на Мангуне. Время — 12.15 — 12.45. Жаркая погода, ясно, ветра нет, яркое солнце. Объекты — дворец князя Алексея и фундамент главной базилики.

Результат в обоих случаях отрицательный...

Тропинка по-прежнему ведет сквозь желтизну травы, снова из-за невысоких деревьев выныривают зубья стен. Солнце в зените, долина, откуда мы недавно пришли, затягивается сизой дымкой. Ну, тут смотреть больше нечего. Заглянем в казематы...

...Здесь можно снимать кино. В этих мрачных, грубо вырубленных пещерах так и видятся безмолвные силуэты средневековых арбалетчиков. В этих подземельях мало что изменилось с тех далеких лет — бойницы с видом на долину, неровный каменный пол, каменные скамейки, место для очага. Рядом такой же каземат, затем еще, еще — по всей протяженности обрыва.

...Бесполезная крепость, ненужная твердыня, забытый замок, брошенная столица. Даже волки не воют среди твоих камней!..

В соседнем каземате — все, что осталось от часовни. Немного, но догадаться можно... Ну что, какие есть предложения? Самое интересное мы, пожалуй, увидели. Значит, перекур — и по коням!

...Казематы Мангуна по архитектуре ничем не напоминают Крипту. Отсутствуют своды, сооружения чисто функциональные. Часовня — обычный каземат, не имеющий формы базилики.

«Энергетический контур» отсутствует...

...Мы вновь в каменном туннеле, снова под ногами склон, но теперь идти легко, настолько легко, что приходится тратить силы на то, чтобы не скатиться вниз. Тропа несет нас к узкой полоске шоссе, к желтому пшеничному полю. Быстрее, быстрее, еще быстрее... Вот и дорога! По сигаретке — и вперед, отдыхать будем в Терновке.

...В Терновке отдыхать не приходится — гостеприимный автобус распахивает двери. Врываемся в забитую ошалелой толпой душегубку на колесах...

Пое-е-ехали-и-и!

Завернув на Древнюю, отправляем Свету отдыхать, а сами, уже никуда не торопясь, бредем через знакомые ворота по тamarисковой аллее, по высокому бугру, к нашей Эстакаде. Все вернулось на круги своя. И мы вернулись. Ничего не изменилось и не могло измениться...

Эге, что случилось-то? Где очередная смена? Неужели у всех пропал аппетит?

Почему не едят?!

Вынырнувший из дверей сарая Слава дает пояснения. Все просто — утром молодежь уехала. Остались они с Володей, Манон с Коровой — и О. с супругом. Впрочем, нет, ее супруг тоже укатил. Разъезд карет начался...

...Прощайте, пузатики, прощайте, жевуны, прощайте, обжорины! Колбаской по Малой Спасской, скатертью дорожка! О всех пожалею, о вас не стану...

Дверь на Веранду открыта, изнутри доносятся голоса, и мы понимаем, что нашему одиночеству при-

ходит конец. Ну, здасьте, здасьте, аллейкум ассальям!..

...Буратино растянулся на лежаке во весь рост и, положив руки под голову, изучает состояние потолка. Лука... Лука, само собой, сидит на моем спальнике. И если бы один!..

Эту даму я где-то видел. Ну конечно, ее бы в медвежью шкуру одеть вместо купальника — узнал бы сразу. Урлаг! Боже мой, Лука на старости лет занялся ургуянками, да еще на моем спальнике!..

Мы ворвались не вовремя — ну, никак не вовремя. Тюлень как раз читал прекрасной таежнице свою поэму. Крепкие у этой чухны барабанные перепонки, у наших дам уши, пожалуй, и не выдержали бы!

Взгляд Луки красноречив, мой, устремленный на спальник, тоже. Тюлень делает вид, что пытается пристать. Ладно, потом. На пляж, Борис, на пляж! Заслужили!

Заплываем подальше и долго лежим, раскинув руки и глядя в белое, обесцвеченное солнцем небо. А ведь уже послезавтра... Уже послезавтра!.. Заканчивается карнавал, его не вернешь, не переиграешь...

Рабочая тетрадь. С. 45—46.

...Борис считает, что мы не сделали все возможное относительно Крипты. Что именно, он точно не знает, но уверяет, что нам следовало еще раз побывать там ночью, посидеть у входа, спуститься к алтарю. Ему кажется, что мы на шаг от чего-то важного.

Оценка: действительно, есть ощущение, что мы упустили нечто важное, однако это ощущение чисто субъективное. Даже если Крипта давала какие-то необычные возможности (и эта особенность сохранилась даже сейчас), никто из нас не знает, как ко всему этому подступиться.

Борис считает, что для работы с Криптой нужен

очень сильный экстрасенс. Итак, с экстрасенсорики начали, ею заканчиваем. Это явно от усталости.

Но все же...

Ургуйнка исчезла, а мрачный Лука тут же предъявляет нам претензии. Нам — это мне. Спутнул, не проявил чуткости, мог бы и у дверей подождать. К тому же мой лежак так удобно стоит...

...Медвежья кожа, медвежья шкура, медвежьи губы, медвежья страсть...

Не комментирую. Аккуратно вытряхиваю спальник и укладываюсь поудобнее. Постепенно Лука добреет, он готов уже простить мне столь нетактичное поведение. Ну, это ты рано, сейчас я тебе про матрацы расскажу — про те, которые Большой Бобер так мечтает получить назад.

Однако Лука уже все знает. Все знает — и все уладил. Они сразу договорились, Бобер просто забыла. К тому же эти матрацы все равно списанные...

Кажется, войны и вправду не будет. Эх, тюлень, твои бы способности — да на пользу человечеству! Ладно, Лука, лучше поведай нам, о великий. Поведай о своих подвигах!

Лука готов. О подвигах — хоть сейчас. Тюленьчик по-кошачьи жмурится, потирает руки... Муза, воспой!

...Муза, воспой походженья Луки, покорителя Крыма, дев всех, и местных, и пришлых, сжигавшего страстью любовной. Несть им числа, покоренным, покорным, стыдливо ронявшим одежды, чтобы предаться тюленю, что плыл в Казантип отдаленный. Список имен их обширней того, что Гомеру вздумалось в песне известной на страх всем студентам составить. Не корабли — покоренные девы в том списке. Маши, Наташи, Марины, Ларисы, Аксины и Перепетуи! Все вы добыча Луки — Антиноя, быка Минотавра!.. После всего отвозили Луку в Херсонес не в автобусе гряз-

ном — сам адмирал приказа: швартовать миноносец ретивый...

Дивная, дивная сага! Интересно, однако, послушать и версию Буратины, но тот как раз изволил задремать. Уловив наше желание, Лука тормозит деревяненького и требует от него подтверждения. Буратино продирает глаза и охотно подтверждает.

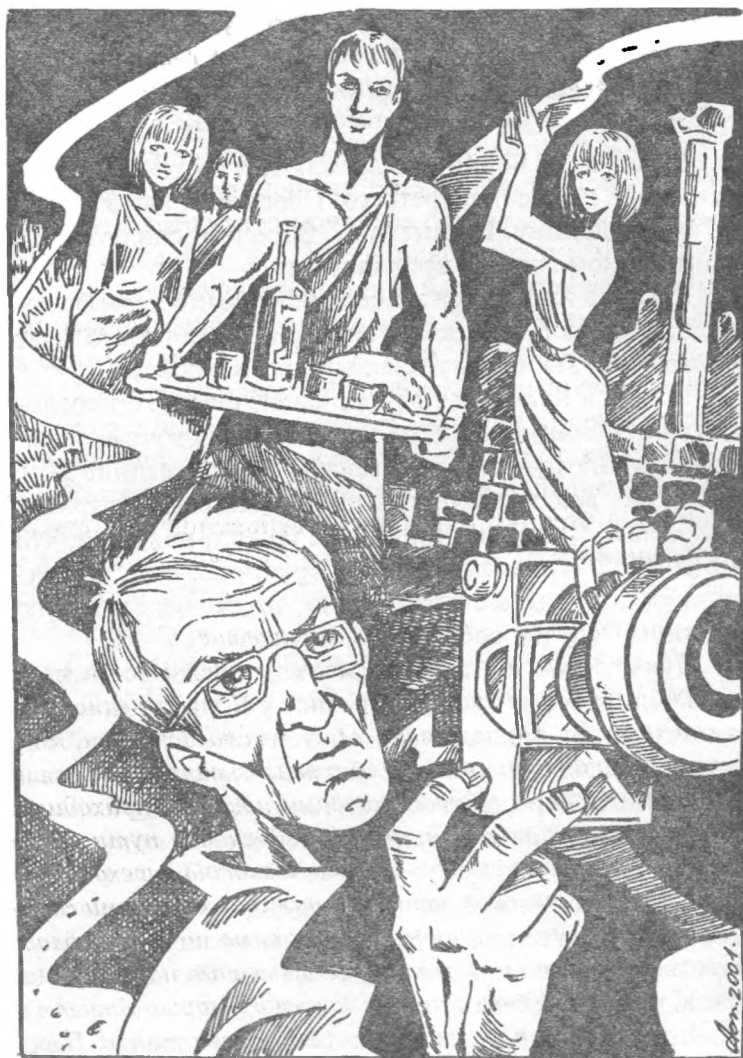
...Когда Лука после третьей бутылки водяры застрелял в телефонной будке, его пришлось оттуда вынимать, а он, несознательный, всю будку благодетельствовал. Потом еще взяли водяры, много водяры, очень много... А про остальное тюленю виднее.

Лука вполне доволен и таким свидетельством. Интересно было бы поглядеть на Луку в рубке миноносца!.. Эх, тюлень, не ценят тебя здесь. Глупые они все люди. Скучные. Злые!

Между тем Лука наскоро влазит в джинсы, накидывает рубашку и спешит в Урлаг — решать вопрос с матрацами. Впрочем, вероятно, не только с матрацами.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 26.

...А между тем факты, которые приводят все те же перепуганные современники, рисуют совершенно иную картину. На Европу надвигалась не победоносная, могучая гуннская орда, а несколько разрозненных, постоянно конфликтующих племен, которым поначалу приходилось брать с боем каждый метр пройденного пути. Более того, отдельные гуннские племена охотно переходили на сторону европейских этносов, сражаясь со своими соплеменниками. Мощь гуннов росла не сама по себе, а благодаря включению в их союз многочисленных народов Европы, которых к моменту победоносного марша Атиллы на Европу было на порядок больше, чем самих гуннов. Первоначальные успехи Атиллы, принесшие ему печальную славу Бича божьего, стали возможны только потому, что могучая Восточно-Римская империя не без тайного

удовольствия подкармливала пришельцев, направляя их натиск против «варварских» королевств и соотечественников на западе. В конце концов умирающая Западно-Римская держава, от которой оставались лишь небольшие осколки, объединившись с «варварами», остановила нашествие на Каталаунских полях...

Буратино и Борис уже дремлют, и я охотно присоединяюсь в качестве третьего. Перед тем, как заснуть, жую валидолину. Незаметно... Впрочем, свидетелей в этом сонном царстве все равно нет.

...Длань Херсонеса на сердце — беспощадная, холодная, всемогущая, властная. Сейчас дрогнет, сейчас сожмется... Ты не отпускаешь меня, Херсонес!..

И снова наползает вечер, и мы, немного передохнувшие, сидим у нашего замолкшего источника, покуривая «Ватру». Экая благодать! Эти последние дни, когда уже все сделано, выкопано, записано и зарисовано, наш законный приз. Лука решил, наивный, что можно прокарнавалить весь Херсонес... Нет, тюленчик, ежели начать с первого дня, то уже через неделю спятишь. Что ты, собственно, и доказал...

Лука, легок на помине, мелким бесом возникает из-за ближайших кустов, стреляет у Бориса сигарку и принимается докладывать об успехах. Само собой, матрацное дело он замял. Собственно, никакого дела и не было, Бобер с Д. все напутали. Короче, матрацы мы можем забрать назад хоть сейчас. И подушки в придачу.

...Удивительно еще, что тюлень не организовал торжественное шествие ургуйн с возвращаемым имуществом — под личным руководством Большого Бобра. И чтобы в бубны били.

Впрочем, ургуйнами Лука все же недоволен. Точнее, ургуйнками, упорно не желающими нарушить священный обычай эндогамии. Он еще раз в этом убедился, а посему срочно меняет стратегию.

Оптимист же он! Хотя без подобных забот наш тюлень в Хергороде попросту сгинул бы. Зацах — как покойный источник.

Борису приходит в голову не особо оригинальная, но правильная мысль о чае. За этим полезным занятием неугомонный Лука напоминает, что завтра День Флота, а значит, предстоит морской парад — с адмиралом Хронопуло в белом кителе. Тюлень (хотел бы я знать, как и когда!) раздобыл пропуск на горкомовскую трибуну. Вполне можно сходить, ежели не проспим, конечно.

...Здравствуйте, товарищи матросы!.. Здра-а-а-ав-ав-ав-ав!.. Поздравляю вас!.. Гав-в-в-ву-у-у-у-гав-в-в-ву-у-у-у!

Идея поддержки не находит. Видели мы все это! А ежели снова хотим увидеть, незачем с утра, не спавши, не евши, мчать в Себасту, да еще в такую дурную компанию. С нашего Восточного мыса бухта просматривается так, что хоть пушку ставь. Так что, Лука, действуй сам, имеешь шансы поглядеть на свой миноносец. Впрочем, Буратино вполне может составить тебе компанию.

В ответ деревянненький сердито заявляет, что он лучше займется бабами — или выпьет с утра. С чем и закрывает вопрос.

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 26—27.

...Примечательно, что от полного разгрома и гибели Атиллу спасли не его непобедимые всадники, а римский полководец Аэций, которому Бич божий был нужен как узда против собственных союзников — бургундов. Через несколько лет, после смерти Атиллы, его бесчисленные орды растворились так быстро и незаметно, что историки до сей поры не могут точно установить, что, собственно, с ними произошло.

Итак, «гуннский ужас» был явлением не столько военно-политическим, сколько психологическим. Воз-

можно, появление пришельцев из Великой Стены стало последней каплей, переполнившей чашу, из которой было суждено пить европейцам IV—V веков. Любое напряжение человеческих сил имеет свой предел, и в условиях тянущегося много десятилетий кровавого противостояния между Империей и остальной Европой гуннское вторжение подтолкнуло европейцев к черте, за которой иррациональное в общественном и индивидуальном сознании начинает подавлять разум, вызывая распад воли и психические эпидемии, одной из форм которых и был «гуннский ужас». Неудивительно, что те, кто вольно или невольно стал виной этого всеевропейского безумия, навсегда остались черной легендой цивилизованного мира...

Мы идем со Светой вдоль кипарисов по Древней улице, и я думаю о том, что послезавтра будет последний день и все завершится, едва начавшись, хотя никому из нас этого не хочется. А лето еще не кончилось, вокруг нас по-прежнему Крым, рядом все то же море. Конечно, можно, сдав билет, побыть здесь недельку-другую — на черную зависть Луке. Но... Но Херсонес, настоящий Херсонес, послезавтра исчезнет, и я стану обыкновенным курортником в этом залитом асфальтом городе. А это как раз то, от чего я который год бегу на наш странный карнавал. На третий день нам со Светой будет совершенно не о чем говорить, и тогда она уж точно пожалеет, что не поехала в Ласпи, где, как известно, все оплачено.

Но, может быть, все-таки... Жизнь — это не только Херсонес, не только эти серые камни, эта желтая трава, эти коммунальные склоны. Или сейчас только они и есть — жизнь?

...Лишь здесь нам быть вместе — среди желтой травы, среди серых камней, среди херсонесского безумия. Лишь здесь чужие могут стать своими, лишь

здесь можно войти в стаю. Херсонесские маски падают с лиц, никого не узнать, никого не вспомнить...

Кемеровские Змеи только что уехали, оставив в пещах многих в Херсонесе — и вне Херсонеса. Маленькая уютная комнатуха на Древней свободна. После нашего фронтового быта странно смотрятся тюлевые занавески и кровать с металлическими шишечками. В этих стенах Света уже не кажется египетской статуэткой на музейной полке — и мне почему-то на миг становится грустно...

Пьем чай. Никому до нас нет дела.

Мы на этих развалинах тратим года.
Сколько вбито в проклятую землю труда!
Херсонес! Забираешь ты силы и души!
А взамен что даешь? Ничего! Никогда!

Обитатели сараев только еще начинают шевелиться, когда мы со Светой, не торопясь, проходим мимо, направляясь на Веранду. В дверях сарая мелькает перекошенная от эмоций физиономия Ведьмы Манон, ее резкое повизгивание извещает о нашем появлении почтеннейшую публику. Оглянувшись, я с интересом обнаруживаю выстроившуюся у Эстакады шеренгу — пигалицу Манон рядом с могучей Стеллеровой Коровой, рядом с ними разгилая Славу. Чуть дальше... Чуть дальше, само собой, О. Очень приятно, очень приятно...

...Коммуналка, коммуналка, коммуналка, замочная скважина, мыло в супе, о чужой коврик ноги не вытирать, звонить три раза... Коммуналка!..

На Веранде нас воспринимают гораздо спокойнее. Лука и тот источает только положительные эмоции и спешит сообщить, что раздумал посещать морское игрище, презентовав горкомовское приглашение Д. и его супруге в качестве компенсации за матрацный скандал. А парад мы сможем поглядеть и отсюда — прямо с Веранды. Почти вся бухта как на ладони. Кстати, они сейчас начнут.

И точно! Не успеваем мы докурить по сигарете, как за мысом начинается движение. Что-то грохочет, вверх взлетает облако белого дыма, и над Хергородом проносится четверка узкоклювых. Поясняю Свете смысл происходящего — все это должно обозначать образцово-показательное сражение. Сейчас они бросят десант прямо на набережную, предварительно как следует пробомбив гостевую трибуну. Борис спешит внести необходимые коррективы, уточняя, что обычно бомбят не гостевую трибуну, а Дворец пионеров, который стоит прямо на набережной. Причем к новому парад у его восстанавливают в прежнем виде.

Света робко пытается сомневаться, но Лука авторитетно подтверждает сказанное, присовокупляя, что обычай этот ввел еще адмирал Сенявин в 1783 году — как раз после того, как князь Потемкин-Таврический основал здесь первый Дворец пионеров имени цесаревича Павла Петровича, что было проявлением извечного соперничества сухопутной армии и военно-морского флота.

Сообразив окончательно, с кем имеет дело, Света больше не возражает. А в гавани между тем грохочет все громче, узкоклювые слетаются со всех сторон, дым повисает одеялом, и вот... И вот!..

Задвигалось! Что-то серое выползает из-за утеса, за ним еще, еще...

...У севастопольских пляжей носимы, мы не боимся даже Цусимы. В ваксе ботинки, пушки в нагаре — здесь мы страшнее, чем при Трафальгаре!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 27—28.

...Первая гуннская волна пощадила Крым. Однако вскоре одно из гуннских племен (утигуры), оторвавшись от главной орды, повернуло вновь в сторону Причерноморья, очевидно, решив завладеть запомнившимся им по дороге на запад полуостровом. Ослабленные, полурастворившиеся среди окрестных «варваров» города Боспора не

смогли оказать никакого сопротивления. Достаточно было одного ощутимого удара — и Боспорское царство, просуществовавшее почти десять веков, перестало существовать. Города опустели. На месте пантикапейского акрополя возникло кладбище...

Когда наконец все поражаемое поражено, а штурмуемое — взято с боем, серые призраки по одному начинают выползать из тумана. Мы наблюдаем за ними с наших скал у берега, где ожидаем возможности поплавать до того, как ветер нагонит послепарадный мазут. Какой-то знаток, стоящий рядышком, называет зверей по именам. БРДМ, БПК, ТК-21, БО... Под это антихристово бормотание мы и залезаем в теплую, даже чересчур теплую для утра воду.

...Парад пахнет мазутом, мазут пахнет парадом, парад мазута, мазут парада...

Идея приходит в голову Борису. Идея проста и более чем незамысловата. И в самом деле, не махнуть ли нам по случаю столь великого праздника в «Дельфин»? А вдруг по поводу священного дня наливают что-нибудь посимпатичнее совхозного «Ркацители»?

Мой скепсис противится этим доводам, но Света тут же поддерживает конструктивную идею, причем с явным энтузиазмом. Она так давно не бывала в ресторанах. Прошлый раз, когда востроносая ездила по Прибалтике, она только и видела, что рестораны. А в этом году...

Да, в этом году — явная промашка. Мангупы всякие, базилики с казематами. Черт знает какая компания попалась, то ли дело в Ласпи!.. Ладно, и в самом деле, отряхнем медвежью шерсть!

У кого-то из нас легкая рука — официантка после небольшого колебания одаривает нас бутылкой почти уже забытой красной коллекционной «Массандры». Боже мой, боже мой! Нет, слова бессильны. Даже Света перестает жалеть о ласпийском варианте.

...«Массандра», «Мускат», «Бастардо», «Совиньон»,

«Кокур», «Новый свет» — белое, красное, розовое, с бульбочками, с крымским солнцем, с крымским зном... Пивали, пробовали, дегустировали, разливали по хрустальным бокалам, разливали по жестяным кружкам... Эх!..

Везет, впрочем, не всем. Вбежавшим почти след в след за нами Луке с Буратиной достается лишь незабвенная трехлитровая банка с ее грозным содержимым. Но Буратино и этим вполне доволен. Он вообще — не гурман.

Итак, праздничный обед. Для Буратины еще и прощальный, он отбывает сегодня шестичасовым поездом. Уезжает и Маздон. В общем, разъезд идет вовсю, только успевай подавать кареты. Нам тоже осталось чуть-чуть. Еще один херсонесский вечер, еще одно херсонесское утро...

Идти никуда не тянет, дел нет и в помине, остается одно — лежать, закинув руки за голову, и время от времени истреблять наш изрядно уменьшившийся запас «Ватры». Впрочем, эту идею осуществляем лишь мы с Борисом — Света отправилась в Себасту, Буратино с угрюмым видом пакует вещи, а Лука, неутомонная душа, куда-то унесся. Вскоре, однако, он появляется вновь и уже с несколько поднадоевшей интонацией заявляет, что уезжает вместе с Буратиной. И что ноги его тут не будет! И ничто не заставит его переночевать здесь еще целую ночь...

Дело ясное, опять обидели тюленя! Тут же выясняется, кто и как. Это и вправду обидно, и даже очень. Мадам Сенаторша вкупе со своим ясновельможным супругом и августейшим Гнусом обсуждали очередной аморальный выверт Луки. Оказывается, наш тюлень, потеряв не только моральный, но и всякий прочий облик, не дожидаясь даже своего переезда в Южно-Сахалинск, уже третью ночь ночует у Светы на Древней. И не стесняется, развратник!

...Бросил жену, бросил детей, бросил семью, бросил Родину. Анафема, свечу вниз, из церкви вон...

Лука не просто зол до чертиков, он еще и напуган. Шутки шутками, но эта компания хорошо знакома с его уважаемой супругой, а мадам Гусеница уже не первый год подозрительно косится на вояжи Луки в Хергород.

Сейчас тюленя успокаивать бессмысленно. Пусть развеется! А потом можно и обсудить, кому это Лука здесь мешает — самому ли Гнусу, Сенаторше или кому-нибудь попроще. В коллективное помешательство я не верю — даже в Хергороде. Кое-кто еще год назад обещал выжить тюленя из экспедиции. Как выяснилось, это не так сложно.

...Но все-таки странная мысль вновь и вновь приходит на ум. Херсонес сам решает, кого пускать, кого нет. Чем-то наш тюлень пришелся не ко двору этим древним развалинам. Не тем ли, что отказался взять кирку? Мертвый город ревнив...

Прощаемся с Буратиной. Он в кратких, но сильных выражениях доносит до нас все, что думает о Херсонесе, его нравах, его женщинах — и о нас в особенности. Фраза о ноге, которая больше не ступит, не произносится, но, само собой, подразумевается. Извини, Буратино, деревянненький ты наш, жаль, что так вышло. Не сошлись вы с Херсонесом! То ли ты его не понял, то ли он тебя...

...Катись, бревно, плыви, бревно, уносишь, бревно, по морю Черному, по морю Белому, подальше, подальше, подальше...

Обнимаемся с Маздоном. Наш фотограф долго пересчитывает свои болячки, козни проклятых коммунистов и лавочников, а также всю степень неуважения, проявленную к нему в этом сезоне. Фраза по поводу ноги воспроизводится в полный голос, но в данном случае она носит ритуальный характер, ибо звучит каждый год. Столь же ритуально звучат персональные проклятия в наш с Борисом адрес с поминанием тушенки, сгущенки, комнаты с кондиционером, Ведьмы Манон и похода на Мангуп, куда Маздона не взяли.

Ко всему этому добавляется, что он ждет нас послезавтра после трех в лаборатории, что чай (само собой, с мятой) будет заварен, а фотографии напечатаны. Ежели, конечно, за время его отсутствия проклятые коммунисты не похитили запасы фиксажа.

Будь здоров, Маздон!

...Коммунисты пр-р-р-роклые!!!

Ну вот, Борис, одни мы, считай, остались... Нет, Лука, конечно, не уедет, у меня такое чувство, что его совсем не тянет домой. Конечно, Гусеница — дама грозная, но что-то мне шепчет...

...Не сдавайся, Лука, не сдавайся, тюлень, покажи им всем, натяни им нос, сверни им кукиш. Гусары не сдаются!..

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 28.

...Нашествие утигуров означало не только конец тысячелетнего Боспора. Это был конец прежнего мира, традиций, образа жизни. Исчезли просуществовавшие многие века населенные пункты Южного Берега и предгорий, уцелевшее население бежало в горы, где началось создание средневековой крымской цивилизации — цивилизации укрепленных горных «кале» и «исаров». После гуннского вторжения навсегда исчезают скифы, тавроскифы, большинство сарматских племен Крыма и основная часть греческого населения. Правда, средневековые авторы привычно находят в Крыму и «скифов», и «тавров», но это были лишь названия-призраки, обозначавшие совсем другие племена и этносы.

Крымский Армагеддон окончательно завершил античную эпоху в Причерноморье. Наступил новый, страшноватый и непривычный для уцелевших мир. Гунны осваивали Крым и причерноморские степи, соседствуя с закрепившимися в Приазовье и Крымских предгорьях готами, а обезлюдевшие просторы запада и юго-запада будущей Украины быстро заселялись славянами-антами. Рудиментом сгинувшего мира остался уцелевший среди на-

ступившего хаоса Херсонес. Но это был уже не прежний строгий дорийский полис, долгие века хранивший свою неповторимую самость. Город не погиб, но его заселяли теперь во многом все те же «варвары», на Гераклеяском полуострове, где когда-то выращивали завезенный из Эллады виноград, стояли гуннские юрты. Античный Херсонес уходил навсегда, становясь средневековым Херсоном...

На Веранде тихо, потолок по-прежнему белый и ровный, а в голове уже мелькают соображения о том, как лучше сложить рюкзак. Почему-то для меня это всегда проблема. Например, где положить лишнюю обувь. Куда ни сунешь — всюду выпирает, причем обязательно в бок. К тому же за время экспедиции набирается куча совершенно случайных вещей. И вообще, рюкзак давно пора сдать в музей, если, конечно, его там возьмут, хотя бы в запасник...

...Вопль за окном, затем снова. Ого, грабят, что ли? За окном суетятся наши соседи, причем отчего-то с лопатами. Что за субботник, а ну-ка, Борис, выглянем... Господа и товарищи, что случилось-то?

Случилось... Хотя и не в первый раз, хоть не впервые в этом году. Но сегодня это действительно серьезно и даже страшновато — огонь идет напрямик от Западного городища. Просто удивительно, как много там сухой травы, каждый раз пожар начинается в саванне, и все равно остается чему гореть. На этот раз пылает от души — вал огня не ниже полутора метров, идет быстро, кусты, зелеными пятнами проступающие на желтом травяном фоне, вспыхивают за секунду-другую. Этак может задеть и нас, дом-то деревянный!

...Пламя над мертвым городом, пламя над мертвой страной, пламя над мертвой травой, пламя над мертвой землей. Желтое пламя, черная гарь... Чем прогневил ты богов, Херсонес?..

Соседи здесь впервые, посему спешат предложить

нечто радикальное — сбить огонь на нашем фронте, выкопать ров. Или пустить встречный вал огня, как поступают в тайге.

Не знаю, как в тайге, но здесь можно с тем же успехом сразу поджигать домики... Ну, вперед, хватай лопаты, если остались!

...Огонь переваливает через бугор, гоня перед собой стаю перепуганных пляжников, дымит и вспыхивает маленькая рощица, где мы так славно выпивали в первый вечер, занялась трава у тропинки. Дым окутывает «Базилику в Базилике», горячий воздух дрожит, становится неправдоподобно вязким. Но все-таки пронесло — пламя останавливается у древних камней и уходит в сторону, выжигая травянистую лужайку. Со стороны сараев с воем, переваливаясь на каждом бугре, ползет красная машина с лестницей на крыше. Ну, это уже эпилог...

Теперь от склона Западного городища и до базилик лежит черная дымящаяся пустыня, где странно смотрятся чудом уцелевшие травяные сгустки. Над мертвым городом клубится запах гари...

Рабочая тетрадь. Обратная сторона. С. 28—29.

...Оптимисты-археологи любят упоминать о том, что на руинах погибших городов и селений жизнь «не прекращалась». Более того, через век-полтора страшные последствия войн и погромов стали забываться, и на месте развалин вновь возникали поселения. Действительно, погибли не все, и потомки этих «не всех» возвели новые города и создали новую цивилизацию, но это был уже другой мир и другое время...

...Тропинка пуста. Пожарище осталось за спиной, и я стараюсь не оборачиваться. Под ногами серая пыль, и хочется одного — ни о чем не думать, просто идти по много раз топтанной земле. Марсианский ландшафт, подступивший вплотную к нашей Веранде,

смотрится как-то особенно тяжело. Черный Херсонес... Это даже хуже, чем можно было ожидать.

Обычно я замечаю встречных сразу, если, конечно, есть настроение. Вероятно, на этот раз такого настроения нет, и я вздрагиваю, когда меня внезапно окликают. Впрочем, ничего внезапного нет — О., похоже, давно поджидает меня. Все правильно, мы как раз у Перекрестка Трех Дорог. И на этот раз обходится без всякой телепатии, просто наш домик видно как на ладони и встретить меня здесь не составляет труда.

Ну что ж, пошли вместе. Дорога привычная, почему бы не пройтись ею снова. Ничего уже не изменишь, да менять было поздно, все решилось еще тогда, в невозможном прошлом, два года назад. А теперь ушедшее ушло, осталась лишь серая пыль под ногами, лишь черная гарь за спиной...

...Прощай, мы с мужем уезжаем из Харькова, далеко, навсегда, прощай, вспоминать не прошу...

Над сухой желтой травой — вечерние тени.

На Веранде застаю оживление. Жалкие остатки нашего экипажа — Лука с Борисом — суетятся вокруг поставленного в центре топчана, которому и на этот раз предстоит выполнять функции праздничного стола. Приближается всенощная — последняя херсонесская ночь. В ведре охлаждается то, что купили еще днем, на столе громоздятся банки с минтаем, а Борис пытается резать хлеб перочинным ножом. Меня тут же награждают титулом сачка и саботажника и усаживают за открывание консервов. Ну, это дело привычное...

Ага, вот и Света!

Великий оптимист Лука, несмотря на все свалившиеся напасти, в наилучшем настроении. Идея отрясти прах и немедленно покинуть сей неблагодарный край уже отвергнута. У тюленя есть план получше. Бог с ними, с ургуйанками... Впрочем, всему свое время.

А сейчас самое время наполнять кружки. К счастью, на столе не желтое чудовище, а благородная аква вита. Ну что, дамы, господа и товарищи? Жили мы

дружно, весело, можно сказать, интеллигентно. Чем и вписали очередную страницу. За что и надо!..

Надо!

Кружки стучат, отгоняя призраки херсонесской ночи. Пусть остаются там, среди мертвой травы Западного городища, в черном провале Крипты, у полуразрушенных осыпавшихся стен. Мы устали от твоих тайн, Херсонес, все равно нам не разгадать и сотой доли, и тем, кто придет после нас, тоже не разгадать...

Уйдите, призраки!

Слово для спича берет Лука. Почему-то начинает он с краткой, но яркой характеристики всей здешней публики. Характеристика и вправду яркая — Света слегка краснеет за своими стеклышками.

Но говорить об этом Лука больше не желает. К чертям их всех! Лучше он прочтет свою поэму. Новую. Но сначала, само собой, надо выпить — за прекрасных дам!

...За что еще может пить наш тюлень?

Задымливаем «Ватрой», и Лука, собрав воедино несколько вкривь и вкось исписанных листочков, приступает... Да, это свежо! Барков, услышав такое, немедленно потребовал бы ввести цензуру. Чувствую, что начинаю... Не то чтобы краснеть, но...

Впрочем, Свете на этот раз — хоть бы что. Улыбается. И вправду, экая забавная компания собралась! Вот если бы Лука все это ей переписал...

Лука обещает, и мы снова разливаем. Так славно пьется в эту последнюю ночь!.. Доведется ли так пить через год?

Тюлень решительно провозглашает, что на следующее лето он в эту дыру не сунется. Это Лука заявляет точно, можно сказать, официально. Лучше он отправится в Гурзуф — или хотя бы на АЭС, — если, конечно, там будут водку продавать.

Как ни странно, на этот раз я ему почти верю. Тот Херсонес, к которому Лука так привык, его Херсонес,

уже в прошлом. А к новым обычаям мы с тюленем адаптируемся плохо. Я, конечно, в Гурзуф не поеду...

...Не поеду в Гурзуф, не поеду в Херсонес, прощальный пир, последний парад, остановись, мгновенье, замри, застынь, останься...

Между тем наливаем еще раз, затем еще, в голове начинает гудеть кондиционер, лампочка под потолком чутко покачивается.

Кажется, начал все-таки я. Сболтнул что-то о Ласпи, по привычке, не думая. Обычно Света пропускает такое мимо ушей. Но на этот раз...

...Вскакивает, подхватывает упавшие очки — и через секунду уже сбегает вниз по ступенькам крыльца...

Спешу следом, подхватываю ее под руку. Света молчит, стараясь идти побыстрее, но наконец не выдерживает. Странно, но говорит она почти что трезвым голосом.

...Мы все сволочи, думаем о себе невесть что, считаем ее дурой, смеемся, хвалимся невесть чем. Ее знакомые в Южно-Сахалинске лучше нас в тысячу раз, они хоть, может, и не такие начитанные, но знают, как обращаться с женщинами. Не жлобятся на шампанское, водят дам в рестораны, а не по всяким вонючим пещерам.

Ну да, конечно. В Ласпи...

...Да, все оплачено! Света смотрит на меня с откровенной злостью. Там, по крайней мере, все честно. И лучше уж чтоб платили, чем общаться с такими идиотами и жлобами!..

Что уж тут сказать? Пойдем, провожу...

...Все та же трава, все та же луна, все та же дорога... Глупо, мы снова чужие, глупо, глупо, глупо...

На Веранде свет потушен, Борис уже дремлет, а Лука ждет меня в компании с двумя недопитыми кружками. Ну, будем, что ли? Нет, все в порядке, все живы. И пора спать.

Лука проявляет редкое благородство. Я на его месте тоже не стал бы злорадствовать, но тюлень честно

пытается поговорить о чем-нибудь отвлеченном. Отвлеченном — и приятном. Хотя бы о том, зачем мне ехать сюда на следующий год вместе с Д.? Не лучше бы по старой памяти махнуть вдвоем в Гурзуф, тюлень недавно узнал пару адресов. Там такие девочки!..

А еще лучше, чтобы я организовал собственную экспедицию, где-нибудь у моря, поближе к Южному берегу. Ведь я же имею право...

Имею, Лука, имею. Возьму в Институте археологии лист, куплю кирку. И будем мы работать втроем: Борис — копать, я — командовать, ты — водку доставать.

Тюлень тут же соглашается и предлагает внести в штатное расписание будущей экспедиции еще и пару особ прекрасного пола.

Здесь бессмысленно дружбы искать фронтовой.
Мы расходимся, только закончился бой.
Шумный Харьков. Кивнем еле-еле при встрече
И забудем на год. Это нам не впервой.

Веранда смотрится голой и ободранной. Собственно, она и есть голая и ободранная — вещи лежат на лежаках, рюкзаки уже наготове, даже гвозди выдраны из стен и сложены в жестяной коробок. Не Толику-Фантомасу же их оставлять!..

...Руины посреди руин. На руины пришли, от руин уходим. За нами — пустыня, раззор, ничто...

Рабочая тетрадь. С. 47.

...Основные итоги экспедиции.

Намеченное выполнено. Работа шла без сбоев, серьезных травм и болезней не было. В результате работы отряда «Стена» удалось подтвердить сделанные ранее предположения относительно времени постройки и общей стратиграфии Казармы.

Недостатки: три потерянных дня, постоянные опоздания на раскоп, низкий уровень ведения документации (отсутствие фотодневника, плохие рисунки). Слишком

много кадрового «балласта», что неизбежно (практиканты).

Три похода (Каламита, с Виктором и Мангун).

Перспективы работы на участке Казармы в следующие сезоны сомнительны:

1. Д. — чужак в Херсонесе, его быстро укатают вплоть до того, что заберут участок.

2. При Д. мне ничего не светит.

Поговорить с Сибиэсом о Крипте (маленькая экспедиция?)...

Да, Борис, считай, и все. Надо еще напоследок искупаться, так сказать, генеральское купание. С Сашей попрощаться... Ну, и у меня есть еще одно дело. По археологической части.

Пока же настало время ежегодного обряда — давного и неперменного. Собираем то, что уже ни за что домой не заберешь. Рваные кроссовки Бориса, мои старые сандалии, разодранная в клочья майка... Все это развешивается на ветвях растущего невдалеке тамариска, нашего Дерева Фей. Все-таки в душе мы остаемся язычниками! Дерево Фей — странный и смешной залог того, что мы сюда еще вернемся. Если сможем...

...Обрывки среди ветвей, обрывки судьбы, обрывки мечты, смешные, ненужные, бесполезные, глупые...

Лука куда-то пропал, однако вещи его уже собраны. И где это тюленя носит? Ладно, Борис, будь на хозяйстве, а я схожу. Последний парад... Ну, ежели последний уже был, будем считать его репетицией будущего.

...И снова наши раскопы, серая пыль под ногами и чайки, неторопливо гуляющие по древним кладкам. Наш триумвират сегодня в полном составе: Сибиэс выписался из больницы и пришел взглянуть на результаты содеянного. Мы не одни, рядом суетятся здешние небожители — две неопределенного возраста дамы,

двое бородачей, Бабушка Асеева. С ними, само собой, Гнус — стоит на стенке, темные стеклышки на носу, голова мотается в разные стороны. Его Величество муж отгонять изволят.

Утром Д. докладывал на итоговом совещании. До-ложился хорошо, небось три дня готовился. Теперь синклит пожаловал сюда — полюбопытствовать, так сказать, *in situ*.

Д. поясняет, что к чему. Сибизс молчит — новый вождь должен входить в курс дела. Я тоже помалки-ваю, хотя речь идет о Стене, о моей Стеночке, которая как ни крути, а все же гвоздь сезона. Однако я пони-маю, что она никакая не моя и что сейчас Сибизс не только представляет отцам Хергорода будущего на-чальника экспедиции, но и передает ему все наши вла-дения — вместе со Стенкой, само собой. Значит, так тому и быть... А рассказывает Д. неплохо, память у него цепкая, да и голос громкий, фельдфебельский.

Сообщение принято с должным пониманием. Все это уже известно, и нынешний доклад носит скорее церемониальный характер. Разве что Гнус считает не-обходимым проскрипеть по поводу нашего отвала. Ссыпает, понимаешь, землю в соседний раскоп, не же-лаем, понимаешь, таскать ее за двести метров к морю. Экспонаты портим, понимаешь!

Вот зануда, право слово! Сам же через месяц будет все эти помещения консервировать — засыпать этой же самой землей. Мы же тебе полработы выполнили, клоп неблагодарный!

Впрочем, на выбрык Гнуса никто не обратил вни-мания. Привыкли!

Комиссия без излишних слов отбывает, и мы оста-емся на раскопе вдвоем. Наш триумvirат в последний раз занят общим делом. Дело, правда, серьезное — Д. озабоченно сообщает, что все его переговоры ни к чему не привели. Балалаенко балалает, Гнус гнусит. В общем, как и следовало ожидать, а значит, следую-щий сезон, мягко говоря, под вопросом.

Сибизэс молчит. Думает... Пока он еще начальник, думать положено ему.

...Неужели все, Сибизэс? Неужели ты уйдешь, Сибизэс? Неужели бросишь нас, Сибизэс? Зачем же так, Сибизэс?..

Мое дело уже почти что сторона, не мне тут править бал. Но все-таки... Но все-таки рискну предложить. Для нас самое главное — продержаться сезон, в крайнем случае — два. Стенку так или иначе надо будет копать, и Балалаенко с Гнусом никуда не денутся, без нас все равно не осият. Значит, надо тянуть время, а посему на год грядущий размахиваться не станем. Добьем улицу, водостоки доведем до ума. И здесь копнем, где перемычка между помещениями и улицей. Мелкая, но все же работа. На месте стоять не будем — а там и к Стеночке подберемся.

Д. явно недоволен. Наверняка он уже видит свою первую экспедицию в блеске десятков синхронно взлетающих киров, в скрипе многочисленных тачек. А тут такая сусанинщина! Ничего, все мы поначалу мечтаем о Великой Экспедиции. Это скоро пройдет.

А Сибизэс, напротив, заинтересован. Он и сам думал о том же, даже обнаружил еще один подходящий объект — наш небольшой дворик с колодцем, а там еще копать и копать. Так что Балалаенку точно пересидим!

Д. размышляет. Ну и пусть размышляет, теперь уже это его хлеб.

У ворот прощаемся с Сибизэсом. Вроде в этом сезоне мы его не подвели. Вырастил, так сказать, выкормил... Будь здоров, вождь, отдохни от нас, в сентябре увидимся.

Ну, хайре!

Хайре! Сибизэс идет к воротам, оборачивается, машет нам рукой и спешит к желтому «Икарусу», который уже рычит, собираясь отъезжать.

Переглядываемся с Д. И это уже позади. Держи си-

гарету, пустим дым! Так, во сколько у нас сегодня поезд?

Идем к сараям — у Д. есть еще дела со сдачей того, что обычно называют имуществом экспедиции. Ну, будем считать, что и это имущество... Впрочем, уже на следующее лето, Д. уверен, у нас будет все — а если не все, то, по крайней мере, матрацы. Может быть, даже подушки...

Проходим мимо развалин театра и сквозь густые пыльные кипарисы наблюдаем гордого Акеллу. Старик что-то горячо объясняет Гнусу с компанией. Ага, комиссия опять ищет блох! И копает Акелла не так, и нашел не то, и не театр это вовсе, а если и театр, то Акелла его давно снес по малограмотности... В лицо не скажут, но намекнут. И уже давно намекают.

Старик сердится, бьет ногой о землю, тычет мощной загорелой ручищей куда-то в месиво кладок. Нет, Акеллу с херсонесской земли так просто-запросто не сгонишь, это его земля... Старый Волк хватает одну из дамочек под руку, подводит ее к очередной яме. Начальница покорно следует за ним, остальные подтягиваются сзади, а старик все говорит и говорит, чуть покачиваясь корпусом и тыча ручищей в покрытые серой пылью камни. Силен, силен!

Силен, соглашается Д., но вот методика его, честно говоря... Копает, как Косцюшко!

Ох уж эти Шлиман с Косцюшкой... То ли дело мы!

...Линейки, веники, чертежная доска, два деревянных метра... Все экспедиционное имущество умещается в маленьком закутке необъятного монастырского подвала. Кирки и лопаты лежат рядом. Теперь уже точно все — кроме, само собой, прощального купания. Да, я тоже иду. Встретимся на камнях!

Борис уже собрал рюкзак и явно начинает тосковать. Отрываю его от этого занятия, и мы спешим на пляж. Генеральское купание — последнее, самое сладкое.

Солнце печет, как и в тот, уже далекий, первый

день, на море тишь да гладь, и мы заплываем подальше, где реже встретишь вездесущих пляжников. Дальше, дальше... И не спешить — полежать на спине, нырнуть, снова полежать...

...Полоска берега, неровный строй колонн на холме, серая громада храма Владимира...

На скалах собралось все общество. Сенатор с супругой и юрким Женькой готовят к спуску на воду полосатый надувной матрац, Д. уже успел выкупать свое семейство и теперь за что-то распекает младшую дочку, Володя со Славой режутся в карты. Стеллерова Корова... Она, само собой, в воде — вместе с Ведьмой. Жаль, что в Черном море акул-людоедов не встретишь!..

Так, а где Лука? Здесь, здесь тюленчик наш, здесь. И не один. Ах, вот на что, Борис, он вчера намекал!.. Это ведь Старая Самара!

Лука на боевой тропе — глаза блестят, усики дергаются в такт речам, которых нам отсюда не услышать. И не для нас они предназначены. А Старая Самара одаривает тюленя взглядами, от которых усики двигаются еще быстрее. Молодец Лука, вот, Борис, что значит оптимизм! А Самара еще ничего и даже очень ничего. Кто это, интересно, назвал ее Старой? Неужели и вправду я?

...Грациозна, прекрасна, обольстительна, шарман, блеск, восторг, юные поручики стреляются у ворот, взгляд сквозь веер, сквозь дымку соблазна, сквозь огонь страсти...

Пора собираться. Можно, конечно, еще посидеть на прощание, полюбоваться остатками нашей орды, поглядеть на коленца Луки, которые с каждой минутой становятся все более занимательными. Но — не стоит, раскиснем на солнце, а нам еще топать с рюкзаками. Да и проститься надо, не все же на пляже.

...Прощальные визиты коротки. В фонды к Тамаре Ивановне. К соседям. К Саше... Ну вот, вроде всем все пожелал. И мне пожелали. Теперь можно просто пройтись — не спеша, без всякой цели. Сквозь высокую

желтую траву, по обгорелой, пахнувшей золой саванне и дальше, к тому обрыву, где всегда, даже в штиль шумит море...

За спиною желтое травяное поле, под ногами — скала, а ниже торчат черные зубья, о которые лениво трутся волны. Бешеное солнце разогнало даже чаек, где-то там, за неверной голубизной, оскалил зубы Невесный Пес...

...Прощай, прощай, прощай, недоступная земля, недоступная тайна, недоступная вечность, уйду, исчезаю, прощай, хайре...

Рабочая тетрадь. С. 47—48.

...Крипта (итоги исследования).

1. Геомагнитная аномалия Херсонеса заметно воздействует на природу в целом, климат (дожди!), животных (эндемики) и, вероятно, на человека.

2. По свидетельству Страбона, херсонеситы не сразу построили город на этом полуострове, а переехали сюда из «старого Херсонеса». Возможно, это место казалось им более защищенным (богами?) именно в силу наличия аномалии и указанной выше особенности климата.

3. Воздействие аномалии приводит к тому, что некоторые каменные сооружения (базилики) в силу непонятных пока особенностей их архитектуры приобретают «энергетический контур», то есть меняют направление магнитной стрелки, как в одну, так и в другую сторону. Возможно, этому способствует некое излучение (?), идущее из глубин каменного плато...

Борис уже вынес вещи и начинает беспокоиться. Вот он я, вот. Не опоздаем, еще вагон времени. Та-ак, рюкзачок ты мой... в цементном крошечке... собирайся ты домой, да по-хорошему... Готов! Стоп, а где Лука? Вещи-то его тут...

Лука появляется только через четверть часа, когда мы докуриваем по второй сигарете и начинаем поне-

многоу злиться. Тюлень ведет себя как-то странно — распаковывает чемодан, роется в вещах, затем снова начинает паковаться, после чего решительно заявляет, что никуда уезжать не собирается. То есть отсюда он уедет вместе с нами, но не на вокзал. Он тут присмотрел недалеко квартирку... А вечером пошлет домой телеграмму про срочный вызов на Крымскую АЭС — на предмет аварии реактора...

Ай да тюлень! Разве что не стоит в телеграмме про реактор, а то быть панике по всей Руси великой. Ты уж что-нибудь про внеочередной симпозиум... Ну, тебе виднее.

Лука заявляет, что ему действительно виднее и что он уже все рассчитал. Муж Самары появится не раньше, чем через неделю. Психологическую подготовку тюлень уже провел. Дело тонкое, но он уверен в успехе...

...Это еще кто в чем уверен! Самара когда-то в таких делах могла дать тюленю сто очков форы. Правда, сейчас она — сама добродетель, особенно в Хергороде, где не спрячешься. Да еще при дочке... Но не стоит разочаровывать Луку, пусть себе. Может, это и есть его приз?

...Удачи, тюлень! Не подкачай, тюлень! Мы с тобою, тюлень! Мы гусары, тюлень!..

Ну что, пора?

Лука заключает нас с Борисом в объятия, обещая тут же позвонить по возвращении. Вот тогда соберемся да такое устроим, такое... Заткнем за пояс Херсонес!

Эх, Лука, всегда мы договариваемся встретиться после, да не всегда встречаемся. Сам знаешь, дома мы совсем другие. Дай бог, чтобы я ошибался. Если не звякнешь, сам позвоню. Ну, бывай!

...Только не вздумай Самаре читать свои опусы! Она дама утонченная, для нее и Бодлер — порнография.

Лука обещает учесть, взгромождает на себя рюкза-

зак и резвой трусцой направляется к дороге, ведущей сквозь Западное городище в сторону его нового логова.

Хайре, Лука!.. Ну что, Борис, пора и нам.

Вещи уже на улице, мы стоим у крыльца, докуривая перед походом. Откуда-то из зарослей появляется Толик-Фантомас и начинает нерешительно топтаться невдалеке. Снова смена караула. Все возвращается на круги своя, и Фантомас готов вновь занять свои чертоги.

...Вороны над камнями — жадные, наглые, крикливые, нахальные, бесстыдные...

Ну, пошли!

Рюкзак с непривычки кажется свинцовым, и первое время глаза видят только метр пыльной дороги впереди. Лишь у Эстакады я оглядываюсь.

...Высокий холм, скрывающий Западное городище, наш опустевший домик с острой красной крышей, скалы у гладкого недвижимого моря, кварталы серых кладок на месте Северного района. Белое жаркое небо, желтая трава, черные проплешины гари... Город на полуострове.

Хайре!..

Плечи постепенно привыкают к лямкам, и тама-рисковую аллею мы проскакиваем быстро. Площадка у ворот, с которой виден весь Портовый район, песчаный берег Карантинки, вагончики Урлага... Вот и наши раскопы, через месяц они уже зарастут, зимние дожди размоют кладки, а туристы доделают остальное... Увы, так было всегда. А Казарма устоит — странное здание с желтыми полуразрушенными стенами. Где-то там, не видная отсюда, и моя Стена...

Хайре!

Бабка в воротах не чинит нам препятствий, поскольку на этот раз мы проходим калитку с другой стороны. До встречи, бабушка, все-таки постарайтесь нас запомнить. На всякий случай...

Улица Древняя идет то вверх, то вниз, лента ас-

фальта под ногами тянется бесконечно, рюкзаки дают о себе знать, и разговаривать совсем не хочется. Автобус будет не скоро, мы идем к трассе, чтобы попытаться взять штурмом троллейбус. Возле одного из домиков Борис вопросительно смотрит в мою сторону. Именно здесь квартировали Змеи, тут, по версии «Херсонесише беобахтер», Лука в пылу оргии продумывал план эмиграции на Сахалин... Нет, Борис, перекуривать не будем, лучше подождем до остановки.

Троллейбус переполнен, за спинами и головами почти ничего не видать. Вот сейчас, слева должен быть храм Владимира... Вот он! Значит, действительно все!..

...Прощай, прощай, хайре, прощай, хайре, хайре, хайре...

До поезда еще более часа, мы ставим вещи невдалеке от камеры хранения, в тени старых платанов. Постепенно сюда сбредается вся наша публика и, оставив часовых, расползается в поисках мороженого и газировки. Бог с ней, с газировкой, лучше просто побродить, ноги размять. В поезде еще насидимся. Был бы здесь Лука, сразу вспомнил, как мы в вокзальном ресторане в прежние годы каждый раз пили чешское пиво. Теперь какое уж пиво, ресторан — и тот закрыт!..

Время тянется медленно, и я забираюсь под тень платана, истребляя сигарету за сигаретой из предпоследней пачки. Ты прав, Борис, надо еще оставить на поезд. Ничего, до Харькова хватит.

Рабочая тетрадь. С. 48.

...4. Подземный храм (Крипта), считающийся раннесредневековым христианским памятником, не был и не мог быть тайной христианской церковью. Вполне вероятно, он был сооружен на месте языческого святилища, возможно, главного святилища Херсонеса, посвященного небесному покровителю или покровителям (Деве? богине Херсонас?). Был ли это Састер, предполагать пока рано.

5. Языческое святилище, если оно и в самом деле существовало, было построено в центре аномалии, следовательно, имело наибольший «контур». Эту его особенность могли использовать в соответствующих обрядах. Святилище было тайным, хорошо замаскированным, что позволяет предположить также использование его в качестве тайника для каких-то городских реликвий (статуя Девы?).

6. После победы христианства Кримта, перестроенная в V веке н. э. (или чуть позже) в подземный мавзолей, сохраняла свои особенности («контур»), что могло быть использовано служителями новой религии в тех же целях, что и прежде.

Вот, пожалуй, и все.

Сибиэс считает, что нужно:

— В ближайшие месяцы поднять всю литературу по подземным святилищам Востока, языческим и христианским (анalogии!).

— Связаться с Колей Немно из Мелитополя (архитектор).

— К весне подобрать группу из пяти-шести человек...

Наконец разведка докладывает, что поезд подан, и мы, вновь взвалив на горбы наш цыганский скарб, идем на платформу. Вещи брошены на сиденья, мы стоим у вагона, коротая оставшиеся минуты. Д. с Сенатором курят, и Шарап наставительно вещает младшему коллеге о чем-то важном. Их супруги, стоя поблизости, совещаются, вероятно по не менее значительному поводу, Стеллерова Корова, размахивая ручищами, что-то рассказывает Ведьме, та хихикает в ответ.

О. стоит совсем близко от меня и о чем-то говорит с братом...

Ко мне подкатывает Слава и с энтузиазмом неофита сообщает, что в следующем году обязательно сюда

приедет, здесь куда интереснее, чем в тех полевых экспедициях, где он бывал. Он хотел бы писать диплом по Херсонесу, только не знает, возможно ли это...

Вы правы, Слава, здешние места особенные, и будет очень хорошо, если вы нас смените. Только вам придется брать с собой будильник: Д. — мужчина строгий. А что касемо диплома...

Внезапно Борис, о чем-то толковавший с Володей, толкает меня в плечо, кивая при этом куда-то в сторону.

Извините, Слава, мне кажется... Или не кажется...

Света, поблескивая стеклышками очков, идет прямо к нам. Замечаю, как смолкают и настораживаются Корова с Ведьмой, О. отворачивается и продолжает что-то говорить брату. Без особой уверенности делаю несколько шагов вперед.

Ну, здравствуй!..

Привет...

Поезд свистит, народ начинает толпиться у вагонных дверей, невидимый локомотив дергает, затем еще раз, вагоны трогаются с места.

Все отлично, Свет... Счастливо!.. Мой адрес в Харькове! Помнишь, я записал тебе мой адрес...

...Поезд уже движется, времени не остается ни секунды, я успеваю лишь сорвать с головы синюю кепку с угрожающей надписью «Дикий кот» и надеть ее на голову Светы. Кепка оказывается чуток великовата, съезжает на левое ухо...

Вскакиваю на убегающую подножку. Света поправляет «Дикого кота», машет рукой, проводник оттесняет меня от двери, я вдыхаю затхлый дух вагона, дух Возвращения, а колеса уже стучат, пересекая незримую границу Настоящего и Прошлого, и злое созвездье Пса гаснет в небе...

Храм недвижим и тих в ярком свете луны.

Темен вход, и войти мы туда не вольны.

Сколько лет я хочу разгадать его тайну!

Но молчит мертвый храм среди мертвой страны.

Здравствуй, дорогой Андрей!

Целиком с тобой согласен. Меня самого тошнит от звездолетов, баронов, драконов и тем более профессоров Петровых и шпионов Густопсиди — от всего, чем увлекаются современные (и не только современные) фантасты. Но твоя идея меня все-таки удивила. Может быть, потому, что мы не привыкли воспринимать происходящее с нами самими как нечто фантастическое.

Конечно, я не против использования для романа наших материалов. Более того, такой роман совершенно необходимо написать. И не только из-за самой Крипты. Пусть твоя книга станет памятником нашим друзьям-археологам и всей эпохе — эпохе пытливых и неравнодушных людей 90-х.

Что же касается твоей просьбы изложить более или менее обобщенно результаты наших исследований, то попробую, хотя нашел я в своих записях не так уж и много.

Но — попытаюсь.

I

На мой взгляд, Крипта представляет собой объект, исключительный для Херсонеса, и по расположению, и по описанному тобой «лунному эффекту», и, конечно, по архитектуре. Крипта — действительно необычный архитектурный памятник. Ее особенностью, нехарактерной для средневековой архитектуры Крыма, является прежде всего яйцевидный свод (хотя недавно было высказано предположение, что своды были не яйцевидные, а конусные). Вместе с тем Крипта имеет сходство с некоторыми аналогичными средневековыми постройками Крыма. Среди них:

- Часовня в Бакле.
- Церковь Успенского монастыря.
- «Церковь с ризницей» на Тепе-Кермене.

Все эти сооружения вырублены в скале и имеют форму, близкую к базилике, однако их конструкция значительно проще по сравнению с Криптой, своды отсутствуют, хотя определенный «наме́к» на них можно заметить.

II

С планировкой Крипты сейчас кое-что прояснилось. Помнишь, мы предполагали, что в ней было два помещения (под лестницей и у алтаря)? Так вот, в VII—VIII веках «Помещения с лестницей» уже не существовало. Возможно, раньше что-то под лестницей и размещалось, но позже все было замуровано.

Сооружение Крипты потребовало немалого труда. Верхний слой скалы приходилось снимать в неимоверно тяжелых условиях; дальше шла порода более мягкой тектоники, и ее, как ты понимаешь, рубить было легче.

Подземный храм действительно содержал «окно», ведущее наверх, оно находилось над алтарем. Решился и вопрос о лестнице. Уже ясно, что она не могла идти к самому алтарю. Лестница шла до того места, где обрывается сейчас, после чего делилась на две, идущие с боков Крипты и постепенно спускающиеся под сделанную из плинфы арочку, переходящую в свод. Возможно, в районе ответвления лестниц существовала небольшая площадка. У алтаря, по всей видимости, была маленькая ограда.

Крипта имела как минимум три периода реконструкции:

1. IV—V вв.
2. VII—VIII вв.
3. X—XI вв.

На момент VII в. внутри она было покрыта светлой штукатуркой, имеющей алую кайму с голубой полосой у поля.

Яйцевидный свод, форма и планировка Крипты говорят о сходстве с сирийским типом подземных храмов.

III

Найти убедительные доказательства дохристианского периода существования памятника пока не удалось. Однако это не исключено, по своей архитектуре Крипта вполне могла быть мавзолеем (или святилищем) эллинистического времени (за исключением сводов, сооруженных уже в IV—V веках или даже позже). Возможно, Крипта и была загадочным Парфеноном, храмом Девы, где прятался святой Василий, епископ Херсонесский.

Загадок тут много. Эллинистический строительный период в Крипте, как мне кажется, все-таки присутствует, но почему, если это был Састер, его место не на агоре, где-нибудь возле главного храма? Да и алтарь для богини Девы в Крипте слишком мал.

Римский период тоже был, но о нем ничего не известно, кроме находок монет этого времени.

О более поздней, христианской эпохе мы можем сказать куда больше. Характерные стенные ниши определенно говорят о мавзолеем типе сооружения. Не мавзолеем ли это Св. Климента? Правда, Климента бросили в море при Траяне. Да и с чего христианам хоронить Святого в языческом храме?

Стенные ниши, где раньше был, вероятно, захоронен пепел настоятелей храма (я имею в виду не упомянутую тобой «погребальную» нишу, а те, что над нею и на противоположной стене), говорят о нескольких поколениях священников, служивших в этом храме. Значит, церковь действовала лет четыреста как минимум. Возможно, настоятелей там хоронили лишь первое время, потом языческий обряд трупосожжения у христиан ушел в прошлое — и появилась «погребальная» ниша, то есть костница.

Теперь о непонятных явлениях, связанных с Криптой и в целом с Херсонесом.

Удалось доказать, что Подземный храм обладает своим постоянным микроклиматом, влажностным и температурным режимом. Именно это помогло Крипте уцелеть, несмотря на все разрушения. Еще более интересно, что внутри объекта присутствует очень удивительная сейсмика. Как выразился один мой знакомый физик: «Сейсмическая волна сохраняет здесь свой поток уже в течение 1400 лет». Именно исследование этой «застоявшейся волны» сейчас представляется мне наиболее перспективным. Не исключено, что все наблюдаемые нами эффекты, включая тот, что Борис именует «лампой», связаны именно с нею.

Кстати, тектоника Крипты доказывает, что она не могла быть цистерной. Увы, в этой области я не специалист, остается поверить знатокам.

Отклонение стрелки на компасе («контур») до сих пор остается загадкой, хотя кое-что и здесь начинает проясняться. По данным геофизиков из Питера, которые изучали это место со своей аппаратурой, какая-то электромагнитная волна из глубины скалы действительно идет. Они затрудняются с определением причин этого явления. Иногда такие вещи наблюдаются на местах месторождений железной руды. В последние годы появилось очень много публикаций относительно подобных мест, именно с геомагнитными аномалиями связывают такие явления, как «птицепад» на севере Индии, исчезновение людей в Аргентине, «видения прошлого» на юге Франции. Возможно, скоро удастся построить непротиворечивую теорию.

Что касательно моментов, связанных с экстрасенсорикой, в том числе воздействия аномалии на психику живых существ, то разобраться с этим очень сложно. «Странности» Херсонеса сейчас охотно признаются

даже на страницах научных монографий, но от этого вопрос яснее не становится. Возможно, именно здесь проходит очевидная, хотя и внешне неприметная граница Познания.

Кстати, ты оказался прав — в Херсонесе действительно появилось нечто вроде секты, проводящей у Крипты целые ночи.

Итак, Крипта заслуживает дальнейшего изучения прежде всего на базе новых источников. «Вписать» Крипту в общую канву херсонесской истории пока сложно, хотя наша версия, конечно же, имеет право на существование. Был ли это действительно Састер? Служила ли Крипта своеобразным оракулом или даже «пультом управления» города? Боюсь, правду мы узнаем нескоро.

Порой я жалею, что нет в живых тех монахов, что копали в этом районе до Одесского археологического общества. Они могли найти больше источников по Крипте. Может, стоит перетрясти монастырские архивы?

Ты прав, Крипта — действительно немалый кусок нашей жизни, причем далеко не худший и небесполезный. Даже умники из «большой» науки начинают это понемногу признавать. Впрочем, что нам до них?

Надеюсь, что помог тебе. А в Херсонес мы обязательно вернемся, тут и сомневаться нечего. Сейчас намечается один очень интересный вариант, о котором — в следующем письме.

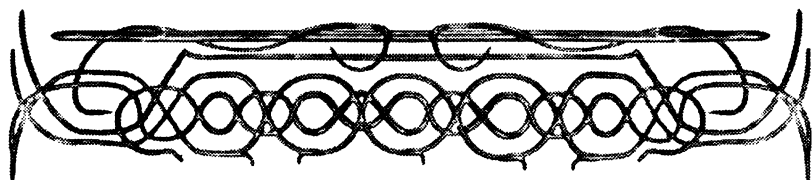
Р. С. В памятную нам обоим историю с флейтой все эти любители баронов-драконов действительно не поверят. Но разве дело только во флейте? А черные собаки, которые кружили вокруг нашего костра той ночью? Куда там Конан Дойлу! Признаться, я и сам до сих пор не понял, куда нас тогда занесло. Горы, древняя дорога, разрушенный алтарь, весь вечер и всю

ночь кто-то играет на флейте... А то, что мы увидели на рассвете! Разве что ты напишешь о том, как двое археологов забрели в гости к Пану...

Твой Андриус.

В книге использованы материалы Сергея Борисовича Сорочана, Бориса Вадимовича Успенского (Харьков) и Андриуса Мишриса (Вильнюс). Всем им, своим товарищам по Херсонесу, автор выражает искреннюю благодарность.

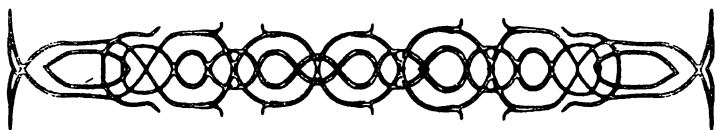
1990—2001.

КТО В ГЕТТО ЖИВЕТ?

(о фантастике и фантастах).

Статьи и рецензии

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

любезный Читатель!

Дело писателя — создавать книги, а не спорить о них. Мудрый так и поступает, не вмешиваясь и не возмущаясь, даже если замечает некие несообразности в произведениях своих коллег.

Более того, посидев за коньячком с обруганным злыми критиками собратом по жанру и посочувствовав, можно стать ему искренним другом и верным товарищем.

Однако иногда так и тянет высказаться. Не обязательно, конечно, чтобы похулить — хвалить куда приятнее. Интересный роман всегда является поводом для раздумий, порой совершенно неожиданных.

Но есть еще Фантастика, наша руганая-переруганая Фантастика со своими проблемами, которые сплошь и рядом трудно не только решить, но и обозначить. Приходится порой говорить и об этом, как с трибун наших конвентов, так и в прессе.

Результатом такой активности и стала эта подборка, куда вошли статьи, доклады и рецензии последних лет.

Лишь часть из них была опубликована, посему все вместе они могут представлять интерес для тех, кто не только любит, но и болеет душой за то, что творится в нашей маленькой Фантастической Вселенной.

Да не пройдем мимо!

В 2000 году издание фантастики в Украине фактически прекратилось². Это печальное событие осталось незамеченным на фоне экономических трудностей и социальных катаклизмов, огорчив разве что самых искренних поклонников этого жанра. Самых искренних — ибо фантастики зарубежной, в том числе изданной в России, на книжном рынке по-прежнему достаточно. Стоит ли в этом случае жалеть? Ведь сейчас в Украине живут и работают около 30 писателей-фантастов, в том же 2000-м году выпустивших около 50 книг³. Но, печатаясь в иных государствах на иных языках, они становятся частью иных литератур, обедняя из без того небогатую палитру современной украинской культуры. Поневоле задумаешься: а не стоит ли все-таки огорчиться? Ведь фантастика — не случайная ветвь на древе украинской литературы.

Может показаться, что история украинской фантастики как жанра чрезвычайно коротка. Первые опубликованные произведения, которые можно отнести к жанру «строгой» фантастики, появились в Украине только в 20-е годы XX столетия. За восемь десятилетий накопилось десятка два более-менее известных имен, которые до сих пор остаются (заслуженно или

¹ Статья написана совместно с Д. Е. Громовым и О. С. Ладыженским.

² В 2000 году в Украине издано семь книг, которые можно отнести к жанру фантастики (две из них — переводные). Все они малотиражные (суммарный тираж — не более 15 тысяч), изданы на средства авторов или спонсоров, более того, из-за развала книжной торговли малодоступны читателям.

³ Подсчитано по: Фантасты современной Украины/ Под ред. И. В. Черногo. — Харьков, 2000. В 2000 году книги авторов, проживающих в Украине, были изданы (в основном в России, на русском языке) общим тиражом не менее 700 000 экземпляров.

нет, другой вопрос) малоизвестными в неукраиноязычной среде. Однако впечатление это обманчиво, что связано как с особенностями жанра, так и с некоторыми реалиями украинской литературы. Исторически сложилось так, что украинские авторы практически всегда писали и публиковались не только на родном языке. Причины этого были весьма различны, однако тенденция сохранялась со времен средневековья до нынешнего дня. Поэтому под украинской литературой имеет смысл рассматривать всю совокупность произведений украинских авторов, в том числе написанных ими на иных наречиях. В этом нет ни парадокса, ни натяжки. В литературе русской вполне свободно чувствует себя целая плеяда авторов (от Пушкина до Алексея Толстого), создавших немало произведений на французском языке. Финские школьники читают национальный героический эпос — поэму Л. Рутеберга «Рассказы прапорщика Столя» в переводе или прямо на шведском. Дело лишь в масштабах, хотя тот же Т. Г. Шевченко большую часть своих произведений написал не на украинском, а на русском. Сложилась общемировая практика считать «своими» всех авторов, живущих и работающих в стране. Увы, провинциальный подход, свойственный не лучшей части нашей национальной интеллигенции, ощущается и здесь, выводя целые культурные пласты из сферы украинской цивилизации.

Оговорок требует и само понимание жанра фантастики. Если рассматривать фантастику в ее нынешнем, «широком» толковании, включая туда фэнтези, мистику, альтернативную историю и многое другое, то под этим углом зрения украинская фантастика действительно представляет немалый интерес.

Если направление «Science Fiction» («научная фантастика», «НФ») в украинской литературе появилось весьма поздно, то корни иного популярного жанра — «фэнтези» («Fantasy») прослеживаются еще в средне-

вековье¹. В этом случае украинская словесность стояла на мощном фундаменте фольклора и народной апокрифической литературы. Писателям-профессионалам оставалось сделать лишь шаг, перенеся народные сюжеты на бумагу. Достаточно вспомнить знаменитый памятник средневековой литературы — Киево-Печерский патерик.

Если взглянуть на Патерик не с точки зрения агиографии, а как на литературное произведение, то перед нами роман в новеллах, посвященный борьбе славных монахов-затворников Киево-Печерской лавры с целыми легионами слуг Ада. Читатель не без удивления обнаружит, что условия, методы и приемы этой борьбы вполне соответствуют современным представлениям, утвердившимся благодаря Стокеру и его последователям. В обилии наличествуют призраки, оборотни, восставшие мертвецы, заклинания, чудодейственные талисманы — разве что нет осинового кола.

Совсем по-иному решается эта проблема в малоизвестной современному читателю латиноязычной поэме Себастьяна Кленовича «Роксолания». Автор, гуманист по мировоззрению, излагает много любопытных подробностей относительно ведовства, колдовства, некромантии и прочей доморощенной мистики украинцев XVI века. Не ограничиваясь этим, он приводит несколько эпизодов, которые вполне могут считаться вставными новеллами. Герои Кленовича с нечистью не борются, напротив, она не прочь оказать помощь — ежели ее как следует попросят, конечно.

Новый шаг был сделан в XVII веке, в эпоху господства литературы барокко, весьма склонной к фантастическим сюжетам. Ярким примером может служить творчество митрополита Петра Могилы, оставившего

¹ Блестящая подборка текстов «старой» и «новой» украинской фантастики прежде всего фольклорного и апокрифического происхождения содержится в издании: «Антологія українського жажу». — Киев-Черкасы, 2000.

после себя целый цикл новелл на фантастические и мистические сюжеты. Причем автор, в полном соответствии с законами жанра, предувещивает читателя, что большинство описанных им событий происходило на его глазах. Налицествует явная «стилизация под документ» — упоминаются «подлинные» имена, даты, порой участником событий становится и сам автор. Причем если Патерик создавался все-таки как житийный сборник, то Петр Могила писал свои новеллы с чисто литературной целью: позабавить, пострашать и заодно наставить читателей.

В так называемых «казацких летописях» (Самовидца, Величко. Грабянки), создававшихся во второй половине XVII — начале XVIII в., в обилии присутствуют вставные новеллы все на те же сюжеты. Разве что окрас становится более мрачным — как правило, речь идет о разного рода «зловещих мертвецах», то поджигающих церковь, то восстающих из колодца. Как правило, эти истории не имеют «хэппи энда», что позволяет отнести их к ранней разновидности «хоррора».

Еще более заметным памятником жанра стало произведение, известное и в «большой» литературе, — трагикомедия Феофана Прокоповича «Владимир», созданная в начале XVIII века. С точки зрения фантастики это произведение написано на стыке двух жанров — фэнтези и альтернативной истории. Присутствуют злокозненные выходцы из Ада (как призраки, так и во плоти), им противостоят brave представители «светлых сил». Интересно, что часть «плохих парней» выступает в виде языческих божеств-демонов, что не без основания делает Феофана Прокоповича одним из отцов «славянской фэнтези». Вдобавок во «Владимире» действуют реальные персонажи (сам Владимир, его брат Ярополк), творящие «реальную» историю, которая, разумеется, ничего общего с Нестором не имеет. Естественно, наличествует эффектная кульминация, в которой добро с фатальной неизбежностью побеждает зло.

Эти традиции так или иначе присутствуют во всей литературе XVIII века. Неудивительно, что именно с фантастики началась современная украинская литература, ведущая начало с 1798 года, когда в Петербурге были изданы первые песни «Энеиды» Ивана Котляревского.

II

«Энеида» — первое произведение, написанное современным украинским языком, традиционно считается «бурлеском», «травестией» или «героико-комической поэмой». Все эти определения справедливы, однако к этому можно добавить еще одно. Перед нами, без сомнения, героическая фэнтези, достаточно сложная и даже изысканная как по жанру, так и по исполнению.

Прежде всего автор создает свою собственную вселенную, щедро перемешивая реалии гомеровского, античного и вполне современного ему миров. Наряду с легендарными троянцами и латинами в мире «Энеиды» прекрасно чувствуют себя народы Европы конца XVIII века. Столь же перемешаны и артефакты — вместе с мечами и копьями в ходу огнестрельное оружие, современная одежда, еда и, естественно, выпивка. Герои, как Эней со товарищи, так и их противники, разговаривают по-украински и на латыни. Более того, задолго до Толкиена Котляревский использовал в «Энеиде» целых два искусственно созданных наречия, правда, не выдуманных им самим, а взятых из тогдашнего студенческого лексикона.

Сюжет «Энеиды» включает все необходимые составляющие фэнтези: вмешательство потусторонних сил, колдовство и колдунов-магов (изъясняющихся на бурсацком жаргоне), путешествие в преисподнюю и, само собой, многочисленные битвы, где славные герои вовсю машут мечами вперемешку с пальбой из пушек. Интересно, что Котляревский проявил немалое художественное чутье, не доведя рассказ до «хэппи энда».

Финал «Энеиды», когда «хоть куды козак» Эней мстит за убитого друга, можно поставить в пример многим современным авторам, так и норовящим женить главного героя на принцессе или надвинуть ему корону по самые уши.

Традиция, продолженная и закрепленная «Энеидой», получила свое дальнейшее развитие в XIX веке. Перу того же Котляревского принадлежит забавная пьеса «Москаль-чаривныйк», которая является остроумной пародией на всякую «мистику». Автор вволю посмеялся над излишним увлечением своих земляков различными «ужасниками», но, конечно, закрыть тему не смог.

Фэнтези и мистика в том или ином виде постоянно присутствует в творчестве первого современного украинского прозаика — Григория Квитки-Основьяненко, который вправе считаться и первым харьковским фантастом. Наиболее значительна в этом смысле его знаменитая повесть «Конотопская ведьма».

Перед нами уже не чистая фэнтези, а своеобразный роман ужасов, вначале полупародийный, а затем все более серьезный и даже страшный. Автор использует подлинные реалии Украины XVIII века, густо сдабривая сюжет политикой и эротикой. Поединок между ведьмой, на этот раз самой настоящей, и жителями города Конотопа идет с переменным успехом. Столь же амбивалентен финал — ведьма победила, но недолго радовалась победе. Пришел час — и злодейка умирает в жутких мучениях. Эта сцена поистине достойна если не Кинга, то Мак-Каммона.

Даже в творчестве политически ангажированного Тараса Шевченко мы можем найти немало подобного. Достаточно вспомнить его первое опубликованное произведение — балладу (точнее, небольшую поэму) «Причинна», где присутствуют и привидения, и утопленница, и все, что к этому полагается. Написал он и свой вариант «Ведьмы», оказавшийся куда более романтичным, чем у Квитки.

На этом фоне вполне понятен великий феномен Николая Гоголя, который принадлежит без сомнения к русской литературе, но всеми корнями уходит в украинскую. Именно Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Вие» и «Портрете» максимально развил традиции украинской фэнтези XIX века. «Малороссийский» цикл Гоголя является по сути вершиной не только российской, но и украинской фантастики романтического периода и одновременно его завершением.

III

К середине XIX века новая украинская литература набирает силу. Период ученичества заканчивается, новое поколение, поколение Кулиша и Панаса Мирного, со всей ответственностью берется за наиболее серьезные и актуальные для своего времени темы. И... фантастика исчезает. Наступает более чем полувековая пауза. При всем многообразии жанров и сюжетов в украинской литературе второй половины XIX — начала XX века невозможно найти ни одного произведения, которое даже условно можно отнести к этому жанру. Единственным, хотя и ярким исключением являлось творчество Леси Украинки, широко использовавшей фольклорные сюжеты. Ее «Лесную песню» вполне можно считать типичной фэнтези со всеми характерными признаками жанра. Однако это блестящее исключение лишь подчеркивает правило — фантастика в украинской литературе отсутствует.

Причины этого явления неоднозначны. Украинский читатель не потерял интерес к фантастике, напротив. Достаточно заметить, что первым переводчиком произведений Жюль Верна была украинская писательница Марко Вовчок. Фантастику переводили, читали, но чужую, не свою. Конечно, сыграло свою роль завершение периода романтизма. Патриархальные ведьмы и утопленницы более не интересовали

просвещенного читателя. Вместе с тем эпоха «технической» фантастики, ярким представителем которой был тот же Жюль Верн, для крестьянской Украины еще не наступила. Интересно, что ситуация в русской литературе была весьма сходной, но русские писатели в этот период отдавали дань еще одному направлению — социальной фантастике (достаточно вспомнить Григоровича и Булгарина). Украинские же авторы предпочитали решать социальные проблемы на конкретном материале, не выходя за рамки воцарившегося в литературе реализма. И эта тенденция сохранялась на протяжении почти семи десятилетий. Понадобилась коренная ломка всего — общественного устройства, привычного быта, ментальности, чтобы украинские писатели вернулись к фантастике, но уже к фантастике совершенно другой. По сути жанр рождался заново.

Собственная традиция была прервана, однако к этому времени мировая фантастика уже знала имена Герберта Уэллса, Артура Конан Дойла и Брэма Стокера. Поколение украинских писателей 20-х годов XX века, стремившихся к «литературной Европе», сполна использовало уже имеющийся опыт. Флагманом стал самый известный украинский писатель того времени — Владимир Винниченко.

В 1924 г. был опубликован большой роман Винниченко «Солнечная машина», написанный на стыке жанров. Перед нами одновременно и НФ, и социальная фантастика, переносящая читателя в будущее, в тоталитарную Европу конца XX века. Олигархическому правлению банкиров и аристократов противостоит кровавое коммунистическое подполье. Страсти накаляются, но внезапно некий чудаковатый изобретатель являет миру машину, позволяющую каждому человеку прокормить себя собственным трудом. Основы экономики подорваны, наступает полный хаос...

Эффект «Солнечной машины» был огромен. Фантастикой увлеклись многие, прежде всего из числа начинающих писателей. Многие из тех, что впоследст-

вии ваяли «нетленку» о соцсоревновании и соцстроительстве, свои первые опусы посвящали именно фантастике. Эта литература не оставила заметного следа, хотя среди пишущих были такие известные в будущем авторы, как Иван Ле, создатель повестушки о «солнечных людях», и Юрий Смолич, автор «Прекрасной катастрофы». Некоторую известность приобрела повесть Гео Шкурупия «Дверь в день», автор которой может считаться первым в XX веке украинским писателем, специализировавшимся исключительно на фантастике.

В 30-е годы молодежь образумилась и в основном переключилась на иные темы. Однако украинская фантастика жила. Наиболее известным автором становится Владимир Владко, чье увлечение фантастикой продолжалось всю его долгую жизнь. Из его произведений того времени («Идут рабочие», «Чудесный генератор», «Двенадцать рассказов») наиболее интересны «Аргонавты вселенной» (1935) — первый в украинской литературе роман о полете в космос. Владко отдал дань и «исторической» фантастике. В романе «Потомки скифов» (1939) современная экспедиция попадает в мир, где рабы-греки ведут ожесточенную классовую борьбу со скифами-рабовладельцами...

К этому же времени относится и любопытный факт — тесное сотрудничество с украинскими авторами известного фантаста Александра Беляева. Киевская киностудия (будущая «имени Довженко») работала над экранизацией его произведений. Более того, текст романа Беляева «Чудесное око» дошел до нас только в украинском варианте. Как уверяют литературоведы, речь идет о переводе, однако не исключено, что роман был первоначально написан именно по-украински по заказу одного из украинских издательств.

40-е годы в целом были неблагоприятны для фантастов. Более того, начавшаяся с 1946 года борьба с «украинским национализмом» на некоторое время вообще заморозила возможность издания новых произ-

ведений. Этой суровой эпохе вполне соответствовал роман жившего во Франции Винниченко «Слово за тобой, Сталин», ставший первой в украинской фантастике попыткой написания «альтернативной истории». «Поумневший» Сталин, сражаясь со всемогущей подпольной организацией «Термиты», приходит к мысли о необходимости отказа от тоталитарного социализма и перехода к столь любимой автору идее «коллектократии» (власти трудовых коллективов).

IV

Увы, реальная история только во второй половине 50-х годов дала возможность украинским писателям вдохнуть «глоток свободы». Фантастика вновь ожила. Возобновил работу Владко, издавший ряд новых романов и повестей («Фиолетовая гибель», «Седой капитан», «Одолженное время»). Вновь, как и в 20-е годы, многие молодые авторы потянулись к лаврам Уэллса (а теперь — и Ефремова). Увы, особых талантов замечено не было. Не радовали и сюжеты. В основном перепевались подвиги космонавтов, оставляющих с носом океанских коллег, и, естественно, достижения славных советских ученых, совершающих чудо-открытия, к которым уже тянутся загибающие руки «клятих американских шпигунів». Если и было что украинского в этих произведениях, то разве что фамилии персонажей.

На этом неярком фоне с конца 50-х годов все заметнее стало проступать нечто более интересное. Поколение будущих украинских «шестидесятников» все-раз увлеклось давним романтизмом, пытаясь по-новому осмыслить традиции Квитки и Гоголя. Наиболее ярко это направление проявилось в кинематографе (достаточно вспомнить цикл фильмов-фэнтези киностудии им. Довженко, в том числе «Вечер накануне Ивана Купала» и «Пропавшую грамоту»). Но и в литературе неоромантизм отразился в ряде заметных про-

изведений, в том числе в творчестве одного из самых интересных писателей этого времени — харьковчанина Александра Ильченко, создавшего, пожалуй, лучший украинский роман-фэнтези «Казацкому роду нет переводу, или Казак Мамай и чужая молодлица» (1958).

Роман написан на стыке классической фэнтези и альтернативной истории. Приключения любимца украинского фольклора — бессмертного казака Мамаю — происходят на фоне невероятных событий, в которых участвуют апостол Петр, царь Алексей Михайлович, иезуиты, украинский гетман с крылом вместо руки и Сама Смерть, которой никак не удастся одного Мамаю оприходовать. Фантазия автора разгулялась до такой степени, что роман остался неоконченным — «оттепель» быстро сходила на нет, и фантастике вновь пришлось дожидаться лучших времен.

Противоречия эпохи наиболее полно проявились в творчестве известного и за пределами Украины автора, талантливого фантаста поколения 60-х — Олеса Бердника. Он был из тех, кто подхватил футурологические новации Ивана Ефремова, создав свой вариант коммунистического будущего. Но вселенная Бердника не похожа ни на Великое Кольцо, ни на Миры Стругацких. Бердник — прежде всего философ, и Будущее интересует его не само по себе, а в тесной связи с Прошлым. В творчестве писателя («Сердце Вселенной», «Стрела Времени», «Пути Титанов», «Покрывало Изиды») соединились две традиции: НФ XX века и старой украинской фэнтези. По сути, Бердник продолжил то, что так удалось Ильченко, расширив вселенную в пространстве и во времени. Его мир, в отличие от космополитических вселенных Ефремова и Стругацких, сохраняет национальное лицо. По тем временам это было ересью не только для правоверных марксистов, но и для большинства фантастов, предпочитавших видеть будущее в виде громадного Нью-Йорка. Более того, в лучших произведениях Бердника, и прежде всего в «Чаше Амриты» (1968), самые важные проблемы —

не технические, не социальные, а моральные. Подобная смелость не могла привести ни к чему хорошему. Творчество фантаста угодило в мясорубку «идейной критики», сам же автор был репрессирован, пополнил контингент Мордовских лагерей.

В 70-е и в начале 80-х годов украинская (вернее, украиноязычная) фантастика практически молчала. Показательным было не только отсутствие интересных и оригинальных книг. Замолчали даже переводчики, хотя российская и мировая фантастика в прежние годы переводилась на Украине много и регулярно. Теперь же понадобилось целых два десятилетия, чтобы на украинский язык были переведены произведения Стругацких, но это случилось уже в конце 80-х, когда наступила новая эпоха.

Конечно, и в 70-е — 80-е годы украинские фантасты и переводчики фантастики все же не вымерли, а продолжали жить, писать, переводить и даже иногда издаваться — хотя, по большей части, на русском языке. На украинском вышло лишь несколько (кстати, очень качественных) переводов (в частности, «Бойня номер пять» Курта Воннегута и «Главный полдень» Александра Мирера); и несколько «идейно выдержанных» серых и безвкусных «фантастических» штампов, на которых даже не стоит останавливаться. Зато на русском уже начал печататься киевлянин Борис Штерн, продолжали публиковать произведения его земляка Владимира Савченко, дебютировавшего еще в 60-е годы, вышли две авторские книги киевлянина Владимира Зайца; появились в печати первые произведения Василия Головачева (Днепропетровск); в различных журналах и сборниках фантастики публиковались рассказы харьковчан Евгения Филимонова, Эрнеста Маринина, Андрея Печенежского.

Хотя, конечно, то была капля в море — рукописи по большей части пылились в столах авторов и редакторов. Впрочем, у большинства российских фантастов в то время дела обстояли ненамного лучше.

Период так называемой «перестройки» (конец 80-х — начало 90-х гг.) ознаменовался появлением ряда новых имен на небосклоне украинской фантастики — а также бурным расцветом приснопамятного ВТО МПФ (Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов), которое немалую часть своей деятельности проводило на территории Украины, издавая здесь свои сборники и включая в их состав произведения украинских фантастов.

Оставим в стороне заведомо графоманские поделки, которых в сборниках ВТО было большинство (графоман — существо интернациональное и крайне плодовитое). Вспомним другое: в те годы в сборниках ВТО «Румбы фантастики» печатались повести и рассказы Льва Вершинина (Одесса), Натальи Гайдамаки, Людмилы Козинец и уже хорошо известного фэнам Бориса Штерна (все — Киев), Елизаветы Мановой (Харьков), Виталия Забирко (Донецк) и других интересных авторов.

Василий Головачев, сейчас перебравшийся в Москву, тогда еще жил в своем родном Днепропетровске и уже активно издавался в серии «Золотая полка фантастики» издательства «Флокс» (Нижний Новгород); выходили его книги и в других издательствах, в т. ч. и на Украине. Именно тогда Головачев собственными руками заложил основу своей теперешней популярности. Можно спорить о степени талантливости его произведений, хвалить или ругать их, но одно неоспоримо: этот человек упорно и настойчиво ломился через возведенные издателями барьеры (сначала идеологические, позже — коммерческие), в результате добившись своего. Его книги начали издавать, и вскоре у Головачева образовалась изрядная аудитория читателей и поклонников. Это был один из первых звонков, сообщавших издателям: наших авторов тоже можно издавать и зарабатывать на этом деньги. Однако тогда на рынке еще вовсе царила эпоха переводной литературы. Даже отечественные детективы не очень-то спе-

шили издавать, а о фантастике вообще речи не было. Книги ВТО, которое в 1992 г. благополучно развалилось, да Головачев в «Золотой полке» — вот, казалось бы, и все.

Так заканчивалась эпоха. Несмотря на драматизм ситуации, тогда еще верилось, что для украинской фантастики это не финал, а всего лишь перерыв. Тем более ситуация с фантастикой в соседней России уже начинала меняться к лучшему. «Вчера» заканчивалось, наступало «Сегодня»...

НЕЧТО О СУЩНОСТИ КРИПТОИСТОРИИ. ИЛИ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1938-Й

(Доклад на фестивале фантастики
«Звездный Мост», Харьков, 1999 г.)

Для начала — некая история из нашего не столь далекого прошлого. Фантастического, само собой, ибо речь сегодня идет именно об исторической фантастике. Итак...

Отзвенели куранты на Спасской башне. Наступил январь нового, 1938-го года, последнего года второй сталинской пятилетки. Весь советский народ, весело отпраздновав у разрешенных товарищем Сталиным (по предложению врага народа бывшего товарища Постышева) новогодних елок, радостно трудился на благо нашей социалистической родины. И вдруг...

Ночью в квартиру наркома Шестакова, руководившего важной оборонной отраслью экономики, позвонили. Опергруппа НКВД получила приказ произвести обыск в квартире свежеразоблаченного врага народа, а затем отправить японо-чешского шпиона, скрывавшегося под личиной народного комиссара, в Сухановскую тюрьму. Обычный эпизод в славной истории наших славных карательных органов, скажете вы. Однако наутро опергруппа не вернулась. Через некоторое время в квартире Шестакова были найдены трупы зверски убитых чекистов. Нарком, его жена и дети ис-

чезли, поиск, предпринятый по указанию замнаркома внутренних дел товарища Заковского, не дал результатов. И тогда к этому невероятному делу подключился некто Лихарев, тайный помощник товарища Сталина. Дело закрутилось, но никто, даже сам Вождь и Учитель, не знал, что с этой минуты в таинственную историю с пропавшим наркомом вмешалась инопланетная разведка, уже много лет работавшая в России...

Как вы уже догадались, я напомнил вам начало романа Василия Звягинцева «Бои местного значения», очередного произведения из его цикла «Одиссей покидает Итаку». Роман интересен во многих отношениях — и сам по себе, и как очередное свидетельство жгучего интереса наших писателей-фантастов именно к 1938 году (об этом чуть ниже), и как пример определенной методологической путаницы. В предисловии к циклу, который сейчас переиздается в издательстве «ЭКСМО», утверждается, что романы Звягинцева относятся к популярному во всем мире жанру альтернативной истории, ибо описывают не то, что было на самом деле, а то, что случилось в стране и мире благодаря авторской фантазии. Как представляется, это не совсем так и даже совсем не так и мы имеем дело не с альтернативной историей, а с иным ответвлением исторической фантастики — с так называемой криптоисторией, о которой сегодня и пойдет речь.

Итак, настоящий доклад посвящен относительно новому в современной русскоязычной фантастике жанру, все чаще (с легкой руки Г.Л. Олди) именуемому «криптоисторией», то есть историей тайной, скрытой. Этот термин появился после публикации в 1997 г. двух произведений, вызвавших достаточно широкий резонанс у читающей и пишущей публики: девятитомной эпопеи Андрея Валентинова «Око Силы» и романа Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в

глаза чудовищ». Термин прижился, его все чаще поминуют по делу и без оного, а посему попытка его осмысления представляется вполне своевременной. Автор доклада, имеющий некоторое отношение к одному из «адептов-генераторов» (по выражению Андрея Лазарчука) криптоистории, счел своим долгом предпринять эту первую попытку.

Но сначала — три совершенно необходимые оговорки.

Во-первых, о понятии «жанр». Оно взято в данном случае в абсолютно необязательном смысле, поскольку споры о том, жанр ли это, «поджанр» или вообще метод для докладчика, в настоящее время не особо интересны. Скорее, конечно, метод, однако слово «жанр» используется чаще, посему пусть послужит и сейчас.

Во-вторых, автор сразу же спешит спрятаться за спины своих авторитетных коллег, подчеркивая, что высказываемое ниже понимание жанра криптоистории заранее согласовано им с ее «адептами-генераторами», в том числе с упоминавшимися выше Андреем Лазарчуком и Михаилом Успенским. С некоторой долей условности эту точку зрения можно назвать если не общей, то близкой.

И, наконец, последнее. Доклад затрагивает лишь короткий отрезок времени — 90-е годы нашего века. Исследование генезиса криптоистории как жанра в целом — тема отдельного исследования.

II

Что же есть криптоистория и чем она отличается от иных, очень близких жанров — исторического романа, с одной стороны, и альтернативной истории — с другой? Как представляется, в самом коротком виде сущность криптоистории можно выразить формулой: «Чапаев не тонул в реке Урал».

На этом доклад можно и закончить, ибо Чапаев действительно в Урале не тонул, а сказанное выше и

есть криптоистория. Однако любая формула, как известно, требует разъяснения.

Посему — приступим. Для начала сравним две аналогичные формулы, которыми можно определить жанр исторического романа и жанр альтернативной истории.

Исторический роман: «раненый Чапаев утонул в реке Урал» (Фурманов, «Чапаев» и одноименный сценарий братьев Васильевых).

Альтернативная история: «Чапаев выплыл и повел Красную Армию в поход на немецко-фашистских захватчиков» (боевой киносборник 1941 года).

Что мы видим? Исторический роман (повесть, рассказ) следует за общепризнанной историей, и ход событий, и результат должен с этой историей в целом совпадать. Автор может лишь домыслить нужные ему детали, не меняя общей канвы. Так поступили братья Васильевы, когда писали сценарий своего фильма. Это и чапаевское «Врешь, не возьмешь!», и прощальная улыбка умирающего Петьки, и то, что начдива убили именно из пулемета «максим».

Вольности историческому роману противопоказаны. Возможны лишь некоторые сдвиги, мало меняющие ход событий. В том же сценарии Васильевых гибель Чапаева происходит при свете солнца, а не ночью, как на самом деле, героя ранят в руку, а не в живот, а возмездие за его смерть (вторичный захват Лбищенска красными) наступает буквально в считанные часы, а не через два месяца. Такие вольности исторический роман терпит — но не более того. Добросовестные авторы спешат оговорить подобные сдвиги, часто при этом извиняясь (например, Алексей Константинович Толстой, на три года перенесший казнь Басмановых и Вяземского в романе «Князь Серебряный»). Наиболее яркий пример из современной литературы — цикл романов Балашова «Государи Московские». Автор в самом тексте или в послесловиях честно оговаривает, что именно он домыслил или переина-

чил. Иногда он даже указывает на собственные же ошибки в предыдущих романах цикла. Еще более показательный пример подобного рода уже из мировой литературы — «Проклятые короли» Мориса Дрюона.

Вывод: автор исторического романа обязан вести корабль своей выдумки по реальной реке Истории. На самом корабле может происходить что угодно, но течение реки (той самой, в которой утонул Чапаев) неизменно.

Теперь поглядим на формулу № 3, то есть на альтернативную историю. Напомню: «Чапаев выплыл и повел Красную Армию в поход на немецко-фашистских захватчиков». Что мы видим? А видим мы то, что автор сознательно меняет ход и результаты исторического процесса. Еще раз подчеркну: сознательно. В этом и состоит замысел альтернативной истории. Делается это для разных целей (как, например, упомянутый боевой киносборник, снятый для поднятия духа), но методика едина: Чапаев выплыл, история изменилась, река Истории поменяла русло, затянулась льдом, пошла паром в небеса, а герои пересели на космический корабль и полетели на планету Ы.

Жанр альтернативной истории сейчас весьма популярен. Приведу некоторые достаточно известные примеры: немцам и русским в 1941 году пришлось вместе воевать против инопланетян (Тертлдав), южанам и северянам — сражаться опять же не друг с другом, а против англичан (Гаррисон), во Второй мировой войне победили немцы (Гаррисон, Лазарчук и еще десятка полтора авторов), Сталин стал добрым и хорошим, после чего дожил до наших дней (Рыбаков). Автору альтернативной истории незачем извиняться перед читателями за несоблюдение исторических реалий, ибо в этом и состоит и метод, и особенность его творчества.

Криптоистория, как представляется, занимает нишу между этими двумя жанрами.

Рассмотрим внимательнее приведенную выше формулу: «Чапаев не тонул в реке Урал». Что из нее

следует? То, что тело народного героя Василия Ивановича Чапаева не отправилось на дно реки. Не больше — но отнюдь не меньше. Поглядим на рамки этого «не больше — не меньше». Не больше — ибо автор во все не претендует на то, что Чапаев не исчез в 1919 году под Лбищенском, выпав из реальной истории. В этой нашей истории, видимой глазу и запечатленной в монографиях и справочниках, его нет. Он не отбил у врага Лбищенск, не взял в плен Колчака, не стал первым маршалом вместо Ворошилова и не был расстрелян в 1937 году. Результат тот же — Чапаева в реальной истории нет. А вот как он из нее выпал — иной вопрос.

Но, может быть, это та же альтернативная история? Не утонул, значит...

Нет, не значит. Возможность самого существования криптоистории заключается в относительности и неполноте наших исторических знаний. Историю пишут историки, пользуясь определенными источниками. А источники могут сознательно солгать (показания штабных, бросивших раненого Чапаева на берегу Урала и попавших за это в ВЧК), добросовестно ошибаться (уцелевший красноармеец от кого-то услышал и по горячке не уточнил, что сам того не видел), вообще умалчивать (Чапаева видели на берегу реки — а что дальше, бог весть). Историк может неумышленно написать неправду, поверив неточному источнику. Может быть и хуже: историку приходится лгать, ибо так требуют от него некие обстоятельства. Наконец, история может стать мифом, с которым вообще невозможно воевать (как стало невозможно опровергнуть версию Фурманова и братьев Васильевых).

Вот тут-то и вступает в бой криптоисторик. Он исходит из очевидного и вероятного. Очевидное — после боя под Лбищенском Чапаев исчез из реальной истории. Как именно — сказать трудно, ибо все, что мы знаем, есть не истина, а лишь более-менее достоверные версии. Вероятное: сие произошло не совсем так — или совсем не так.

Не совсем так — раненного в живот Чапаева охрана из венгров-красноармейцев переправила на обломке плетня через реку на другой берег, где он и умер, после чего был похоронен, а могилу через несколько лет смыла река. Версия вероятная, логичная (логичная — с точки зрения историка), исходящая из реальных фактов.

Совсем не так — Чапаев спасся, но воевать расхотел и отправился во Внутреннюю (или Внешнюю) Монголию к своему другу барону Унгерну, захватив с собою Петьку (Пелевин. «Чапаев и Пустота»). Версия невероятная, нелогичная (опять-таки с точки зрения историка, ибо логика художественного произведения совсем иная), но... в принципе тоже допустимая, ибо никак не меняющая известную нам историю. Чапаев действительно исчез, причем при неясных обстоятельствах. Автор, используя буйную фантазию, эти обстоятельства домысливает, заставляя свой корабль плыть не по главному руслу реки Истории, а по обводному каналу, старице, или вообще тащит свой корабль волоком. Но — все с тем же конечным результатом.

Для того чтобы показать возможности криптоистории на все том же «чапаевском» примере, добавлю, что имеющиеся факты (не опровергнутые или прямо подтвержденные) говорят о том, что комиссар Фурманов не был в то время коммунистом, именно он, а не бывший офицер (прапорщик) Чапаев, бузил, пьянствовал и скандалил, за что и был с позором снят с комиссариата, а знаменитая психическая атака на берегу реки Белой осуществлялась не менее знаменитым Ижевским полком Колчака под красным знаменем и с пением «Варшавянки». Чем не криптоистория?

Все сие говорит о том, что грань между криптоисторией и настоящей, а не мифологизированной историей крайне тонка. К сожалению, почти столетие, потраченное на превращение нашей и всемирной истории в миф, позволяет разлиться реке Урал до Северного полюса, давая невиданный простор авторам

криптоисторических произведений. В результате бывает, что авторская выдумка (сознательное домысливание все в том же русле очевидного-вероятного) оказывается правдой. Порой достаточно лишь идти вслед за логикой, а не вслед за мифом.

Например, в «Оке Силы» Валентинова рассказывается о советской республике на Тибете в 20-х годах и о советском военном присутствии там же в 30-х. Сейчас, к изумлению автора, оба эти факта полностью подтвердились. Совпадения порою бывают пугающие. В том же «Оке Силы» (книга седьмая) упомянут офицер секретной группы спецназа по имени Всеслав (он же Венцлав), участвовавший среди прочего в обороне Белого дома. Автором этот персонаж выдуман. Однако в документальной книге Иванова «Анафема», изданной после написания романа, рассказывается о защищавшем Белый дом офицере спецназа по имени... Веслав, причем указано, что это имя слегка изменено.

Все это, повторяюсь, не говорит о том, что криптоисторик должен следовать только логике событий. Совсем даже нет, ибо реальная логика в Истории порой отсутствует напрочь, чему наш век дает немало подтверждений. Кто, кто знает, может, следы Чапаева когда-нибудь обнаружатся во Внешней Монголии?

III

«Чапаевский» пример, конечно, недостаточен. Он взят лишь для ясности, подобно тому, как в старых учебниках логики встречались типичные силлогизмы: «Иван — человек, Жучка — собака». Посему самое время вернуться к жуткой истории января 1938-го, связанной с поисками пропавшего наркома Шестакова. В свете уже сказанного можно сделать вывод, что цикл Василия Звягинцева в целом не есть произведение альтернативной истории. Некоторые ее элементы в нем присутствуют — но только некоторые. На прак-

тике редко выдерживается пресловутая «чистота» жанра, равно как и метода, и книги Звягинцева служат тому примером. Альтернативно-исторические сюжеты сплетены в них с криптоисторическими. Более того, основа замысла всего цикла относится прежде всего к крипто-, а затем уже к альтернативной истории. Автор исходит из того, что события нашей «большой» истории происходили именно так, как и в реальности. А вот частности... Напомню — главные герои романа, жившие в нашем реальном времени, случайно обнаружили в современной им Москве присутствие инопланетян. После ряда головокружительных приключений они оказались на планете Валгалла, сумели овладеть инопланетной техникой, после чего и начались их похождения в альтернативных временных потоках. Таким образом, альтернативные «ответвления истории» присутствуют либо как виртуальные вероятности, сбывшиеся лишь в воображении героев «Одиссея», либо как сознательно спланированные отклонения, происходящие в столь часто поминаемых современной фантастикой «параллельных реальностях». Необычайные приключения наркома Шестакова никак не меняют реальную историю, являясь ее скрытой составляющей. Более того, все эти драматические события, начавшиеся в январе незабываемого 1938-го, приводят к реальному же результату — смещению «кровавого карлика» наркома Ежова.

Стоп! Вот тут-то можно и возразить. Достаточно вспомнить последние страницы романа: товарищ Сталин, подталкиваемый инопланетным шпионом Лихачевым, принимает решение о снятии Ежова с должности и перемещении его в наркомы водного транспорта. Все правильно, но происходит это не осенью 1938-го, как в нашей реальности, а в январе. Более того, новым наркомом назначается не Лаврентий Павлович Берия, а упоминавшийся выше Заковский, в реальной истории уничтоженный в том же году.

Однако это не совсем так. Непосредственной «аль-

тернативности» в романе нет. Там лишь сказано, что Сталин упомянул об этих «альтернативных» кадровых изменениях в разговоре все с тем же инопланетным шпионом Лихаревым. На этом роман обрывается. Вполне можно допустить, что вождь всех народов, играя свои, по выражению Радзинского, «длинные» шахматные партии, поступил совсем наоборот: усыпил бдительность ставшего весьма подозрительным ему Лихарева, напугал для пушей остратки Ежова, выведal все ему нужное у явившегося с повинной Шестакова и... И наша история пошла своим обычным путем. На следующий день Ежов был прощен — до поры до времени, а Лихарев с Шестаковым оправились куда следует для быстрого и эффективного стирания в лагерную пыль. Почему бы и нет? Логика романа и логика истории вполне это допускают.

Итак, на основании этого примера можно сделать некоторые выводы. Прежде всего хронологические.

Как представляется, в отечественной фантастике 90-х пионером криптоистории, если не нового, то возрожденного жанра, была не упомянутая выше триада «адептов-генераторов» (Валентинов, Лазарчук, Успенский), а другой, не менее известный автор — Василий Звягинцев. Это очевидно, ибо первые книги его цикла «Одиссей покидает Итаку» вышли в свет раньше «Ока Силы» и «Посмотри в глаза чудовищ». Иное дело, что о криптоистории как отдельном жанре заговорили не сразу, а после появления новых книг и новых авторов — в данном случае уже упоминавшегося цикла Валентинова и романа Успенского и Лазарчука. Чтение этих книг позволяет дополнить наше понимание особенностей криптоистории как жанра, но это уже отдельный разговор. Достаточно лишь обратить внимание, что события 1938-го, связанные с устранением железного наркома товарища Ежова, были описаны как у Валентинова, так и, хоть и косвенно, у Лазарчука с Успенским, причем без всякого предварительного сговора между авторами. Что тут сказать? Криптоистория!

Теперь поглядим на уже имеющуюся криптоисторическую концепцию истории XX века, какой она вырисовывается из произведений уже упомянутых авторов. Интересно и весьма показательно, что все писатели, не сговариваясь (ни один не знал о замыслах коллег), положили в основу своих произведений одну и ту же идею. Идея эта очевидна — отечественная история XX столетия, какой мы ее учили (и писали!) еще совсем недавно, замифилогизированная до полного неправдоподобия, вызывала протест у любого мыслящего и честного человека. Усилиями нескольких поколений историков КПСС и прочей интеллектуальной «обслуги» была создана до омерзения лживая «альтернативка», которую нам предлагали считать подлинной историей России и СССР. Так и хотелось сказать: «Не верю!»

Что и было сказано.

Звягинцев, Валентинов и Лазарчук с Успенским исходят из того, что события отечественной истории XX века имели, во-первых, совершенно иные предпосылки, чем нам пытались объяснить номенклатурные Плутархи, а во-вторых, происходили не совсем так, как рассказывалось, — или совсем не так. Таким образом, критерий криптоистории полностью выдержан, ибо никто из авторов не оспаривает конечный результат чудовищных экспериментов, производимых некими силами над страной и народом. В итоге же каждый из писателей создал свою криптоисторическую концепцию отечественной истории XX века.

Звягинцев в своих книгах исходил из предположения, что Земля в целом и Россия в частности стали ареной борьбы двух инопланетных сверхцивилизаций, для которых люди — всего лишь пешки в подобной «игре королей».

Валентинов предположил, что в ход человеческой истории вмешались иные разумные существа Земли —

представители нечеловеческой (и дочеловеческой) цивилизации, упоминание о которой имеется в Библии (рассказ о потомках ангелов). Они искренне стремились помочь людям, но делали это, руководствуясь своими, а не человеческими представлениями о прогрессе и счастье.

И, наконец, Лазарчук с Успенским исходили из существования некой тайной организации, созданной еще много веков назад, — человеческой, но пользовавшейся нечеловеческими знаниями.

Любопытны прямые сюжетные совпадения, возникшие не по авторской воле (еще раз подчеркну — все упомянутые книги писались авторами без знакомства с творчеством коллег). Например, «тибетская» линия у Лазарчука с Успенским и Валентинова или альтернативная история гражданской войны (раздел страны между белыми и красными) у того же Валентинова и Звягинцева.

Таким образом, все авторы опирались на поставленную с ног на голову (а точнее, с головы на ноги) столь бурно обсуждавшуюся в недалеком прошлом идею «прогрессорства». Незачем напоминать, что само «прогрессорство», всесторонне проанализированное в книгах братьев Стругацких, было лишь слепком с многочисленных реальных теорий о построении всеобщего счастья, столь популярных в XX веке. В общем, Некто покинул свою хату и пошел воевать, чтоб землю в России колхозам отдать. В основе своей — не очень оригинально, но очень правдиво.

Конечно, все эти достаточно близкие трактовки «тайной» истории XX века имеют и существенные различия, которые, однако, определяются не концепциями авторов, а различным воплощением — сюжетным и, так сказать, тональным. Книги Звягинцева достаточно оптимистичны, его герои смело вступают в бой с всемогущими инопланетянами, всегда побеждая врага и «улучшая» историю, если не в реальности, то в ее альтернативных вариантах. Лазарчук и Успенский

смотрят на события с немалой долей иронии и черного юмора, переходящего порою в не менее черный стеб. Им интереснее само описание проблем, чем их решение. Наиболее пессимистичен Валентинов. Победы его героев — исключительно нравственные, ибо горстка храбрецов может задержать, но не победить всемогущего врага.

Характерным примером такого «тонального» различия является уже упомянутое описание альтернативной истории гражданской войны у Звягинцева и Валентинова. У обоих авторов это происходит не в нашей, а в параллельной реальности, куда волею судеб попадают герои реальности существующей. У Звягинцева эта «альтернативка» становится центральной линией двух его книг, у Валентинова — лишь небольшим эпизодом. Сюжет внешне похож: герои из нашей реальности благодаря современным «секретным» технологиям начинают оказывать военно-техническую помощь белому движению (у Звягинцева — летом 1920-го, у Валентинова — осенью 1919-го). Результат также на первый взгляд сходен — юг России переходит под контроль белых, страна фактически делится на две части. Даже граница проходит почти одинаково, у Звягинцева в районе Курска, у Валентинова — Орла. В боях участвуют современные танки, самолеты и «добровольцы» из нашей реальности. Но на этом сходство кончается. У Валентинова красные в свою очередь начинают получать подобную помощь, что приводит к резкому ужесточению кровопролития. Но не это главное. В варианте Звягинцева на юге России возникает процветающее буржуазно-демократическое государство, своеобразный гипертрофированный Остров Крым Аксенова, где сбываются все лучшие мечты о прекрасном будущем страны: порядок, благоденствие, свобода, внешнеполитическое могущество. Совсем иное у Валентинова. Вмешательство извне, «прогрессорство», неизбежно ведет не только к техническим и культурным заимствованиям из будущего, но и к заимстwow-

ниям идей. Белые, чтобы победить, используют не только танки конца века, но и идеи тоталитарной диктатуры, создавая свой аналог ВЧК, концлагеря, готовя массовый террор. Вмешательство меняет историю, но опять-таки не принципиально. Вместо красного тоталитаризма России предстоит ощутить все прелести «белого», а в будущем, возможно, и «коричневого». Такая перспектива приводит в ужас не только некоторых «прогрессоров», но и наиболее дальновидных и честных деятелей белого движения. В данном случае Валентинов, как представляется, ближе если не к истине, то к законам криптоистории. Иные обстоятельства, но сходный результат — даже в альтернативной реальности.

V

Итак, некоторые окончательные выводы. В начале 90-х годов в нашей литературе стали популярны произведения жанра известного и прежде, но несколько подзабытого — криптоисторического. Отличие его от прочих жанров исторической фантастики заключалось в верности описания нашей «большой истории», однако причины и особенности ее событий излагаются не в общепринято-историческом, а в фантастическом духе. Основным объектом изучения и описания для криптоисториков стала отечественная история XX века. Само это описание было разным, а вот итог, увы, одним и тем же, ибо результаты «прогрессорства» для нашей бывшей страны к концу века стали очевидны всем. В этом смысле криптоистория куда менее оптимистична, чем альтернативная. Что поделать!

Тем же, кто посчитает все вышеизложенные точки зрения излишне фантастичными, можно посоветовать перелистать «Краткий курс» или незабвенный «серый» (во всех отношениях) учебник Пономарева. Перелистать — и решить, где и в чьих книгах больше логики и верного понимания нашей печальной истории.

КТО В ГЕТТО ЖИВЕТ?

Писатели-фантасты в джунглях современной словесности

(Доклад на фестивале фантастики «Звездный Мост», Харьков, 2000 г.)

I

Профессия писателя требует весьма толстой кожи. Не сразу, но постепенно приучаешься не обижаться на порою совершенно нелепые выпады критиков и критиканов, учишься даже любить критику — с весьма переменным успехом. Но иногда даже самая прочная (динозаврова!) шкура не помогает — особенно если обижают не за дело, причем не только тебя, но и всех твоих коллег сразу. Такой случай произошел со мной где-то полгода назад. В одной очень почтенной газете было напечатано интервью с поэтом К., в годы «перестройки» прославившимся непотребными стишками, от которых способен покраснеть даже прусский гренадер. Сей поэт-барковец, говоря о чем-то высоком (кажется, о своей любви к Слову), походя заметил, что не читает и читать не собирается «сюжетную», по его выражению, литературу, ибо для него, матерщинника, главное «словопись». Приводя примеры того, чего не приемлет, поэт К. упомянул детектив и фантастику — «низкие» для его утонченного вкуса жанры.

Признаться, я обиделся — и сильно. Прежде всего, конечно, на сам источник, ибо в хорошем обществе за стишата, подобные тем, которые сочиняет К., обычно бьют по физиономии. Но затем пришлось задуматься, ибо матерщинник К. высказал очевидную истину — фантастика и ныне находится в своеобразном литературном гетто. Не только она, конечно. Все три наиболее массовых жанра художественной литературы — женский роман, детектив и фантастика — упорно отодвигаются на задворки словесности.

О причинах этого уже приходилось писать — и мне, и другим, сейчас интересно поговорить о следствиях. А они весьма разнообразны. В частности, многие писатели-фантасты уже не один год пытаются уверить мир, что они не имеют к фантастике никакого отношения. Всем известна эпопея с так называемым турбореализмом, когда группа тогда еще относительно молодых авторов — Пелевин, Лазарчук, Столяров и некоторые их коллеги — поспешили отречься от фантастики ради выдуманного ими же метода «турбореализма». Результаты известны. В «большую» литтусовку сумел пробиться только Пелевин — и то не до конца. Несмотря на то что он умудрился стать (на какое-то время) модным писателем, за «своего» автора «Чапаева и Пустоты» все же не признали. Достаточно вспомнить историю с присуждением Антибукера, когда Пелевина буквально выкинули из списка номинантов за то, что пишет... разумеется, фантастику. Известны также иные попытки. Вспомним Максов Фраев, которые ныне, после воспевания эскадронов смерти, решили удариться в эстетство, — и пожелаем им всяческой удачи.

Итак, гетто. Достаточно просторное и комфортабельное, конечно. Поневоле вспоминается старый фантастический рассказ о некой планете, президент которой решил арестовать всех ее обитателей, в результате чего был вынужден оградить свою резиденцию колючкой и сам оказался в микро-Гулаге. Фантастам не приходится печататься в могучих журналах с тиражом тысяча экземпляров и выпрашивать гранты у зарубежных «дядькив». Тем более третий по издаваемости жанр, наша фантастика, представлен на весь СНГ всего шестью десятками авторов, что позволяет не особенно толкаться локтями. Режим гетто привел к тому, что фантасты — народ в целом дружный и сплоченный, о чем свидетельствуют регулярные встречи на конвентах. Коллеги матерщинника К. таким похвастаться не могут.

Но все-таки гетто, «низкий жанр», литература за эстетской «колючкой». Как выражался персонаж Михаила Булгакова: «Не нам, не нам достанется холодная кружка пива» — в виде Букеров с Антибукерами и прочих госпремий. По мне, так оно и лучше, ибо милостыню следует подавать тем, кто в ней нуждается. Речь о другом — если фантастику заперли в гетто, то первая реакция любого, туда попавшего, — осмотреться. Кто за проволоккой? И вот тут начинаются сюрпризы.

Все мы фантасты — именно это написано на наших арестантских робах. Большинство из нас в этом охотно признается. Фантастами считают нас издатели, читатели и критики. Но! Но что общего, к примеру, между романом Андрея Лазарчука «Опоздавшие к лету» и «Алмазным-деревянным мечом» Ника Перумова? На первый взгляд — ничего. На второй — тоже ничего. Остается либо признать, что общим является только конвент «Странник», на котором авторы иногда встречаются, — и арестантская роба с надписью «Осторожно — фантастика!», либо искать какой-то третий взгляд.

Надо ли говорить, что сей пример не единичен. Фантастами считаются, с одной стороны, Марина и Сергей Дяченки, мастера авантюрно-сказочного жанра, с другой — Александр Громов, последний паладин классической НФ. А есть еще «философский боевик» Генри Лайона Олди, «криптоистория» Лазарчука и Успенского и... и много, много иного-разного.

Так по каким же критериям определяется нынче фантастика?

Как-то очень хороший писатель В., тоже фантаст по определению, но пишущий также блестящие исторические романы, пожаловался мне, что издательство не очень охотно оные романы печатает, ибо историческая беллетристика не столь популярна у читателя. Оставалось посоветовать коллеге превратить исторический роман в историко-фантастический. К примеру, ведет Александр Македонский свое войско мимо глу-

бокого ущелья, а оттуда слышен голос: «Я, могучий бог Ахура-Мазда!..» Все, перед нами самая настоящая фантастика. Смех смехом, но порой помогает.

Итак, удалось нащупать первый, очень ненадежный критерий: наличие в тексте элементов нереального — или малореального. Это может быть имперский звездолет, машина времени или эльфы с русалками. Многие мои коллеги так и определяют жанр (или, скорее, метод) фантастики. В этом случае писателями-фантастами могут считаться Булгаков, Гоголь, Данте, Гомер, а также сказители былин и рун. Такой подход обнадеживает (две трети мировой литературы — не что иное, как фантастика!), однако беда в том, что этот взгляд не признается никем — кроме самих фантастов, и то не всех. Почему? Если отбросить нелюбовь к фантастике как таковой, то можно вычленить несколько весомых аргументов. Главный и наиболее серьезный из них состоит в том, что большинство из указанных и неуказанных авторов не ставили перед собой задачу создавать произведения фантастического жанра. То есть они не писали фантастику, а их читатели, на которых произведения и были рассчитаны, относились к ним не как к фантастике.

Возьмем в качестве примера поэмы, приписываемые Гомеру. Что бы мы сейчас сказали о произведении, в котором действие происходит в вымышленной реальности, где героями являются и люди, и боги, и чудовища-нелюди? Более того, это произведение написано на искусственно созданном, стилизованном под старину наречии? Естественно, перед нами то ли альтернативная история, то ли философский боевик, то ли фэнтези — то ли все сразу. Но сложность в том, что и авторы «Илиады» и «Одиссеи», и те, для чьего слуха эти поэмы предназначались, воспринимали созданный авторской фантазией мир с богами, чудовищами и далекими чудо-странами как свой собственный, разве что существовавший не в их дни, а не-

сколькими столетиями раньше. Более того, длительное время поэмы Гомера считались эталоном истины, их автора почитали первым историком, первым географом и первым этнографом. Вера в подлинность фактов, приводимых в поэмах, пережила античность и просуществовала до XIX столетия, когда Шлиман, опять-таки благодаря вере в Гомера, нашел и раскопал Трою и Микены.

Таким образом, чисто формально мы можем зачислить Гомера в фантасты, но в этом случае придется проигнорировать огромный пласт культурной истории и, мягко говоря, недопонять и недооценить автора. Ведь в этом случае и Геродот, подлинный Отец Истории, может быть зачислен и в основатели литературы хоррора, ибо он впервые подробно описал людей-волколаков.

Еще более наглядный пример — Данте. С нашей точки зрения его «Божественная комедия» — чистая фантастика. Даже не стоит пояснять почему. Но автор и его читатели жили в эпоху, когда мироздание воспринималось именно по-дантовски. Автор искренне верил в то, что он пишет, а читатели, особенно первые, вполне всерьез считали, что флорентиец действительно побывал ТАМ — а если и не побывал, то пользовался рассказами тех, кто заглянул ТУДА. Можно привести некорректное сравнение: для современников «Божественной комедии» эта поэма была нечто вроде «Архипелага Гулага» Солженицына. Впрочем, не исключено, что через несколько столетий и «Архипелаг» сочтут фантастикой.

Несколько сложнее с другим примером — с Гоголем. Говоря о Гоголе, требуется, само собой, вспомнить и всех прочих романтиков, поднявших огромный пласт фольклора с его нечистой силой, колдунами и ведьмами. Это уже ближе к нашему пониманию фантастики. Едва ли сами писатели-романтики и их читатели, по крайней мере взрослые, верили в басаврюков,

панночек, встающих из гроба, и Вия с железными веками. Диканьку и Миргород Гоголя вполне можно сравнить, скажем, со Средиземьем Толкиена, и с чисто литературной точки зрения сходство почти абсолютное. Но... Но в этом случае приходится игнорировать всю идеологию романтизма. Хочу напомнить, что романтики, исходявшие из самоценности каждого этноса, ставили своей целью воскресить мир фольклора и напомнить о нем образованному читателю. Таким образом, перед нами, так сказать, Гомер из вторых рук. Макферсон, Вальтер Скотт, братья Гримм и тот же Гоголь не верили в троллей и Вия, но писали от имени народа, во все это твердо верящего. То есть воссоздавали вполне реальные миры, те, что веками существовали в народной ментальности. Можем ли мы считать фантастикой, скажем, «Сказки восточных славян» Петрушевской, в которых воссозданы современные мифологические представления советского обывателя? Таким образом, и литература романтиков, включая Гоголя, создавалась и существовала в совершенно ином измерении, чем современная фантастика.

Не стоит подробно останавливаться на том, почему фантастикой не являлись сами фольклорные произведения: былины, руны, эпос о Манасе и все подобное. В силу сказанного выше сие очевидно.

Сложнее с Михаилом Булгаковым. Автор работал уже в XX веке, был профессиональным писателем и хорошо разбирался в жанрах литературы. В некоторых его произведениях фантастика вполне сознательно использовалась как метод. Это и чудо-изобретение в «Рокковых яйцах», и машина времени в «Иване Васильевиче», и новейшие достижения хирургии в «Собачем сердце». Тут автор выступает именно как фантаст и наш коллега. Но вот относительно «Мастера и Маргариты» такой ясности нет. Конечно, можно взять формальную сторону: раз присутствует мистика, упыри, черти и некие параллельные миры, то все вроде ясно.

Но, как представляется, перед нами несколько иной метод — метод литературной игры. Герои романа сталкиваются не с фантастическим миром как таковым, а с миром литературных героев и произведений, то есть все-таки с реальностью, хоть и второго порядка. Автор использовал метод, близкий к фантастике, но все-таки другой. Скажем, я пишу роман про «новых русских», в котором, откуда ни возмись, появляется Нагульников из «Поднятой целины» Шолохова с большим черным револьвером и устраивает среди оных «новых русских» заваруху. По сути, перед нами метод, чем-то похожий и близкий к поминаемому ныне на каждом шагу постмодернизму. Как представляется, это все-таки не фантастика.

Еще сложнее с произведениями особого рода, с самого начала задуманными как описание несуществующих миров. Я имею в виду жанр Утопии. «Золотая книга» Томаса Мора и «Город Солнца» Томазо Кампанеллы написаны как художественные произведения о несуществующих странах. Это было ясно и авторам, и большинству читателей-современников, кроме разве что самых наивных. Но... И тут есть «но». Эти книги писались в принятой тогда манере — с вымышленными героями, диалогами и даже интригой, — но задумывались все-таки как научные трактаты. В этом смысле и «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского может быть сочтена фантастикой, ибо там в качестве главного персонажа выступает заведомо вымышленное существо. Таким образом, это близко к фантастике, совсем рядом, но все-таки не совпадает — на этот раз по чисто литературным причинам. Кстати, как представляется, к фантастической литературе следует с большой осторожностью относить и «Путешествие на Луну» Сирано де Бержерака, приводимое в качестве примера в каждой очерке истории фантастики, ибо космический полет в нем — не более чем иронический прием, который должен способствовать донесению до читателей социальных и политических взглядов автора.

Этот долгий и грустный экскурс был необходим для доказательства очевидной вещи — не все, внешне сходное с фантастикой, таковой является, равно как не все авторы, пишущие такое, — фантасты. Не обязательно ссылаться на Гомера. Скажем, к фантастам никто не относит наших современников Чингиза Айтматова и Петра Проскурина, хотя в ряде произведений они вполне сознательно использовали метод фантастики (полеты в космос). Некая грань, не всегда даже могущая быть точно обозначенной, все-таки ощущается. Скажем, дилогия «Черный человек» Виктора Коркия о Сталине вполне могла быть отнесена к фантастике, однако никто не попытался сие сделать — ни автор, ни критика, ни читатели. И в целом правильно.

Так что же остается? Вопрос, как видим, очень простой. Современная фантастика реальна, как реальны те шесть десятков авторов, те два взвода, которые эту фантастику пишут и публикуют. Что же их объединяет, кроме конвентов и книжных серий?

Попробуем, по завету великих, пойти другим путем. Поэт в России (и в бывшем СССР), как известно, больше чем поэт. Он прежде всего чиновник, литератор на должности. Иначе и быть не могло. Достаточно вспомнить трагикомический диалог на суде над Иосифом Бродским. Судья, получившая указание засудить молодого литератора, грозно спросила: «Кто вам сказал, что вы поэт?» Вопрос не такой идиотский, как может показаться, ибо в тоталитарном обществе поэт — должность, а не род занятий и не призвание. Например, Юрий Андропов писал неплохие сонеты, но в литераторы его никто и не думал зачислять. Ответ Бродского («Я думал, это от бога!») в этом смысле абсолютно неверен. Но трагикомизм ситуации в том, что прав был Бродский, а не судья, ибо у подсудимого имелись справки, что поэт заключил соответствующие договоры с издательствами. Он все-таки имел право быть поэ-

том, пусть даже, так сказать, исполняющим обязанности, ибо не состоял в Союзе писателей.

С фантастами история абсолютно сходна. Ленъ в сотый раз повторять, какие задачи ставила перед фантастами власть и какое место в литсистеме она им отводила. Достаточно напомнить — место сугубо подчиненное, вспомогательное, писатели-фантасты должны были выполнять локальные задачи по научно-техническому воспитанию молодежи и заодно — пропагандировать преимущество советской науки и социалистического строя. Отсюда и похлопывание по плечу — весьма снисходительное. Достаточно вспомнить еще одну историю, на этот раз чисто комическую, но оттого не менее поучительную. К юбилею Александра Казанцева, тогдашнего мэтра НФ, власть оказалась в сложном положении. Писателю полагался орден — все-таки заслужил! — но рука не поворачивалась подписать указ о награждении какого-то фантаста. Бредовостью ситуации воспользовались умные люди в Свердловске, предложившие Совмину наградить Казанцева не орденом, а премией «Аэлита» и под это дело учредившие знаменитый конвент.

Изменились ли подобные традиции? Нет, конечно. Система литноменклатуры полностью сохранилась в странах СНГ, даже разрослась. А значит, живы и традиции отношения к фантастике. Власть, книг не читающая (или читающая их весьма редко), и не собирается как-то ущемлять права литгенералов. Всем удобно: имеется «своя», вполне официальная литература, которую положено награждать и замечать, — и власть-заказчица. Правда, и тут не обходится без юмора, порою весьма черного. Средств не хватает, и литчиновники начинают оные средства просить и кланчить (как случилось на прошлом съезде украинских писателей, когда все доклады были посвящены недостатку путевок в санатории). Со стороны подобное порой очень смешно, но юмор ситуации не может скрыть сути — для власти, а значит, для официальной критики, офи-

циального литературоведения, а также для большинства СМИ, по-прежнему существует Большая Литература с Большими Писателями — и прочие, «низкие» жанры.

Итак, вывод первый: ниша (гетто) для фантастов осталась, по сути, прежней, с советских времен. Писателей-фантастов никто не спрашивал, желают они быть вместе или не желают. Сама литературная политика упорно сгоняет всех, кто пишет фантастику (или то, что считается фантастикой), в единую толпу. К возмущению импотентов от литературы вместо толпы возникло войско — что не прибавило любви к фантастике со стороны поэта К. и прочих литераторов на должности.

IV

Остается поглядеть, по каким принципам заполнялось это гетто. Имеется в виду именно сегодняшняя тусовка фантастов, те самые два взвода, которые успешно держат фронт отечественной фантастики. Хочу еще раз отметить, что в упомянутом гетто не просто проживают, но и регулярно встречаются, то есть так или иначе координируют свою деятельность, практически все, кого можно с большей или меньшей достоверностью отнести к фантастам — или кого к этому жанру отнесли без всякого спросу. Кого мы НЕ встретим на наших многочисленных «конах»? Только некоторых представителей старшего поколения, уже не пишущих, — да Пелевина. Даже Фраи, в тусовке лично не участвующие, регулярно общаются виртуально — через Интернет.

Итак, кто-кто в теремочке живет?

Прежде всего мы видим мэтров, представителей старшего поколения фантастов. Увы, их осталось немного. Кир Бульчев, Владимир Михайлов, Борис Стругацкий и их коллеги были приписаны к фантастике в незапамятное время — и в оной фантастике остались,

хотя наиболее грамотные и дальновидные литературоведы давно подметили, что значительная часть литературного наследия тех же братьев Стругацких может быть отнесена к фантастике сугубо формально. То же можно сказать и о многих книгах Кира Булычева. Но прописка — великая сила, и наши мэтры прочно заняли нишу именно в жанре фантастической литературы. Заняли — и в ней остаются.

А далее начинаются весьма забавные обстоятельства. Следующее поколение из ныне пишущих и издающихся — это знаменитая «третья волна»: Андрей Столяров, Андрей Лазарчук, Вячеслав Рыбаков — и тот же Виктор Пелевин. Сразу можно заметить, что только первого из них можно считать более-менее «чистым» фантастом. Все остальные писали и пишут произведения, которые лет полста назад никто бы и не думал отнести к фантастике, да и сейчас «Генерейшен П» или «Опоздавшие к лету» вписываются в фантастику с небольшим трудом. Но! И опять-таки «но». «Третья волна» выросла в творческих семинарах Малеевки, числившихся как семинары фантастов. В дальнейшем началась знаменитая война представителей этой волны с издательством «Молодая гвардия». Результат оказался парадоксальным: в сознании критиков и читателей борцы с бездарной фантастикой, представители, так сказать, творческой оппозиции сами стали считаться фантастами. А кем же еще? Ежели борются с генералами от фантастики, то, стало быть, и сами такие же. Лучше, талантливей, моложе — но такие же, то есть фантасты. И никакой турбореализм не помог.

Именно ветераны фантастики и представители «третьей волны» стали издаваться в начале 90-х годов. Однако в силу живучести прежних представлений и градаций они стали печататься в соответствующих сериях фантастики (а где же еще?), выпускавшихся соответствующими отделами издательств. Деваться было некуда, ибо под турбореализм вакансий, в том числе книжных, не предусматривалось. То же и с небольшо-

численными журналами и фэнзинами. В результате очень быстро сложилась тусовка, подкрепленная совместными конвентами. Со стороны все выглядело очень просто: приехал на Интерпресскон — уже фантаст.

Представители «четвертой волны» пришли уже в готовые структуры и были вынуждены в них влиться, поелику вливаться было больше некуда. Рассмотрим в качестве примера двух наиболее известных авторов этого поколения: Марину и Сергея Дяченко и Генри Лайона Олди.

Первые изданные произведения Марины и Сергея («Привратник», «Ритуал»), по сути, сказки для взрослых, а точнее — для тех взрослых, которые в душе остаются детьми. Но в качестве чего все сие можно было напечатать? Прежние, сохранившиеся рамки (Большая Литература, детектив, фантастика, детская литература плюс нечто новое — женский роман) давали очень небольшой выбор. В большую литературу не пускают, ибо там нужно очень плохо и очень непонятно писать, в детскую разве что? Или в женский роман?

Смех смехом, а одна из повестей Юлия Буркина, автора этой же волны («Королева полтергейста»), все-таки вышла в серии женского романа.

В результате Марина и Сергей оказались среди фантастов и, надеюсь, не жалеют об этом. Иное дело, что ноблес, как известно, облич, и авторы, оказавшиеся среди фантастов, начинают постепенно более-менее соответствовать общим представлениям о жанре, хоть и не всегда. Но это — иной разговор.

Генри Лайон Олди, сиречь Олег Ладыженский и Дмитрий Громов, довольно рано выделили свои книги в отдельный жанр: философский боевик. И действительно, достаточно сравнить любой НФ-роман 60-х годов хотя бы с «Бездной голодных глаз» (не говоря уже о «Герое...»), чтобы, мягко говоря, почувствовать разницу. Но... Первые публикации авторов прошли как фантастика, были оценены как фантастика (пре-

мия «Великое Кольцо»), и... и деваться оказалось просто некуда. В результате войско фантастов выросло, а для тех, кто издается в журнале «Новый мир» и кланчит английские гранты, Генри Лайон Олди оказался навечно приписан к «низкому жанру», как крепостной при Екатерине.

Что говорить об Андрее Валентинове, который писал и пишет исключительно историко-авантюрные романы? Однако такие романы не соответствовали общепринятым традициям Шишкова и Костылева — и писатель не успел моргнуть, как оказался опять же среди фантастов.

Вывод второй: нынешнее фантастическое сообщество сложилось оттого, что в фантастику выталкивали — и сейчас выталкивают — все непохожее, не влезающее в прежние рамки. Авторам и читателям от этого, надеюсь, хуже не стало, а вот критикам и литературоведам приходится ломать голову, дабы определить, что именно ныне является фантастикой.

Все, кто вступил в литературу уже после великого книжного бума 1996 года, практически уже не имели выбора. Сложилась традиция Новой фантастики, в которой благополучно сплелись несколько жанров и направлений: турбореализм, философский боевик, литературная сказка, криптоистория и, только отчасти, НФ и фэнтези. Ниша фантастики стала необыкновенно широкой и глубокой, но осталась фактически той же нишей, тем же гетто. Однако прежней фантастики и прежних фантастов в этом гетто уже нет. Сложился удивительный сплав, который ныне по традиции продолжают именовать фантастикой, она же НФ или фэнтези. В результате мы искренне удивляемся, когда приходится сталкиваться с каким-то иным ее, фантастики, пониманием. Например, многих из моих коллег позабавило и умилило, что в Америке, сиречь в США, фантастика должна быть либо звездолетной, либо бароно-драконьей и никак не иной. Смешивание жанров там не только не поощряется, но отвергается в кор-

не — равно как и любые литературные изыски. И герои, и сюжеты должны напоминать если не швабру, то рельс. Можно посмеяться над недалекими янки с их подростковой культурой — а можно вспомнить нашу собственную НФ полувековой давности. Как ни странно, именно американцы куда ближе к пониманию того, что такое традиционная фантастика (развлекательно-поучительное чтиво для молодежи и домохозяек), чем мы с нашими литературными претензиями.

V

Итак, рискну сделать вывод, что современная русскоязычная фантастика — не жанр, даже не метод, а очень непростой конгломерат жанров и методов с одной стороны — и собрание совершенно непохожих в творческом отношении авторов с другой. Они оказались вместе благодаря обстоятельствам не столько творческим, сколько историческим и отчасти случайным. Однако, оказавшись вместе, они создали нечто вроде параллельной, весьма сложной литературы, временами достаточно высокого уровня, которая дублирует, а порою и успешно заменяет Большую Литературу, переживающую ныне состояние полного маразма.

И действительно! Несмотря на то что авторов-фантастов (то есть числящихся фантастами) очень немного, мы можем нащупать среди них представителей практически всех существующих жанров литературы. Вспомним: социальная проза — Вячеслав Рыбаков, сатира — Евгений Лукин, юмор — Михаил Успенский, остросюжетный боевик — Василий Головачев, философский роман — Олди, историческая проза — Вершинин и Валентинов, женский роман — Трускинская, литературная сказка и авантюрный роман — Марина и Сергей Дяченко. Имеются даже свои претенденты на эстетский авангард (последние публикации Фрая) и заодно — очень неплохие поэты.

Примеры нашего «фантастического» масскульта

приводить не буду, дабы никого не обидеть, но он (масскульт) тоже в явном наличии.

Желающие могут подвергнуть подобному анализу иные «низкие», с точки зрения поэта К., жанры, например современный детектив. Уверен, картина будет аналогичной.

Таким образом, в гетто, над которым висит объявление «Осторожно! Фантастика!», собрался настоящий Ноев Ковчег Литературы, что позволяет и авторам, и читателям, и жанру (в очень широком и формальном смысле этого слова) чувствовать себя весьма уверенно. Изменится ли ситуация в ближайшее время? Думаю, нет. Новая русскоязычная литература, образовавшаяся после крушения СССР, уже устоялась, в том числе структурно. На смену одним литгенералам, в прежние годы воспевавшим БАМ, пришли новые, изобретающие сонеты без единой гласной. Для этих новых русских писателей мы, фантасты, столь же чужды, как и для их предшественников. Вместе с тем относительно свободное книгоиздание в России позволило сформироваться и окрепнуть нескольким новым, уже не зависимым от всяческих Союзов, полностью самостоятельным течениям (или, скорее, кланам), которые и в дальнейшем будут вести самостоятельную и вполне счастливую жизнь, завися только от читателей. Период абсолютизма сменился феодальной раздробленностью, и в этом смысле наше гетто вполне может восприниматься как сильное и независимое княжество. И это княжество не одно. По сути, на обломках номенклатурной литературной Империи возникло несколько параллельных литератур, каждая из которых содержит целый комплекс жанров и направлений. В их число входит и то, что мы сейчас называем фантастикой.

Итак, нынешняя фантастика — не часть литературы. Она и есть литература — одна из нескольких, ныне существующих. Чем мы, фантасты, имеем полное право гордиться.

Что касается поэта К., с излияний которого я начал свой доклад, то он, если не ошибаюсь, уже успел получить своего Антибукера и теперь может вволю курить «Кэмел», вместо того чтобы подбирать окурки. Таким образом, мы можем быть спокойны не только за нашу фантастику, но и за Большую Литературу.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ ФАНТАСТОВ СВОБОДНЫХ.

(Доклад на конвенте⁴ фантастов «РОСКОН»,
Москва, 2001 г.)

Гостю, на трибуну конвента взошедшему, не очень годится вещать о делах серьезных, а тем паче неприятных. Конвент — праздник, а на празднике хорошо послушать нечто легкое, слух наш ублажающее, а посему с первых слов винюсь, что говорить буду об ином, не столь нам всем лестном и душеелейном. Но нужда, как известно, челобитчик неотступный, и довлеет злоба дня сего.

I

Призрак бродит по нашей земле, призрак Заединства. И не столь важно, откуда сей фантом вынырнул, из чего соткался: из миазмов ли всемирного пугала — Глобализма или из наших родных традиций еще времен Ивана Калиты. Заединство живет, торжествует и требует жертв. Не будем о бесчестной политике и о несчастной экономике. Но взгляните! Не диво ли? Лобызает писатель-демократ Пулатов писателя-патриота Ганичева, договариваясь о воссоединении расколотого ими же во времена недавние Союза советских писателей, и вот уже вновь пишет творческая братия слезницы вождям, и снова вожди на местах и в центре собирают оную братию для отеческого внушения. Что поделаешь! Баррикады возле Белого дома давно разобраны, все вернулось на круги своя, и Пре-

красный Новый Мир, которого мы все так ждали, оказался весьма похож на Уродливый Старый. И снова, согласно партийному поэту Маяковскому, «единица — ноль, единица — вздор», и засуетились привычно малые, собираясь в стаи.

Стоит бухгалтер Иванов возле разбитой летающей тарелки, и плачет, и рычит, но знает, что не улететь ему на бету Лебеда, а возвращаться в совхоз «Путь Зари», где директор уже собирает сонмище, дабы коллективно вступить в очередной «Аграрный Союз» и выдвинуть того же директора депутатом... все равно чего, но выдвинуть. И слушает бухгалтер Иванов сопелку одинокого фавна, и понимает, что никуда ему не деться, не умчаться в межзвездную даль...

Прочувствовали, уважаемые коллеги? Всплакнули солидарно?

Разговоры о возможном объединении фантастов идут не первый год, а в последнее время стали еще чаще. И это, увы, не прихоть, ибо страшный призрак Заединства обрывает плоть, и вот уже личину видать... И не настал ли час стать плечом к плечу, словно гренадеры Миниха под Хотином, дабы встретить оного призрака, как когда-то встречали турок в чистом поле?

Союз нерушимый фантастов свободных... Отчего бы и нет?

II

Однако же, прежде чем объединять, должно предоставить, что именно мы хотим объединенным видеть. Конечно, Вселенная Фэндом (назовем ее так) велика, разнообразна и порою даже трудноуловима для осмысления, но если постараться и в меру упростить, мы получим нечто, издали напоминающее Солнечную систему (привет вам, о любители звездолетной фантастики!).

Солнце — это, конечно, наши читатели. Причем Солнце, как и положено, имеет протуберанцы — тех, кого мы чаще зовем фэнами, наиболее активную часть

солнечной плазмы, время от времени устремляющуюся от поверхности к тому, что вращается на орбитах.

А вот орбитальные объекты — планеты, спутники их, астероиды и пыль космическая — это народ пишущий и печатающийся: писатели, переводчики, критики, литературоведы, художники-иллюстраторы. Планеты, в меру крупные, окружены целыми созвездьями мелких лун. Примеры приводить не стану, дабы оные луны-сателлиты не обиделись окончательно, однако поглядите в безоблачную ночь на наших Юпитеров и Сатурнов — и все станет ясно. Некоторые планеты ярко освещены читательским Солнцем, другие лишь время от времени греются в его лучах, есть и погасшие, и сорвавшиеся с орбиты. Некоторые планеты даже сталкиваются — но не о них пока речь.

Поскольку наша Вселенная Фэндом, как ни крути, весьма фантастическая, то свет читательского Солнца часто идет не напрямую, а, по догадке Эйнштейновой, преломляясь в некоей искусственной сфере вокруг звезды-Солнца. Сфера эта состоит из очень многих сегментов, главные из которых (в произвольном порядке):

1. Журналы, фантастику печатающие.
2. «Большая» пресса и иные СМИ, иногда о фантастике информирующие.
3. Конвенты, фестивали.
4. Творческие семинары (их можно посчитать, конечно, и спутниками крупных планет).
5. Немногочисленные все еще действующие клубы любителей фантастики.
6. Уцелевшие бумажные и виртуальные фэнзины.
7. Общественные организации, официально существующие и зарегистрированные, созданные участниками Фэндома. Пока их, по меньшей мере, две: фонд «Аэлита» и общественное объединение «Интерпресскон».
8. Одинокое блуждающие премии: Беляевская, АБС и прочие.

9. Особый, быстро растущий сегмент — виртуальный: конференции ФИДО, сайты Интернета, виртуальные библиотеки.

Прежде чем идти дальше, полюбуемся миг малый нашей Вселенной Фэндом. Она хороша! Творилась она много лет, она существовала и существовать будет. Нам есть что объединять.

Полюбовались?

А теперь давайте критически прищуримся. Ведь ежели все было ладно, то пропели бы мы себе хвалу, и на том все дела завершили.

Что же мы видим?

Планет-писателей (переводчиков, критиков и т.д.) немало — но и не много. Тех, кто печатается, менее сотни; молодых, растущих, но под солнечные лучи еще не попавших — значительно больше. Вывести их на свет — задача очень непростая и часто решаемая, увы, вне пределов Фэндома, но иногда по плечу структуре официальной, о которой речь еще впереди.

Читательское Солнце, без коего мы все в космический лед обратимся, имеет немалую массу. По очень предварительным подсчетам фантастику в СНГ регулярно читают несколько сот тысяч человек. Вы правы, хотелось больше. Но это зависит не только от планет-писателей, но и от сферы вокруг Солнца. В нашей весьма фантастической Вселенной эта сфера не только преломляет свет, но и увеличивает массу самой звезды. А вот тут видны прорехи, пробелы, черные дыры и даже сгустки антивещества.

Еще недавно главным недостатком следовало называть малое количество журналов, в которых могли бы «засветиться» новые планеты-авторы, критики, литературоведы, а также произведения малых жанров. Однако за последний год положение стало меняться к лучшему, журналов стало больше, чаще стали они выходить. Совершенству, конечно же, нет предела, но сейчас куда более серьезную проблему, как кажется, представляют собой «большие» СМИ, пишущие о фан-

тастике редко, зато имеющие огромную, по сравнению с собственно «фантастическими» изданиями, читательскую аудиторию.

Тут объясниться должно. Не столь давно довелось автору сравнить нашу фантастику с гетто, что вызвало у некоторых недоумение и даже соблазн. Смысл недоумения вот в чем состоит: надо ли нам печалиться, что фантастика до сих пор считается среди литературных эстетов и власть имущих задворками словесности? Нам ведь и так хорошо, мы пишем, нас читают — причем куда больше, чем пресловутые «толстые» журналы, кои ныне по заслугам «детьми капитана Гранта заморского» прозваны, и лауреатов Смирновско-водочной премии. Нечего, мол, разводить комплексы литературной неполноценности на ровном месте.

Увы, место не ровное. Разные жанры (виды, методы) литературы в неравные условия поставлены. Для чего нужны публикации в «больших» СМИ? Прежде всего для пропаганды фантастики и привлечения потенциальных читателей, а возможно, и новых критиков, и писателей даже. Ведь «большие» газеты и журналы читает главным образом интеллигентная публика, то есть та, которая и любит фантастику. Но гетто не позволяет «достучаться» до них. Десятки тысяч тех, кто в детстве зачитывался Ефремовым и Саймаком, просто не ведают, кто и что сейчас пишет и издает. Ведь лет двадцать назад фантастику читали не сотни тысяч, а миллионы. И не надо снобистского кваканья о том, что сначала стань Ефремовым, а потом читателя требуй. Все, или, скажем точнее, многие, знают, что такое раскрытка книги, серии, автора. Сколько раз слышать доводилось: «Я и не знал, что сейчас издают современную фантастику! А я вот читал и читаю только западную фантастику, а что, есть и наша? Я фантастику вообще не читал, думал, это для детей, а вот прочел книгу замечательного писателя Н., о которой мне рассказал приятель, и теперь читаю!» И скажите мне, что вы такого не слыхали, а я погляжу вам в глаза!

Между прочим, тем и хороши наши конвенты, что привлекают внимание к фантастике тех самых потенциальных читателей, но на конвент могут заглянуть десятки, а телевидение, радио и «большие» газеты работают с десятками тысяч.

Одна из причин нечастого внимания упомянутых «больших» СМИ к фантастике как раз и заключается в неофициальности ее статуса. И не пробуйте переубедить меня, что не так это. Пресса до сих пор интересуется прежде всего организациями, она была и, увы, еще долго будет услугой власти, ниже этой власти и структур ее, мало что прозревающей. Просмотрите, когда и в каких случаях СМИ обращает внимание на литературу да на братию пишущую? Вручение официально признанных премий, конфликты и контакты опять-таки властью признанных писательских союзов, юбилеи и новые публикации официально признанных — или столь же официально не признанных — авторов. Что поделаешь, так было и так будет еще долго.

Некоторые из пишущих, уже греющиеся в лучах читательского Солнца, могут подумать и сказать, что все сие не для них, ибо им и так хорошо. Рад за них душевно, но поверьте, может быть еще лучше — и намного. Тираж в двадцать (и в пятьдесят тоже) тысяч, которым многие справедливо гордятся, — тираж элитарный, он может и должен быть значительно больше. Русскоязычных читателей десятки миллионов. Миллионы, господа и товарищи!

На это возразить можно: вступайте, братья-фантасты, в один из существующих писательских союзов и в честной конкуренции с деревенщиками и авангардщиками боритесь за читателя и за место под солнцем. Какая-то часть писателей-фантастов так и делает. Но одно не исключает другого, кроме того, как ни крути, а несколько хороших писателей в гигантском сонмище очередного творческого спрута (напомню, только в литсоюзе Ганичева более пяти тысяч гениев признанных) тенденции не переломят, более того, так и оста-

нута в том самом гетто, на положении авторов неизвестно какого сорта. Один очень хороший писатель чуть ли не обиделся на то, что я в докладе о литературном гетто не упомянул факт выдвижения его, хорошего писателя, на премию Букер, поелику это-де не встраивается в концепцию. Увы, еще как встраивается! Местное отделение литсоюза выдвинуло, послало бумаги в Смирново-водочный комитет... И где твой Букер, дорогой друг?

И вновь подчеркну — не в премии букерной, водкой пахнувшей, дело, хоть и достоин сей писатель премии куда более престижной. Да и не подачки от скоробогачей наших и заморских нужны фантастике. Но всякая такая премия, должным образом прессой обсужденная, любой наш лауреат, приведет в фантастику не одну тысячу тех, кто ныне не по своей вине ее не читает.

Не стану более доказывать очевидное. Периферийное положение Вселенной Фэндом отсекает фантастику от читателей. И это, увы, факт.

Само собой, неофициальный статус фантастики, наше полусуществование с точки зрения властей предержащих затрудняет проведение тех же конвентов и всех подобных акций. Одно дело — к властям приходит представитель творческого союза или, на худой конец, любой признанной структуры (общественного движения или фонда), с другой — пресловутая «группа товарищей». В Петербурге и Екатеринбурге, где организаторы конвентов имеют наибольший опыт, это давно поняли, посему и зарегистрировали соответственно «Интерпресскон» и «Аэлиту».

Конечно, далеко не единственный это недостаток нашей Вселенной, о котором вспомнить следует. И вновь увы. В последние пару лет Фэндом сотрясают конфликты, не имеющие отношения к творчеству. Что характерно, сферой, где эти конфликты реализуются, являются не журнальные страницы, не фэнзины и даже не конвенты. Почти все ссоры безобразные и раз-

борки происходят в виртуальной составляющей Фэндома — в ФИДО и Интернете, превращая эту виртуальную сферу в настоящее «мягкое подбрюшье» нашей Вселенной. Именно там, среди искренних любителей фантастики, притаились люди недостойные, боящиеся оскорбить в лицо, а посему кусающие в спину. Искренние и истинные любители фантастики, еще раз подчеркну, не о вас речь! А что касается сих людей недостойных, имя фэна чернящих, то о них, вероятно, придется поговорить отдельно — и не сейчас.

Сейчас же о том, что можно сделать для преодоления маргинального статуса фантастики, для того, чтобы в нашем постфеодальном обществе всякие (не буду пачкать язык, уточняя, кто именно) перестали снисходительно похлопывать фантастику по плечу.

Совершенно верно, я об объединении в некую структуру по примеру иной пишущей братии, уже построившей свои ряды, дабы отразить атаку очередного Ислам-Гирея. Некую — ибо о форме еще предстоит думать, и это тоже разговор отдельный (опять-таки, творческий или профессиональный союз, общественное объединение, фонд и так далее). Сейчас же — о принципе.

III

Итак, принципы, которые могут быть положены в основу гипотетического Союза Свободных Фантастов.

Прежде всего Союз сей не должен превращаться в касту и делить писателей на сорта. Такое уже предпринималось. В свое время писатель Ст. (я не Иосифа Виссарионовича имею в виду) разразился громокипящей речью, в которой объявлял войну всем подряд. В качестве критерия подлинности писателя-фантаста упомянутый Ст. предложил считать получение или неполучение оным писателем некоей премии, которую сам Ст. и учредил. И до сих пор, говорят, он от мысли своей не отрекся. И что же? Вслед за одной появилось еще несколько премий, каждая из которых главной

себя видит, при желании же можно учредить их любое количество (в прекрасной Франции, например, число премий точно соответствует количеству писателей, чтоб не обидно было). Тем более награждают большей частью не деньгами, а очередной железякой, что делает сей вал премиальный сходным с игрой в фанты или же с вручением грамот в пионерском отряде. Несерьезно это. А потому не станем создавать «академии», подобной французским «бессмертным», ведь не избрали Жюль Верна в оные «бессмертные», постеснялись. Предполагаемый Союз должен быть максимально демократичным или (кому не нравится это слово) общедоступным, как МХАТ при Станиславском.

Прежде всего должен стать он международным, причем не ограничиваться, скажем, русскоязычными авторами ближнего и дальнего зарубежья, а принимать всех желающих, хоть с планеты Плутон. Принцип приема (естественно, только желающих) должен быть максимально упрощен. Скажем, для писателя это — одна авторская книга, для критика и литературоведа — несколько публикаций, для художника — иллюстрация опять-таки одной книги в жанре фантастики. Для всех остальных, для начинающих писателей и фэнов в первую очередь, установить, скажем, рекомендацию двух членов Союза. А можно еще проще, не о том речь. Таким образом, весь Фэндом, чисто теоретически, конечно, имеет право в этот Союз вступить.

...И не говорите мне, дорогие фэны, что лишняя «корочка» вам помешает. Пригодится — и в отделении милиции, и на работе, когда надо отпрашиваться на очередной конвент, и вообще на память. А молодой писатель, заглянув в провинциальное издательство, может для начала выложить на стол членский билет Союза. Отчего бы и нет?

Можно возразить, что подобная общедоступность превращает Союз в тусовку. Ну и пусть превращает, не велика беда. Все равно до пяти с хвостом тысяч гениев, что окопались в литсоюзе Ганичева, мы не доберемся.

Необходимо также предусмотреть и коллективное членство для уже существующих и будущих зарегистрированных объединений фантастов, а в принципе и для любых объединений.

В целом принцип членства должен исходить из формулировки, предложенной Мартовым во время дискуссии по Уставу РСДРП: каждый член союза должен «принимать участие» и не больше. Активной работы требовать ни от кого не должно, мы не бомбитское подполье, где нужен каждый штык. Союз для фантастов — но не фантасты для союза.

Необходимо также сразу же оградиться от чар Златого Тельца. Смешно и противно читать о многолетней склоке литсоюзов за очередной особняк и квоты в санаториях. Новый Литфонд мы создать не сможем, да этого и не требуется. Желающие могут вступать в упомянутый Литфонд вполне самостоятельно и с полным правом отдыхать в Коктебеле. Значит — как можно меньше имущества! А для этого необходимо сразу юридически отделить собственность Союза, ежели таковая все же появится, от собственности его предполагаемых коллективных членов. Скажем, некий фонд, входящий в Союз, таковым имуществом располагает, однако это его Златой Телец, и посягать на оного Тельца Союз не должен.

Все это, конечно, скучная материя, но склоки за пригоршню долларов, поверьте, еще скучнее.

Ни одна премия, ни один конвент, ни один журнал не должен считаться главным. Более того, таковых и в будущем вводить не следует. Пусть Вселенная Фэндом развивается, как и прежде, по своим законам. Дело Союза — создать для этой Вселенной соответствующий (нашим дурным феодальным традициям соответствующий) фасад и одновременно, извините за скверный термин, — «крышу».

И, наконец, руководство. Почти во всех творческих союзах реальную работу выполняют не свадебные генералы, а совсем другие люди. Посему необходимо

сразу же отделить, так сказать, Президиум, нужный прежде всего для представительства, от тех, кто будет заниматься конкретной работой. Тут можно поступить просто. Если Союз будет организован, то его организаторы и станут техническими руководителями, условно говоря Секретариатом. Что касемо генеральского Президиума, то лучше всего его не избирать, а предложить туда записываться всем желающим — не жалко! Естественно, глава Союза должен быть известен не только в кругу фантастов, но такие люди, думаю, найдутся. Мы их знаем и мы их любим.

Можно придумать также немало иного полезного. Скажем, собирать членов Союза в одном зале для принятия решения — совершенно лишнее. Вот тут и должно нам помочь «мягкое подбрюшие» ФИДО и Интернета, где есть уже немалый опыт таких заочных сонмищ, но о подобном довольно, ибо не сие главное, а коль решится главное, то и детали отшлифовать можно.

Так что? Все в Союз? Пускаем по рядам огрызков бумаги для записи всех желающих?

Нет! Погодим немного.

IV

Снова прищуримся и поглядим, но уже иначе, на все три главные составляющие замысла: на власть, к которой придется прилепиться, на структуру, что будет нами возведена, и, наконец, на нас самих, грешных.

Ницше не советовал долго вглядываться в бездну, поскольку бездна тоже вглядывается в тебя. Создавая официальное объединение, мы идем под «высокую государеву руку», как Малороссия при Хмельницком. На этом остановлюсь и не буду напоминать, что государство, обеспечивая упомянутую «крышу», забирает у нас куда большее, что вчера, сегодня и, очевидно, завтра, мы можем спать спокойно, однако будет еще послезавтра, что в феврале 1917-го со свободой творчества тоже был полный порядок, но пришли годы с други-

ми номерами, и что при первом же давлении государственного прессы любой творческий союз расколется на лояльных, менее лояльных — и так далее, до самых Мордовских лагерей. Умному достаточно. Напомню лишь один давний случай. В 1919 году красные после взятия Киева обнаружили список подписчиков «черносотенной» газеты «Киевлянин», издававшейся Шульгиным, за 1912 год. Кое-кто за эти годы успел сменить адрес. Но большинство, увы, не успело...

Но это перспектива, а люди мы веселые и оптимистические, да и думаем больше о дне сегодняшнем. Что ж, давайте о сегодняшнем. Если мы будем создавать структуру, даже самую простую, самую общедоступную, мы должны помнить, что создаем Левиафана. Пусть пока еще маленького, наивного Левиафанчика, который поначалу будет ласково тыкаться нам в ладони. Но генотип не изменить, и очень скоро структура начнет жить по своим законам, всем хорошо известным, если не в теории, то на практике. Люди творческие не любят ходить строем и любить подобное не могут, но смысл любой структуры, любой организации именно в этом. А ежели будут ходящие в строю, то появятся и те, кто идет перед строем и принимает парад. Если есть преданные организации люди, то появятся и преданные ею, если есть веселое и радостное подавляющее большинство, то, значит, будет и подавляемое меньшинство. Появятся и главная премия, и главный конвент, допущенные к столу и обладающие «правом табурета». Любая организация не может жить без оппозиции, которую необходимо укорачивать, без чистки рядов, расколов, дележа, если не денег, то идей. Это придет само собой, причем из самых правильных побуждений. Представьте хотя бы, что некий несознательный и невоспитанный из ФИДО начнет подписывать свои словеса непотребные в адрес хороших людей «член союза фантастов». Не стерпит душа, разыграет праведно, и захотим мы одного несознательного исключить. И вот уже иные несознательные да невоспитан-

ные шипят в защиту собрата, а вот и честные, принципиальные люди защищают пресловутую «свободу слова», вот и голосование, а вот и спор из-за подтасовки голосов. Но жизнь идет дальше, и наконец структура рано или поздно уполномочит очередного, уже не функционера — вождя заняться не только скучной «оргработой», но и определением творческого курса, причем не только всех, но и каждого персонально. Будьте готовы, вольные фантасты, вольные планеты на своих орбитах, что в один день или в одну ночь (или, согласно традиции, перед рассветом, когда стучат в дверь) придется пожалеть.

Можно не верить в такую перспективу. Но, извините за очередной историко-партийный пример, в год своего Второго съезда РСДРП была куда меньше, чем наша Вселенная Фэндом.

И, наконец, люди — мы сами. Люди слабы, и надо ли накладывать на них ярмо неудобноносимое? Соблазн велик, ибо даже в пионерском отряде можно интриговать, создавая фракцию второго заместителя первого помощника санитарки. Так и вижу, к примеру, славного парня писателя Н., восседающего в отдельном кабинете и беседующего по душам с писателем М. о том, что на очередном историческом съезде Союза Фантастов хорошо бы прокатить на выборах в правление или секретариат писателя Ж., а за помощь в этом писатель Н. поспособствует командировке писателя М., скажем, на Еврокон как полномочного представителя Союза за казенный кошт. А вот и вечный оппозиционер писатель В. входит в буфет Союза, дабы тяпнуть пивка, но отворачиваются собратья, не здороваются, ибо не любонный В. очередному вождю, в кресле восседающему...

Увы, вижу и худшее! Не быть нашему Союзу богатым, а значит, все равно придется искать и просить презренный металл на конвенты и журналы, как просим сейчас. Но ежели сегодня от Златого Тельца с конкретным именем, фамилией и чековой книжкой зависит отдельный человек или, что хуже, отдельный кон-

вент или журнал, то, построившись в нерушимые фаланги Союза, мы станем зависеть от очередного или внеочередного благодетеля скопом. И хорошо, если будет сей благодетель подобен вечному винопийце фэну А., что ныне стал спонсором Интерпресскона, ибо желает сей А. малого — на фантастов перегаром подышать да в фонтане искупаться. Но иные и умнее, и ненасытнее, и вот уже становится наша демократия направляемой, зеленой смазкой подмазанной, и вот уже сидит жюри будущей главной нашей премии и рассуждает, как ловчее исхитриться и спонсорско-барскую душеньку потешить, и вот уже воротит рыло наш самый главный журнал, ибо не желает благодетель, чтобы некий писатель на журнальные страницы попал. И вновь — не говорите мне, что такого не будет, ибо есть уже оно, но нет предела совершенству, а несовершенству — того пуще.

Не буду продолжать, ибо мерзко становится на душе, и не лучше ли оставить все как есть и отправить в упомянутый буфет, не будучи ни секретарями правления, ни председателями, ни оппозиционерами, ни гонимыми, ни гонителями, — и вместе выпить пива, без всякого Союза Фантастов?

Что и говорить, лучше, конечно! Но проблема не исчезнет после третьей бутылки «Балтики № 6», и скоро в очередном городе придется организовывать новый конвент, и еще один толковый парень с дискетой зайдет в издательство, и снова будет цедить сквозь зубы хулу на «низкий жанр» все тот же, помянутый мною когда-то поэт-матерщинник К. И вновь скажу — довлеет злоба дня сего, а злоба дня грядущего довлеет сугубо. И не решить такое одному, и вдвоем не решить тоже, потому обращаюсь я к коллегам и собратьям: если не прав, если вопрос, мной потревоженный, не стоит и пустой скорлупы, то и лежать ему рядом со скорлупою за порогом буфета, где мы пьем пиво. Но если прав я, то отворачиваться поздно и на вызов Прекрасного Нового Мира надлежит дать ответ.

«НИКОГДА РЫВАЮЩИЯ НЕ ДЕЛАЙ!»

Вершинин Л. Р.

Первый год Республики.// Вершинин Л. Р. Хроники не-правильного завтра. — Т.1. — М.: Аргус, 1995 (библиотека «Хронос»).

«Никогда рывающия не делай!» — восклицает один из персонажей романа, изгнанный ветром Смуты из родных мест. Кто бы спорил, я не стану, хотя и не очень люблю альтернативную историю. «Первый год Республики» получил заслуженно высокую оценку читателей и критики, с чем я полностью согласен. Однако сам вариант истории, предложенный автором, вызывает серьезные возражения.

Вершинин исходит из того, что в январе 1826 года Южное общество декабристов переломило ситуацию и к марту того же года сумело взять под контроль всю территорию современной Украины. Будем исходить именно из такого допущения. Но в этом случае встает вопрос, как восставшие войска сумели одолеть весьма многочисленные правительственные силы, стоявшие на юге? Это стало бы возможным только в одном случае — при переходе большей части размещенных в Украине войск к декабристам. Но если это так, то практически невозможной стала бы ситуация с «кармалюками». Даже после перехода Мужичкой бригады к гайдамакам это восстание было бы задавлено в зародыше, ибо регулярная армия справлялась с подобными выступлениями очень быстро и без особых потерь. Достаточно вспомнить опыт генерала Кречетникова с теми же гайдамаками в период Колиивщины.

Однако и сама идея гайдамацкого восстания вызывает сомнения. Автор упрощает социальную ситуацию в Украине. Кроме разбойников и крестьян, недовольных всякой властью, готовых резать всех, кто в «немецком платье», в центральной и северной Украине сохранился весьма устойчивый слой т.н. «войсковых обывателей». Это бывшие казаки, сохранившие

личную свободу, земельную собственность и право носить оружие. Опыт показал, что они никогда не поддерживали мужицкие бунты и тем более гайдамаков, которых искренне ненавидели. Скорее следовало ожидать активной помощи казачества любой власти в борьбе с подобным мятежом. Значит, гайдамацкое восстание даже в теории было возможно лишь на Правобережье, да и то при полной анархии и отсутствии войск, чего по варианту Вершинина в 1826 году не было.

Зато очень возможен был конфликт властей Республики именно с казачеством (не гайдамаками), требовавшим весь XIX век восстановления своего статуса. Вот тут бы и Бестужев-Рюмин не помог.

Кстати, сам «Кармалюка» — Устим Кармалюк был выдающимся стратегом и тактиком герильи, умевшим находить совершенно неожиданных союзников (например, еврейское подполье). «Заставить» его выступить (сразу же, в первый год!) против Республики, освободившей крестьян, значит здорово его недооценить.

Далее. Крым и татары. Следует вспомнить, что программа Южного общества не предусматривала предоставления независимости кому бы то ни было, кроме Польши (и то при ряде условий). С чего бы это Правитель «подарил» Крыму независимость? Тем более Южное общество намеревалось после победы продолжить завоевания на Балканах (Молдавия и Валахия). Какой уж тут «свободный Крым»!

Усмешку вызывает и «татарская конница» в XIX веке. Уже в середине XVII века, при Хмельницком, стало ясно, что татары (не имевшие огнестрельного оружия) хороши лишь как разведчики и диверсанты («партизаны» по тогдашней терминологии). В российской армии немногочисленные татарские части так и использовались, например в войнах против Наполеона. Но «орда» против регулярной армии Паскевича? Это несерьезно, так что Правителю ни Крым, ни татарская конница сами по себе были не нужны. Между прочим, перед и сразу же после присоединения Крыма татарская эмиграция была

столь велика, что «орду» собирать было не из кого. В прежних походах на Украину участвовали главным образом не крымчаки, а буджаки и ногаи, от которых в описываемое время остались одни воспоминания.

Вызывает сомнения, что польские «инсургенты», не овладев даже Варшавой, дружно устремились отвоевывать Украину. Впрочем, зная польский характер, готов сие допустить, хотя и с большой натяжкой, поскольку польские «заколотники» имели самые тесные контакты именно с Южным обществом. Не самоубийцы же они!

Турция. Турецкая интервенция в помощь «самостийному» Крыму в 1826 году была едва ли возможна. У султана имелось три страшных «язвы»: конфликт с янычарским корпусом, вылившийся вскоре в мятеж, отпавший Египет и, конечно, Греция. Позиция Европы и прежде всего Великобритании была не в пользу Турции. Кроме того, намечался (неосуществленный) дележ «иранского наследства», в котором Турция готовилась принять участие. И в этих условиях нападать на Россию! Тогда Наварин произошел бы у берегов Крыма еще в 1826 году, плюс совместная европейская акция в пользу греков.

И, наконец, персоналии: два Муравьева-Апостола. Автор делает «Иудой» Артамона, поверив старой версии о его измене в январе 1826 года (и сам же удивляется, отчего Артамон так пострадал во время последующей разборки). Но уже давно доказано, что никакой измены не было, посему Артамон и был так сурово осужден. Поэтому в «Иуду» Артамона не верится.

Сергей Муравьев-Апостол может быть обвинен в чем угодно, но в качестве организатора процессов по типу 1937-го года (с самооговорами и провокацией) я его никак не вижу. Да и не было тогда подобной «традиции», даже в России. Все было проще и грубее. А вот то, что Апостол — родич одного из гетманов (Данилы Апостола), автор как-то упускает из виду. Между тем в семье Муравьевых-Апостолов идеи «прав малороссийского народа» никогда не забывались. Посему вполне

возможна смычка: программа Южного общества плюс идея восстановления если не гетманщины, то украинского казачества. Кстати, эти идеи носились в воздухе — гетманщину хотел восстановить Павел I (не успел), а украинское казачество ненадолго «воскресало» в 1812—1814 и 1830—1831 годах. Но эту вероятность автор почему-то не учитывает.

А вообще куда более интересно было представить, что получилось бы в результате победы декабристов не на юге, а в столице. Об этом уже писал Пьецух, но не особо убедительно.

Вот такая хорошая получилась у Льва Вершинина книга — столько всего вспомнить довелось!

ИХ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Гаррисон Г.

Кольца анаконды. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. — 400 с. (Серия «Стальная крыса»).

1

Странное впечатление производит новый роман Гарри Гаррисона. Не плохое, а именно странное.

На этот раз мэтр решил обратиться к жанру альтернативной истории. В результате появилась альтернативно-историческая хроника, интересная либо особым ценителям Гаррисона, либо гурманам от истории. Литературные достоинства (и недостатки) романа в настоящей рецензии не будут затрагиваться. Достаточно лишь с грустью констатировать, что в «Кольцах анаконды» отсутствует столь памятный всем гаррисоновский юмор, а обилие персонажей (их десятки) не дает возможности автору хоть как-нибудь оных персонажей индивидуализировать. Даже Авраам Линкольн производит впечатление бледной схемы, изрекающей цитаты из собственных речей (речь персонажей — особый и невеселый разговор). Ко всему еще — очень неудачный перевод.

Все это, конечно, печально, однако цель рецензии в ином. Гаррисон решил «переиграть» американскую историю, причем самый ее узловой момент — Гражданскую войну 1861—1865 годов. Схема автора проста: в конце 1861 года Великобритания спровоцировала войну против США. Однако Север и Юг (Союз и Конфедерация) предпочли объединиться и нанести британцам сокрушительное поражение.

Красиво? Красиво!

Каждому хочется разгромить Великобританию. Увы, Владычица Морей, как правило, проигрывает сражения, но не войны. США все же смогли один раз победить Альбион (война за независимость) и один раз свести войну к ничьей (война 1812—1814 гг.). Имея такой «счет», хочется, конечно, большего. И Гарри Гаррисон решил начать Третью Британскую войну.

Насколько это ему удалось?

2

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает США на карте
Указательным перстом.

8 ноября 1861 года английский почтовый пароход «Трент» был остановлен в море военным кораблем США. С «Трента», в нарушение морского права, были силой сняты два пассажира — посланцы Конфедерации Мейсон и Слайделл. Этот акт пиратства вызвал американо-британский конфликт. По мнению автора, премьер Великобритании лорд Пальмерстон был готов начать войну. Положение спас принц-консорт Альберт, лично переписавший ноту британского кабинета, смягчив излишне резкие выражения. Это позволило президенту Линкольну отступить, не теряя лица, и решить конфликт дипломатическими средствами.

Дело «Трента» и стало для Гаррисона точкой отсчета альтернативной истории. В романе смертельно боль-

ной принц Альберт не успел взяться за перо. Нота была послана в первоначальном варианте и...

Насколько сие вероятно?

Прежде всего следует указать, что в исторической литературе преобладает иная точка зрения на настроение британских верхов (возьмем хотя бы классическое издание *Battles and Leaders of Civil War/ ed. by Johnson, V. 2. — N.Y., 1887*). Пальмерстон, королева Виктория и прочие сильные мира сего без сомнения желали ослабления и даже разгрома США. Но хотели ли они воевать? Считается, что нет. Да и какой в этом смысл?

Гражданская война позволяла ослабить заокеанского врага и без пролития британской крови. Что должно было делать правительство Пальмерстона? Естественно, помогать слабейшему, то есть Конфедерации! Это оно и делало, причем весьма последовательно. 13 мая 1861 года Англия признала Конфедерацию воюющей стороной. На британских верфях строились «нарушители блокады» — рейдеры флота южан. Британцы пытались снабжать Юг оружием и боеприпасами. Все это так. Но воевать-то зачем?

Гаррисон указывает на факт отправки британских войск в Канаду как на шаг к войне. Но в Канаду было послано только 8 тысяч солдат, что при любом раскладе мало даже для начала военных действий. Скорее, это была демонстрация силы, а заодно — попытка укрепить бесконечную американо-канадскую границу. Иных фактов подготовки Великобритании к войне Гаррисон не находит. Да их и не было.

История с «Трентом» также выглядит иначе. Премьер Пальмерстон войны, конечно, не хотел. Однако в его кабинете была одна «горячая голова» — лорд Рассел, министр иностранных дел. Именно он и был автором первоначальной редакции ноты. В этом у него обнаружился «союзник» — французский император Наполеон III, написавший письмо с предложением напасть на США (то есть попросту втравить Англию в заокеанскую войну, чтобы самому заняться Мекси-

кой). Естественно, правительство Великобритании не собиралось поддаваться на такую провокацию. Поступили ловко: нота Рассела была действительно переписана и послана в Вашингтон, а Наполеона III британцы конфиденциально познакомили с первоначальным вариантом документа (возможно, для него он и писался). Император поверил в английскую «решительность» и направил свою, очень грубую ноту правительству Линкольна.

Результат вышел впечатляющий. Англия решила конфликт мирным путем (Линкольн извинился), арестованные были отпущены в Европу (Пальмерстон их даже не принял, не желая ссориться с США), а негласная помощь Конфедерации продолжилась. Великобритания на весь мир показала свою силу и заодно — миролюбие, оставшись, так сказать, в белом фраке. Наполеона же Линкольн попросту «отшил» — грубо и прямо (сама Франция на США напасть, конечно, не решилась). Племянничек великого Бонапарта показал свою агрессивную суть и одновременно — слабость, получив от янки по физиономии (в фигуральном, естественно, смысле).

Итак, корень истории с «Трентом» произрастает не из англо-американского, а из англо-французского соперничества.

Таким образом, дипломатия Ее Величества в эти годы была на высоте. Едва ли болезнь и смерть принца-консорта могли спровоцировать войну. Умных голов хватало и без него. Англия грамотно защищала свои национальные интересы, и для достижения «альтернативности» Гаррисону пришлось для начала лишить самые умные головы Европы разума.

Верится?

3

Мы с товарищем вдвоем
Одного всегда побьем!

Но — допустим.

Лишенные по воле автора ума-разума британцы решились напасть на США. Следует намекнуть, что бри-

танские вооруженные силы в то время были одними из самых могущественных в мире. Что было бы, ежели такая мощь обрушилась бы на воюющие между собой Штаты?

Правильно! Быстрый и полный разгром. Гаррисон убедительно показал, как бегут слабые заслоны янки от канадской границы, как «красные мундиры» лупят их в хвост и гриву, маршируя в сторону Нью-Йорка. А между тем главные силы Конфедерации еще не разбиты! Британский молот, наковальня южан...

Все? Янки капут? Если следовать логике Гаррисона и правде истории, то, конечно, да. Капут!

Но не могут же американцы и в самом деле проиграть, обидно, понимаешь! И тогда бог-демиург Гаррисон делает еще один допуск — превращает британцев не просто в глупцов, но в полных идиотов, трусов, а заодно — во врагов рода человеческого.

...Британский флот, руководимый идиотами и трусами, высаживается на юге США. Это еще не смерть. Но некомпетентный адмирал высаживает десант не там, где надо. Дебил-командующий, не разобравшись, у кого какой флаг, нападает не на ту армию (на южан вместо северян). Звери-томми убивают мирных жителей пачками, заодно насилуя всех уцелевших, включая младенцев и крупный рогатый скот. Когда размеры безобразия стали ясны, адмирал пустил себе пулю в лоб, командующий бежал в Англию, а тот, кто остался, махнул рукой и пошел громить... южан (!!!).

Верится?

Но даже если на британскую армию напала эпидемия повального безумия, то еще менее понятны действия южан. Что должен был сделать президент Конфедерации Девис? Естественно, для начала поинтересоваться у правительства Пальмерстона причинами указанных выше безобразий. Ведь, как ни крути, иных союзников у южан нет и не будет никогда! Вместо этого он дает приказ заключить перемирие с северянами и идти бить англичан. Генерал Шерман, командующий

одной из армий Союза, сообразил, в чем дело, и бросил свои войска против британцев.

Стоит ли говорить, что южане в этом случае показали не меньшую глупость, чем англичане, начав войну на два фронта. Даже большую — теперь они лишились последних призрачных шансов на спасение. Правда, Шерман дал честное генеральское слово, что отныне станет с южанами дружить. Но мог ли президент Конфедерации положиться на слово одного из генералов северян? А если бы Шермана сняли с должности за самовольные действия? С кем тогда дружить?

К счастью, не дал бог бесу радости, и вскоре дружить решили на высшем уровне. Итак, вместо гражданской войны — союз. Юг и Север — против надменного Альбиона.

Дальше идет сплошная игра в поддавки. Тупые и жестокие англичане совершают все возможные ошибки, мудрые и смелые янки их бьют, вышвыривают из Канады, оную Канаду захватывают и заодно высаживаются в Вест-Индии, положив в карман Ямайку. Правители Британской империи, ощутив реальную угрозу (а теперь она действительно реальна!), в очередной раз трусили и заключили «похабный мир».

Янки дудль денди! Хип ура!

(Вот не повезло фюреру после Дюнкерка! Ну почему бы Черчиллю не спраздновать труса?)

4

Но даже если так. Допустим, на Британскую империю напал паралич, сделав ее великолепную армию (и флот!) полностью небоеспособными. Допустим! Янки с помощью Гаррисона в одну кампанию расколошматили бриттов, чем стяжали неувядаемую славу в веках.

Но как быть с неграми?

Война между Севером и Югом началась известно из-за чего. Известно, чем кончилась. В альтернатив-

ной ее версии южане и северяне разбили агрессоров, оглянулись и...

И тут, по воле автора, является настоящий бог Из Машины. Этакий Гэндальф.

Зовут Гэндальфа Джон Стюарт Милл. Англичанин. Очень умный человек.

...Между прочим, по-русски его фамилия (Mill) пишется иначе — «Милль». Господа переводчики, откroyте «Философский словарь»!

Итак, сели они втроем (Милл, Линкольн и Девис), кофе выпили. Милл прочитал господам президентам короткую лекцию о сущности материалистического понимания истории. А потом и предложил волшебный рецепт, как с бедой справиться. Какой рецепт? Да очень простой! Взять рабов — и освободить. Взять Конфедерацию — и присоединить обратно к США.

Правда здорово?

Президент Девис кофе отхлебнул и рукой махнул: ин, ладно! Освобожу. Присоединю обратно. И все!!! Глори, аллилуйя!

Хочется напомнить, что реальный президент Конфедерации Девис, попав в плен, до конца своих дней просидел в тюрьме, не пожелав признать (признать, всего-навсего признать!) ни первого, ни второго. И тут не обошлось без гаррисоновской лоботомии! Заодно автору пришлось «убедить» сотни тысяч солдат и офицеров Конфедерации вместе с миллионами южан, готовых умереть, но не отступить от привычного образа жизни.

Верите?

5

С особым удовольствием читаются страницы, посвященные военно-техническому превосходству США над Великобританией (один «Монитор» топит весь британский флот). Но это отдельный и очень долгий разговор. Ясно, что «мастерская мира» Англия способна воевать лишь кромвелевскими мушкетами и нель-

соновскими фрегатами, а бравые янки уже всюду шмалют из многозарядок и строят броненосцы.

То есть это Гаррисону ясно.

6

И, наконец, мелочи. Их уйма, и не всегда поймешь, кто виноват, автор или переводчик. Например, термин «снайпер» появился значительно позже, причем именно в Англии, а не в США. «Линкором» принято все-таки называть линкор, а не линейный парусный корабль. Адмирал Нахимов погиб при обороне Севастополя в 1855 году. Или и тут — альтернативная история? Если так, то спасибо за Нахимова. Оживили!

7

В чем же смысл романа?

Позволю предположить, что смысл — в изжитии острого национального комплекса. Гражданская война — страшная страница в истории США, и у любого нормального американца нет-нет и мелькнет мысль: а здорово, если бы... А заодно и Англию отлупить!

(Между прочим, в подлиннике роман называется, если верить примечаниям, «Stars and Stripes forever». Не стоило переименовывать.)

Что ж, у Василия Звягинцева нечто подобное уже написано («Вихри Валгаллы»). Причем бьют там именно англичан.

У Гаррисона получилось ничуть не хуже.

ВРАГУ — ПО РОГАМ!

Гаррисон Г.

Враг у порога: Фантастический роман. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 416 с. (Серия «Стальная крыса»).

Великая Альтернативная война, развязанная Гаррисоном, продолжается. Коварный Альбион опять попытался напасть на добрые и миролюбивые Соединен-

ные Штаты. Не знали британцы страшнее врага — вновь Гаррисон Гарри их взял за рога! Однако же по порядку.

1

Дураков в альтернативной истории бьют!

Пословица.

Продолжение всегда хуже начала, особенно в «альтернативке». Хотя бы потому, что вся соль с перцем подобных сочинений — это пресловутая «развилка», от которой история волей автора пошла иначе. Самая сладость — смаковать, насколько удалось очередное «ежели бы». А вот продолжение, увы, не столь интересно, ибо «развилка» позади, неизвестное-неосуществленное в Истории рождается из столь же неизвестного и неосуществленного, и Клио окончательно становится музой Фэнтези. Но что делать? Любим мы Гаррисона, даже такого. Любим, читаем...

Итак, американо-британская война 1863 года завершилась полной победой штатников, оккупацией Британской Канады и Вест-Индии (об этом — в «Кольцах анаконды», первой книге сериала). Север с Югом объединились, рабство отменено и совсем уже наступило в человеках благоволение, ежели бы не автор, вновь толкнувший бриттов на битву с «нацией-сестрой». Увы, сериальность и здесь сыграла злую шутку, ибо читатель уже ведаёт, что агрессора обязательно разобьют. Но не всеконечно — третью книгу писать надо. А посему и волноваться за храбрых янки не приходится. А что же остается? Подивиться авторской фантазии разве что.

...И в самом деле! Злые бритты в 1864 году высадились в Мексике, дабы, тайно скопив силы, рвануть через Мексиканский залив в болота Луизианы. Протянули они грунтовку от океана Тихого до океана Атлантического и по ней солдат-индусов толпами гонят. Но мудрый президент Линкольн все знает, все понимает.

Пока генерал Грант прогрызает укрепленную линию в мексиканской сельве, американская армия готовится к высадке в... Ирландии! Сказано — сделано. Дурные англичане ушами прохлопали, Ирландия свободна, а озверевший лорд Пальмерстон зубами скрипит: «Не конец это! Будет, будет третья книга!..»

И что по поводу всего этого можно сказать? Во-первых, так дуракам и надо, ежели ослепли и умом тронулись. А вот во-вторых...

2

В ночном саду под гроздью зреющего манго
Максимилиан танцует то, что станет танго.

Иосиф Бродский.

Вначале — от грустном. Гаррисон окончательно откасался от индивидуализации персонажей, от психологизма, от юмора. Не герои — схемы. Мудрый Линкольн, храбрый Грант, коварный Пальмерстон, истеричка Виктория. Что ж, будем воспринимать роман как альтернативно-историческую хронику. Увы, увы! Но и в этом случае...

1. Мексика. Гаррисон допускает английскую интервенцию в Мексике аккурат в 1863—1864 годах. Все может быть (автор — барин), но в этом случае Великобритания сразу получила бы еще одного сильного врага — Францию. Император Наполеон III объявил Мексику зоной своих интересов, высадил там войска, посадил на престол Максимилиана с его мулаткой-шоколадкой. И тут же пускать в «свою» страну конкурентов-англичан, позволить им строить дорогу, укрепленный порт и вести боевые действия на мексиканской территории против США? Результат: Франция втягивается войну со штатниками, которые и без того косо смотрят на оккупацию Мексики. Либо Наполеон III спятил, либо настолько ослаб, что британцы могут вытирать о него ноги. А вот последнего и не было, ибо это время — расцвет Второй Империи, а Британия по

воле автора только что проиграла войну со Штатами. Как же англичане оказались в Мексике, а?

2. Ирландия. Стонут сыны Зеленого острова под английской пятой! Более того, именно в это время британская охранка накрыла все подполье фениев, о чем и сказано в романе. Но! Американцы помогают подполье воскресить. Как? Да проще пареной репы: на острове этак незаметненько высаживается дюжина американских офицеров ирландского происхождения и тут же воссоздает подпольную структуру. И скольких из них выловила всевидящая британская спецслужба? Правильно — ни одного. Даже не заметила. Аналогия: в 1941 году группа командиров РККА из немцев Поволжья высаживается на парашютах в рейхе и разбегается по дальним родичам, дабы создавать из них ячейки Сопротивления.

Ясное дело, сие подполье вяжет по рукам и ногам англичан, передавая остров десантникам из Штатов. Паровозы не ходят, телеграф не стучит, в ружья песок всыпан...

3. Десант. Отчего, тупым и упорным бриттам Мексика понадобилась? Да оттого, что надо силы накопить перед броском в Штаты. Через океан такую ораву не повезешь! Но это британцы. Янки же спокойненько собирают армаду, грузят несколько дивизий и тайно (!), с одним заходом на Тенериф, высаживают армию в Ирландии. На всю подготовку — два-три месяца.

Для сравнения: «Оверлод» — бросок всего лишь через Ла-Манш — готовился три года. Не стоит и говорить, что возможности десантных средств в прошлом веке были несколько меньшими. Третью года союзники в Крымскую войну собирали войска в Варне, дабы от туда добраться до Крыма. А ведь Крым был в полусутках пути!

4. Белые балахоны. Автор все-таки вспомнил, что у Штатов есть не только Север, но и Юг. Война закончилось, рабов освободили, но несознательные южане кресты попаливают, морды активистам-либералам

бьют. Нехорошо! Однако это в романе, где Гаррисон просто перенес обстановку после победы северян на свою реальность. Но! В романе-то южан не разбили! Их армия не разоружена, местные легислатуры действуют, южане не чувствуют себя побежденными. И в результате — всего несколько сожженных церквей и разбитые рожи? Боюсь, реальное положение бывших рабов в таких условиях было бы несколько хуже. И белые балахоны не нужны, ибо Клан создавался от отчаяния, в подполье, а тут власть не переменялась. Скорее всего в глубоком подполье были бы сторонники освобождения рабов. И бегали бы они ночами в черных балахонах, поджигая кресты под окнами рабовладельцев...

5. Вооружение. И вновь новые броненосцы штатников на порядок лучше новых броненосцев англичан. Ну что же случилось с Владычицей Морей? Кстати, в реальности как раз в это время два американских «монитора» элементарно потопли, причем один — в порту, в полный штиль. Вдобавок янки (в романе) за один год (!) изобретают и пускают в серию пулемет. Для справки — это 1864 год. Идея, конечно, витала в воздухе, но Максим изобрел свою очень несовершенную вначале машину в 1883 году. А сколько лет до ума доводили? Дело ведь не только в идее, дело в технических возможностях. Об этом очень хорошо сказано в романе «Rebel in time». Жаль, не помню кто сей роман написал. Гаррисону бы его прочесть!

6. Белфаст-Ольстер. Ограничусь эпиграммой в античном стиле:

Вот уж столетия бритты с бедой разобраться не могут.
Ли-генерал за пять дней вечных врагов помирил.

7. Разведка американцев и разведка англичан. Читайте сами, сами оценивайте. Штирлиц отдыхает — мало не покажется...

Мораль? Император Максимилиан и дальше может танцевать то, что станет танго. Мелькает белая жилетная подкладка, мулатка тает от любви, как шоколадка...

...Он нес античное кремневое ружье.

Гарри Гаррисон (в переводе).

Будем считать, что чудовищные ляпы в тексте — все-таки на совести переводчика, а не автора. (Ну когда же наконец мистер «Николай» станет тем, кем он был — «Николаи», адмирал «Нэйпир» — «Нэпиром»?) Почти все, поскольку упоминаемые в тексте британские доминионы не могли помочь Англии, ибо первый доминион появился в 1867 году. Может быть, это альтернативные доминионы?

А в остальном... Господа переводчики, пожалейте Гаррисона! Мы его очень любим!

Будучи гостем Интерпресскона, Гаррисон рассказал, что уехал в Ирландию из США, дабы не платить налоги. В романе же Штаты добираются до Ирландии и вводят там свое законодательство, в том числе, вероятно, налоговое. Что это? Шутки подсознания? Комплекс вины перед родным наркомфином?

Ждем третьей книги!

АЛЫЕ КРЫЛЬЯ ШТУРМФОГЕЛЯ

Опыт необъективной рецензии

Бессонов А. И.

Алые крылья огня: Фантастический роман. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1999. — 400 с. (Серия «Абсолютное оружие»).

Лазарчук А.

Штурмфогель: Фантастические романы./ Ил. П. Борзенца. — СПб.: «Стихия озон», «Terra Fantastica», 2000. — 384 с.; Ил. — («Corona»).

Имперский сон, в который все более впадает наша фантастика, порождает странных чудовищ. И далеко не всегда им хочется смотреть в глаза. Да стоит ли? И взгляд известный, и личина знакомым черепом кривится...

Но сначала о хорошем. Ведь новая книга знакомого автора — это всегда хорошо.

1

Итак...

Всем любителям криптоисторических боевиков всячески рекомендуется. Новый роман на добротном ментально-документальном материале, причем только входящем в криптоисторический оборот. Вместо поднадоевших родных осин, увитых проволокой ГУЛАГа и пощербленных красногвардейскими пулями, — «третий рейх». Не будем покуда задумываться, отчего именно эта Империя, а не Британская, Римская или на худой конец Австро-Венгерская. Рейх себе — и рейх. Тем более там такое творилось!..

Представьте себе: некий офицер немецкой армии, характер нордический, к врагам беспощаден, грудь в крестах, голова же — отнюдь не в кустах (везучий!), вынужден спасти мир. А как не спасти-то? Некие супостаты не совсем людского происхождения (оберменши по-ихнему), своими оберменскими способностями пользуясь, решили нашу Землю вконец сгубить. И сгубили, ежели бы вышеизложенный ариец не вмешался. Он-то и сам не промах, и способностей (хитов по-нашенски) вдосталь имеет. Ну и друзья, камрады то есть, при нем — тоже не унтерменши какие-то. Поднатужился герой и с пением «Дойче зольдатен, а также официрен» упомянутый мир спас. В общем, аллилуйя, то есть, простите, хайль!

Ой!

Перечитал — и стыдно стало. Увлёкся! Сюжетом необычным, ранее нигде не встречавшимся, увлёкся —

да и героем белокурым-бестиарным тоже. Увлёкся и не заметил, что разом пересказал интригу не одного, а целых двух романов: «Алые крылья огня» Алексея Бессонова и «Штурмфогель» Андрея Лазарчука. А посему будем считать вышеприведенный сюжет относящимся к роману Бессонова, а тем, кого интересуется Лазарчук, рекомендуется перечитать написанное еще раз.

Перечитали?

И я перечитал — и в очередной раз иззавидовался. Круты мои коллеги, каждый раз чего-нибудь этакое находят. А говорят, в фантастике с идеями и сюжетами декохт!

Впрочем, я же хотел о хорошем. А хорошее в этом всем прежде всего — сами авторы. Кое-что же прочее...

2

И вправду, какой бес занес двух хороших писателей аккурат к Гитлеру-Шикльгуберу? Отчего среди его черных аггелов спасателя искать принялись? Добро бы еще, антифашиста какого подобрали, так ведь нет! То ли детская память о мгновениях весны сработала, то ли посерьезнее причина.

Не в имперской ли идее, о которой так много ныне говорят и пишут, все дело? Дескать, мир спасти может лишь держава мощная, соответствующими службами укомплектованная. Им, службам этим, и Землю нашу спасать по чину. Гэбэшники уже спасали, и фээс-бешники спасали, и чекисты. А чем иные-прочие абверы-гестапы хуже? Да и эстетически арийцы смотрелись хоть куда: кудри белые, мундиры черные, руки на бедрах, бритый «золлингеном» подбородок — выше носа...

Так-то оно так, но ведь рейх был препаршивой империей. И даже препоганой. И даже процесс в городе Нюрнберге состоялся. А в моем родном Харькове этих белокурых бестий с бритыми подбородками по приговору трибунала вешали. За что? Да за шею. На Благо-

вещенском рынке. Вот и думаю — вдруг там не того бы повесили? Он, ариец истинный, ножками дерг — а кому мир спасать? Вот ужас-то!

И снова перечитал, и снова стыдно стало. Не иначе — злобствую. Это во-первых. А во-вторых, явно не понимаю общечеловеческих ценностей. Так сказать, фашист — есть фашист, демократ — демократ, и не встретиться им никогда, лишь у подножия престола божья в день Страшного суда. Но двое крепких парней из спецназа... И т.д.

Одно остается — не творить из двух хороших авто-ров одного (то ли Бессончука, то ли Лазарнова), а подойти, как и полагается, индивидуально. Может, и прояснится чего.

3

С Алексеем Бессоновым, как мне кажется, понятнее. И книга его понятнее. И читать ее было приятнее (о себе лишь пишу, не о всем прогрессивном человечестве). И герой его, обер-лейтенант Дирк Винкельхок, хоть и сволочь фашистская, а все же вызывает ежели не сочувствие, то опять-таки понимание. Сбежал парень с далекой планеты Саргон на Землю, обзавелся чужими документами, толком разобраться не успел — и уже в Испании воюет, Франко спасает. А там и Вторая мировая на носу. Да и заплатил инопланетянин Винкельхок за все не головной болью, а просто головой. А ведь финал, добрый-добрый, слащавый-слащавый, так и напрашивался. И мир спасен, и бабенка теплая под боком, и ошибка исправлена — разобрался парень в том, кому служить вздумал. Увы, как говорили древние египтяне, бог бьет грешника кровью его...

А вот что в книге хорошо, так это великолепное знание предмета. Точнее — артефактов далеких сороковых. Ежели самолет — то не просто самолет, а «Харрикейн», «Веллингтон», «Капрони» или «Бф-109» (для тех, кто не знает, это и есть «Мессершмитт», нечего его обзывать «Ме-109»). Ежели автомобиль, то «Бен-

тли 4,5L» или «Адлер». Ежели мотоцикл... А ежели эс-минец... Да с описаниями, да с боевыми характеристиками...

Для любителей технического ретро — райский уголок, заповедник всего, что заводилось, ревел, летало, плавало. А воздушные бои! Жаль, сие мне не оценить до конца. Да и наши фэны, как известно, все больше по лошадям и по арбалетчикам конным спецы. Но — впечатляет. Да и сама угроза миру выглядит вполне логичной. Почему бы не попытаться сотворить примитивную ядерную бомбу еще в 1941-м? Тем более дальше установки по обогащению урана дело так и не пошло...

Может, в этой машинерии и ответ? Любит автор древнюю технику — и эпоху, когда эта техника рычала-гремела, любит. А рейх? Так ведь чьи самолеты лучшими были? А грузовики? А?..

Убрать (или слегка подсократить бы) всяких пришельцев-ушельцев, и получился бы превосходный историко-авантюрный роман с приятным привкусом криптоистории. Между прочим, не только самолеты — многие герои тоже неплохи. Бог с ними, с главными, но просто немецкие летчики, просто французские маки, просто средиземноморские контрабандисты — просто хороши! Так что не в осуждение романа как такового затеяна сия рецензия. «Алые крылья огня» — хорошая книга и явно лучшая у автора на настоящий день.

Вот, правда, «третий рейх»...

4

Анализировать роман Андрея Лазарчука мне как-то не по чину. В свое время иной мастер турбореализма писатель Ст. (я не Иосифа Виссарионовича имею в виду) возмущался непредставлением книг Лазарчука на Букера с Антибукером. Присоединяюсь к этому возмущению и по совету Секста Эмпирика от собст-

венных суждений о самом романе (стиль-сюжет-язык-образы) воздержусь. Могу лишь констатировать, что все в романе есть. И супер (обер) герой, и иное небо, куда возноситься должно, и табуны фройлейн, и, конечно, хэппи энд.

Ну а ежели чуть подробнее...

А надо ли? Ну, существует некий астрально-ментальный мир-транквилиум с феями и эльфами-цвельфами, в котором (и за который) намертво сцепились ментальные службы рейха и Объединенных Наций. Ну, геройствует герр Штурмфогель, мир спасая и фей по щечкам поглаживая. Ну спас, понятное дело (чтобы такой менш да не спас!), ну кофе-пиво выпил, над Штирлицем-шпионом поязвил. И дальше пошел — спасать.

Так что о подробностях — лучше воздержусь, тем более иных, не моих, суждений хватает. Хоть и недавно выпорхнул «Штурмфогель», но послушаться уже пришлось. Например:

1. Очень мило!

2. Лазарчук написал автопародию, решив нас всех разыграть, для чего собрал все собственные штампы в одной книге, экстракт, так сказать.

3. То же самое, но не автопародию, а просто пародию на турбореализм.

4. Лазарчук решил написать веселенькую легкую книжку, дабы все посмеялись вволю.

5. Писатель творил левой ногой, ибо правая была занята написанием очередного тома «Х-файлов».

С констатацией № 1 спорить не буду (очень мило!), последнее утверждение (№ 5) с порога отвергаю как провокационное (попробовали бы вы, критиканы, грамотно описать подвиги Малдера и Скалли!), а вот все прочие можно и обдумать.

Увы, порок суждений 2—4 в том, что книжка вышла не слишком смешной. Не то чтобы совсем. Вот, например, приходит пьяный Штирлиц 23 февраля на работу в СД и предлагает выпить «за нашу победу»

(гогот за кадром, читатели катаются по полу). А в целом...

Не так давно во время виртуальной дискуссии по иному поводу писатель Л. укорил нас в том, что мы юмора не понимаем. Кончился, мол, XX век с его тоталитаризмом, а посему над фашистами-коммунистами только смеяться и можно. Вот и Лазарчук (тогда еще с Успенским) в «Глазах чудовищ» над рейхом погготали. Институт Аненербе, где на живых людях опыты ставили, — ух, весело!

Каюсь, слабо у меня с юмором. Вот ежели бы автору пару веселых историй из жизни Бухенвальда пересказали! А Треблинка и гетто Варшавское? А спортивно-оздоровительный лагерь Освенцим? То-то хохоту! Глядишь, и меня пробило бы.

Так что и «Штурмфогель» вышел для меня не очень смешным. И сам Штурмфогель, мир спасающий, не очень героическим. Бестия, конечно, и ариец истинный, и политику партии (НСДАП которая) понимает правильно. Но...

Не демократ я, наверное. Никак не забуду, сколько миллионов эти бестии в холокостный пепел превратили, чего стоил людям этот эстетически красивый «третий рейх» с его «Триумфом воли» и увлечением Гималаями.

— Как?! — праведно воскликнут демократы. — А сталинский режим лучше? А заокеанская плутократия? А британский империализм?

Не лучше, может быть. Но это не повод уравнивать ваффен и шварцен СС-ов с теми, кто защищал Вестерплатте, Брест или Тобрук. И я не хочу, чтобы меня вкупе со всем миром спасал герр Штурмфогель. Лучше меня от него спасите, а с миром мы уж сами как-нибудь...

Ох, чего написалось! А ежели это и вправду юмор? А ежели это игра литературная с загадками-отгадками? И вообще, разве можно путать политику с фантастикой? Вот империя, коллегами моими воспеваемая (что

с двуглавым орлом империя, что с одноглавым), — это не политика. Утопии, похлеще Оруэлла и Клайва Льюиса — не политика.

И «третий рейх» — не политика.

Может, и вправду?

P.S. Довеском с «Штурмфогелю» в книге идет «Иное небо». Там тоже рейх, а заодно — прекрасные рисунки чудо-техники. Видать, сговорились все-таки Алексей с Андреем! Или Андрей тоже всякое рычащее-гремящее любит, а про рейх — это я зря?

P.P.S. «Андрей! Я тебя не очень обидел?» (Вячеслав Рыбаков, послесловие к «Штурмфогелю».)

ДРУЖБА-ФРОЙНДШАФТ!

Евтушенко А.А.

Отряд: Фантастические произведения. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 480 с. (Серия «Абсолютное оружие»).

Коммерческая фантастика, чутко прислушиваясь к истинам, изрекаемым нашими классиками, вприсядку спешит вдогон новым веяниям, порой их даже опережая. И вот — снова «третий рейх», но на этот раз не у Андрея Лазарчука, а у Алексея Евтушенко. От великого до смешного — один шаг. От претензий на нетленку до откровенных спекуляций — еще меньше.

А не встречался ли тебе, любезный читатель, сюжет про земного супермена (вариант — суперменов), попадающего аккурат в некую космоимперию с целью полного или частичного «выноса» оной? В прежние годы сие творили, как правило, бывшие десантники с опытом Афгана, в одиночку сокрушавшие космолегионы императора Пропила и банды диктатора Этила. Но мысль не стоит на месте, и вот...

Группа идиотов с планеты, ну, допустим, Метил не нашла ничего лучшего, как выкрасть из 1943 года два взвода разведчиков — из РККА и вермахта соответственно. На свои дурные головы, понятно. Ибо совер-

шенно очевидно (не для меня, для автора книги), что уже на третий день Гансы и Иваны помирились, подружились и ка-а-ак врезали!

Одной планеты мало — пришлось выносить целых три. Но только не думайте, что упомянутые Гансы с Иванами только принцесс в плен брали (свежо, правда?) и спасали очередных поработенных. Это же не боевичок какой-то! Параллельно с «зачисткой» шел процесс, так сказать, просветления. Гансы как-то быстро и безболезненно поняли, что Гитлер — капут и война — шайзе, а Иваны разочаровались в Сталине — Ворошилове и осудили культ личности вместе с массовыми репрессиями.

Здорово, правда?

Единственный вопрос — зачем все сие описывать? А вот зачем. На финише побратимы попадают наконец домой, но только вот беда — не в ревушие сороковые, а в XXI век. А там дела — хуже Сталинграда. Распалась матушка-Россия! Сбылась мечта врагов наших вековых! То есть это им кажется, что сбылась...

Догадались? Ну конечно! Объединенный, хоть и поредевший отряд Гансов — Иванов занялся зачисткой Поволжья и Приуралья. Не очень разбираясь, правда, от кого именно, зато с неизменным успехом. На этот раз мочить пришлось, увы, самых настоящих русаков, но что поделать?

...Оно и легче и приятнее, чем снова на Курскую дугу. Правда?

Так что не всегда война — шайзе, кому и мать родная. Тем более потомки наши слабоваты оказались. «Кто вы такие?» — в ужасе вопит один из мочимых по имени Ваня. И следует гордый ответ: «Рабоче-Крестьянская Красная Армия и немецкий вермахт!» Ферштейн зи, русише швайн? И вправду, к чему в обаянии умного Ваню держать? Должен же он узнать, откуда спасение пришло!

Я спокоен. Будущее Родины гарантировано.

Зиг ура!

«СТАМБУЛ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТ...»

Булычев Кир

Штурм Дюльбера (Река Хронос. 1917): Роман. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. — 448 с. (Миры Кира Булычева).

Прав Александр Ройфе, прав — появилась у наших фантастов сверхидея. И сверхидея сия — реставрация Империи. Поверил я в это, прочитав вторую часть «Реки Хронос» Кира Булычева. Очень крепко поверил!

Не будучи литературоведом, не решусь оценивать весь роман (сюжет, героев, язык). Лишь вздохну: эх, Алиса, Алиса!

(Я не императрицу Александру Федоровну имею в виду.)

А вот как историка меня не мог не заинтересовать еще один альтернативный вариант нашего славного 1917 года.

1

Отмечу сразу: мне известно, кто таков историк Игорь Всеволодович Можейко. Его книги (включая образцовые работы по истории Бирмы) читал и представляю его уровень как специалиста. А посему дело не в знании истории, а в правилах ее интерпретации. Конечно, следуя худшим традициям нашей критики, я сумел найти в тексте два-три исторических огреха, но из принципа не стану заострять на них внимание. Дело совсем в другом.

2

Альтернативность булычевского 1917-го заключена в двух предпосылках:

— Ленин, не дождавшисьпломбированного вагона, решается ехать в Россию через Германию по фальшивому шведскому паспорту, в результате чего по-глупому попадает в контрразведку и не успевает вовремя

прибыть в Петроград. Революция лишается своего будущего лидера.

— На заседании Севастопольского Совета один из героев романа (прапорщик Коля Беккер) вовремя осаживает крикуна-демагога, чем помогает адмиралу Колчаку овладеть ситуацией и на время «притушить» страсти в Крыму и на флоте. Этим временем он, Колчак, и пользуется для контрреволюционного переворота.

Обе эти ситуации абсолютно реальны и отмечены в исторической литературе. Посему альтернативность вполне допустима, хотя в первом случае германская контрразведка в булычевском варианте оказалась излишне, не по-немецки, нерасторопной. Впрочем, всякое бывает.

Итог: в Петрограде большевики остаются без вождя. В результате (об этом в романе не сказано, но это очевидно) побеждает умеренная линия Каменева — Сталина, направленная на объединение с меньшевиками и сотрудничество с Временным правительством. Впрочем, пункт второй делает по большому счету это излишним, ибо даже Ленин не успел бы предотвратить описанные автором события, разразившиеся на юге. Переворот происходит в апреле-мае 17-го, когда большевики не имели еще реальной возможности вмешаться в управление страной. Так что Кир Булычев вполне мог «впустить» В. И. Ульянова в Петроград — хуже бы не стало.

А тем временем вице-адмирал Александр Колчак задумывает страшный монархический заговор, дабы одним ударом поразить две цели:

— Захватить Стамбул и выиграть войну.

— Свергнуть Временное правительство и установить монархию с регентством Марии Федоровны, матери Николая II.

Колчак — заговорщик? Может быть, ибо в ноябре 1918-го он проделал нечто подобное в Омске. Но вот

Колчак — монархист? Ни одно из сохранившихся его высказываний не говорит об этом (что, между прочим, упомянуто и в романе). В дальнейшем Колчака окружали либо правые эсеры (премьер Вологодский), либо кадеты (премьер Пепеляев, его брат — генерал Пепеляев). Разгуляй-головы типа Красильникова, которые привели адмирала к власти в Омске, существовали вообще вне политики. А вот истинные монархисты были против Колчака, даже создали некую тайную организацию по борьбе с Верховным правителем, ориентируясь на личности типа генерала Иванова-Ринова.

Между прочим, в реальной истории Колчак, приехав в Петроград, отправился за благословением к Георгию Плеханову. Даже перед расстрелом, отвечая на вопросы комиссии Политцентра, адмирал высказывался о монархии отрицательно. Хорош монархист!

Ну, ладно. Допустим, в мае 1917-го Колчак еще не изжил свои прежние иллюзии. И что же?

Он договаривается с великими князьями и императрицей, пребывающими в Крыму в имении Дюльбер, спасает их от ареста, переводит на борт флагмана — и атакует Стамбул.

По поводу Стамбула — чуть дальше, сначала о Дюльбере. Автор (вероятно, вполне сознательно) «сгущает» действие. Реально опасность для великих князей в Дюльбере наступила не весной, а значительно позднее. Страшный бой у Дюльбера не понадобился бы. Но — роман есть роман. Можно лишь отметить, что освобождение Романовых в варианте Кира Булычева произошло совершенно безграмотно, с громадным риском для их жизни. Сие очень похоже, когда моряк берется за сухопутную операцию. Но контрразведка (полковник Баренц) куда смотрела?

Для сравнения: в ноябре 1917-го Корнилов и его поделщики были освобождены из Быховской тюрьмы — красиво и без единого выстрела. Учиться надо, господин адмирал!

Романовы спасены, матросики кричат «ура!» государыне императрице, а флот идет на Стамбул. Начинается самое интересное — и самое невероятное. Ну совершенно невероятное! Что называется, альтернативка так альтернативка.

1. Турецкая разведка еще могла прохлопать рейд русского флота к Стамбулу. Но вот немецкая? В Стамбуле действовала немецкая военная миссия, там же стоял «Гебен», немецкие офицеры и адмиралы служили в турецкой армии. И просмотрели подход русского флота прямо на рейд Стамбула?

Ну, знаете!

2. Ладно, ослепла агентура полковника Николаи. Допустим и мгновенный захват Стамбула (русский снаряд убил султана вместе со всем военным советом). Хотя...

Для сравнения. Галлиполийская десантная операция английского (лучшего в мире!) флота продолжалась несколько месяцев. Стамбул взять не удалось. Не так уж и слабы оказались турки!

3. Взятие Стамбула привело к быстрому (за неделю) крушению Османской империи и выходу ее из войны. Ну и турки! А вот в реальной истории (1920—1923 годы) даже после оккупации столицы армия Кемалю не только держалась, но еще и сумела победить, причем на всех фронтах (армянском и греческом). Что же это с Кемалем случилось в альтернативной истории?

4. А дальше — совсем фантастика. Крушение Турции приводит к развалу Австро-Венгрии и капитуляции Германии в июне 1917 года.

С какой это стати, скажите, пожалуйста?

Реальная опасность в этом случае грозила разве что Болгарии — еще одному союзнику Германии и Турции. Но почему должна была рассыпаться Австро-Венгрия? Все упомянутые автором восстания (чехов, поляков и т.д.) стали возможны в нашей истории ПОСЛЕ капиту-

ляции Карла Габсбурга. Да и восстаний не было, австрийская администрация мирно передавала власть на местах через особые Ликвидационные комиссии. Силы Пилсудского и чехов были настолько мизерны, что их раздавили бы очень быстро.

Между прочим, упомянутую в романе Галицию поляки едва ли смогли быстро присоединить. Там ждали своего часа украинские националисты, которые в реальной истории захватили Львов и создали свое государство (ЗУНР), воевавшее с братьями-поляками более полугода. Зачем же украинцев недооценивать, Игорь Всеволодович?

И, наконец, Германия. Кайзер признал поражения (в ноябре 1918-го) после тотальных неудач на фронтах и революции в самой империи. Весной 1917 года, после развала русской армии и ДО высадки американцев, у Германии позиции были весьма сильные. Немецкие дивизии стояли на Балканах (одно это не дало бы Австрии быстро развалиться), в Бельгии, во Франции. Конечно, рано или поздно Германия признала бы поражение, но чтобы уже в начале июня? Следует напомнить, что даже после страшной битвы в Шампани, когда все стало ясно, прошло еще четыре месяца, прежде чем в Германии разразилась катастрофа.

Что-то не так с немцами в романе. Ой не так! Хил альтернативный немец пошел!

5. И — главное. Захват Стамбула взбунтовавшимся флотом приводит к быстрому падению Временного правительства и реставрации монархии в России.

С чего бы это, извините? Такое стало бы возможным в случае поддержки колчаковского мятежа всеми вооруженными силами. Но:

— Главнокомандующий Брусилов был предан Временному правительству.

— Все командиры вплоть до корпусов и дивизий были уже заменены другими, лояльными революции.

— Настоящей властью в армии стали солдатские комитеты.

— Дисциплина в армии упала так, что поднять ее по приказу было практически невозможно.

В лучшем случае Колчака поддержали бы отдельные генералы. Ну и что? Тоже было — Корниловский мятеж. А ведь в реальной истории войска Корнилова (корпус Крымова) двигались непосредственно на Петроград. А тут, извините, Стамбул!

К тому же весной 1917 года в России царила такая идиосинкразия к монархии, что ни о какой быстрой реставрации и речи не могло быть — это признавали все, и в первую очередь сами монархисты. Выступление Колчака скорее всего сплотило бы все революционные силы вокруг Временного правительства, которое быстро подавило бы разрозненные восстания. Колчаку оставалось бы любоваться Стамбулом — пока Кемаль не пришел.

Очевидное — невероятное, точнее, очевидно — невероятно. Очевидно, что альтернативный вариант Кира Булычева **АБСОЛЮТНО НЕВЕРОЯТЕН**. Автор и сам это признает: в финале романа сказано, что перед нами — историческая химера, которая скоро исчезнет. Беда в том, что она и появиться-то не могла.

Фантастика — ответят мне. Конечно, соглашусь я. Но ведь у каждого жанра свои законы!

P.S. Василий Звягинцев тоже взял Стамбул («Одиссей покидает Итаку»). Но там его героям помогали инопланетяне. Это куда более похоже на правду.

P.P.S. А так хочется возродить Империю! Ну так хочется. Хоть бы немножечко, чайную ложечку!

БОПОТО АНАХРОН

Булычев Кир

Заповедник для академиков (Река Хронос. 1934—1939): Роман. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 512 с. — (Миры Кира Булычева).

Альтернативная история допускает все. Давеча прочел один роман, где рассказывается, как чудом спасшийся от чекистских пуль Государь Император

Николай II решил пойти в контрразведчики — и безуспешно, ибо сумел с помощью шантажа заставить глупого и трусливого Сталина свернуть с губительного пути строительства социализма. При этом Государыня Императрица Александра Федоровна лихо выстукивала морзянкой донесение в Центр...

Я даже не удивился — на то и альтернативная история. Бога Хроноса нет — значит, все дозволено, и гражданскую войну переиграем, и подлеца Ежова в омут головой сунем.

Впрочем, это присказка, сказка впереди.

1

Оставляю литературоведам оценить достоинства романа Кира Булычева. Лично у меня защемило сердце лишь один раз — когда в обреченный город, на который должны вот-вот скинуть первую советскую ядерную бомбу, завезли для проверки эффективности взрыва животных из зоопарка и несчастный профессор биологии умоляет прислать ведро портвейна, потому что слону холодно, он заболел, не может встать, и зебре холодно, а несчастные голодные животные рычат, воют, просовывают морды сквозь решетки клеток, надеясь, что добрый профессор, словно доктор Айболит, поможет, спасет...

Люди, волею автора также направленные, дабы сгореть в пламени взрыва, отчего-то не вызывают и тени подобных эмоций. Да не прослышу жестоким, но если бы они вообще не появились на страницах романа (или вместо бедняги слона в клетке оказалась непотопляемая Лидочка Иваницкая), он хуже бы не стал. Но, повторяюсь, это дело литературоведов, меня же, историка, интересует та самая Река Хронос, ради которой и писалась книга.

...Развилка истории случилась осенью 1932 года. По совершенной случайности остались живы двое людей — физик и чекист. Физик стоял на пороге от-

крытия идеи Бомбы, чекист понял, что это сулит, — и был готов идею поддержать. Результатом стало то, что первая советская ядерная бомба была испытана в апреле 1939-го, на десять лет раньше, чем в нашей реальности.

Прежде чем поплыть по Реке Хронос дальше, следует оговорить одну важную особенность жанра, в котором написан роман. Суть альтернативной истории, как это неоднократно излагалось в предыдущих романах серии, заключается в том, что одно-единственное событие, сушая мелочь, порождает иной вариант Времени. В знаменитой кузнице нашелся гвоздь, командир не упал с лошади — и так до полной победы. Важно, однако, что речь идет именно об одном гвозде, а не о том, что одновременно во вражеском войске началась чума, а правитель-супостат был похищен маленькими и зелененькими. Конечно, в альтернативной истории можно все, но нарушение этого правила делает книгу неинтересной. Посему правила игры, предложенные автором, таковы: весной 1939 года у Сталина уже была Бомба. Не больше — и не меньше, все остальное должно следовать из этого допущения.

Как говорится, а об ином чем-то мы не договаривались!

2

Куда же потекла Река Хронос в измененной реальности? Сие лучше узнать читателю самому, ибо фантазия мэтра Булычева по-прежнему неиссякаема. Однако скучный взгляд историка невольно замечает, что автор подбросил в кузницу не только недостающий гвоздь, но и подсунул полководцу вместо коня целый танк «КВ», превращая Реку Хронос в некое Болото Анахрон, где все происходит не согласно предложенному самим же писателем-демиургом допущению, а благодаря как минимум десятку больших и маленьких «развилочек», возникающих совершенно произвольно и уже без всякой логики.

...Адольф Гитлер, узнав о Бомбе, задумывает нанести удар первым, для чего приказывает напасть на Польшу не 1 сентября, а значительно раньше, в июле 1939 года. Коварство фюрера очевидно, однако беда в том, что приказ он отдал в начале лета, то есть где-то за месяц до нападения.

Оценим.

Достаточно бегло полистать любую историю Второй мировой или хотя бы военный дневник Гальдера, отвечавшего за подготовку к войне, чтобы понять — никакой приказ Гитлера не мог сделать невозможное — привести армию в готовность за два месяца до первоначально назначенного срока.

...На самом деле нападение на Польшу было намечено не на 1 сентября, а на 26 августа, но это, вероятно, еще одна «развилка».

Конечно, убежденные и запуганные генералы могли выполнить приказ фюрера и атаковать Польшу наличными силами в июле, но тогда удар, и это совершенно понятно, был бы куда слабее намеченного. В стратегии, в отличие от фантастических романов, чудес не бывает. Желаящие могут полистать того же Гальдера, чтобы понять, как мало могли немцы бросить в бой за два месяца до намеченного дня. А ведь требовалось еще развернуть штабы, подвести топливо и боеприпасы, наладить связь...

В романе же замысел мерзавца Гитлера срабатывает. Немецкий удар проморгали все разведки мира, включая советскую, британскую и польскую. Что делали в альтернативном мире соответствующие органы, не очень понятно, ибо признаков, по которым можно определить готовность армии вероятного противника к нападению, предостаточно. Разведки мира альтернативно ослепли — и уже через несколько дней немецкие войска ворвались в Варшаву.

...В нашей горькой истории гитлеровские войска сумели взять столицу Польши только через четыре недели — и то благодаря удару советских войск с восто-

ка, сорвавших польское контрнаступление. Слаб, слаб альтернативный поляк пошел!

Что же должен делать Сталин при таком неожиданном повороте событий? Кто не читал роман, ни за что не догадается. Немецкие войска идут на восток, альтернативный Гитлер готовится напасть на СССР (что в реальности ему летом 1939-го и в страшном сне не могло присниться, здесь же фюрер настолько бесстрашен, что решил атаковать ядерную державу!). Сталин же, в неизреченной мудрости своей (альтернативной), решил сбросить Бомбу... на Варшаву.

...Долго я бродил между скал, смысл я в этой шутке искал, но найти его нелегко, слишком круто все, Су-лико!..

3

Большим «развилкам» соответствуют малые. Автор — демиург, ему, конечно, виднее, но все же я никак не могу понять, как первая советская Бомба могла повлиять на:

— То, что Сталина его приближенные почему-то называют по имени-отчеству, а не как в нашей реальности — «товарищ Сталин».

— Уменьшение размеров сталинского секретаря товарища Поскребышева, который был хоть и невысок, но крепок, мордат и плечист, равно как на досрочный арест его жены, случившийся в нашей истории несколькими годами позже.

— Появление странного звания «комбриг госбезопасности» (с. 251).

— Воскрешение доктора Геббельса, погибшего на странице 483 и вновь живехонького на странице 495.

— Досрочное присвоение де Голлю генеральского звания летом 1939 года, досрочное назначение посла Деканозова в Берлин тогда же, равно как досрочное присвоение Герингу звания рейхсмаршала.

— Появление летом 1939 года, еще до начала аль-

тернативной войны с Польшей, таинственного «Совинформбюро», узурпировавшего функции ТАСС,

Неужели и тут Бомба поспособствовала?

И, наконец, та же Бомба явно свела с ума:

1. Альтернативного Лаврентия Павловича Берия, решившего перехватить власть у умирающего Сталина в июле 1939 года. Реальный Берия в это время только набирал силу и даже не думал тягаться с тем же Молотовым, считавшимся вторым человеком в стране. Альтернативный Берия стал наркомом даже позже, чем в нашей реальности, — весной 1939 года. Крут альтернативный мингрел! За какие-то два месяца подгрел под себя аппарат, почистил его, умудрился запугать все- сильных членов Политбюро, которые (в нашей истории) именно в это время пытались Берия подсадить (тот же Жданов, предложивший Сталину свою кандидатуру вместо Ежова).

2. Альтернативного Рузвельта, отправившего летом 1939 года американские войска вместе с братьями-англичанами атаковать советскую ядерную базу на Северном Урале. И это при том, что Конгресс твердо стоял на позиции нейтралитета, американцы еще не приняли закон о воинской повинности, в армии США было только 400 устаревших танков!.. А если бы СССР в ответ войну объявил? Что ждало бы альтернативного Рузвельта в этом случае? Ведь в 1940 году намечались очередные президентские выборы, положение в экономике США было так себе... Ко всему еще — и повоюем?

4

А вот что приятно читать, так это описание медленной и мучительной смерти Ежова, Сталина и еще нескольких негодяев от лучевой болезни, равно как извлечения агонизирующего Гитлера из-под груды кирпича. Какая жалость, что сквозной герой серии, пан Теодор, в очередной раз сообщает, что все сие химера, этого не могло быть, потому как не могло быть никогда!..

Как знать, может быть, и прав пан поляк и этого не могло быть — никогда? Даже в альтернативной истории?

5

Признаю, признаю — могло! Жанр такой. Но вот зачем Геббельса воскрешать было?

6

...Ах, Алиса, Алиса!

ПЕКИН НА НЕВЕ

Зайчик Х. ван.

Дело жадного варвара / Пер. с кит. Е.И.Худенькова, Э.Выхристюк. — СПб.: Азбука, 2000. — 288 с.

Пекин (Бэйдзин) — по-китайски означает Северная Столица, посему присутствие Пекина на Неве вполне логично, ежели с китайского переводить. Как и многое другое.

1

Невозможно узнать, кто именно скрывается под псевдонимом Хольма ван Зайчика. Даже Вячеслав Михайлович Рыбаков не смог мне этого пояснить. И не важно. Мне, историку, согрела душу возможность проанализировать еще одну «альтернативку», созданную человеком знающим и очень остроумным. Но вынесем пока за скобки юмор вкупе с сатирой и поглядим на Вселенную ван Зайчика всерьез.

Альтернативность в романе появилась в результате обстоятельства сугубо случайного. Хан Сартак, сын Батыя, побратим и союзник Александра Невского, не был отравлен собственным дядей Берке, а прожил долгую и плодотворную жизнь, обеспечив братский союз

между Ордой и Русью. Так возникла федеративная держава Ордусь, сумевшая сохранить или объединить заново все наследие потомков Чингиса, включая Китай. И теперь, в начале века XXI, именно культурная, цивилизованная Ордусь противостоит жадным и отвратительным западным «варварам».

Слышен звон бубенцов издалека — со страниц монографий Льва Гумилева и романов Балашова. И не только оттуда. Однако бог с ней, с идеологией, поглядим на суть.

Насколько была возможна Ордусь? Понять сие помогает сам автор, ибо упоминает некоторые ключевые эпизоды ее истории:

— Разгром польско-литовской армии союзным войском князя Дмитрия и хана Мамай.

— Перенос столицы Ордуси в Казань.

Что мы видим? А видим то, что реальная история не сильно отличалась от альтернативной. Можно понять, что Сартак и его преемники не приняли ислам в качестве государственной религии, поскольку именно религиозный переворот хана Узбека стал основой конфронтации Руси и Орды. В этом случае ислам должен был остаться религией влиятельного меньшинства в Орде, посему не очень понятно такое обилие мусульман на страницах романа. Ведь верхушка Орды до переворота Узбека была языческой и христианской (несториане и православные), а при усилении роли ислама все пошло бы так, как и в нашей реальности. (Кстати, автор мог бы не «спасать» Сартака, логичнее было «спасти» хана Тохту, верного покровителя и друга Руси. А вот после его смерти с приходом Узбека все изменилось.) Следует отметить, что в период «ига» никакой исламизации Руси не наблюдалось и не предпринималось. Единственное исключение (и то после свержения «ига») — создание Касимовского (Городецкого) «царства» вассальных татар. Но это случай, имевший совершенно локальный эффект. В Ордуси,

где русские и татары дружили, исламизация русского улуса была тем менее вероятна.

Так откуда же в русской части Ордуси столько мусульман? Приехали в последние сто лет из-за Волги или из Средней Азии?

Итак, правители Руси (династия Невского) и правители Орды (династия Сартака) обеспечили длительный союз, переросший в татаро-русскую федерацию. Однако в середине XIV века Орда все равно распалась, иначе возникла бы не фигура Мамая, не Чингисида и, в нашей реальности, даже не хана, а темника-узурпатора, который контролировал только правый берег Волги. Более того, распад продолжался, иначе не была бы основана Казань (в нашей реальности — ханом Хаджи-Гиреем, выходцем из Крымского ханства). Можно предположить, что Русь помогла своему союзнику — Казани сплотить распавшиеся улусы и восстановить державу Чингисидов.

Сильно ли это отличается от реальной истории?

Да почти и не отличается. Что такое борьба Москвы с Большой Ордой, Казанью, Астраханью, Крымом и Сибирским ханством? Это была борьба распавшихся улусов Орды за то, кто воссоединит империю Чингисидов. Неудивительно, что в Москве в начале XVI века (впервые — при венчании на княжение Дмитрия Иоанновича, внука Ивана III) возник титул «Царь Православный». Столь привычный нам, он звучал тогда как «Хан Православный», ибо царями именовались владыки библейские, владыки «сказочных» стран (Индии, Китая) — и татарские ханы. Посему ван Зайчику не надо было выдумывать название «Ордусь», ибо «Царство Русское» звучит ничуть не хуже.

В варианте ван Зайчика улусы сплотила не Москва, а Казань вместе с Русью, что позволило сделать это быстрее и ухватить побольше, вплоть до Китая. Ничего принципиально не изменилось, только (почему бы и нет?) очередной Хан Православный перенес одну из своих резиденций из Казани (а не из Москвы) в Алек-

сандрию на Неве (вместо Петербурга), то есть в Пекин на Чухонском заливе.

Отдельное соображение по поводу Александрии. Такое и вправду могло быть, но город около нынешнего Петербурга пытался основать не Александр Невский, а его брат Андрей. Вероятно, в альтернативном варианте Невский, наслав на брата воинство Неврюя, заодно прихватил его город, соответственно переименовав.

В общем, ничего невероятного в «альтернативном» существовании Ордуси нет. Однако русско-татарский симбиоз — только часть замысла, причем не самая главная. Цивилизация Ордуси имеет третью составляющую — китайскую.

2

Китайские реалии Ордуси прописаны подробно и со знанием дела. Неведомый ван Зайчик превосходно владеет материалом, и в этом из коллег-фантастов с ним может сравниться только Вячеслав Михайлович Рыбаков, блестящий китаист, чей труд, посвященный изданию и комментированию уголовного кодекса династии Тан, рекомендовал бы каждому ценителю слова и мысли. Что же касается Ордуси...

Что же касается Ордуси, то китайцы появились там после падения монголо-китайской империи Юань. Наплыв эмигрантов был, судя по всему, колоссальный, поскольку через несколько веков китайское влияние продолжает ощущаться. Для сравнения — в гражданской войне в России участвовало с оружием в руках около четверти миллиона китайцев. Однако ни тогда, ни в последующие годы китайского влияния в стране не чувствовалось. Уже через несколько лет китайцы растворились почти без следа. Видать, крепко прижала династия Мин коллаборационистов в описываемом автором альтернативном варианте! Да и то, скорее

можно было ожидать бегства «юаньцев» в собственно Монголию и Среднюю Азию. Далековато было в те годы до Руси добираться! Единственным фактором, поддерживавшим китайское влияние, могла стать государственная политика Ордуси, строившаяся на китайских стандартах. Судя по всему, так и случилось. В результате уже в начале XXI века в Ордуси отчасти продолжает существовать китайское законодательство, китайский принцип деления общества на ранги, этикет, культура и религия, включая буддийские и конфуцианские храмы. Насколько все сие в пределах вероятности, хотя бы альтернативной?

Сначала о буддизме. Сейчас буддийским храмом в Петербурге никого не удивишь, но это буддизм, так сказать, новейшего розлива, благоприобретенный, дите XX века с его синкретизмом и размыванием границ между цивилизациями. Но вот в прежние века буддизму определенно не везло, он даже не смог удержаться на своей «исторической родине» — Индии, оказавшись вытеснен на задворки тогдашнего культурного мира. Европейские и ближневосточные цивилизации не принимали буддизм напрочь. Император Ашока отправил на Запад тысячи буддийских миссионеров, от деятельности которых не осталось и следа. Если спуститься в самые бездны, то западный тип цивилизации, активный и преобразовательный, опирающийся на материальность мира, созданного богом (Богом, Аллахом, богами), не воспринимал саму философскую основу учения Будды — а в тех условиях и воспринять не мог. В условиях Руси-Ордуси шансов у буддизма не было вообще — либо он быстро выродился бы в нечто совершенно невообразимое. Для сравнения — восточный вариант христианства, давший Египту целые поколения монахов-отшельников (Фиваида), на Руси породил таких деятелей, как Стефан Пермский и Нил Сорский, а монастырская колонизация стала фактором расширения государства. Так что буддийский храм в Александрии должен был вы-

глядеть несколько непривычно, а встреча героя романа с отцом-настоятелем мало бы отличалась от встречи сегодняшнего опера с православным священником. Дух (ментальность, характер) народа всегда оказывается сильнее любых догм, и религии, дабы выжить, вынуждены приспосабливаться. Обратного пока не замечено. Итак, лик буддизма в Ордуси должен иметь славянские скулы и татарский разрез глаз. И все равно, трудно верится, что за несколько веков государственного православия в русской части Ордуси и заметного исламского влияния в татарской буддизм сумел бы «дотянуть» до XX века с его конфессиональными свободами.

Что касаясь чисто китайских традиций, то они тоже бы неузнаваемо изменились. Пример: право на Руси основывалось на византийских законах (Номоканон), но уже через пару веков оно настолько «обрусело», что стало полностью самостоятельным. Едва ли уцелела бы и китайская этика в чистом виде, столь часто смакуемая на страницах романа. Что соответствовало местным традициям (патернализм, уважение к старшим), приобрело бы вполне домотканый вид, а вот от «китайских церемоний» очень быстро не осталось бы и следа. Достаточно вспомнить китайских студентов, обучавшихся в СССР. К пятому курсу из них выветривался не только Конфуций с его восьмью рядами танцоров, но и многие чисто бытовые привычки.

Конечно, «китайщина» нужна автору для антуража, а порою — и для создания юмористического эффекта. Одна сцена питья пива китайской принцессой дорогого стоит! Но... Хотел ли ван Зайчик, не хотел, но общее впечатление от китаизированной Ордуси все же страшноватое. То, что смотрелось бы более чем естественно в книге о Китае, в «альтернативной» Руси-Ордуси выглядит мертвящим и чужеродным. Простой «ордуский мужик» (по выражению героя романа), соблюдающий все тонкости ритуала чужой цивилизации и даже рассуждающий в древнекитайском духе, кажется

чем-то средним между марионеткой и жертвой лоботомии. Трудно сказать, рассчитывал ли живущий в далеком Китае ван Зайчик именно на такой эффект.

3

Век тому назад отцы геополитики пытались понять, что случится, ежели некая держава сумеет овладеть всем «хартлендом» или хотя бы немалой его частью. Под упомянутым «хартлендом» разумелась все та же Евразия, считавшаяся, и вполне справедливо, плацдармом для установления мирового господства. Благодаря советско-китайскому писателю ван Зайчику мы теперь твердо знаем, что будет в этом гипотетическом случае. А будет — Ордусь.

И действительно! Ордусь, насколько можно понять из текста романа, это СССР, Китай, Монголия, часть Индокитая и, вероятно, Иран. Вот он, вожделенный «хартленд»! Ежели исходить из современного положения, население такой сверхдержавы должно быть не менее миллиарда с третью, промышленный потенциал — как минимум второй в мире (Ордусь — космическая держава), о ресурсах и говорить нечего. На самом же деле Ордусь стала бы значительно сильнее, чем простое суммирование вышеупомянутых стран. И вот почему.

Ордусь сложилась, очевидно, не позднее XVII—XVIII веков. В этом случае она неизбежно стала бы гегемоном всего Старого Света. Конечно, и в данном альтернативном варианте возможен рывок стран «первого эшелона» (Великобритании, ее доминионов, Франции, Голландии), захват ими заморских колоний, промышленная революция и распространение идей Просвещения и либерализма.

Но! Но почти наверняка Германские государства так и не смогли объединиться, ибо любая сверхдержава на Востоке не позволила бы сие, если у нее хватило

бы сил. А силы Ордуси по сравнению с реальными возможностями европейских государств в XIX веке должны быть неизмеримо большими. Скорее всего не объединилась бы Италия, кроме того, турецкий фактор играл бы куда меньшую роль, чем в действительности. Значит, история Центральной и Восточной Европы пошла бы совсем другим путем. Почти наверняка не было бы двух мировых войн XX века. В этом случае население только России (если взять прогноз Менделеева столетней давности) было бы под 300 миллионов, не был бы выбит генофонд, искалечена ментальность. То же и с Китаем — никаких маньчжурских завоевателей, секторов раздела, гражданских войн, «культурной революции». Само собой, колониальная экспансия европейских стран в Азии была бы более ограниченной. Едва ли британцам позволили бы завоевать Индию, Цейлон и Бирму, учитывая, что могли, правившие на Индостане, — выходцы из Средней Азии, а значит, Ордусь неизбежно вмешалась бы в ход событий.

Эти скучные размышления необходимы для простой констатации: Ордусь, в том виде, как она представлена на страницах романа, — мировой гегемон. Конечно, возможен вариант, и он просматривается в романе, что «западные варвары» несколько опережают Ордусь в области высоких технологий. Но на пути западного превосходства в этом случае стоял бы мощный барьер — недостаток ресурсов. А западная агрессия в Ордуси маловероятна в силу явного неравенства сил. Остается только удивляться миролюбию потомков Чингисхана, поленившихся присоединить за эти несколько веков оставшиеся огрызки Европы и Азии. Достаточно представить себе, как, скажем, в XVIII веке миллионная (десятимиллионная?) армия переходит ордусско-западноевропейский кордон. Какой бы Евгений Савойский этому помешал? Случай с Японией еще более удивителен. В позднее Средневековье японские князья сделали прибрежное пиратство в

водах Кореи и Китая национальным видом спорта. Долго бы Ордусь сие терпела? Достаточно построить пару сотен корейских «черепак» — и «божественный ветер» мог бы отдыхать несколько столетий.

Однако, судя по тексту романа, западноевропейские государства (и Запад в целом) существуют вполне на равных с Ордусью. Такое возможно только в одном случае: континентальной Ордуси, «хартленду», противостоит могучий «римленд», морская сверхдержава, остановившая экспансию Ордуси в Европе и не пускающая ее в океаны. Место такой державы — конечно же, Американский континент. Итак, в романе ван Зайчика представлена классическая геополитическая модель — рыхловатый традиционалистский «хартленд» против высокотехнологического «римленда».

Именно в этом контексте следует рассматривать образ Жадного Варвара, в честь которого и назван роман.

4

Альтернативность в развитии отношений Ордусь — Западная Европа следует отсчитывать где-то с конца XV века, не раньше. В романе упомянута Казань, значит, в XV веке все еще было как и в реальной истории — распад Золотой Орды, грызня улусов за право вновь объединить наследство Чингиза. Допустим, Русь и Казань сумели договориться как раз в конце этого века. Еще лет пятьдесят (сто?) ушло на воссоединение и присоединение улусов. Значит, в Европе все шло своим путем за единым исключением: турецкая угроза была заметно меньше, ибо где-то с XVI века над Османской Портой с севера и востока стала нависать объединенная Ордусь.

Таким образом, Колумбу пришлось открывать Америку, а Васко да Гаме — путь в Индию. Начали расти первые колониальные империи, Лютер провозгласил Реформацию, молодая и хищная Британия сце-

пилась с победоносной Испанией, а на Балтике началась эпоха шведской гегемонии.

Но! Но даже в этой знакомой картине есть некий новый нюанс. Следует вспомнить, что северо-восточная Русь вошла в состав объединенной Ордуси уже со сложившимся историческим багажом. Весомая часть этого багажа (обратного в романе не сказано) — идея господства над ВСЕЙ Русью. В нашей реальности сие впервые провозгласил Симеон Гордый. Едва ли его аналог в альтернативном варианте провозгласил бы нечто иное. Между прочим, один из возможных стимулов вхождения в Орду — желание реализовать эту задачу. Братство — братством, Яса — Ясой, а реальная политика никуда не девается. Следует также вспомнить, что в романе всячески подчеркивается уважение центральной власти Ордуси к правам и потребностям улусов. А разве присоединение Смоленска и Киева — не менее важная задача, чем возвращение похищенного креста с чьим-то вмонтированным зубом?

Итак, с XVI века объединенная Ордуся и ее русский улус неизбежно сталкиваются с государствами Центральной Европы — прежде всего с Литвой. Великое княжество в эти годы сцепилось с Портой. Остальное понятно — с целью защиты православного населения Литвы от посягательств захватчиков-турок начинается присоединение наследия Киевской Руси. Никакое миролюбие, даже по-китайски, этот процесс бы не остановило, хотя бы потому, что именно в это время все еще сильная украинская и белорусская знать, особенно первая, искала защитника от тех же турок. В реальной истории Москва была слишком далеко и сил у нее не хватало. А вот для могучей Ордуси эта задача была вполне по силам. И по потребностям — ибо Ордуся имела свои интересы в Иране, значит, эвентуальный конфликт с Турцией был уже наличо.

Результат: Литва быстро теряет русские земли. Возможно, часть из них на какое-то время отходит к Турции (поделили?), отсюда и гипотетические мусульмане

в Украине. Но поглощение Литвы сталкивает Орду с Польшей. Вот тут возможна и временная остановка где-то на линии Керзона, ибо Орда на некоторое время могла быть и не до «латинов», хотя скорее всего Польше тоже пришлось бы туго. Но в любом случае ситуация уже изменилась: Речь Посполитая не возникла, и гегемоном в Центральной Европе стала Орда. Значит, именно она взяла бы под покровительство распадавшийся Ливонский орден, чем вступила бы в конфликт со Швецией и Данией. Вариант — Ливония Орду прохлопала, значит, конфликт стал бы еще более острым.

В Тридцатилетней войне Орда едва ли участвовала, но само ее присутствие в Европе сделало бы эту войну не такой ожесточенной. Разве позволила бы великая держава всяким варварам резвиться возле ее границ? Но и в этом случае Орда получила бы усиление своего балтийского врага — Швеции. И даже если бы Швецию в этом варианте истории придавили, то за гегемонию на море стала бы воевать Дания.

Вывод: конфликт конца XVII — начала XVIII века на Балтике был бы неизбежен. Разве русский улус позволил бы, чтобы Александрия на Неве стояла на шведском (датском) озере? Значит, Северная война (войны) все равно бы состоялась. А в этом случае Орда вынуждена была бы налаживать отношения с «морскими державами» — Англией и Голландией. Все! Орда в «европейском концерте» — и прощай, изоляционизм. Попав в Прибалтику, Орда пришлось бы заняться германскими и польскими делами — и все пошло бы, как при Романовых, только Орда вела бы себя куда более уверенно, о чем уже говорилось выше.

А между тем китайско-русско-татарские сборщики ясака уже идут сквозь Сибирь к Тихому океану. Ледокольные джонки пристают к берегам Аляски, а чуть позже — Калифорнии. Возникает Ордуская Америка...

...В реальной истории китайские джонки чуток по-

раньше достигали Африки, так что и сие вполне возможно.

Таким образом, мир к моменту появления США несколько бы отличался от реального. Британия была бы слабее, ибо на Индостане удержаться бы ей не удалось. А вот у США появились бы неплохие шансы. Британия слабее — значит, наглые янки вполне могли бы достаточно быстро присоединить Канаду и всю Мексику. А чуть дальше — почти беззащитная Латинская Америка...

Интересно, что вышло бы в этой реальности у Наполеона? Как бы Британскому Льву туго не пришлось! Но будем считать, что благотворное влияние Ордуса сказалось и тут. Злодеям-якобинцам разъяснили, что претензии на восемь рядов танцоров — это нарушение равновесия между Небом и Землей, Робеспьер заключил с соседями мир, а Буонапарте с горя завербовался в турецкую армию и стал беем Египта.

Итак, уже в середине XIX века мы видим могучую Ордусь в известных уже границах (по линии Керзона), служащую гарантом для соседей (Польши, если та все же уцелела, и Германских государств). Возможен вялотекущий конфликт на Балканах и Дунае с Австрией и Турцией, но не чрезмерный — из-за миролюбивой политики Ханбалыка. А вот за океаном растет ССША (Сверх-Соединенные Штаты Америки). Между прочим, ССША имеют явный рабовладельческий крен, ибо теперь южных штатов больше и они сильнее. Впрочем, это не мешает промышленному развитию. Напротив, эмиграция из Европы теперь даже больше, чем в нашем варианте, ибо у Британии, да и у прочих, куда более скудный колониальный ресурс, а тут такие возможности — рынок всей Америки! сырье! смуглянки-мексиканки!

Значит, где-то в 40-е годы XIX века (а то и чуток раньше) наглые янки, выбравшись к Тихому океану, с интересом увидели горизонт, полный линейных джонков и паровых кобуксонов, — и семихвостый бунчук

над фортом Свято-Голливудск. И вот именно тогда предок Жадного Варвара достал «кольт» первой модели и задумчиво почесал стволом лысину на затылке. «Бойз! — сказал он. — Ай си, зэт эти наглые рашен-китаеза не уважайт наш амэрикэн учреждения!»

...Через десять лет военный бюджет ССША увеличился в десять раз. В 1853 году Белый Флот ССША совершил первое демонстративное плавание к берегам Калифорнии. А в Европе американская дипломатия начала пробный демарш по поводу защиты Турции от ордуcской экспансии...

5

Осень 1860 года выдалась в ССША бурной и одновременно тоскливой. Уже было ясно, что на выборах победит выскочка и парвеню из республиканской партии Авраам Линкольн. Не дожидаясь его победы, представители южан (Южной Каролины, Миссисипи, Флориды, Алабамы, а также свободной территории Мексика и Гватемала) приняли решение о немедленной сецессии и образовании Конфедерации Южных Штатов. На фоне этой угрозы стали высовывать головы всяческие авантюристы, обещавшие примирить всех и вся в обмен на кресло в Овальном кабинете. Некий Мак-Клелан, офицер-неудачник, зато горластый демагог, выступил с широковещательной программой под названием «Вирджинский компромисс». Суть ее состояла в том, что Север в обмен на неприкосновенность рабства на Юге получает полную свободу для экономической экспансии и кредиты для развития мореплавания и активной внешней политики на Тихом и Атлантическом океанах с перспективной целью — открыть порты Ордуси для американской торговли. Южные же штаты согласятся В ПРИНЦИПЕ отменить рабство на протяжении следующих 50 лет. Идея понравилась, зато не понравился сам Мак-Кле-

нами, неоднократно поднимало вопрос о «правах человека» в Ордуси. В ответ из Ханбалыка приходил запрос, о каком именно человеке идет речь, с тем чтобы выделить оному страдальцу соответствующее количество метров бумажных денег. Нарываясь на скандал, масоны уговорили Нобелевский комитет наградить премией Мира далай-ламу, на что последовал ответ, что оный далай-лама достаточно обеспечен и не нуждается в столь мелочных подачках.

Истинным шоком стали для Запада первые полеты в космос, осуществленные Ордусью с космодрома Челкель в Западном Китае. По миру тут же прошел анекдот, что первый спутник, названный «Величайший Поход», был запущен с помощью гигантской рогатки. Но затем последовал пилотируемый полет, и Объединенные Нации прикусили языки. На тайном совещании Всемирной Масонерии была принята новая стратегия, названная «Филипп». Имелся в виду Филипп Македонский, когда-то заявивший, что осел, груженный золотом, возьмет любой город. Через некоторое время президент США Джон Кеннеди предложил Ордуси программу «Великое партнерство». Ордуси обещали кредиты и высокие технологии в обмен на «открытость» в гуманитарных вопросах. Среди тех, кто был готов вложить немалые деньги в развитие обрабатывающей промышленности Ордуси, был известный строитель финансовых пирамид, глава концерна «ННН» Хаммер Цорес-старший. Его сын, балбес и любитель бейсбола, Хаммер Цорес-младший, съездив с ознакомительным визитом в Ордусь, вернулся с неожиданной складкой на лбу и заявил отцу: «Пап! Дело есть вери трудный, но баксы стронге, чем их Конфуций. Ай не буду эм, иф зэт рашен-китаеза не продадут мне в конце концов все, даже свою Декларашен оф Независимость! Вот тогда мэй и посылать наш нэви котик ту ихняя Александрия-сити». «Зей не иметь Декларашен, май фулиш выродок-сан! — отвечивал отец. — Но синк вери хороший». Он закинул ноги в

грязных ковоойских сапогах на стол, достал из-под пельницы секретный альбом, присланный из Лэнгли, открыл на нужной странице: «Лук, кид! Это есть ихний конститушен, нэймд Яса...»

6

Конечно, истинная история Мира Ордуси могла быть немного иной — или даже очень иной. Однако очевиден результат. Поединок между «варварским» миром Запада и традиционалистской Ордусью в разгаре. Каков же его промежуточный итог, ежели судить по первому роману цикла?

Итог этот неоднозначен. С точки зрения Ордуси Запад в лице Жадного Варвара потерпел поражение, ибо молитва главы государства, поддержанная народной волей (хорошо, что не «Народной Волей»!), способна разорить посягнувшего на «Ясу» «миллионщика». Оставшийся без своих концессий Варвар отправится в ночлежку, а «Яса», купленная на «Сотби», вернется куда следует, чем уравновесится наконец Небо и Земля. Но это, конечно, с точки зрения Ордуси.

Вот тут и проходит грань между западным и восточным пониманием — и жизни, и политики. Ибо Запад тоже вправе считать, что одержана серьезная победа — даже две.

Прежде всего Всемирная Масонерия убедилась, что в Ордуси есть те, кто способен продать национальное достояние за пригоршню долларов. Пусть сегодня это «всего лишь» старый свиток. Хотя как сказать, современные американцы, при всем их цинизме, сошли бы с ума, узнай, что кто-то и в самом деле пустил налево подлинник Декларации независимости или отправил в цветной лом Колокол Свободы. Для того чтобы взять крепость, необязательно подкупать весь гарнизон, достаточно перевербовать караульщика у ворот. Первая стадия операции «Филипп» показала: много-

летнее сотрудничество Запада и Ордуси привело к тому, что такие люди в стране ордусской ЕСТЬ.

Интересно, когда из генштаба Ордуси исчезнет мобилизационный план, его тоже станут выкупать на аукционе?

Конечно, такие низкие рассуждения большей части высокоморальных и высокоинтеллектуальных ордусцев неинтересны. Вероятно, и самому ван Зайчику они приходили в голову разве что случайно. Но в том-то и сила Запада! Лет сто назад во время Боксерской войны реальные китайцы презрительно косились на «заморских чертей», не понимающих истинной гармонии, — а те выкатывали пулеметы «максим» и прочищали себе дорогу во всякие Запретные Города. Своеобразным символом столкновения мудрствующих и действующих были часто повторявшиеся эпизоды: учителя китайских школ, столетиями оттачивавших в своих Шаолинях приемы истинной борьбы (левая пятка, параллельная земле, обозначает пятый ярус Небесного Совершенства...), возглавляли атаки на цепи «варваров», вооруженных винтовками Мосина и Нагана, а те спокойно передергивали затворы.

Впрочем, будем надеяться, что компетентные органы Ордуси изучали не только Конфуция, а посему извлекли нужный урок из случившегося. Но есть второй аспект, непонятный не только ордусскому императору, но и, возможно, тибетскому мечтателю ван Зайчику.

Император Ордуси победил Варвара истинно повосточному, применив принцип дзюдо — поддаться, чтобы распрямиться с тройной силой. Но в том-то и дело, что «заморские черти» уже много веков живут в мире совершенно иных традиций. Одну из таких традиций сформулировал еще Людовик XIII: «Король не занимается интригами». Глава «варварского» государства НЕ МОЖЕТ поступить по-ордусски, ибо потеряет лицо. Представим, что английская королева узнала, что банда «новых русских» (украинцев, бурятов) желает прикупить подлинник Великой Хартии. Согласи-

лась бы она временно уступить пергамент, чтобы в последующем наказать злодеев? Поддержали бы ее гордые британцы?

Итак, с точки зрения Запада Ордушь показала свою СЛАБОСТЬ. Вот если отставного бейсболиста Цореса кинули бы в бочку с голодными крысами!.. Взгляд, конечно, очень варварский, но что поделать? Запад есть Запад, Восток есть Восток, и не встретиться им никогда. А если уж встретятся, то «варварский» активизм, как правило, всегда оказывается сильнее восточной мудрости.

Сильнее — не значит лучше. Сильнее — не значит мудрее. Сильнее — не значит справедливее. Но — сильнее!

Что ж, впереди новые книги про загадочный мир Ордуси. Герои будут попивать люй-чай и восхищаться прекрасными, словно цветок лотоса, принцессами, ощущая собственное совершенство на фоне гнусного, растленного, бездуховного Запада. Их право, конечно. А между тем растленные и бездуховные переходят к следующему этапу операции «Филипп».

...Прекрасная шпионка под видом исследовательницы приезжает в Ордушь и быстро, легким касанием, становится своей в семье одного из ответственных работников органов внутренних дел. Он бы, конечно, не прохлопал ушами, но в эти дни луна была в полнолунии, а значит, следовало сосредоточиться, сесть на берегу ночного пруда, прочесть стихи Ду Фу...

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗВЕЗДЬЕ ПСА. <i>Роман</i>	5
КТО В ГЕТТО ЖИВЕТ? (О фантастике и фантастах).	
<i>Статьи и рецензии</i>	363

Литературно-художественное издание

Андрей Валентинов
СОЗВЕЗДЬЕ ПСА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Г. Гагарина*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.11.2001.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 4637.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.

т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладужской». Тел.: 267-03-01(02)

Москва, ул. Ладужская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
присланных диапозитивов в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы БЕСПЛАТНО получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

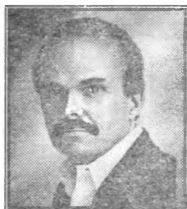
Телефон "горячей линии" **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Дина КУНЦА

**В СЕРИИ
«ПОЧЕРК МАСТЕРА»**

**Старые призраки не уходят
насовсем – они просто кружат
где-то неподалеку...**

Дин Кунц – не только кропотливый исследователь самых темных уголков нашего сознания, но и подлинный мастер слова. Он прибавляет от книги к книге, и с искусством музыканта-виртуоза берedit самые глубинные струны человеческой души, закручивая тонкую интригу на насыщенном мистическими красками фоне. Ясновидящие, экстрасенсы и пророки, люди с паранормальными способностями, таинственные ритуалы вуду – неизменные атрибуты захватывающих романов короля ужасов, потеснившего на этом троне даже великого Стивена Кинга.

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ОСЕНИ'2001:

«Черные реки сердца»

«Сошествие тьмы»

«Слуги сумерек»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Дика ФРЭНСИСА

В СЕРИИ

«ПОЧЕРК МАСТЕРА»

Дик Фрэнсис в прошлом – профессиональный жокей. Ипподром – обычное место действия в его романах. Здесь плетут интриги вокруг ставок на бегах, породистых скакунов, возвращаются большие деньги.

Получите удовольствие от ярких характеров, волнующих сюжетов и неожиданных развязок в детективах истинного мастера!

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ОСЕНИ'2001:

«Осколки»

«В мышеловке»

«Сокрушительный удар»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ISBN 5-04-008824-8

9 785040 088249 >